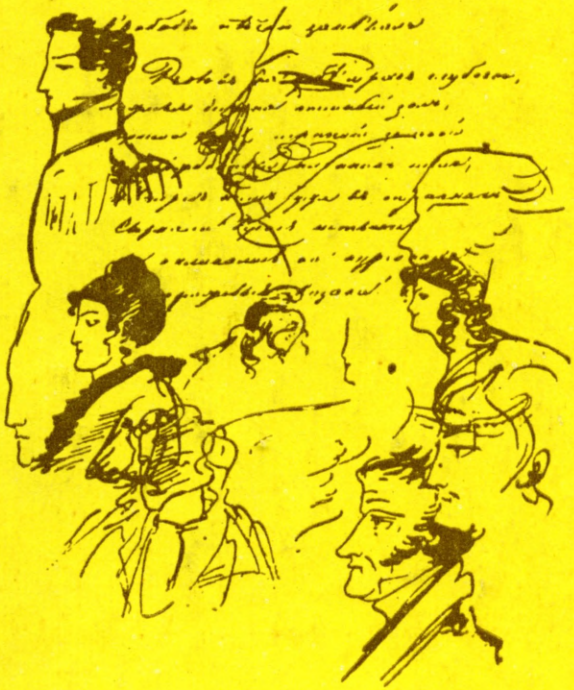
ПУШКИН В МОЛДАВИИ

Б. Трубецкой

ПУШКИН В МОЛДАВИИ



Б. Трубецкой

ПУШКИН В МОЛДАВИИ

Издание четвертое,
исправленное и дополненное

Издательство «Картя Молдовеняскэ»
Кишинев * 1976

Пушкинский кабинет ИРЛИ

8Р1
Т77

В книге описывается один из самых ярких и значительных периодов в жизни Пушкина — 1820—1823 гг.

В Молдавии, где поэт находился в эти годы, он общался с декабристами, членами Южного тайного общества, с деятелями греческого национально-освободительного движения, был членом кишиневской масонской ложи «Овидий». Поэт интересовался жизнью, бытом, культурой молдавского народа, был дружен с молдавскими писателями, изучал историю борьбы молдавского народа с угнетателями, молдавский фольклор.

Обо всем этом рассказывается в настоящей книге.

Автор—доктор филологических наук, профессор — использует не известные ранее местные архивные и фактические материалы, включает новые, углубленные исследования. В книге дана библиография к теме «Пушкин в Молдавии».

© Издательство «Картя Молдовеняскэ», 1976

Т $\frac{70202-121}{М751(12)-76}$ 243—76

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Жене и другу
Ирине Григорьевне Трубецкой
посвящаю.

Автор.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Пушкин принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества. Каждая эпоха произносит о них свое суждение, и как бы ни верно поняла она их, но всегда оставит следующей за нею эпохе сказать что-нибудь новое и более верное, и ни одна и никогда не выскажет всего...»

(*В. Г. Белинский*, «Русская литература в 1841 году»).

ИЗ ИСТОРИИ «МОЛДАВСКОЙ ПУШКИНИАНЫ»

В истории духовного развития народов появляются иногда гении, которые представляют собой наиболее полное и яркое выражение своей эпохи, дум и чувств своих современников. Силой своего духа, художественного гения они оказывают решающее влияние не только на современников, но и на умы последующих поколений, предопределяют пути развития подлинного искусства, искусства бесстрашной и беспощадной правды, ярких характеров, судеб и дум человеческих, высокой гуманности и художественного совершенства.

Таким русским гением, не только национального, но и всемирного значения, является Пушкин — «величайшая гордость наша и самое полное выражение духовных сил России» (М. Горький). Поэтому так важно изучение творчества Пушкина в деле освоения культурного наследия прошлого, в деле развития советской многонациональной культуры и, в первую очередь, национальных языков и литератур нашей Родины. Поэтому, естественно, все более возрастают роль и значение пушкиноведения как науки, ставящей своей главнейшей целью — глубокое и всестороннее изучение творчества великого русского поэта в тесной связи с насущными задачами социалистического культурного строительства. И теперь пушкиноведение из дела ученых-одиночек (каким оно было до Великой Октябрьской социалистической революции) превратилось в дело общегосударственного значения.

Советское пушкиноведение проделало уже немалую

Пушкинский кабинет ИРЛИ

работу. Однако перед ним по-прежнему стоит задача дальнейшего углубленного изучения жизненной и творческой биографии поэта, в которых имеется еще немало слабо изученных сторон. Среди них можно назвать и период пребывания А. С. Пушкина в Молдавии.

А жизнь А. С. Пушкина в Молдавии является одной из замечательных страниц в биографии великого русского поэта и дает чрезвычайно много для уяснения его творческого пути. Здесь, в Молдавии, Пушкин проявлял наибольшую политическую активность, здесь зрел его могучий, самобытный гений. Это было время наиболее сильного влияния на Пушкина самых крайних декабристских революционно-освободительных идей, период политического возмужания великого русского поэта-гражданина. Это было время создания политически острых (что, к сожалению, не до конца раскрыто и оценено до сих пор) социально-обличительных произведений, оказавших наибольшее влияние на формирование мировоззрения передовых кругов русского общества.

Вся творческая деятельность Пушкина в этот период проходила под знаком прогрессивного романтизма. **В то же время кишиневский период характеризуется переходом Пушкина в творчестве от романтизма к критическому реализму,** становлением самобытности, развитием художественного совершенства, мастерства, словом, созреванием творческого гения великого русского поэта. Это в какой-то мере было верно определено еще Я. Гротом, который писал: «На кишиневский период жизни Пушкина должно смотреть как на серьезную подготовительную школу для дальнейшей разраставшейся в ширину и глубину деятельности его могучего таланта»[1]. И кишиневский период был для Пушкина действительно временем напряженных творческих исканий.

Все это говорит о том, что изучение жизни и творчества Пушкина в Молдавии имеет важное значение в деле исследования и уяснения развития творчества поэта в целом.

К сожалению, как уже было сказано, жизнь и творческая деятельность Пушкина в Молдавии изучены еще

---

[1] *Я. Грот.* Первенцы лицея и его предания. «Складчина», Литературный сборник. СПб., 1874, стр. 376.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

недостаточно и требуют подлинно глубокого и научного исследования (в первую очередь, силами работников науки и литературы Молдавии), свободного от тех вульгарно-биографических искажений, которые имели место в значительном количестве работ, посвященных этой теме и написанных в дореволюционное время, или вышедших в оккупированной румынскими боярами Бессарабии.

В дореволюционное время, когда Молдавия входила в состав России, пушкиноведение находилось на низкой ступени своего развития и поэтому не могло как следует изучить период пребывания Пушкина в Молдавии. Позднее правобережная Молдавия находилась под властью румынских бояр (1918—1940 гг.), а затем румыно-немецких оккупантов (1941—1944 гг.). И только теперь, в послевоенные годы, у нас созданы условия для изучения кишиневского периода жизни и творчества великого русского поэта.

Эта книга как бы продолжает всестороннюю научно-исследовательскую работу над темой, включающей в себя массу проблем, работу, которая уже проводится и, несомненно, будет проводиться в еще больших масштабах деятелями науки, литературы и искусства Молдавской ССР.

Безусловно, при изучении темы «Пушкин в Молдавии» советские исследователи опираются на критическое использование всей «пушкинианы» по этой теме, включающей литературоведческие, биографические и мемуарные материалы. Но нас в первую очередь интересует «молдавская пушкиниана», кстати, менее исследованная.

Первым по времени сообщением в печати о Пушкине в Молдавии являются опубликованные В. П. Горчаковым, кишиневским приятелем Пушкина, в 1850 г. в журнале «Москвитянин» №№ 2, 3 и 7 «Выдержки из Дневника об А. С. Пушкине». Следующим по времени сообщением была статья К. Л. Зеленецкого «Сведения о пребывании А. С. Пушкина в Кишиневе и Одессе», опубликованная в журнале «Москвитянин» за 1854 г., № 9. Статья эта, содержащая отрывочные и второстепенные сведения о пребывании Пушкина в Молдавии, менее значительна по содержанию, чем воспоминания В. П. Горчакова.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Первой значительной научно-биографической работой о кишиневском периоде жизни и творчества Пушкина является биография Пушкина, написанная П. В. Анненковым и опубликованная им в 1855 г. в I томе собрания сочинений поэта под заголовком «Материалы для биографии А. С. Пушкина» (переизданы отдельным выпуском в 1873 г.). Правда, еще до Анненкова было опубликовано два самых ранних кратких биографических очерка о Пушкине: П. А. Плетнева и Д. Н. Бантыш-Каменского[1]. Однако как о жизни и творчестве Пушкина вообще, так и, в частности, о кишиневском периоде в них сказано бегло, поверхностно. И поэтому, естественно, мы не можем включать их в научный оборот.

«Материалы для биографии А. С. Пушкина» П. В. Анненкова, как и его последующая работа «Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху, 1799—1826 гг.», опубликованная в 1874 г., содержат материалы, которые по научной ценности своей сохраняют значение и до сего времени. Однако в целом либерал Анненков старается по возможности устранить все, что обличает близость Пушкина к декабризму и атеизму, а приводя отдельные факты, свидетельствующие об этом, характеризует кишиневский период как историю заблуждений и систему крайнего отрицания и кощунства.

Следующей значительной работой о жизни и творчестве Пушкина в Молдавии являются опубликованные в 1861 г. П. И. Бартеневым «Материалы для биографии А. С. Пушкина» под общим заголовком «Пушкин в южной России». Эти материалы были опубликованы: 1) «Русская речь и Московский вестник», 1861 г., №85—104, 2) Отдельный оттиск, 1862 г., 3) «Русский Архив» за 1866 г., № 8—9, стб. 1089—1214 и 4) «Пушкин в южной России». М., 1914 г.

П. И. Бартенев является одним из первых самых ревностных и добросовестных собирателей и научных публикаторов материалов о Пушкине. Выдающийся основатель советского пушкиноведения Б. Л. Модзалевский писал: «...его (Бартенева) заслуги в области

[1] *П. А. Плетнев.* Александр Сергеевич Пушкин. «Современник», 1838, т. X; *Д. Н. Бантыш-Каменский.* Словарь достопамятных людей. СПб., 1847, ч. II.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

пушкиноведения весьма значительны: его, собственно говоря, следует считать главой *научного* пушкиноведения, основателем «науки о Пушкине»[1].

В опубликованной работе «Пушкин в южной России» было допущено много ошибок, сообщены неверные факты, что вызвало критические замечания знакомого Пушкина по Кишиневу И. П. Липранди. Но, опровергая и поправляя Бартенева, Липранди одновременно сообщил обильное количество разных фактов из кишиневской жизни 20-х гг. XIX в. Так появились дневниковые записи воспоминаний И. П. Липранди, сделанные им в форме возражений и замечаний на статью Бартенева. В части, касающейся жизни и быта Кишинева, кишиневского периода жизни Пушкина, воспоминания И. П. Липранди представляют неоценимо важный материал[2].

Из мемуарной литературы по значительности и правдивости сообщаемых о Пушкине сведений кишиневского периода жизни необходимо еще назвать воспоминания А. Ф. Вельтмана, дневники П. И. Долгорукова, Ф. Н. Лугинина и, в какой то мере, воспоминания Ф. Ф. Вигеля (см. библиографию в конце книги).

Много полезных сведений дают соответствующие страницы книги Н. Лернера «Труды и дни Пушкина» (второе издание), СПб., 1910 г.

Работа А. Яцимирского «Пушкин в Бессарабии (20 сентября 1820 года— 2 июля 1823 года)», опубликованная во втором томе собрания сочинений Пушкина под редакцией С. А. Венгерова в 1908 г., как бы подводит итог, обобщает то, что было сделано для изучения темы «Пушкин в Молдавии» в дореволюционное время. Однако недостатком этой работы, как и всех дореволюционных работ на эту тему, является узкобиографический и этнографический характер описания жизни и творчества Пушкина в Молдавии.

В советское время в ряде работ выдающихся советских пушкиноведов нашли свое освещение жизнь и творчество Пушкина в Молдавии. В капитальном тру-

---

[1] *Б. Л. Модзалевский.* Работы П. В. Анненкова о Пушкине. В кн.: «Пушкин». Л., «Прибой», 1929, стр. 278.

[2] *И. П. Липранди.* Из дневника и воспоминаний. «Русский Архив», 1866, № 8—9. СПб., стб. 1213—1284 и № 10, стб. 1393—1491.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

де М. А. Цявловского, завершаемого Т. Г. Цявловской, «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина», т. 1, М., 1951 г., на страницах 244—425 подробно прослежены день за днем жизнь и творческая деятельность Пушкина в Молдавии. По обилию и научной ценности, достоверности приводимого материала эта работа является первостепенным и неоценимо важным справочным пособием при изучении кишиневского периода жизни и творчества Пушкина. Много полезных сведений дают соответствующие главы из историко-биографических работ о Пушкине Н. Л. Бродского, Л. П. Гроссмана, Б. С. Мейлаха и других пушкиноведов. Значительным вкладом в изучение творчества Пушкина в Молдавии являются соответствующие главы книг «Пушкин» Б. В. Томашевского, изд. 1956 и 1961 г. и «Творческий путь Пушкина (1813—1825)» Д. Д. Благого, 1950 и 1967 г. Большое количество работ, связанных с открытием и публикацией новых произведений Пушкина кишиневского периода, принадлежит перу Б. В. Томашевского: 1) План и черновой набросок поэмы о гетеристах, 2) «Чиновник и поэт», 3) «Незавершенные кишиневские замыслы Пушкина» и др. Жизни и творчеству Пушкина в Молдавии посвятили свои исследования и другие пушкиноведы страны: Т. Г. Цявловская, С. Я. Гессен, Б. П. Городецкий, С. М. Бонди, Н. В. Измайлов, С. М. Петров, И. Сергиевский, В. Закруткин и другие.

Значительную работу проводят и пушкиноведы Молдавии. Но прежде чем говорить о работах молдавских советских пушкиноведов, интересно проследить, как освещалась и изучалась тема «Пушкин в Молдавии» в прошлом и остановиться на кратком обзоре «молдавской пушкинианы».

В 1862 г. в «Бессарабских областных ведомостях» № 2 на стр. 7 была опубликована анонимным автором, скрывшимся за инициалами К. Х.[1], статья очеркового характера «Кирджали», пересказывающая, ставшие впоследствии общеизвестными, сведения о гетеристе Кирджали, о его побеге, поимке и казни. Здесь же

[1] К. В. Ханацкий — редактор «Бессарабских областных (губернских с 1873 г.) ведомостей», автор статей «Пушкин в Кишиневе» и «По городам и весям Бессарабии», опубликованных в «Новороссийском телеграфе» в мае 1899 г.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

указывается на то, что Кирджали описан Пушкиным в его повести 1834 года «Кирджали». **Эта статья 1862 г. и была первым по времени упоминанием,** хотя и в косвенной форме, **о Пушкине** вообще и о жизни и творчестве его в Молдавии в частности, которое появилось **в русской печати Бессарабии XIX в.**

Сведения о кишиневском периоде жизни Пушкина в русской столичной печати появились ранее — в 50-х гг. XIX в., а именно тогда, когда (как указывалось выше) В. П. Горчаков опубликовал в 1850 г. в журнале «Москвитянин» свои «Выдержки из дневника об А. С. Пушкине». К сожалению, вскоре после этих правдивых воспоминаний о пребывании Пушкина в Молдавии, в «Общезанимательном вестнике» за 1857 г. № 11 появилась статья К. И. Прункула, открывшая собою поток прегнуснейших, наполненных обывательскими, пошлыми сплетнями статеек, извращающих действительное представление о жизни и творческой деятельности поэта (например, пошлейший анекдот о ссоре Пушкина в Кишиневе с чиновником, опубликованный в «Биржевых ведомостях» за 1864 г., № 198, и скарятинской газетенке «Весть» за 1864 г., № 33, и т. п.). Близкий знакомый Пушкина по Кишиневу В. П. Горчаков выступил с опровержением и разоблачением гнусных, клеветнических измышлений К. И. Прункула (статья Горчакова «Воспоминание о Пушкине» в «Московских ведомостях» за 1858 г., № 10), сообщив попутно ряд очень важных, ценных и, главное, наиболее достоверных сведений о жизни и творчестве Пушкина в Молдавии.

Необходимо отметить, что, как бы ни были скудны сведения о Пушкине в печати Бессарабии XIX в., они в большинстве своем отличаются достоверностью, хотя и здесь иногда встречаются описания пошло-обывательского характера.

После упомянутой нами статьи о Кирджали в «Бессарабских областных ведомостях» (1862 г., № 2) появляется следующая по времени статья о Пушкине анонимного автора, скрывшегося за инициалами Г. Г. (Горе)[1]. «Несколько слов о А. С. Пушкине», опубликованная тоже в «Бессарабских областных ведомостях» за

[1] Георгий Спиридонович Горе — редактор (с 1861 г.) «Бессарабских областных ведомостей», автор статей «О молдавских песнях», «О суевериях и предрассудках молдаван» и других.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

1866 г., № 44, стр. 319—320. (Правда, нужно отметить, что и до этого года в «Бессарабских областных ведомостях» появлялись статьи, в которых упоминалось имя Пушкина или имеющие отношение к его творчеству кишиневского периода, как, например, статья Г. Филатова «Очерки Бессарабии. Народная литература у молдаван», опубликованная в №№ 13—16 за 1861 г., или большая статья о цыганах в «Бессарабских областных ведомостях» за 1865 г. в №№ 34—50.)

Указанная выше статья Г. Г. (1866 г.) представляет собой пересказ известной новеллы (точнее, литературного письма) молдавского писателя, современника и знакомого Пушкина К. Негруци «Калипсо», опубликованной в книге К. Негруци «Грехи молодости», изданной в Яссах в 1857 году. И здесь мы хотим отметить следующий, весьма примечательный для биографической литературы о Пушкине факт.

Воспоминания К. Негруци о Пушкине, опубликованные в его новелле «Калипсо» в 1839 г., являются **первыми сообщениями о Пушкине кишиневского периода в молдавской печати XIX в.**

О значении этих воспоминаний К. Негруци говорит хотя бы то количество других переводов и пересказов на русском языке новеллы «Калипсо», которые появились в столичной и одесской печати в XIX в., например, в журнале «Исторический Вестник» за 1884 г., № 2, в газете «Южное обозрение» за 1899 г., № 817 от 23 мая.

Особенно подробно и наиболее полно были переведены письма К. Негруци с обширным комментарием к ним в серии статей, опубликованных А. Мавродиади в «Бессарабских областных ведомостях» за 1869 г. в №№ 96, 97 и 98 под общим заголовком «Черная шаль Пушкина». Статья первая, опубликованная в № 96, озаглавлена: «Несколько слов вместо предисловия». В этой статье автор высказывает сожаление о том, что «...до сих пор наша печать более занималась политическими делами в княжествах, оставляя без внимания литературу, их исторические памятники». И, указывая на необходимость ознакомления читателей, и в первую очередь русских, с творчеством молдавских писателей, автор извещает, что «в одном из ближайших номеров мы представим перевод двух писем румынского писателя Константина Негруци».

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Далее автор статьи высказывает, безусловно ошибочную, мысль о том, что стихотворение Пушкина «Черная шаль» не является переделкой молдавской песни, мотивируя это тем, что, если бы существовала такая народная песня, К. Негруци не стал бы переводить «Черную шаль» Пушкина на молдавский язык. Думается, что в данном случае есть все основания доверять Пушкину, который в подзаголовке печатного текста и в заголовке беловой рукописи стихотворения «Черная шаль» написал: «Молдавская песня». Сообщая русскому читателю об особенностях художественного стиля К. Негруци, автор статьи замечает: «Слог его (К. Негруци) легок; а относительно правописания и языка — он держался середины: из румынской азбуки он изгнал только некоторые, а не все славянские буквы». В конце статьи, излагая содержание книги К. Негруци «Грехи молодости», автор сообщает о помещенных в конце книги «Письмах к другу, носящих фельетонный (т. е. очерковый. — *Б. Т.*) характер». В следующих номерах — 87 и 98 опубликованы эти очерки-письма К. Негруци: «Пещеры монастыря Нямцу» и «Калипсо». В первом рассказывается о судьбе некой девушки, жившей и умершей в монастыре, а во второй — подробности о жизни К. Негруци в Кишиневе, встречах его с Пушкиным и гречанкой эмигранткой Калипсо, о жизни и смерти ее в монастыре Нямцу.

В 1868 г. в «Бессарабских областных ведомостях» № 32 опубликована статья М. З. «Образец делового слога Пушкина» (перепечатана в «Санкт-Петербургских ведомостях» 1868 г., № 228).

Таковы сведения о Пушкине, опубликованные в печати Бессарабии 60-х гг. XIX в.

В русской печати Бессарабии 70—80-х гг. XIX в. мы почти не встречаем работ, посвященных жизни и творчеству Пушкина в Молдавии, что объясняется упадком в целом пушкиноведения в период реакции.

В 80-х гг. появляются краткие сообщения, связанные с открытием в 1885 г. памятника Пушкину в Кишиневе. Отдельным изданием опубликована речь А. Кочубинского «Черты края в произведениях Пушкина», произнесенная в Кишиневе 26 мая 1885 г. на открытии памятника.

Однако в петербургской, московской, киевской и

Пушкинский кабинет ИРЛИ

одесской печати 70—80 гг. появляется некоторое количество статей о Пушкине в Кишиневе, так, например: П. Висковатый «Дом Пушкина в Кишиневе» («Всемирная иллюстрация» за 1887 г.), Н. Гербановский «Новые сведения о пребывании А. С. Пушкина в Бессарабии», («Новороссийский телеграф» за 1879 г.), Игн. Житецкий «Из первых лет жизни Пушкина на юге России» («Киевская старина» за 1869 г.), «К истории ссылки Пушкина в южную Россию» («Русская старина» за 1883 г.) и т. п.

Наибольшее количество материалов о кишиневском периоде жизни и творчества Пушкина появляется в печати Бессарабии в 90-х гг. XIX в. в связи со 100-летием со дня рождения поэта, отмечавшимся в 1899 г. При этом нужно заметить, что значительное количество статей о Пушкине в Молдавии публикуется (и зачастую кишиневскими авторами) в столичной и одесской печати: «Русский Архив», «Русская старина», «Новое время», «Московские ведомости», «Москвитянин», «Одесский листок», «Южное обозрение», «Одесский вестник», «Новороссийский телеграф» и других периодических изданиях.

В печати Бессарабии конца 90-х гг. XIX и начала XX в. появляется также довольно значительное количество материалов, освещающих жизнь и творчество Пушкина в Молдавии. Среди статей, посвященных этой теме в конце 90-х гг. XIX в., можем назвать следующие: «К юбилею Пушкина» (без автора, «Бессарабец», 1898 г. от 5.XI), В. И. Оат «Где жил Пушкин в Кишиневе» («Бессарабец», 1898 г. от 8.XI). В статье «Где жил Пушкин в Кишиневе» автор ее Оат, старожил Кишинева и преподаватель кишиневской гимназии, сообщает сведения о доме И. Н. Наумова, которые он в том же году сообщил в письме к А. Яцимирскому—профессору Петербургского университета и автору известной статьи 1908 г. «Пушкин в Бессарабии». В № 40 газеты «Бессарабец» за 1899 г. опубликована статья И. Халиппы «А. С. Пушкин в Бессарабии. Заметки, воспоминания, документы из эпохи пребывания А. С. Пушкина в Бессарабии», в которой публикуются, наряду с общими сведениями, и новые архивные материалы («Дело о подписке на сочинения А. С. Пушкина»).

В статье «Пушкин в Кишиневе» («Бессарабец» за

Пушкинский кабинет ИРЛИ

1899 г. от 22. V) автор статьи Ян Кобылянский (сын того Кобылянского, о котором упоминал Липранди) сообщает со слов отца ряд сведений о Пушкине. В частности, Кобылянский упоминает о каком-то доме на Золотой (затем — Харлампиевской, а теперь Стефана Великого) улице, где жил будто бы Пушкин после пребывания в доме Инзова. «Покойный отец, — сообщает Кобылянский, — водил меня в этот дом... и рассказывал о скромной обстановке квартиры поэта».

В статье «А. С. Пушкин в Кишиневе» (без автора), опубликованной в газете «Бессарабец» за 1899 г. от 25.V, сообщается о торжественной закладке народной аудитории имени А. С. Пушкина, которая будет построена на средства, добровольно пожертвованные населением Кишинева.

В газете «Бессарабец» за 1899 г. от 30.V опубликована речь Л. И. Миленко, произнесенная им на вечере драматического общества в память А. С. Пушкина.

Наряду с материалами о Пушкине, опубликованными в русской периодической печати Бессарабии конца 90-х гг. XIX в., в это же время в Кишиневе вышли и отдельные печатные издания о жизни и творчестве Пушкина в Молдавии. Из них наиболее значительной является работа И. Халиппы «Город Кишинев времен жизни в нем Александра Сергеевича Пушкина, 1820—1823 гг.», г. Кишинев, 1899 г. (отдельный оттиск из «Трудов Бессарабской губернской ученой архивной комиссии», т. I, Кишинев, 1900 год, стр. 97—163). Маленькая брошюра А. Воскресенского «Пушкин в Бессарабии. По поводу столетия со дня рождения поэта», Кишинев, 1899 г., почти вся посвящена рассказам о встрече Пушкина с цыганским табором на окраине Кишинева. В основе этих рассказов лежат измышления Е. Францевой, опубликовавшей вздорные воспоминания о Пушкине со слов своего отца — Кириенко-Волошинова, сослуживца Пушкина по Кишиневу (см. статью Е. Францевой «А. С. Пушкин в Бессарабии (из семейных преданий)», «Русское обозрение» за 1897 г., №№ 1, 2, и 3). О жизни и творчестве Пушкина в Кишиневе опубликована и справочная статья в «Настольном литературно-экономическом календаре» Британа — «Бессарабия» на 1895 г. (Кишинев, 1894 г., стр. 57—72).

В «молдавской пушкиниане» начала XX в. обра-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

щает на себя внимание появление ряда серьезных, подлинно значительных по содержанию работ. Так, мы можем назвать, например, статьи Н. Лернера, опубликованные в «Бессарабских губернских ведомостях» за 1902 г., «Нечто новое о Пушкине» (в № 88 за 19. IV) и «Еще о «Гавриилиаде» Пушкина» (в № 225 за 15. X).

Интересно отметить, что, упоминая о письме Пушкина, посланном им к царю Николаю I в связи с выяснением, кто был автор «Гавриилиады», Н. Лернер указывает, что «это письмо... сохранилось» (см. «Бессарабские губернские ведомости» за 1902 г. от 19. IV., стр. 2), тогда как во всех современных комментариях говорится о том, что это письмо до нас не дошло. Исходя, видимо, из того, что Лернер, сообщив о наличии письма, не опубликовал его, высказываются мнения, что Лернер ввел читателей в заблуждение. Но, может быть, Лернер не мог опубликовать письмо по цензурным соображениям? Во всяком случае, раз есть сигнал о наличии документа, то нужно искать его в архивах.

Из книг о Пушкине в Молдавии, вышедших в XX в. в Кишиневе, можно указать на сумбурно построенный «Календарь дней Пушкина» Е. Неговского, (в котором, несомненно, есть отдельные интересные материалы), юбилейное издание 1937 года в VI выпусках, Кишинев, 1937 г. (кишиневскому периоду посвящен вып. V, стр. 419—430) и книгу А. Н. Шимановского «Александр Сергеевич Пушкин в Кишиневе в связи с предыдущей и последующей жизнью», Кишинев, 1900 г. Последняя представляет собой популярный рассказ о жизни и творчестве Пушкина в Молдавии, не свободный от вульгарно-обывательского освещения ряда сторон жизни Пушкина. Но в целом, это, пожалуй, единственная более или менее содержательная работа из вышедших в Молдавии в XIX—XX вв. И, наконец, можно указать на компилятивную во многом статью «Кишинев во времена Пушкина», опубликованную в «Юбилейном сборнике Кишинева 1812—1912 гг.», Кишинев, 1914 г., стр. 23—43. О ряде других статей, опубликованных в различных периодических изданиях и сборниках, вышедших в XX в. в Молдавии, говорить нет необходимости из-за их незначительности.

Однако, как свидетельствует краткий обзор «молдавской пушкинианы», мы не можем говорить о нали-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

чии в то время серьезного и планомерного изучения жизни и творчества Пушкина в Молдавии. К тому же освещение этой темы давалось в узкобиографическом, этнографическом плане, вне связи с общественно-политической жизнью молдавского народа 20-х гг. XIX в. Только теперь, в Советской Молдавии, началось по-настоящему серьезное изучение темы «Пушкин в Молдавии». Пушкинская научная комиссия АН МССР объединяет значительную группу молдавских пушкиноведов, выступивших с рядом сообщений, докладов, статей и публикаций новых документов. Среди них академик И. К. Вартичан, Г. Ф. Богач, Г. Н. Оганян, А. Т. Борщ, И. И. Богач, В. М. Гацак, Л. А. Аксенова, Н. Ф. Таточко, С. С. Чиботару, В. П. Коробан, Л. М. Неизвестных, И. А. Сорока, И. С. Василенко и другие. Некоторые пушкиноведы Молдавии выступают с докладами, сообщениями на Всесоюзных пушкинских конференциях в Ленинграде. Часть из этих работ была опубликована во всесоюзной печати. Так, в Трудах третьей Всесоюзной пушкинской конференции (М.—Л., 1953 г.) опубликована работа Г. Ф. Богача «Молдавские предания, записанные Пушкиным». Им же опубликована монография «Пушкин и молдавский фольклор» (Кишинев, 1963 г.). На девяти объединенных конференциях пушкиноведов Кишинева и Одессы, проходивших с 1954 по 1962 год, пушкиноведами Молдавии было сделано более 70 докладов и сообщений, изданы два сборника материалов конференций[1]. Но все это лишь начало развернутой научно-исследовательской работы по изучению темы «Пушкин в Молдавии».

Вся молдавская «пушкиниана» прошлого оказывала и будет оказывать помощь современным пушкиноведам. Однако в дальнейшей работе над темой «Пушкин в Молдавии» необходим тщательный анализ всей предшествующей литературы, критический пересмотр всего, что написано на эту тему, отбор всего положительного, ценного в научном отношении и решительный отказ от псевдонаучного, несущественного. Необходима постановка новых проблем, включение в круг научного ис-

---

[1] См. сб.: «Пушкин на юге. Труды пушкинских конференций Кишинева и Одессы», т. I. Кишинев, 1958, и т. II, 1961 г.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

следования новых материалов. И, наконец, если мы хотим окончательно отказаться от узкобиографического, вульгарного подхода, характерного для дореволюционных работ о жизни и творчестве Пушкина в Молдавии, особенно изданных в Бессарабии,— то тема «Пушкин в Молдавии», жизнь и творческая деятельность его в этот период должны освещаться на широком историко-бытовом фоне, чего, к сожалению, не хватает даже некоторым советским историко-биографическим работам о Пушкине.

Здесь мы хотим остановиться на важной теме — «Пушкин и молдавская литература».

Тема «Пушкин и проблемы, традиции русско-молдавских межнациональных литературных связей» **имеет общеметодологическое, общетеоретическое значение.** Она является главной, ведущей темой в исследовательских работах пушкиноведов Советской Молдавии, в течение многих лет изучающих проблему «Пушкин и молдавская литература».

В Советской Молдавии сложилась своя национальная школа молдавского пушкиноведения, являющаяся составной частью всего советского пушкиноведения. **Эта научно-исследовательская школа** объединяет довольно широкий круг ученых, преподавателей вузов, писателей республики, которые ведут **плодотворное исследование жизни и творчества Пушкина в Молдавии в тесной связи с молдавской литературой, молдавским фольклором, историей и общественной жизнью молдавского народа.**

Это все и предопределяет национальную специфику и своеобразие молдавского пушкиноведения.

В этом заключаются и особенности, и значение молдавского пушкиноведения, исследующего, в первую очередь, проблемы и традиции русско-молдавских литературных взаимоотношений, изучаемых не только в плане историко-литературном, но и в плане отношений с современной молдавской советской литературой, с культурно-общественной жизнью Советской Молдавии.

Как известно, **проблемы литературных взаимосвязей, исследованные и решенные не с позиций буржуазного компаративизма, а с позиций марксистско-ленинской эстетики, литературоведения,** с позиций диалектического понимания взаимоотношений различных наци-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ональных литератур,— исследование этих проблем чрезвычайно важно для раскрытия исторически сложившихся традиций контактов литератур, отражающих исторические связи народов, представляющих эти литературы.

Именно с таких позиций понимаются и исследуются проблемы и традиции русско-молдавских литературных связей в целом, тема «Пушкин и молдавская литература», в частности.

Исследованию проблематики и традиций русско-молдавских литературных связей, как молдавской классической литературы XIX в., так и современной молдавской советской литературы, посвящено, как уже говорилось, немало работ молдавских пушкинистов. Однако, прослеживая историю молдавского пушкиноведения, нельзя будет, подходя к этому самокритично, не отметить тот факт, что **в прошлом в ряде работ молдавских пушкинистов имел место упрощенно-вульгаризаторский подход к исследованию взаимосвязей Пушкина с молдавской классической литературой начала XIX в.** Это находило свое выражение в том, что, во-первых, **взамосвязи усматривались, главным образом, в наличии у молдавских классиков прямых сюжетно-тематических заимствований у Пушкина.**

Можно привести немало примеров, иллюстрирующих эти ошибочные в методологическом отношении, упрощенно-вульгаризаторские в своей сущности истолкования творческого влияния Пушкина на молдавскую классическую литературу.

Так, И. Д. Грекул в своей статье «Пушкин и молдавский писатель Константин Стамати», сопоставляя поэму **К. Стамати «Герой Чубэр Водэ»** с поэмой Пушкина **«Руслан и Людмила»**, пишет: «Пушкинская поэма «Руслан и Людмила» и стаматинская «Герой Чубэр Водэ» близки по своей теме... в названных поэмах **существует и сюжетное сходство. Герой поэмы Стамати — Богдан, подобно герою поэмы Пушкина — Руслану, отправляется на поиски возлюбленной»**[1]. **Здесь, как мы видим, И. Грекул выявляет лишь внешнее, сюжетно-тематическое сходство двух поэм.** В действительности же, как об этом пишут исследователи последних лет, поэма

[1] См. сб.: «Страницы дружбы. Молдавско-русские литературные связи». Кишинев, Госиздат Молдавии, 1958, стр. 63.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Герой Чубэр Водэ» построена на использовании молдавского фольклорного материала и это является ее национальной первоосновой.

Так же преувеличивает этот литературовед влияние Пушкина на Стамати, когда далее пишет, что «Великим Пушкиным был вдохновлен молдавский писатель при создании таких своих произведений как «Драгош», «Тоска по Родине» и другие» (стр. 67). В действительности же, как оказалось, эти произведения построены на творческом использовании не поэмы «Руслан и Людмила», а молдавских сказок и баллад, где изображена борьба молдавских народных героев, богатырей с злыми силами.

Сопоставляя поэму **Стамати «Роман из Вранчи»** с поэмой «Цыганы», И. Грекул вновь устанавливает здесь влияние Пушкина на том лишь основании, что герой поэмы Стамати Роман подобно Алеко находит смысл жизни среди простого народа (пастухов) и гибнет, когда разрывает связи с природой, с простыми людьми. И, наконец, только на том основании, что в поэме **К. Стамати «Гафица, проклятая родителями»** богатый дворянин Янку тайно увозит Гафицу, дочь бедных родителей, делается вывод, что и эта поэма написана под влиянием «Станционного смотрителя» Пушкина.

Подобные схоластические методы исследования молдавско-русских связей, влияния Пушкина на молдавскую литературу мы встречаем в прошлом и у исследователей других молдавских писателей-классиков. Так, например, историческую повесть К. Негруци «Александру Лэпушняну», рассказывающую о господаре-узурпаторе XVI в., некоторые исследователи рассматривают как произведение, созданное под влиянием **трагедии Пушкикина «Борис Годунов», а повесть А. Хаждеу «Домния Арнэутулуй» связывают с влиянием «Полтавы». Все эти выводы делаются только на основе внешних сюжетно-тематических совпадений.** Однако **при исследовании этих произведений не принималось во внимание главное: связи этих произведений с национальной жизнью, с фольклором молдавского народа,** что, в конечном счете, предопределяло идейно-художественное существо и значение произведений молдавских писателей-классиков. **Что же касается влияния Пушкина на этих писателей,**

Пушкинский кабинет ИРЛИ

то оно было намного сложнее, чем просто сюжетно-тематические заимствования.

Конечно, такие заимствования имели место, но они есть лишь отражение простейших форм влияния одной литературы на другую, одного писателя на другого. **Истинные, глубинные формы влияния можно прослеживать в овладении творческим опытом Пушкина, во влиянии его реализма, демократизма, народности на молдавскую литературу.** Но и здесь нельзя преувеличивать роль и значение этого влияния, ибо **нужно всегда знать и помнить, что каждая национальная литература, и в том числе молдавская, развивается под влиянием собственных национальных внутренних законов развития, художественных особенностей. Поэтому Пушкин не прямо влиял на создание в молдавской литературе реализма, демократизма и народности, порожденных в ней общественной жизнью своего народа, а лишь обогащая их своим творческим опытом, способствовал развитию этих внутренне заложенных в молдавской литературе идейно-художественных особенностей.**

В этом отношении совершенно прав молдавский критик В. Коробан, который в своей статье «О литературных влияниях»[1], разоблачая примитивизм и ошибочность упрощенно-вульгаризаторского подхода к исследованию молдавско-русских литературных связей, пишет: «Нужно учитывать, что проблема влияния очень сложна», что «к сожалению, метод исследования влияний на основе простого сходства формы не искоренен еще до конца». В. Коробан справедливо замечает, что нельзя устанавливать литературные влияния только «на основе случайных совпадений сюжета, сцен, композиции, на основе неясных отзвуков общности тематики ... нельзя понятие влияния ограничивать в основном совпадением формы» (стр. 129), что «проблема влияний и подражаний нуждается в изучении, но более серьезном, более глубоком» (стр. 131).

Изучая влияние русской литературы, в частности Пушкина, на молдавскую, В. Коробан справедливо предлагает исследовать национальную сущность, оригинальность, самобытность молдавской классической литературы.

---

[1] *В. Коробан.* О литературных влияниях. «Днестр», 1957, № 8, стр. 128—131.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Так, опровергая положение некоторых молдавских литературоведов о том, что новелла К. Негруци «Александру Лэпушняну» написана под влиянием А. С. Пушкина, В. Гюго, Проспера Мериме, В. Коробан замечает, что К. Негруци «не брал один отрывок из Гюго, другой—из Пушкина, третий—из Мериме, четвертый—из Уреке и, пуская в ход фантазию, не сколачивал из всего этого новеллу». «Негруци углубился в историю своего народа, изучил национальную действительность и лишь после этого, хорошо зная современную ему действительность, создал свое произведение» (стр. 129).

Только так, учитывая, в первую очередь, внутренние законы создания и развития национальной литературы, ее оригинальность и самобытность, можно правильно исследовать молдавскую классическую литературу.

Таким образом, **влияние русской литературы, в том числе Пушкина, не предопределило, а лишь ускорило зарождение и развитие тех идейно-художественных особенностей, тех элементов реализма, демократизма и народности, которые были внутренне заложены в молдавской национальной литературе и сложились под влиянием, в первую очередь, национальной жизни и фольклора молдавского народа.** Именно с этой точки зрения в последнее время и исследуются русско-молдавские литературные связи, литературные связи между Пушкиным и молдавской литературой в современном молдавском литературоведении, в работах молдавских литературоведов И. Вартичана, Г. Богача, В. Коробана, И. Осадченко, К. Поповича и других.

Пушкин, оказывая влияние на молдавскую литературу, в свою очередь и сам испытывал влияние общественно-культурной жизни молдавского народа, его устного творчества. Об этом свидетельствует, в частности, его стихотворение «Черная шаль», написанное в первые же недели по приезде в Кишинев. Стремясь указать, особо подчеркнуть зависимость этого стихотворения от молдавского фольклора, Пушкин при своей жизни публиковал это стихотворение либо с заголовком, либо с подзаголовком «Молдавская песня». На наш взгляд, нужно восстановить этот подзаголовок, в котором Пушкин прямо указывает на взаимосвязь своего стихотворения с молдавским фольклором.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Связи Пушкина с молдавскими писателями XIX в. нашли свое выражение и в том, что ряд молдавских писателей — К. Негруци, К. Стамати и другие стали переводчиками произведений Пушкина на молдавский язык (К. Негруци перевел «Черную шаль» и «Кирджали», К. Стамати — «Кавказский пленник», А. Донич — «Цыганы»).

Так молдавские писатели XIX в. стали первыми популяризаторами пушкинского творчества среди своего народа.

Приобщение к живому роднику пушкинского творчества идейно-художественно обогатило молдавскую классическую литературу. Так, например, М. Эминеску, называя Пушкина «великим другом», пишет в письме к одному знакомому профессору: «Ты не представляешь себе, как восхищает меня лирика Пушкина, искренняя, полная свежести и вдохновения. Я пленен его стихами — этим источником живой воды, благородного мечтания».

Традиции русско-молдавских литературных взаимосвязей, в том числе между Пушкиным и молдавскими писателями-классиками, нашли свое дальнейшее развитие в новых исторических условиях, в молдавской советской литературе. Однако эти взаимосвязи исследованы в нашей молдавской советской пушкиниане слабее, чем взаимоотношения Пушкина с классической молдавской литературой. А здесь есть немало проблем и тем для исследования, особенно когда мы обращаемся к вопросу об использовании творческого опыта Пушкина.

Следуя основным эстетическим принципам реализма, принципам партийности и народности, молдавские писатели, как и русские, не могут не воспринимать и не развивать творческий опыт Пушкина в области создания совершенных в идейно-художественном отношении произведений литературы, в области мастерства и народности литературного языка. Проследить эти глубокие взаимосвязи молдавской советской литературы с творческим опытом Пушкина — это одна из важных проблем молдавского пушкиноведения.

Вызывает большой интерес и проблема характера переводческой работы молдавских писателей, проводимой в области творчества Пушкина.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Интерес представляет и изучение произведений молдавских писателей, посвященных образу и творчеству Пушкина. Все это ждет своего исследования и несомненно обогатит наше пушкиноведение.

Особое значение молдавского пушкиноведения заключается в том, что оно исследует и решает те или иные проблемы и темы, связывая их с оригинальной национальной основой, с национальной общественной и литературной жизнью своего народа.

И думается, что **советское пушкиноведение сможет тем благотворнее развиваться, чем больше оно будет опираться на исследовательскую работу пушкинистов национальных республик.**

Настоящая книга, исследующая жизнь и творчество Пушкина в Молдавии, не могла не отразить в себе и отразила специфику национального молдавского пушкиноведения.

В этой связи думается, что углубленное научное исследование историко-бытовой обстановки Молдавии 20-х годов XIX в. должно быть обязательным, ибо это во многом поможет пониманию существенных сторон жизни и творчества Пушкина в Молдавии.

Исходя из вышеизложенного методологического принципа, настоящая работа ставит своей задачей: на основе критического использования и обобщения достоверных материалов, которыми располагает современное пушкиноведение, а также фактов истории Молдавии дать основанное на научном анализе исследование жизни и творчества Пушкина в Молдавии, представив их на широком историко-бытовом фоне; показать роль и значение кишиневского периода в становлении Пушкина как родоначальника русской реалистической литературы, литературы критического реализма, и выдающегося художника слова.

Безусловно, взятая нами тема по своему содержанию является чрезвычайно обширной, ибо включает в себя, как уже говорилось, наряду с исследованием жизни и творчества Пушкина в Молдавии и исследование некоторых сторон общественно-политической, бытовой жизни Молдавии первой четверти XIX века.

Работа «Пушкин в Молдавии» состоит из шести глав. В первой и второй главах дано описание общественно-политической, историко-бытовой жизни Молдавии и, в

Пушкинский кабинет ИРЛИ

частности, Кишинева первой четверти XIX века. Третья и четвертая главы посвящены раскрытию проблем романтизма и реализма, новаторства и мастерства в творчестве Пушкина кишиневского периода. В пятой главе дан разбор позднейших произведений поэта, связанных с Молдавией. В шестой главе освещается тема «Пушкин и Советская Молдавия».

В конце книги приложена библиография к теме «Пушкин в Молдавии», которая в какой-то мере дает наиболее полные сведения о всех печатных материалах, связанных с этой темой. В библиографию нами включены лишь названия тех работ, статей и т. п., которые имеют непосредственное отношение к теме «Пушкин в Молдавии», хотя они и различны по своей научной значимости. Некоторые статьи, мелкие заметки и т. п., пусть относящиеся к данной теме, но явно лживые или не поднимающиеся выше обывательского освещения фактов жизни поэта, в библиографию не включены (таковы, например, «Библиографические заметки А. С. Пушкина» А. Грена). В библиографию также не включены мелкие газетные заметки о жизни и творчестве Пушкина, потерявшие теперь всякое принципиальное значение, например, чуть ли не десяток опубликованных в 1903 году заметок, посвященных тогда еще спорному вопросу: «Кто был автором «Гавриилиады»? Остальные работы, не имеющие прямого отношения к теме, но так или иначе связанные с ней (политические и экономические очерки о Молдавии, о греческом национально-освободительном движении, о кишиневских знакомых Пушкина и т. п.), указаны в примечаниях, в тексте работы. В библиографию также не включен и ряд художественных произведений на тему о Пушкине в Молдавии.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Здесь, лирой северной пустыни
оглашая,
Скитался я...»

(А. С. Пушкин, «К Овидию»).

«Сия пустынная страна
Священна для души поэта;
Она Державиным воспета
И славой русскою полна».

(А. С. Пушкин, «Баратынскому из Бессарабии»).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«БЕССАРАБИЯ, ИЗВЕСТНАЯ В САМОЙ ГЛУБОКОЙ ДРЕВНОСТИ...»

1. «Великая эпоха России»

В истории России первая четверть XIX века ознаменована величайшими событиями, оказавшими решающее влияние на последующий ход развития общественно-политической жизни нашей Родины. Это время характеризуется назреванием кризиса феодально-крепостнических отношений, становлением новых, капиталистических. Отечественная война 1812 года и декабристское движение явились теми важнейшими историческими событиями, в которых нашли свое яркое выражение революционно-патриотические настроения русского народа, поднявшегося на борьбу с врагом.

Победоносное окончание Отечественной войны 1812 года ускорило пробуждение национального самосознания русского народа, развитие его духовных сил, укрепило международный авторитет русского государства.

«Время от 1812 до 1815 года,— писал В. Г. Белинский в 1844 году,— было великой эпохой для России... Можно сказать без преувеличения, что Россия больше прожила и дальше шагнула от 1812 года до настоящей минуты, нежели от царствования Петра до 1812 года... Кроме того, 12-й год нанес сильный удар коснеющей старине... С другой стороны, вся Россия в лице своего победоносного войска, лицом к лицу увиделась с Европой, пройдя по ней путем побед и торжеств»[1]. Но интенсивное экономическое и политическое развитие Рос-

[1] *В. Г. Белинский.* Собрание сочинений в 3 томах, т. III. М., 1848, стр. 510—511.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

сии, пробуждение национального самосознания широких кругов русского общества обусловило пробуждение и революционного сознания русского народа, крепостного крестьянства и лучших людей из дворян, главным образом из военной среды. «В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма...»[1] — движение декабристов. Яркую характеристику процесса зарождения революционности в России в первой четверти XIX века дает писатель-декабрист Александр Бестужев-Марлинский в своем письме из крепости к Николаю I.

«...Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то народ русский впервые **ощутил свою силу,** тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вот начало свободомыслия в России. Еще война длилась, когда ратники, возвратясь в домы, первые разнесли ропот в народе. «Мы проливали кровь, говорили они, а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас вновь тиранят господа»[2]. Это свидетельство А. Бестужева-Марлинского является для нас особенно ценным, ибо подтверждает тот факт, что не только революционные дворяне, декабристы (сыгравшие ведущую роль в развитии русского движения), но и масса крепостного крестьянства была той силой, которая своим стихийным протестом расшатывала основы феодально-крепостнической самодержавной России. Несмотря на свирепую реакцию, наступившую после 14 декабря 1825 года, пламя крестьянских восстаний, полыхавшее в Центральной России, на Украине, в Поволжье, на Дону, а также в виде гайдуцкого движения в Молдавии, свидетельствовало о том, что народные массы продолжали борьбу с ненавистным самодержавием.

В такой сложной общественно-политической обстановке и началась творческая деятельность гения русской литературы А. С. Пушкина, выразителя революционно-патриотических настроений русского народа.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 315.

[2] *А. А. Бестужев (Марлинский).* Об историческом ходе свободомыслия в России (письмо Николаю I). Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., Гос. изд-во полит. литературы, 1951, т. I, стр. 491, 492.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Необходимо исторически объективно разобраться в общественно-политической позиции Пушкина, верно и правдиво, без приукрашивания определить ее.

Убедившись в несостоятельности военно-групповых выступлений против царизма, в крахе декабристских идей борьбы с царизмом без народа, пережив глубокий духовный кризис после разгрома декабристского восстания и крушения своих иллюзий в отношении мирных реформ со стороны царизма, Пушкин окончательно порвал со светским обществом. Правда, Пушкин не стал на позиции народной революции, он все еще считал лучшим путем общественных преобразований постепенный мирный прогресс.

«Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов без насильственных потрясений, страшных для человечества». Это не только слова Гринева (героя «Капитанской дочки»),— как пытаются иногда представить,— это политическая формула, позиция самого Пушкина, выраженная им в «Путешествии из Москвы в Петербург».

Но величайшее прогрессивное значение общественно-политической позиции Пушкина, суть его историко-философских взглядов этого времени заключается в том, что поэт признал народ единственной реальной силой истории, проникся горячим сочувствием к обездоленным, угнетенным массам крестьянства.

Эти взгляды Пушкина предопределили все направление и сущность его творчества в 30-х гг., когда он, «историограф Пугачева» (как он сам себя называл), создает произведения, главным образом посвященные жизни народных масс, борьбе народа за свою свободу, такие как: «История пугачевского бунта» и «Капитанская дочка», «Дубровский» и «Кирджали», «Сцены из рыцарских времен» и «Путешествие из Москвы в Петербург», «Медный всадник» и «История села Горюхина». В этом идейном, социальном оптимизме и заключается, наряду с художественным мастерством, гений Пушкина, величайшая идейно-художественная сила его творчества, «секрет» могучего воздействия его на духовную жизнь нашего народа в прошлом, настоящем и будущем.

Пушкин как гениальный художник слова, человек, обладающий большим социальным опытом и историче-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ской прозорливостью, не мог не отразить (даже вопреки классово-исторической ограниченности) в своем творчестве ненависть народов России к самодержавно-крепостническому строю.

Как и у всех декабристов, понятия свобода и Родина сливались у Пушкина в одно целостное, глубокое и сильное чувство любви к своей Родине, к России, к русскому народу. Так, когда П. Я. Чаадаев пессимистически оценил историческое прошлое, настоящее и будущее России, Пушкин в письме к нему от 19 октября 1836 года резко осудил его попытку принизить величие России, русского народа: «Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться... я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя, как литератора — меня раздражают, как человек с предрассудками — я оскорблен, — но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков...»[1]

В этих словах весь Пушкин — поэт-гражданин, пламенный патриот своей Родины. В этих словах выражено все его политическое мировоззрение, в основе которого лежали страстная ненависть к самодержавно-крепостнической России и не менее страстная патриотическая любовь к своей великой Родине, к русскому народу. Зная, что «одна только история народа может объяснить истинные требования оного»[2], Пушкин, обращаясь к изучению этой истории, видел, что главные ее страницы написаны кровью народных восстаний Разина и Пугачева, Болотникова и гайдуков Молдавии.

В своем политическом мировоззрении, проникнутом глубоким историзмом, Пушкин в какой-то мере пошел впоследствии дальше декабристов. Поэтому естественно, что после 14 декабря 1825 г., как указывает М. В. Нечкина, «Пушкин начинает расти в сторону демократической революционности следующего этапа, опреде-

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XVI, стр. 171—173 (письмо на французском языке и перевод письма — там же, стр. 392—393). Все цитаты из произведений и писем Пушкина даются (кроме указанных особо) по Полному собранию сочинений, т. I—XVI. М., Изд-во Академии наук СССР, 1937—1949.

[2] Там же, т. XII, стр. 18.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ленного Лениным,— он устанавливает связи с Белинским и тяготеет к разночинному кругу идей»[1].

Пушкин формально не состоял членом тайных декабристских организаций, куда его не допускали друзья, с одной стороны, оберегая жизнь поэта, и без того подвергавшегося суровым репрессиям, а с другой стороны — в целях сохранения конспирации, которую мог бы нарушить поэт, находившийся под неослабным политическим надзором. Однако Пушкин являлся политическим единомышленником декабристов и поэтическим выразителем декабристских революционно-освободительных идей.

Такие произведения поэта, как: «Вольность», «Деревня», «К Чаадаеву», многочисленные эпиграммы на «власть имущих» были своеобразными политическими прокламациями. Стихи эти получили широкое распространение в списках и оказали могучее революционизирующее влияние на русское общество.

«В бумагах каждого из действующих (т. е. декабристов. — *Б. Т.*) находились стихи твои»,— писал В. А. Жуковский Пушкину в письме от 12 апреля 1828 года. Об этом же говорят и многочисленные свидетельства декабристов в их воспоминаниях и следственных показаниях. «Все его ненапечатанные сочинения: «Деревня», «Кинжал», «Четырехстишие к Аракчееву», «Послание к Петру Чаадаеву» и многие другие — были не только всем известны, но в то время не было сколько-нибудь грамотного прапорщика в армии, который не знал их наизусть»,— вспоминает декабрист И. Д. Якушкин в своих «Записках»; «Рукописных экземпляров вольнодумческих сочинений Пушкина и прочих столько по полкам, что это нас самих удивляло». «Читал наизусть и раздавал приглашенным в Общество (соединенных славян. — *Б. Т.*) возмутительные[2] вольнодумческие сочинения Пушкина» (М. П. Бестужев-Рюмин. Из следственных показаний); «Первые либеральные[3] мысли заим-

---

[1] *М. В. Нечкина.* Пушкин и декабристы. М., Вестник Академии наук СССР, № 2—3, 1937, стр. 152.

[2] *Возмутительные* — здесь: пробуждающие революционное возмущение.

[3] *Либеральные* — здесь: свободолюбивые.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ствовал я... более от чтения вольных стихов Пушкина; я признаюсь, был увлечен его вольнодумством и его дерзкими мыслями» (М. Н. Паскевич. Из следственных показаний)[1]. Вот далеко не полный перечень свидетельств декабристов о распространении буквально по всей России свободолюбивых произведений Пушкина и влияния их на пробуждение и формирование революционного мировоззрения передовых кругов русского общества.

Царское правительство, прекрасно осведомленное через явных и тайных шпионов об этом литературно-политическом влиянии Пушкина, приняло против него репрессивные меры. Только заступничество ближайших друзей Пушкина, выдающихся русских писателей В. А. Жуковского и Н. М. Карамзина, пользовавшихся влиянием при царском дворе, спасло поэта от жестокой расправы, и он был сослан на юг России, в Екатеринослав (ныне Днепропетровск). Официально же считалось, что коллежский секретарь, чиновник Коллегии (впоследствии— министерства) иностранных дел А. С. Пушкин переведен на службу при главном попечителе колонистов южного края России генерал-лейтенанте И. Н. Инзове.

Здесь интересно будет остановиться на следующем документе, связанном с высылкой Пушкина.

2. Подорожная Пушкина

В 1937 г. балетмейстер Парижской оперы и коллекционер, владелец ряда пушкинских автографов (10 писем Пушкина к невесте Н. Н. Гончаровой и других),— Сергей Лифарь приобрел у букиниста на набережной Сены интересный документ, связанный с высылкой Пушкина на юг России. Этот документ С. Лифарь, приехав в качестве туриста в 1961 г. в СССР, подарил Пушкинскому дому, Институту русской литературы АН СССР (Ленинград).

При выезде из Петербурга Пушкину была выдана Подорожная или Пашпорт за № 2295 от 5. V. 1820 г.,

[1] Записки, статья, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., Изд. Академии наук СССР, 1951, стр. 41; Восстание декабристов. Материалы. М., Госполитиздат, 1950, т. IX, стр. 118 и 175; *М. В. Нечкина.* О Пушкине, декабристах и их общих друзьях. По неисследованным архивным материалам, «Каторга и ссылка», 1930, кн. 4/65, стр. 14—15.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

в котором было записано следующее: «Показатель сего, Ведомства Государственной Коллегии иностранных дел Коллежский секретарь Александр Пушкин отправлен по надобностям службы к Главному попечителю Колонистов Южного края России г. Генерал-Лейтенанту Инзову; почему для свободного проезда сей пашпорт из оной Коллегии дан ему в Санкт-Петербурге мая 5 дня 1820-го года»[1].

Вот какой документ подарил Сергей Лифарь Пушкинскому дому!

6 мая 1820 года[2] Пушкин выехал вместе со своим дядькой Никитой Козловым в Екатеринослав, везя с собой депешу от коллегии иностранных дел к Инзову, извещавшую последнего о предстоящем назначении его полномочным наместником Бессарабского края. В середине мая (17—18 числа) Пушкин прибыл в Екатеринослав. Но здесь поэт прожил всего десять дней. Заболев лихорадкой, Пушкин, с разрешения Инзова, выехал 28 мая на Кавказ с семьей знакомого ему еще по Петербургу генерала Н. Н. Раевского, героя Отечественной войны 1812 года, который остановился в Екатеринославе проездом на кавказские минеральные воды.

По пути в Екатеринослав и оттуда на Кавказ Пушкин, несомненно, слыхал о серьезных крестьянских восстаниях 1818—1820 гг., достигших к 1820 году в тогдашних Ростовском, Бахмутском и Славяно-сербском уездах такого размаха, что царь Александр I вынужден был направить против восставших крупные военные силы под командованием генерала Чернышева[3].

В письме к брату Льву от 24 сентября 1820 года из Кишинева Пушкин, намекая на эти события, о которых, естественно, нельзя было открыто говорить, писал: «Когда-нибудь прочту тебе мои замечания на черноморских и донских казаков — теперь тебе не скажу об них

---

[1] Фотокопия Подорожной впервые была опубликована в кн.: «Пушкин». Однодневная газета. Париж, 1937, стр. 9. Затем опубликована во «Временнике Пушкинской комиссии», 1962, стр. 17—18. См. также: *Г. Ариш.* Дело шло о моем изгнании. «Литературная газета», 31 мая 1972 г., стр. 7.

[2] Здесь и далее даты даются по старому летоисчислению.

[3] История СССР, т. II, стр. 119—120; *А. М. Линин.* А. С. Пушкин на Дону. Историко-литературный очерк. Издание II. Ростиздат, 1949.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ни слова»[1]. Не исключена возможность, что эти «Замечания», очевидно уничтоженные Пушкиным (до нас они не дошли), послужили ему материалом в работе над поэмой «Братья разбойники», где не случайно среди беглых крепостных, составивших «удалых шайку», «зрится и беглец с брегов воинственного Дона».

С Кавказа Пушкин переехал в Крым, где пробыл до середины сентября 1820 г.[2]

15 июня 1820 года последовал царский указ о назначении Инзова полномочным наместником Бессарабской области, образованной по указу в 1818 году.

Здесь необходимо отметить следующее. До сих пор указывалось на основании дат правительственных распоряжений, что Инзов вступил на должность полномочного наместника Бессарабской области 15. VI. 1820 года, а оставил эту должность 7. V. 1823 года. Ряд местных архивных материалов дает возможность уточнить время пребывания Инзова в должности полномочного наместника. В «Деле о вступлении господина генерал-лейтенанта Инзова в исполняющего должность полномочного наместника Бессарабской области» имеются отношения от Бахметева и Инзова, из которых видно, что Бахметев ушел в отставку по болезни, а Инзов вступил на должность наместника 25. VII. 1820 г., о чем они оба и извещают Бессарабский Верховный Совет. В своем отношении Бахметев пишет: «Я уведомляю Верховный Совет, что управление здешнею областью сдано уже мною прибывшему сюда на тот конец генерал-лейтенанту Инзову. 25 июля 1820 г. город Кишинев». Генерал И. Н. Инзов в своем отношении пишет: «Вступив в исполнение должности полномочного наместника Бессарабской области... я извещаю о том Бессарабский Верховный Совет.

Предлагаю по делам службы, касающихся управления здешней областью, относиться ко мне по установленному порядку. 25 июля 1820 г. Кишинев»[3].

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XIII, стр. 18.

[2] О пребывании Пушкина на Кавказе и в Крыму см.: 1) *В. Брюсов.* Пушкин в Крыму. В кн.: *В. Брюсов.* Мой Пушкин. М.—Л., Госиздат, 1929, стр. 32—44; 2) *Л. П. Семенов.* Пушкин на Кавказе. Пятигорск, 1927; 3) *И. К. Ениколопов.* Пушкин в Грузии. Тбилиси, 1950; 4) *К. Черный.* Пушкин и Кавказ. Ставрополь, 1950.

[3] ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 160, л. 1 и на обороте и л. 5.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

На основании архивных данных, — заграничных паспортов, подписанных наместниками Бессарабской области,— устанавливается, что паспорт в конце июля 1823 г. (26 июля паспорт турецкого подданного Тодора Богена) подписан Инзовым, а с начала августа того же года (2 августа паспорт австрийского подданного Альберта Слабушевского) подписан Воронцовым[1]. Следовательно Инзов находился в должности полномочного наместника Бессарабской области с 25 июля 1820 года до конца (26) июля 1823 года. Воронцов же фактически вступил на эту должность в самые последние дни июля (или даже с начала августа) 1823 года. Поэтому теперь находит свое объяснение тот факт, что (как об этом писал А. С. Пушкин в письме к брату Льву от 25 августа 1823 года) он (Пушкин) «насилу уломал Инзова, чтобы он отпустил меня в Одессу»[2] для лечения морскими ваннами. Ясно, что если бы Инзов с 7. V. 1823 г. не был уже наместником, то за подобным разрешением Пушкин должен был бы обратиться к Воронцову.

Из Крыма Пушкин должен был ехать не в Екатеринослав, а к новому месту своей службы, в Кишинев. Поэтому неправильно утверждать, что Пушкин был сослан в Кишинев. Выехав в середине сентября (12—14 числа) из Симферополя, Пушкин побывал проездом в Одессе, откуда отправился в Кишинев.

3. «Про Кишинев и про себя»

Что же представляла собой Молдавия, Кишинев ко времени приезда Пушкина и пребывания его здесь?

Впервые о Кишиневе упоминается в 1466 г. в жалованной грамоте молдавского господаря Стефана III Великого[3].

Затем Кишинэу упоминается в грамотах господарей 1576, 1617, 1641 гг. В грамотах 1712 и 1795 гг. Кишинэу именуется городом. Местечко Кишинэу обозначено на географической карте 1760 г. О селении Кишинэу упоминает в XVIII веке выдающийся государственный

[1] ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 767, лл. 166 и 168.
[2] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XIII, стр. 66—67.
[3] «История Кишинева». Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1966, стр. 16.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

деятель и ученый Дмитрий Кантемир в своей работе, изданной в 1789 году на русском языке в Москве под названием: «Дмитрия Кантемира, бывшего князя в Молдавии: историческое, географическое и политическое описание Молдавии с жизнью сочинителя». В 1788 году, перед вступлением русских в Бессарабию, Кишинэу был дотла сожжен и разрушен турками. В 1812 году Бессарабия по Бухарестскому мирному договору присоединена к России. В 1813 году в Бессарабии была учреждена православная митрополия и первый митрополит молдаво-валахский экзарх Гавриил Банулеску-Бадони избрал своей резиденцией находившийся в центре Бессарабского края поселок Кишинэу (Кишинев). С 1813 года Кишинев становится и административным центром края. В этом же году были изданы «Правила временного правления Бессарабии». Было создано областное правительство, куда входили молдавские бояре, молдавские и русские чиновники. Всеми делами внутреннего управления края ведал гражданский губернатор, он же председатель областного правительства. Первым гражданским губернатором был Скарлат Стурдза. Военным губернатором был генерал-майор Гартинг, который стал гражданским губернатором после смерти Стурдзы (1813 год). В 1816 году была проведена новая реформа административного устройства края. Верховную власть в Бессарабии стал осуществлять полномочный наместник, которому подчинялся гражданский губернатор. Первым полномочным наместником был А. Н. Бахметев, которого с 1820 года сменил И. Н. Инзов. Связующим звеном между наместником и царем в 1816—1822 гг. был статс-секретарь граф Иван Антонович Каподистрия, при котором существовала канцелярия по управлению Бессарабской областью. 17 марта 1822 г. И. А. Каподистрия представил царю обширнейший доклад и материалы к нему, всего на 240 листах, об управлении Бессарабской областью за 1816—1820 гг. Этот доклад и материалы, хранящиеся в Центральном историческом архиве в Ленинграде в фонде канцелярии по управлению Бессарабской областью, представляют значительный интерес для изучения истории Молдавии[1].

[1] ЦГИАЛ, ф. 1308, д. 1 и 8.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Вскоре после доклада царю, в августе 1822 года канцелярия по управлению Бессарабской областью была упразднена и все дела по управлению Бессарабией из ведения Каподистрии перешли в ведение министра внутренних дел графа В. П. Кочубея[1].

И. А. Каподистрия как уроженец Греции (о. Корфу) живо сочувствовал делу греческого национально-освободительного движения (этерии). В 1827 г. он был официально уволен со службы в России, уехал за границу, и 11 апреля 1827 года греческое народное собрание избрало Каподистрию президентом Греции. Однако вскоре он был убит братьями Мавромихали, бывшими до него временными правителями Греции[2].

23 февраля 1959 г. Советское правительство передало Греции фотокопии документов о пребывании в России в 1808—1827 гг. И. А. Каподистрии[3].

В 1818 году был издан новый закон: «Устав образования Бессарабской области» (действовал до 1828 года), согласно которому учреждался Верховный совет при наместнике. Верховному совету принадлежала высшая административная и судебная власть. Он состоял из одиннадцати человек: пять членов Совета назначались (наместник, гражданский губернатор, вице-губернатор, председатели гражданского и уголовного суда) и шесть выбирались дворянством. Полномочный наместник Бессарабии являлся председателем Верховного совета[4]. В период пребывания Пушкина в Молдавии в состав Верховного совета 1821 г. (как это видно из архивных документов 1821 года) входили следующие лица: генерал-лейтенант И. Н. Инзов, гражданский губернатор К. А. Катакази, вице-губернатор М. Ф. Крупенский, председатель уголовного суда статский советник П. В. Курика, председатель гражданского суда действительный статский советник Ф. Н. Недоба и шесть выборных депутатов: стольник Матей Донич, надворный советник И. К. Прункул, коллежский асессор Федосьев, коллежский асессор Замфир Ралли, военный советник Логвинов и ключар Николай Черкез[5].

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1308, дело 9.

[2] О И. А. Каподистрии см.: *В. Теплов.* Граф Иоанн Каподистрия, президент Греции. Исторический очерк. СПб., 1893.

[3] «Правда», 24 февраля 1959 г.

[4] «История Молдавии», т. 1, стр. 395—398.

[5] ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 172, л. 69.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Уголовное судопроизводство велось на русском языке, а гражданские тяжебные дела — по молдавским законам, основанным на законоположениях Арменопуло и Андронаки Донича. Арменопуло был греческий судья из города Салоники, составивший в середине XIV века «Ручную книгу законов». В 1814 году Донич издал в Яссах на молдавском языке «Краткое собрание законов», основанное на главных законоположениях Арменопуло.

Как свидетельствуют архивные материалы, обнаруженные нами в ЦГА МССР, эти законы применялись в Бессарабии в первой трети XIX века. Так, в одном из тяжебных дел между коллежским советником Яманди и коллежским советником Иоаном Балшем в постановлении суда от 25 апреля 1821 года записано, что «гражданский суд принужден был силою законов земли здешней, изложенных Арменопуло в книге I, титула 2... заключить определение» в пользу Яманди[1].

А в 1826 году Оргеевский уездный суд, указывая, что «в тяжебных делах принимается в основное законы края.., заключенные в двух книгах, изданных Арменопуло и Доничем», просит областное правительство перевести с молдавского на русский язык эти книги, «заключающие в себе законы здешнего края». Областное правительство, поддержав эту просьбу, в свою очередь обратилось 29 февраля 1828 года с нею в Бессарабское дворянское депутатское собрание[2]. Видимо, вопрос перевода молдавских законов на русский язык был одной из важнейших административных задач, которые выполнялись в наместнической канцелярии.

В ЦГИА (Ленинград) хранится «Дело о назначении доктора прав Манеги Петра членом комиссии для составления свода местных законов в Бессарабской области».

29 октября 1820 года Инзов сообщает графу Каподистрии о просьбе уроженца Бухареста Петра Манеги, окончившего полный курс прав в Париже, зачислить его на русскую службу. При этом Инзов указывает, что «познания его (Манеги) в молдавском языке и систематическое исследование прав будут не бесполезны ко-

---

[1] ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 177, лл. 292—293.
[2] ЦГА МССР, ф. 4, оп. 1, д. 404, л. 2.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

миссии установлений для свода местных законов в Бессарабии».

Восьмого января 1821 г. Инзов, извещая Каподистрию о прибытии Манеги в Кишинев, вновь указывает, что «Манега по систематическому исследованию прав и познанию им греческого, французского и молдавского языков может быть употреблен в означенной комиссии... с пользою для здешнего края»[1].

В 1821 году новороссийский генерал-губернатор сообщает о том, что Манега «с начала 1821 года... сочинил проект гражданского уложения для Бессарабской области в нескольких частях». В своем дневнике П. И. Долгоруков сообщает о греке Манеге, присланном «в 1820 году в Кишинев для составления законов для Бессарабии». Очевидно также, что Манега, изучавший право в Париже, писал эти законы на французском языке, ибо П. И. Долгоруков говорит, что «он (Манега) кончил свою работу в течение года (т. е. в 1821 году. — *Б. Т*), и я две первые тетради перевел по поручению Инзова на русский язык»[2].

Теперь нам ясно, какие молдавские законы переводил Пушкин с французского на русский, о чем И. Н. Инзов сообщал в своем отношении на имя И. А. Каподистрии от 28 апреля 1821 года: «Пушкин, живя в одном со мной доме, ведет себя хорошо, и при настоящих смутных обстоятельствах не оказывает никакого участия в сих делах. **Я занял его переводом на русский язык составленных по-французски молдавских законов**»[3] (подчеркнуто мною. — *Б. Т.*). Очень возможно, что, работая над переводом этих законов, поэт мог сделать ряд своих пометок, комментариев политического характера на полях рукописей. И задача исследователей — продолжать поиски, не увенчавшиеся пока успехом, и найти рукописи переводов, осуществленных Пушкиным, которые смогут дать нечто новое для биографии поэта.

Пушкин приехал в Кишинев совсем молодым человеком — ему только недавно исполнился 21 год. Ка-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1308, оп. 1, д. 57, лл. 1—4, 18 и на обороте.

[2] «Звенья», т. IX. М., 1951, стр. 22; см. также: *Л. А. Кассо.* Петр Манега, забытый кодификатор бессарабского права. СПб., 1914.

[3] «Русская старина», 1887, январь, стр. 243.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ков же был внешний облик поэта в годы пребывания его в Молдавии? К сожалению, портретов Пушкина этого времени не сохранилось.

27 сентября 1822 г. Пушкин в письме известному поэту Н. И. Гнедичу, благодаря его за присылку первого издания поэмы «Кавказский пленник», упоминает и о приложенном к поэме его, Пушкина, портрете (гравюра Е. И. Гейтмана), изображающем юного Пушкина. Кто был автором этого портрета, так и не установлено, Пушкин в письме к Н. И. Гнедичу отмечает, что «Александр Пушкин мастерски литографирован, но не знаю, похож ли». Портрет изображает Пушкина примерно 16—18-летним юношей.

После этого портрета юного Пушкина до нас дошли известные портреты О. Кипренского (1827 г.), А. Тропинина (1827 г.), П. Соколова (1830 г.) и другие. Все они дают образ Пушкина в зрелые годы. К сожалению, нет или не сохранились портреты Пушкина в период пребывания его в Молдавии (1820—1823 гг.), а также в Одессе (1824 г.) и Михайловском (1824—1826 гг.). Поэтому стало уже привычным публиковать во всех изданиях произведений Пушкина известные портреты поэта работы О. Кипренского и А. Тропинина.

К счастью, поэт оставил нам свои портреты. Мы имеем в виду значительное количество автопортретов на полях ряда рукописей.

Таких автопортретов Пушкина кишиневского периода мы имеем 6. Вот когда и где они были созданы.

1. Июль 1821 г. На полях рукописи с записью турецких слов.

2. Сентябрь 1821 г. На полях черновика рукописи поэмы «Кавказский пленник».

3. Начало 1822 г. На полях беловой рукописи поэмы «Кавказский пленник».

4. 1823 г. На полях XV строфы I главы рукописи «Евгения Онегина».

5. 1823 г. На полях XVI строфы I главы рукописи «Евгения Онегина» (XV и XVI строфы I главы писались в Кишиневе).

6. Конец 1823 г. (Одесса). На полях XI и XII строф II главы рукописи «Евгения Онегина». (Хотя этот автопортрет создан в Одессе, но он отражает облик юного Пушкина кишиневского периода.)

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Какой же из этих автопортретов наиболее достоверно, ярко и полно передает облик Пушкина в кишиневский период?

Это автопортрет, запечатленный поэтом в начале 1822 г. на полях беловой рукописи «Кавказского пленника». Вот почему мы и даем его в этой книге.

4. «Домик Пушкина»

Кишинев времен Пушкина представлял собою маленький городишко, расположенный на реке Бык, примерно между «Инзовой горой» и теперешним вокзалом. Это и составляло (до нынешней улицы Фрунзе) старый город, или «нижнюю» часть Кишинева наших дней.

Присоединение Бессарабии к России благотворно повлияло на рост города, ставшего административным центром края. Первый полномочный наместник края А. Н. Бахметев составил план перестройки старого Кишинева и постройки нового (верхней части) города с прямолинейными кварталами. Однако план этот остался неосуществленным. В 1823 году по инициативе И. Н. Инзова областной архитектор Озмидов составил новый план Кишинева с разделением его на пять частей. 16 июня 1823 года Инзов в своем отношении на имя гражданского губернатора К. А. Катакази писал: «Вследствие словесного моего изъяснения с Вашим превосходительством в рассуждении настоящего расширения я нашел нужным учредить сверх существующих в оном до ныне четырех частей еще одну». 20 июня 1823 года архитектор Озмидов в своем рапорте на имя Катакази изложил проект разделения Кишинева на пять частей, а 28 июня 1823 года представил ему уже окончательный план разделения города на пять частей[1]. Однако и этот план фактически не был претворен в жизнь. И только в 1834 году, когда генерал-майор Павел Иванович Федоров (еще накануне своего вступления 9 октября 1834 г. на должность гражданского губернатора)[2] составил новый план

---

[1] ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 789, лл. 1, 6, 7, 8.

[2] ЦГА МССР, ф. 88, оп. 1, д. 751, л. 2. Не исключена возможность, что план этот мог составить и представить на утверждение и предшественник Федорова — Тимковский, ибо, как мы видим, план был утвержден за два месяца до вступления Федорова на должность гражданского губернатора.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

и отдал его на утверждение царю Николаю I, царь написал резолюцию: «Быть по сему. Николай I, Александрия, близ Петергофа. 12 августа 1834 года». К книге И. Халиппы «Город Кишинев времен жизни в нем Александра Сергеевича Пушкина» приложен план старого (нижней части) города Кишинева (нанесен красными линиями) и нового (верхней части, нанесен прямыми черными линиями). Этот план составлен на основании использования всех трех планов: Бахметевского, Инзовского и Федоровского.

Однако застройка нового (верхнего) города по существу началась задолго до утверждения плана, вскоре после 1813 года, когда местные бояре и представители русской администрации начали возводить себе новые дома в верхней части города. Уже были отстроены дома молдавского боярина Варфоломея, гражданского губернатора Катакази, князей Кантакузен, статского советника М. Ф. Крупенского, титулярного советника Тодора Крупенского, действительного статского советника Варлама и др. Эти дома расположены были главным образом на ул. Николаевской (теперь Фрунзе), между Семинарской (теперь Гоголя) и Губернской (теперь Пушкинской) и на Киевской улице, напротив Пушкинского сада, между улицами Семинарской (теперь Гоголя) и Боюканской (затем Харузина и теперь Горького).

О новых домах Липранди указывает: «Конечно, все это не столичные палаты, но и не уступали общим губернским зданиям и находились уже тогда, когда Александр Сергеевич приезжал в Кишинев»[1]. Безусловно, эти дома, построенные на европейский лад, не могли изменить еще в целом облик тогдашнего Кишинева, который со своими грязными и кривыми улочками и домишками самой примитивной и причудливой постройки продолжал оставаться полутурецким, полурусским городом по крайней мере до 1834 года.

Так, Ф. Ф. Вигель пишет, что «когда мы приехали в 1823 году, семь или восемь каменных домов торчали посреди сотни лачужек»[2]. П. И. Долгоруков пишет о кишиневских домах так: «Конструкция их слишком легкая для суровости зимы, да и чего требовать от стен, состав-

[1] «Русский Архив», 1866, № 8—9, стб. 1218.
[2] «Воспоминания Ф. Ф. Вигеля», ч. 6. М., 1865 г., стр. 114.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ленных большею частью из глины и разных других жидких слоев толщиною редко в четверть аршина. У меня на дворе в людском флигеле хотели вколотить деревянный гвоздь в стену. По трем ударам он уже прошел насквозь, и часть самой стены начинала обрушиваться»[1].

А. Я. Стороженко, посетивший Кишинев в апреле — июне 1829 года, т. е. через шесть лет после отъезда оттуда Пушкина, пишет в своих воспоминаниях об «узких нечистых улицах» и «ветхих избушках», среди которых встречаются хорошие каменные дома[2].

Необыкновенная пестрота населения Молдавии, обусловленная рядом исторических причин и событий[3], наложила своеобразный отпечаток на Кишинев. Здесь, кроме коренного населения — молдаван,— можно было встретить русских, украинцев, турок, евреев, болгар, греков, цыган и армян. Об этой национальной пестроте населения Кишинева метко сказал Пушкин в одном из своих стихотворных отрывков, относящихся к концу марта — началу апреля 1821 года.

Теснится средь толпы еврей сребролюбивый,
Под буркою казак, Кавказа властелин,
Болтливый грек и турок молчаливый,
И важный перс, и хитрый армянин[4].

Нет сомнения в том, что присоединение Бессарабии к России, дав толчок культурно-экономическому развитию всего края в целом, оказало свое благотворное вли-

---

[1] «Звенья», IX, стр. 26.

[2] *А. Я. Стороженко.* Два месяца в дороге. «Чтения в обществе истории древностей российских при Московском университете», т. 18/1, октябрь—декабрь, книга IV, стр. 41—83.

[3] *Л. С. Берг.* Бессарабия. Страна—люди—хозяйство. Петроград, 1918 г., см.: Предисловие, стр. VI. Здесь же «Список главнейшей литературы по Бессарабии». По истории Молдавии (Бессарабии), Кишинева, см.: 1) *А. Защук.* Бессарабская область. СПб; 1862; 2) *Н. К. Могилянский.* Материалы для географии и статистики Бессарабии. Кишинев, 1913; 3) «Бессарабия. Географический, исторический, статистический, экономический, этнографический, литературный и справочный сборник». Издание газеты «Бессарабец». М., 1903; 4) «Юбилейный сборник Кишинева 1812—1912 гг.», ч. I. Кишинев, 1914; а также *Я. С. Гросул* и *Н. А. Мохов.* «Историография Молдавской ССР. «Ученые записки КГУ», т. XXXIII (исторический), стр. 33—54. Кишинев, Госиздат Молдавии, 1958; История Кишинева, 1966 г.

[4] *А. С. Пушкин*, т. I (1), стр. 468.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

яние и на развитие Кишинева. Так, если в 1812 году в городе насчитывалось всего 7 тысяч жителей, то к приезду Пушкина в Кишиневе было уже свыше 10 тысяч, в 1828 году — 18 тысяч, в 1860 году — 87 тысяч, а к 1 января 1915 года — 128700 человек. В 30-х годах XIX века в Кишиневе были открыты приходское училище, гимназия, духовная семинария, публичная библиотека (в 1832 г.).

21 сентября 1820 года Пушкин со своим дядькой Никитой Козловым прибыл в Кишинев.

То, что Никита Тимофеевич Козлов был с Пушкиным в Кишиневе, подтверждается следующими данными. П. И. Бартенев в своей работе «Пушкин в южной России» сообщает (на основании слов В. П. Горчакова) о том, что Никита Козлов был в Кишиневе. В другом месте П. И. Бартенев, со слов В. П. Горчакова, записал следующее свидетельство. «С ним (Пушкиным) был его **крепостной лакей** (подчеркнуто мною. — *Б. Т.*) очень верный и преданный малый — Никита»[1].

Прибыв в Кишинев, Пушкин остановился в заезжем доме Ивана Николаевича Наумова. **Дом этот сохранился, в нем помещается открытый 10 февраля 1948 г. Дом-музей А. С. Пушкина.** То, что Пушкин проживал именно в этом доме, подтверждается свидетельствами ближайших кишиневских знакомых Пушкина — И. П. Липранди и В. П. Горчакова. Тот же факт, что сохранился именно этот дом, подтверждается планом старого Кишинева[2].

Липранди указывает, что И. Н. Наумов «был мещанин и одет, как говорится, в немецкое платье... Дом и флигель очень опрятные и не глиняные; тут останавливались все высшие приезжающие лица. В 1821 году армянин Антоний открыл заезжий дом (напротив дома Наумова — через улицу — *Б. Т.*) Но он был невыносимо

---

[1] *П. И. Бартенев.* Пушкин в южной России. Материалы для его биографии, собираемые Петром Бартеневым. «Русская Речь и Московский вестник», 1861 г., № 85, стр. 17—18 и № 90, стр. 49—50 (отдельные оттиски) и «Русский Архив», 1900, № 3, стр. 409.

[2] Аналогичными данными мы руководствуемся и при обосновании местонахождения других домов, связанных с пребыванием поэта в Кишиневе. См.: «Русский Архив», 1866, №№ 8—9, стб. 1217—1218. Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии. Кишинев, 1900, стр. 97—163 (отдельный оттиск). *И. Халиппа.* Город Кишинев времен жизни в нем А. С. Пушкина, 1820—1823 гг. Кишинев, 1899.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

грязен во всех отношениях и содержим на азиатский манер — каравансараем. Пушкин впоследствии посещал иногда биллиардную, находившуюся в этом трактире»[1].

Липранди ошибочно называет Наумова мещанином. В черновом письме К. А. Катакази от 27 октября 1820 г. в кишиневскую квартирную комиссию указывается о предоставлении новой квартиры «у купца Наумова»[2].

Иван Николаевич Наумов был членом областной квартирной комиссии. Эта комиссия, учрежденная (как видно из архивных материалов) 21 мая 1819 г.[3], состояла из представителей «общественных депутатов», избранных от обывателей всех национальностей, проживающих в Кишиневе. В задачу квартирной комиссии входило устройство на квартиры приезжающих в Молдавию, главным образом из числа чиновников и офицеров. В сентябре—октябре 1820 года происходили выборы общественных депутатов в квартирную комисеию от обывателей: русских, болгар, евреев. От русских был вновь переизбран депутатом И. Н. Наумов, о чем свидетельствует следующий документ от 12 сентября 1820 года (т. е. за неделю до приезда Пушкина в Молдавию), подписанный выборщиками и находящийся в Деле переписки Бессарабского гражданского губернатора с кишиневской квартирной комиссией.

Общественный выбор

По объявленному нам предписанию через господина Кишиневского полицмейстера от его превосходительства господина гражданского губернатора о перемене в квартирную комиссию депутата...

...Но как мы видим из всего сословия не имеем в виду для таковой должности как достоинством так равно и деятельностью сопряженной с способностями кто мог бы заменить место находящегося по сие время депутатом Ивана Наумова — и видя его хорошую деятельность; все великороссийское сословие единогласно согласилось оставить его и впредь на своем месте.

1820 г. сентября 12 дня[4].

---

[1] «Русский Архив», № 8—9, стб. 1267.
[2] ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 592, л. 91.
[3] ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 42, л. 2.
[4] ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 592, лл. 78, 79.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Подробные сведения о доме Наумова даны А. Яцимирским в его статье «Пушкин в Бессарабии»[1]. Эти сведения относятся уже к началу 60-х годов прошлого столетия, но можно предполагать, что здесь воспроизведен внутренний облик дома, приближенный к тому, каким он был во время пребывания в нем Пушкина. Это для нас крайне ценно, поскольку никто из современников (в том числе и Липранди) не оставил внутреннего описания дома Наумова.

В доме И. Н. Наумова Пушкин жил до середины ноября 1820 г., когда уехал в Каменку (имение Давыдовых).

По возвращении из Каменки в начале марта 1821 г. Пушкин поселяется в доме, занимаемом наместником И. Н. Инзовым. Однако некоторые факты дают возможность высказать гипотезу об иной дате переезда Пушкина из дома Наумова к Инзову.

И. П. Липранди, свидетельствуя о том, что «Пушкин остановился в заезжем доме» И. Н. Наумова, далее сообщает, что «Пушкин **скоро** (подчеркнуто мною. — *Б. Т.*) переехал в нижний этаж дома, занимаемого Инзовым»[2].

Если это свидетельство сопоставить с тем фактом, что К. А. Катакази 20 октября 1820 г. дает указание о предоставлении (неизвестному лицу) новой квартиры у купца Наумова[3] (квартиры, видимо, освобожденной от постояльца), то возникает вопрос: не переехал ли Пушкин от Наумова к Инзову в конце октября 1820 г., т. е. еще до отъезда в Каменку в середине ноября 1820 г.?

В доме у Инзова Пушкин прожил до апреля—мая 1822 г. Дом этот был двухэтажный и принадлежал боярину Доничу, у которого его снимал наместник. 14 июля 1821 г. в Кишиневе произошло землетрясение. От второго, более сильного землетрясения, происшедшего по свидетельству П. И. Долгорукова, 5 ноября того же года, дом Донича, в котором проживал Инзов, был силь-

---

[1] *А. Яцимирский.* Пушкин в Бессарабии (20 сентября 1820 г.—2 июля 1823 г.). *А. С. Пушкин.* Соч., т. II. СПб., 1908, стр. 158—179, о доме И. Н. Наумова, стр. 160.

[2] *И. П. Липранди.* Из дневника и воспоминаний. «Русский Архив». 1866 г.

[3] ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 592, л. 92.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

но поврежден, и Инзов выехал из него[1]. Пушкин же продолжал еще несколько месяцев жить в доме Донича. Позднее, уже после отъезда Пушкина в Одессу, дом был отремонтирован, и Инзов вновь поселился в нем. Но к 70-м годам прошлого столетия от дома остались одни развалины[2].

Очевидно, эпизод, отмеченный Пушкиным в стихотворном послании, обращенном к В. П. Горчакову, относится ко времени пребывания поэта в доме, где жил Инзов. Узнав об одном из готовящихся в доме боярина Варфоломея балов, Пушкин написал в этом послании:

Зима мне рыхлою стеною
К воротам заградила путь;
Пока тропинки пред собою
Не протопчу я как-нибудь,
Сижу я дома как бездельник;
Но ты, душа души моей,
Узнай, что будет в понедельник,
Что скажет наш Варфоломей[3].

Весной либо в начале лета 1822 года (апрель — июнь), Пушкин переехал в домик коллежского секретаря Николая Степановича Алексеева, сослуживца Пушкина по канцелярии Инзова. Дата переезда Пушкина в дом Н. С. Алексеева устанавливается на основании свидетельства И. П. Липранди, который пишет, что «возвратясь в июле 1822 года после четырехмесячной отлучки, я нашел уже Пушкина переместившимся от Инзова (по случаю пострадавшей от землетрясения квартиры) к Алексееву»[4]. Домик этот, находившийся на углу Кателинской и переулка Саловского (теперь переулок Урицкого), не сохранился. Здесь Пушкин прожил до своего отъезда в Одессу, т. е. до начала августа 1823 г.

---

[1] *М. А. Цявловский.* Летопись, стр. 307, «Звенья», IX, стр. 51.

[2] О судьбе «Дома Инзова», см.: 1) *М. Цявловский.* Письмо Н. В. Берга о «Доме Инзова». «Летопись литературного музея Пушкина», кн. первая, 1936, стр. 479—481; 2) «Москвитянин», 1855 г., № (февраль), статья Н. В. Берга «Кишинев в настоящую минуту», стр. 8—9; 3) его же: «Отрывки писем из Кишинева», «Москвитянин», № 12 за 1855 г.; 4) «Иллюстрированная газета», 1877 г., № 14, стр. 110; 5) «Нива», 1880 г., № 46, стр. 933—934.

[3] *А. С. Пушкин.* Соч., т. I (1), стр. 279.

[4] «Русский Архив», № 10, стб. 1480.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

В доме И. Н. Наумова, сохранившемся, к счастью, и поныне, и началась жизнь опального поэта в Кишиневе, где он пробыл с перерывами почти три года. В течение этого времени Пушкин неоднократно выезжал из Кишинева, посещал Каменку (Киевской губернии), Киев, Тульчин, Одессу, ряд городов и селений Молдавии.

5. «Я дружбу знал...»

В период пребывания в Кишиневе Пушкин, стараясь избавиться от мертвящей скуки, принимал участие в рассеянной светской жизни, посещал балы и вечера в домах именитых людей города: молдавских бояр Е. К. Варфоломея, Георгия Рознована, Тудора Балша, коллежского асессора Замфира (Замфираки) Ралли, Маврогени, вице-губернатора М. Ф. Крупенского, его брата титулярного советника Тудора Крупенского, гражданского губернатора К. А. Катакази и других. Об этом подробно рассказывают в своих воспоминаниях А. Ф. Вельтман, В. П. Горчаков и И. П. Липранди[1].

Пушкин особенно часто бывал у Варфоломея, посещал балы и вечера, которые устраивались почти ежедневно этим богачом, генеральным откупщиком в Бессарабском крае.

А. Ф. Вельтман изобразил Е. К. Варфоломея и его семью в повести «Два майора»[2]. Типичный образ молдавского боярина он дал в произведении «Странник», ярко обрисовав надутое чванство молдавских бояр:

Он важен, важен, очень важен.
Усы в три дюйма, и седа
Его в два локтя борода,
Янтарь в аршин, чубук в пять сажен,
Он важен, важен, очень важен[3].

Однако нужно отметить, что А. Ф. Вельтман и

[1] *А. Ф. Вельтман.* «Воспоминание о Бессарабии»; *Л. Майков.* Пушкин. СПб., 1899, стр. 102—136; Воспоминания В. П. Горчакова о Пушкине. См.: «Пушкин в воспоминаниях современников». М., Гослитиздат, 1950, стр. 181—224; *И. П. Липранди.* Из дневника и воспоминаний. «Русский Архив», 1866, №№ 8—9, стб. 1213—1484 и № 10, стб. 1393—1491.

[2] «Москвитянин», 1848, № 1, стр. 33—90.

[3] *А. Ф. Вельтман.* «Странник». М., 1840, ч. II, стр. 73.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

В. П. Горчаков не совсем верно рисовали Варфоломея этаким приветливым, хлебосольным, простодушным толстяком. Как видно из ряда архивных документов, это был властный и жестокий откупщик, который безжалостно притеснял жителей. Так, в Бессарабском Верховном Совете имеется дело от 27 февраля 1820 года «По обвинению генерального откупщика в Бессарабской области Варфоломея за притеснение жителей», а также дело от мая 1823 года «По обвинению помещика Варфоломея за избиение квартирмейстера»[1]. Другие материалы свидетельствуют о начавшемся в 1824 году разорении Варфоломея и снятии его с различных ответственных общественных должностей. Так, в деле от 30 июня 1824 года находятся документы о публичных торгах «недвижимого имения, принадлежащего коллежскому асессору Варфоломею на пополнение казенной недоимки», из коих видно, что назначены к продаже четыре имения Варфоломея на сумму 190 тысяч левов[2]. На основании указа сената Бессарабский Верховный совет вынес 19 января 1824 года постановление: «уволить от настоящей должности советника от короны бессарабского областного гражданского суда коллежского асессора Варфоломея»[3]. Вскоре Варфоломею пришлось распрощаться и со своим великолепным домом, где у него на вечерах бывал Пушкин, и отдать его в казну, как и вновь строившийся дом в верхней части города.

Умер Е. К. Варфоломей в 1842 году.

«Из других семейных домов,— пишет И. П. Липранди,— Пушкин довольно часто посещал семейство Ралли... У Ралли, или Замфираки, кроме троих сыновей (из коих в особенности один был очень порядочным молодым человеком), было две дочери». Одна из дочерей Ралли — Екатерина Захаровна — была замужем за коллежским советником Апостолом Константиновичем Стамо, которого Пушкин прозвал бараньей физиономией, начертив его полукарикатурный портрет на рукописи поэмы «Цыганы», рядом с рисунком цыганских шатров и телег. По свидетельству И. П. Липранди и прапорщика Ф. Н. Лугинина нам известны только

[1] ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 160 и 330.
[2] ЦГА МССР, ф. 88, оп. 1, д. 143, лл. 1—4.
[3] ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 427, л. 1.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

трое сыновей Ралли: Григорий, Константин и Иван[1]. Из них Пушкин был в особенно близких отношениях с Константином.

Но, оказывается, у Замфира Ралли еще был и четвертый сын — Михаил. На «старом кладбище», где похоронены все братья Ралли и их сестра Екатерина, похоронен и Михаил Захарович Ралли, на могильном памятнике которого написаны даты его жизни: 1807 г. 23 XII — 1861 г. 21. I (кстати, он умер позже остальных трех братьев).

Богатый помещик Замфир Ралли имел в своем владении несколько молдавских и цыганских сел. В частности, ему принадлежали села нынешнего Ниспоренского района, в 50 км к западу от Кишинева: Долна (теперь село Пушкино), Юрчены и Варзарешты. В архивных документах сохранилась доверенность от 4 июня 1818 года, по которой Замфир Ралли доверял Ивану Прункулу отдать под залог в казну эти имения. «*1818 года июня 4 дня* город Кишинев выданное свидетельство мне об оценке вотчин моих Оргеевского цынута села Дольна, Модвале, полсела Юрчены, три части села Варзарешты и часть села Фунду Галбина в 360 тысяч левов; вверяю его высокоблагородию надворному советнику Ивану Прункулу с тем, чтобы он по сей доверенности имел право по сказанному свидетельству обеспечить залогом в казну...»[2]

Бывал Пушкин и у Бессарабского гражданского губернатора Константина Антоновича Катакази. В 1821 году Пушкин написал стихотворение, в котором дает яркую жанровую картинку, рисующую в сатирических тонах кишиневское боярское общество:

Раззевавшись от обедни,
К Катакази еду в дом,
Что за греческие бредни,
Что за греческий содом!
Подогнув под (...) ноги
За вареньем, средь прохлад,
Как египетские боги,
Дамы преют и молчат[3].

---

[1] «Русский Архив», №№ 8—9, стб. 1231; «Литературное наследство», №№ 16—18, стр. 671.

[2] ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 270, л. 71 и на обороте.

[3] *А. С. Пушкин.* Соч., т. II (I), стр. 192.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пушкин чувствовал себя чужим среди этого общества молдавских бояр, как он чувствовал себя чужим среди русского великосветского общества. И, ненавидя русских дворян-аристократов, этих «обезьян просвещения», поэт не менее ненавидел молдавское боярство, которое раздражало его своим тупым чванством, высокомерием, потугами на французскую воспитанность, изощренным издевательством над своими слугами.

Пушкин дает яркую характеристику моральной ничтожности господствующих классов Молдавии, опоры царизма. «Трус и грубиян», «подлец и грубиян»[1]—вот резкие и меткие характеристики, которые дает боярам Пушкин. Привыкшие к подобострастию подчиненных, чванливые бояре действительно были напуганы неожиданным для них презрительным отношением Пушкина и часто обращались с жалобами на поэта к генералу И. Н. Инзову.

Кстати, Инзов сыграл положительную роль по отношению к молдавскому народу в период своего пребывания в Бессарабии. Об этом Пушкин пишет в стихотворном послании «Мой друг уже три дня...», очевидно обращенном к Н. С. Алексееву, где называет Инзова «спаситель молдаван» (в черновом варианте).

«Добрый и почтенный... русский в душе» (по словам Пушкина), Инзов с исключительной сердечностью относился к Пушкину. «Инзов,— пишет поэт,— очень меня любил». А в письме к А. Н. Тургеневу от 14 июля 1824 года Пушкин, сообщая о том, что Инзов сажал его под домашний арест, когда поэту «случалось побить молдавского боярина», писал далее, что Инзов «в то же время приходил меня навещать и беседовать со мной об гишпанской революции»[2].

П. Бартенев пишет: «...за него (Пушкина) был его добрый начальник .., Инзов и еще несколько человек в Кишиневе хорошо знали, что Пушкину было можно и было за что прощать его увлечения»[3]. «Мне часто случалось посещать Ивана Никитича в Кишиневе...— пишет А. Стурдза.—Тогда же баловень собственного таланта и

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. I, стр. 745.
[2] Там же, т. XI, стр. 25, 296 и т. XIII, стр. 103.
[3] *П. Бартенев.* Пушкин в южной России. «Русский Архив», № 8—9, стб. 1169.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

гения — Пушкин находился у него под непосредственной опекой и руководством»[1]. Инзову стоило много труда, рискуя своим служебным положением, скрывать от правительства бунтарские выходки своего «подопечного», к которому он относился поистине с отеческой любовью и вниманием. И когда кто-либо из петербургского начальства запрашивал Инзова о поведении поэта, генерал отвечал: «г. Пушкин, состоящий при мне, ведет себя «изрядно», или «Пушкин, живя в одном со мной доме, ведет себя хорошо и при настоящих смутных обстоятельствах не оказывает никакого участия в сих делах»[2]. Все это дает нам право утверждать, что Инзов сыграл исключительную роль в оберегании Пушкина от возможных новых репрессий царского правительства.

После ухода в 1823 году с поста полномочного наместника Бессарабского края Инзов остается попечителем колонистов южного края.

В 1830 году Инзов переехал в Болград, где в 1845 г. умер и там же был похоронен[3].

Пылкий нрав Пушкина зачастую приводил его к столкновениям, кончавшимся дуэлями. Но эти столкновения и дуэли являлись, в большинстве случаев, результатом не каких-нибудь молодеческих выходок поэта (как это неверно представляет ряд биографов), а проявлением независимости его характера, стремлением заставить относиться к себе с должным уважением. «Непреклонность и терпенье гордой юности» своей Пушкин сохранил до конца жизни, сказав однажды,

---

[1] *А. Стурдза.* Воспоминания об И. Н. Инзове. «Москвитянин», 1874, ч. I, стр. 224 (ранее опубликовано в «Одесском вестнике», 1847, № 13—14).

[2] См.: «Русская старина», 1833, декабрь, стр. 657 и 1887, январь, стр. 243.

[3] О ген. И. Н. Инзове см.: 1) «Император Александр I и его сподвижники в 1812—1815 гг.». СПб., 1845, т. II; 2) «Воспоминания А. М. Фадеева». «Русский Архив», 1891, № 3, стб. 388—400, 3) *А. П. К.* Инзов в южной Бессарабии. «Русский Архив», 1900, кн. 2, стб. 596—599; 4) *С. Потоцкий.* Инзов Иван Никитич. Биографический очерк. Бендеры, 1904; 5) *П. И. Долгоруков.* Дневник. «Звенья», IX. М., 1951 и особенно стр. 39, 57, 74; 6) Н*** И. Н. Инзов. Бессарабский наместник и попечитель болгарских поселенцев. «Юг», февраль, 1882; 7) «Записки Н. Н. Мурзакевича, 1806—1883», «Русская старина», 1887, февраль; 8) Н. Н. Мурзакевич. Автобиография. СПб., 1885 г.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

что он не будет шутом даже у самого царя небесного. В стихотворном послании к Н. И. Гнедичу из Кишинева в письме от 24 марта 1821 г. Пушкин писал:

Все тот же я — как был и прежде!
С поклоном не хожу к невежде...
Молебнов лести не пою...[1]

А в другом месте поэт с патриотической гордостью отметил, что русских писателей, не в пример зарубежным, отличают отсутствие рабской приниженности и покорности и наличие чувства собственного достоинства, свободолюбия и независимости. Эти черты характера Пушкина проявлялись, по свидетельству ряда его кишиневских знакомых, и при обычных дуэльных поединках, во время которых поэт держал себя всегда с мужественным достоинством. Так было, например, на дуэлях с подполковником Старовым и офицером генерального штаба Зубовым.

Но любовные увлечения, светские развлечения, дружеские пирушки и дуэли, как дань молодым годам, отнюдь не занимали основного места в кишиневском времяпровождении Пушкина, а составляли лишь чисто внешнюю сторону его жизни. Пушкин, по свидетельству И. П. Липранди, предпочитая всему этому «беседу с людьми, его понимающими», завязывал знакомства главным образом среди наиболее передовых и культурных военных и чиновников, находящихся тогда в Кишиневе, и передовых кругов молдавского общества.

Круг знакомых Пушкина в Кишиневе был крайне обширен и насчитывал более 200 лиц. Среди этих знакомых были и люди, с которыми поэт вынужден был встречаться по долгу службы или в местном светском обществе. Это были, в конечном счете, люди чуждые ему, и знакомство с ними носило либо деловой, либо светский характер. Но было в Кишиневе у Пушкина и немало истинных друзей. К ним, в первую очередь, относятся члены тайного кишиневского общества декабристов и некоторые из военных и чиновников. Поэтому, естественно, мы в первую очередь остановим наше внимание на тех лицах, с которыми поэт находился в дружеских отношениях и которые сыграли какую-то

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. II (I), стр. 170.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

роль в жизни поэта в период его пребывания в Молдавии.

Одним из наиболее близких друзей Пушкина был Н. С. Алексеев. Липранди в своих воспоминаниях пишет: «... коллежский секретарь Николай Степанович Алексеев, по крайней мере десятью годами старее Пушкина, был вполне достоин дружеских к нему отношений Александра Сергеевича. У них были общие знакомые в Петербурге и Москве; и в Кишиневе Алексеев, будучи старожилом, ввел Пушкина во все общества. Русская и французская литература не были ему чужды. Словом, он из гражданских чиновников был один, в лице которого Пушкин мог видеть в Кишиневе подобие образованным столичным людям, которых он привык видеть»[1]. Н. С. Алексееву Пушкин посвятил стихотворение: «Мой милый, как несправедливы...» Ему же, видимо, посвящена поэма «Гавриилиада». К нему обращено и стихотворение «Сегодня я поутру дома».

Впоследствии, уже уехав из Молдавии, Пушкин не порывал дружеских связей с Н. С. Алексеевым, со своим, как он его шутливо называл, «лукавым соперником» и «черным другом». В своих письмах Н. С. Алексеев делился с поэтом воспоминаниями о днях, проведенных вместе в Кишиневе, передавал ему новости из Молдавии, Кишинева, сведения об общих знакомых. «Все переменилось здесь со времени нашей разлуки,— пишет Н. С. Алексеев в письме от 20 октября 1826 года: — Сандулаки вышла замуж; Соловкина умерла; Пульхерия состарилась и в бедности; Калипсо в чахотке; как часто по осушенным берегам Быка **хожу я грустный и туманный** и проч., вспоминая милого товарища, который умел вместе и сердить и смешить меня...»

В ответ Пушкин писал Алексееву из Пскова 1 декабря 1826 года:

«Приди, о друг, дай прежних вдохновений,
Минувшею мне жизнию повей!..

Не могу объяснить тебе моего чувства при получении твоего письма... кишиневские звуки, берег Быка... Милый мой, ты возвратил меня Бессарабии!»

Другим, не менее близким другом Пушкина в Кишиневе, был прапорщик генерального штаба В. П. Гор-

[1] «Русский Архив», № 8—9, стб. 1223—1224.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

чаков. О Владимире Петровиче Горчакове, оставившем правдивые воспоминания о поэте, мы располагаем незначительными биографическими сведениями. «Душа души моей» — назвал его Пушкин. И Горчаков, как и Алексеев, были, по свидетельству И. П. Липранди, неразлучны с Пушкиным. Хотя и не профессионал-писатель, В. П. Горчаков печатал свои стихотворения и беллетристические произведения. Судя по единственному дошедшему до нас письму Пушкина к Горчакову от октября — ноября 1822 года (от Горчакова к Пушкину есть только одна деловая записка), Пушкин ценил критические замечания Горчакова. Так, соглашаясь с некоторыми замечаниями его о поэме «Кавказский пленник», Пушкин пишет: «Замечания твои, моя радость, очень справедливы и слишком снисходительны»[1].

Приехав в Кишинев в начале ноября 1820 года, Горчаков был вначале дивизионным квартирмейстером при штабе 16-й пехотной дивизии, а затем, с мая 1822 года, работал в топографической комиссии полковника Корниловича.

Пушкин, очевидно, встречался с полковником Корниловичем, поскольку был в самых близких отношениях с офицером топографической комиссии В. П. Горчаковым и встречался с офицерами этой же комиссии: Ф. Н. Лугининым, Зубовым, Кеком, Полторацкими. Кроме Горчакова, Пушкин был близок с офицером этой же комиссии поэтом А. Ф. Вельтманом. Занимаясь литературной деятельностью, Вельтман, который по своим политическим взглядам не шел далее умеренного либерализма, вскоре сблизился с Пушкиным на почве общих литературных интересов и был с ним очень дружен. По свидетельству И. П. Липранди, Пушкин «...умел среди всех отличить А. Ф. Вельтмана, любимого и уважаемого всеми оттенками; он один из немногих, который мог доставлять пищу уму и любознательности Пушкина... Он безусловно не ахал каждому произнесенному стиху Пушкина, мог и делал свои замечания, входил с ним в разбор и это не нравилось Александру Сергеевичу...»[2].

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XIII, стр. 52.

[2] *И. П. Липранди.* Из дневника и воспоминаний. «Русский Архив», 1866, стб. 1251.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Узнав, что Вельтман пишет стихи и, в частности, сочиняет молдавскую сказку в стихах «Янко-чабан», Пушкин, как рассказывает в своих воспоминаниях Вельтман, посетил поэта и «хохотал от души над некоторыми местами описаний моего «Янка», великана и дурня, который, обрадовавшись, так рос, что вскоре не стало места в хате отцу и матери, и младенец, проломив ручонкой стену, вылупился из хаты как из яйца»[1].

Уехав из Кишинева ранее Пушкина, Вельтман встретился с ним только через девять лет — в 1831 году в Москве. К тому времени Вельтман стал известным писателем, автором ряда исторических, этнографических и художественных произведений, посвященных главным образом Молдавии. Большинство этих произведений было напечатано в 40-х годах XIX века. Среди них можно назвать такие: «Начертание древней истории Бессарабии» (М., 1828 г.); «Странник» (чч. I и II опубликованы в 1831 году, ч. III — в 1834 г. и полностью — в 1840 г.); «Костештские скалы» («Одесский альманах», 1840 г.); «Урсул» («Сто русских литераторов», т. II, 1841 г.); Рассказ «Илья Ларин» («Московский городской листок», 1847 г., № 8); «Два майора» («Москвитянин», 1848 г., № I); «Приключения, почерпнутые из моря житейского» (М., 1863 г.) и др.[2]

Кроме близких друзей, у Пушкина был ряд хороших знакомых. Среди них И. П. Липранди, областной почтмейстер А. П. Алексеев, офицеры И. М. Друганов, В. Ф. Калакуцкий, двоюродные братья Полторацкие — Алексей Павлович и Михаил Александрович, В. Т. Кек. Здесь же, в Кишиневе, Пушкин встречался и со своим лицейским товарищем К. К. Данзасом. Об этом свидетельствуют В. Ф. Раевский, И. П. Липранди и Ф. Н. Лугинин. В своих записках В. Ф. Раевский пишет: «Данзас Константин Карлович (товарищ и секундант Пушкина),

---

[1] Об этом факте жизни Вельтмана в Бессарабии и встречах его с Пушкиным см.: «Бессарабские воспоминания А. Ф. Вельтмана и его знакомство с Пушкиным». *Л. Майков.* Пушкин. Биографические материалы. СПб., 1899, стр. 92—136.

[2] О Вельтмане см.: *А. С. Кидель.* А. Ф. Вельтман. «Днестр», 1957, № 3, стр. 130—136.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

с которым познакомил меня Пушкин в Кишиневе»[1]. И. П. Липранди указывает: «Во время пребывания Пушкина (в Кишиневе. — *Б. Т.*) Данзас был поручиком пионерного батальона, квартировавшего в Бендерах. Данзас бывал в Кишиневе, где Пушкин с ним виделся»[2].

6. И. П. Липранди — кто же он?

Прежде чем перейти к следующей теме: «Пушкин и южные декабристы», мы считаем необходимым особо остановиться на личности И. П. Липранди, которого некоторые исследователи (П. А. Садиков, М. В. Нечкина и другие), несмотря на наличие обличительных фактов, зачисляют в число южных декабристов и отказываются признавать тайным агентом-провокатором царской охранки в тот период, когда он жил в Молдавии, относя его агентурную деятельность к более позднему периоду.

Декабрь 1975 г. — 150-летие со дня восстания декабристов. И поэтому точное уяснение политического лица И. П. Липранди, его роли и места в кишиневской ячейке Южного тайного общества декабристов является крайне нужным и важным делом.

И. П. Липранди, послуживший в известной мере Пушкину прототипом Сильвио (герой повести «Выстрел»), являлся тогда для многих «загадочной фигурой». Отец его, уроженец Пьемонта, куда его предки переселились в XVIII веке из Барселоны, с 1775 года переехал в Россию, где 17 июня 1790 года родился его первый сын Иван Петрович Липранди. Участник войны России с Финляндией (1808—1809 гг.) и Отечественной войны 1812 года, И. П. Липранди уже с 1813 года работал в военно-политическом сыске, о чем он впоследствии сам рассказывал. Это и дало повод отдельным исследователям до сего времени резко противопоставлять деятельность Липранди в военно-политическом сыске деятельности его (уже ставшей известной в 40-х гг.) в качестве агента-провокатора тайной полиции.

Одна из многочисленных дуэльных историй

---

[1] *П. Е. Щеголев.* Декабристы. М., 1926, стр. 80

[2] *И. П. Липранди.* Из дневника. «Русский Архив», 1866, № 10, стб. 1489.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

И. П. Липранди вынудила его перейти из гвардии в рядовой армейский полк. Назначенный 7 января 1920 года в Камчатский полк, Липранди прибыл в Молдавию, где ему, по его словам, было поручено «собирание сведений о действиях турок в придунайских княжествах и Болгарии». Высоко образованный и начитанный, он хорошо знал историю тогдашней «Оттоманской империи» и Молдавии. Отмечая в черновых набросках «Примечаний к «Цыганам» «истинную ученость» Липранди, Пушкин сообщает о написании Липранди «Исторического и статистического описания Бессарабии» (до сих пор еще не опубликованного). Имея книги, как пишет сам И. П. Липранди в своих записках, «...о крае с самой глубокой древности», он «занимался некоторыми разысканиями и сводом повествований разных историков, древних и им последовавших, вообще о пространстве, занимающем Европейскую Турцию»[1]. Богатейшая библиотека Липранди, включавшая литературу о Турции на всех языках, вышедшую за период 1820—1830 гг., была приобретена в 1856 году Генеральным штабом. Пушкин пользовался библиотекой Липранди, откуда брал книги по истории Молдавии, географии, литературе славянских народов и записи, доставляемые владельцу библиотеки сербскими воеводами, но, в первую очередь, произведения Овидия. «Первое сочинение им у меня взятое,— свидетельствует Липранди,— был Овидий». Перу Липранди, как историка и библиографа, принадлежит ряд статей в периодической печати, преимущественно в «Русском Архиве».

Необходимо отметить, что в фонде И. П. Липранди, хранящемся в ЦГИА (Ленинград), имеется значительное количество неопубликованных или опубликованных частично работ, главным образом по истории Молдавии, Валахии, Бессарабии, Оттоманской империи, по национально-освободительному движению народов на Балканах. Среди этих работ можно назвать такие как: «Опыт словоистолкователя Оттоманской империи... с присовокуплением краткого по всем отраслям описания европейских областей империи Румелии, Македонии, Албании, Черногории, Герцеговины, Боснии, Турецкой

---

[1] *И. П. Липранди.* Из дневника... «Русский Архив», 1866, стб. 1261.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Кроации, Сербии, Булгарии, земель некрасовцев, запорожцев, добруджских татар, Молдавии и Валахии...», «Краткий очерк истории Молдавии и Валахии», «Историческое, статистическое и военное описание Бессарабии», «Опыт изложения древней и новой истории Бессарабской области», «Восстание пандур под предводительством Тудора Владимиреску», «Исторические, географические и другие выписки о Болгарии, сделанные Липранди» (3 тетради), и другие[1].

Что касается политического лица Липранди, то деятельность его в послекишиневский период как провокатора, гнусного предателя петрашевцев не вызывает никаких сомнений. О нем со жгучим презрением писал А. И. Герцен, а Н. Г. Чернышевский в своем «Дневнике» упомянул о нем, как об одном из подлецов, которые губят людей. Но в отношении кишиневского периода имеются самые противоречивые версии. В письме к П. А. Вяземскому из Кишинева от 2 января 1822 года Пушкин писал о Липранди: «Он мне добрый приятель и (верная порука за честь и ум) не любим нашим правительством и в свою очередь не любит его»[2]. Декабрист С. Г. Волконский в своих «Записках» писал, что Липранди был «...в уважение его передовых мыслей и убеждений принят в члены открывшегося в 15-й дивизии отдела Тайного общества, известного под названием «Зеленой книги»[3] (по цвету обложки Устава декабристского тайного общества «Союза Благоденствия».—*Б. Т.*). Тайные правительственные агенты доносили властям: «Липранди говорит часовым, у него стоящим: «Не утаивайте от меня, кто вас обидел, я тотчас доведу до дивизионного командира. Я ваш защитник. Молите бога за него и за меня. Мы вас в обиду не дадим, и, как часовые, так и вестовые наставление сие передайте один другому»[4]. На основании этих данных ряд исследователей (П. А. Садиков и другие) считает, что Липранди был декабристом и в начале 1820 года будто бы «...далеко еще не был тем, чем стал впоследствии...» Отсюда

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 673, оп. 1.

[2] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XIII, стр. 84.

[3] «Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста)». СПб., 1901, стр. 318.

[4] «Русская старина», 1883, т. 40, стр. 657—658; *П. Е. Щеголев.* Исторические этюды. СПб., 1913, стр. 191—192.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

делается вывод, что «...в дни пребывания в Бессарабии Пушкина И. П. Липранди не служил в тайной полиции, провокатором-агентом быть не мог. Все это относится к более поздним годам»[1].

Однако, сопоставляя ряд других, не менее веских фактов, нам кажется более вероятной другая версия, выдвинутая П. Е. Щеголевым, С. Я. Гессеном, С. Штрайхом[2], согласно которой **Липранди являлся тайным агентом во время своего пребывания в Кишиневе.** Ф. Ф. Вигель в своих «Записках» сообщает, что Липранди в бытность свою в Париже, в 1816 году, был в близких отношениях с Видоком, главой парижской сыскной полиции, одним из самых отвратительных агентов-провокаторов. Липранди в это время выполнял ряд поручений по сыскным делам в русской армии, находившейся за границей. Давних своих и не просто обычных деловых, а дружеских связей с виднейшими руководителями политического сыска — шефами жандармского отделения А. Х. Бенкендорфом и Л. В. Дубельтом Липранди и сам не скрывал. В 1872 г. он пишет о своей «испытанной 37-летней взаимной дружбе» с Л. В. Дубельтом. И здесь же в «Объяснении» к своей «Записке» в III отделение, поданной в 1849 году, которая является целым трактатом о формах и методах агентурно-провокаторской деятельности, Липранди пишет, что революционные заговоры — это «зло великой важности, угрожающее коренным потрясением общественному и государственному порядку», и далее «таков мой образ мыслей и таково мое внутреннее убеждение». «Я почитал себя в обязанности,— указывает Липранди,— следить все нити порученного моему наблюдению дела, как бы они при первом взгляде не представлялись ничтожными и не заслуживающими внимания»[3]. Вот оказывается откуда такая подозрительно глубокая и обширная

---

[1] *П. А. Садиков.* И. П. Липранди в Бессарабии 1820 (по новым материалам). «Пушкин. Временник», № 6, 1941, стр. 74, *В. Базанов.* Декабристы в Кишиневе. (М. Ф. Орлов и В. Ф. Раевский). Кишинев, Госиздат Молдавии. 1951, стр. 79.

[2] *П. Е. Щеголев.* Декабристы. Л., 1926, стр. 25—26; *С. Я. Гессен.* Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников. Л., 1936 г., стр. 588; *С. Штрайх.* Знакомец Пушкина — И. П. Липранди. «Красная Новь», 1935, кн. вторая, февраль, стр. 215.

[3] «Записка» И. П. Липранди. «Русская старина», 1872, т. VI, стр. 70—71, 83, 85.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

осведомленность Липранди о кишиневской жизни, обрисованной так подробно в его воспоминаниях, которые являются отнюдь не поверхностными наблюдениями обыкновенного жителя Кишинева (какими, скажем, были В. П. Горчаков, либо А. Ф. Вельтман), а заметками тайного агента, обязанного знать все «ничтожные нити» событий, дел и людей, окружающих его. Любопытно отметить, что «Записка» Липранди по ряду своих мыслей о значении агентурно-шпионской деятельности, призванной предупреждать революционные восстания, совпадает с содержанием известной записки (как предполагают, принадлежащей Грибовскому) к Александру I. Бенкендорф же счел необходимым лично «чувствительнейше» поблагодарить Липранди за его рассуждения о полицейском сыске.

25 июля 1821 года И. П. Липранди был переведен из Камчатского в Якутский пехотный полк в том же чине подполковника. 4 февраля 1822 года Липранди с подозрительной неожиданностью выезжает на четыре с лишним месяца в Петербург. А через день (!), 6 февраля, был арестован В. Ф. Раевский и затем начались репрессии против видных деятелей кишиневской ячейки Южного тайного общества. 11 ноября 1822 г. Липранди неожиданно вышел в отставку в чине полковника, а 17 января 1826 года был арестован по делу декабристов. Однако, как он рассказывал в своих «Записках», он был вполне уверен в своем скором возвращении. И действительно, 19 февраля того же года Липранди был освобожден, причем в «Алфавите декабристов» было записано, что он, Липранди, к тайному обществу не принадлежал, о существовании такового не знал и ни с кем из членов его сношений не имел[1] (?!)

По возвращении в Кишинев Липранди становится адъютантом графа М. С. Воронцова, генерал-губернатора Новороссийского края. Н. С. Алексеев в письме к Пушкину из Кишинева от 30 сентября 1826 года сообщает, что Липранди «живет по-прежнему здесь довольно открыто и, как другой Калиостро, бог знает, откуда берет деньги». Видимо, Алексеев уже признал в Липранди нечистоплотного в морально-политическом отношении человека, подозревая его в давних связях с полицией,

[1] «Восстание декабристов», т. VIII. Л., 1925, стр. 144.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ибо в другом письме к Пушкину от 20 марта 1827 года сообщает о следующем неблаговидном поступке Липранди. В местном кишиневском саду должна была состояться дуэль между кишиневскими жителями Сушковым и Варламом. Алексеев был секундантом у Варлама, а Липранди у Сушкова. Но Липранди оповестил полицию. «...Ни гвардейский мундир, ни звание адъютанта графа Воронцова не могли переделать врожденных чувств: полиция, комендант и отряд жандармов были извещены еще с утра»,— с негодованием сообщает Н. С. Алексеев.

Дуэль не состоялась, и «мы (заключает Алексеев) удалились с презрением к подлецу»[1]. Примечательно и то, что Алексеев, Сушков и Варлам были привлечены к следствию за участие в дуэли, и только один участник дуэли — Липранди — избежал следствия.

В 1828 году Липранди оставил Молдавию, т. к. его назначили начальником вновь учрежденной высшей тайной заграничной полиции. Назначение Липранди последовало по личному указанию Николая I. И тут возникает естественный вопрос. Как могло случиться, что человек, попавший в «Алфавит декабристов», пускай (по мнению некоторых исследователей) не состоявший членом тайного общества, оправданный, но все же бывший на подозрении в связи с делом декабристов, получил из рук самого царя столь значительный пост, который мог занять только старый и опытный, не бывший никогда на подозрении и преданный царизму агент-провокатор. Мы уже не говорим о том, что в **полном несоответствии со свидетельством Волконского (не верить которому нет оснований) о пребывании Липранди в Тайном обществе и с донесениями тайных агентов о пропаганде Липранди среди солдат находится текст Алфавита декабристов, гласящий, что Липранди к тайному обществу не принадлежал, о существовании его не знал, и ни с кем из членов его связей не имел.** Нет, видимо, «образ мыслей» и «внутреннее убеждение» Липранди как опытного агента-провокатора и оказание царизму немалых услуг в разгроме кишиневской ячейки Южного тайного общества декабристов — вот что дало ему этот высокий пост в сыскном деле.

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XIII, стр. 301 и 324.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

А вот еще интересные недавно опубликованные материалы подтверждают наше мнение о И. П. Липранди как агенте царизма уже в кишиневский период (см. «Вопросы литературы», 1974 г., № 6, стр. 207). По свидетельству командира 17-й дивизии генерал-майора С. Желтухина И. П. Липранди при своем аресте говорил: «Меня берут понапрасну, разве за то только, что я в коротких связях и переписке был с Муравьевым-Апостолом». Но ведь С. Муравьев-Апостол, как известно, был не рядовой декабрист, а один из руководителей восставшего (на Украине) Черниговского полка и был повешен в числе пяти главных деятелей декабризма.

Далее С. Желтухин сообщает, что И. П. Липранди при своем аресте говорил: «Мне де стоит поговорить с Николаем Павловичем (Николаем I. — *Б. Т.*) и тогда оправдаюсь, буду освобожден и еще сделают меня или камергером или флигель-адъютантом».

Липранди знал, что говорил!

Все вышеприведенные факты дают основание считать, что Липранди никогда декабристом не был, что он находился на сыскной службе в качестве агента-провокатора царского правительства уже в период пребывания в Кишиневе и даже до своего приезда в Молдавию. Что же касается его «антиправительственных выступлений» и ареста царскими властями, то это лишь испытанная форма провокаторской работы, в результате которой агент, проникший в революционную организацию, а затем подвергнутый незначительным репрессиям, представляется неопытным лицам «активным борцом с самодержавием».

Нельзя не коснуться и другого вопроса: почему Липранди, который, конечно, хорошо был осведомлен об антиправительственных высказываниях Пушкина, не сообщил о них соответствующим органам? Видимо, только потому (и другое объяснение трудно найти), что Липранди считал достаточными те сведения о Пушкине, которые, как он полагал, должен был сообщать генерал Инзов, под надзор которого был послан Пушкин.

Приведенный выше положительный отзыв Пушкина о Липранди является следствием заблуждений поэта, который позднее рассматривал агентурно-политическую деятельность Липранди только как ренегатство, отступничество от его революционной в прошлом деятельно-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

сти. В «Программе записок», относящейся к 1833 г., мы читаем: «Кишинев...— Липр(анди) — 12 год — смерть жены — **ренегат**...»[1] (подчеркнуто мною. — *Б. Т.*)

В связи с вышеизложенным, кишиневские воспоминания Липранди должны быть использованы критически, с максимальной осторожностью и особенно там, где дело касается политических характеристик лиц и событий. Благодаря же исключительной подробности, воспоминания Липранди в целом дают богатый материал в части фактических данных, относящихся к жизни Пушкина в Кишиневе, самому городу, его быту и нравам.

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XII, стр. 210.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ГЛАВА ВТОРАЯ

«ОТЧИЗНЕ ПОСВЯТИМ ДУШИ ПРЕКРАСНЫЕ ПОРЫВЫ...»

1. «Младые граждане кипят и негодуют»

Характеризуя роль декабристов, представителей первого этапа революционно-освободительного движения в России, Ленин писал: «В 1825 г. Россия впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами»[1]. А в другом месте В. И. Ленин скажет, что «лучшие люди из дворян помогли разбудить народ»[2].

Пушкин, не был формально членом декабристских организаций, однако являлся политическим единомышленником декабристов, их поэтом-трибуном, поэтическим выразителем революционно-освободительных идей.

Особенно тесные связи с декабристами установились у Пушкина в Молдавии, где поэт был дружен с членами наиболее боевого отряда декабристов — Южного тайного общества, ячейка которого находилась в Кишиневе.

Поэтому мы не можем, говоря о декабристах, не говорить о их поэте-трибуне А. С. Пушкине, говоря о поэте, не говорить о декабристах.

Князь С. Г. Волконский, один из руководителей Южного общества, бригадный командир 19-й пехотной дивизии, писал в своих «Записках»: «Южная и Северная думы приняли два различных направления: первая положила себе целью демократический переворот; вторая— монархически-конституционный...»

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 315.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 398.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Дела Южного общества,—продолжает С. Г. Волконский,— замышляющего радикальный переворот... быстрыми шагами подвигались вперед... Действия же Северного общества как по существу своему, так и по принятым им началам были не так живительны и более относились к приготовлению разных проектов конституции...» Южное общество ставило перед собой задачу «...вслед за переворотом учредить временное правительство на три года, а впоследствии отобрать от народа или через назначенных через него доверителей, чего и что захочет Россия»[1].

Кишиневская ячейка Южного общества (и это отличало ее от Северного общества) не ограничивала политическую пропаганду узким кругом офицерства, а вела усиленную политико-просветительную, агитационную работу среди солдат, в частности в т. н. ланкастерских школах — школах грамоты — в 16-й дивизии М. Ф. Орлова. Среди учеников этих школ, по свидетельству В. Ф. Раевского, находились «дети большею частью из низкой молдавской и польской шляхты».

И нужно сказать, что Южное общество, и особенно его Кишиневская ячейка, имели в лице солдатских масс и низшего офицерства, входящих в состав 16-й дивизии, расквартированной в тогдашней Бессарабии, прекрасных союзников в выполнении своих революционных замыслов. В полках, входящих в состав дивизии, находилось немало бывших «семеновцев», служивших ранее в гвардейском Семеновском полку в Петербурге, в котором произошло восстание в середине октября 1820 года. О том, какую революционную взрывчатую массу представляли солдаты 16-й дивизии, свидетельствует тот факт, что в течение 1821 года произошли серьезные солдатские выступления в четырех полках из шести, входящих в состав 16-й дивизии. Подобные события не могли не превратить Кишинев в один из важнейших центров активного декабристского движения, что заставляло, по определению одного очевидца, ожидать «не пришествия турок, но внутреннего мятежа». Кишиневская ячейка Южного тайного общества декабристов, в состав которой входили такие сторонники «неистовых

[1] «Записки С. Г. Волконского (декабриста)». СПб., 1901, стр. 420.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

мер», как М. Ф. Орлов, В. Ф. Раевский и К. А. Охотников, являлась на этом историческом этапе (1820—1822 гг.) наиболее активным ядром декабристского движения в целом. Если бы не арест В. Ф. Раевского и последовавшие затем репрессии против М. Ф. Орлова и других кишиневских декабристов то, быть может, план военного восстания против царизма начал бы осуществляться именно силами 16-й дивизии под руководством кишиневских декабристов. Недаром П. И. Пестель хотел начать восстание с освобождения из Тираспольской крепости В. Ф. Раевского, как одного из главных руководителей южных декабристов.

Осознание выдающейся революционно-политической роли и значения кишиневской ячейки дает возможность объяснить главнейшие факты политической и творческой биографии Пушкина этого периода, вскрыть причины повышенной литературно-политической активности Пушкина и обусловленность круга тех идей и тем, которые составляли содержание его творчества в кишиневский период.

Во время пребывания в Молдавии Пушкин был в самых близких дружеских отношениях с членами тайного Южного общества: генералом М. Ф. Орловым, майором В. Ф. Раевским, капитаном К. А. Охотниковым, бригадным генералом П. С. Пущиным. Об этом Пушкин впоследствии писал в письме к В. А. Жуковскому, прося последнего сжечь письмо по прочтении: «Все-таки я от жандарма еще не ушел, легко может, уличат меня в политических разговорах с каким-нибудь из обвиненных. А между ими друзей моих довольно... **в Кишиневе** (подчеркнуто нами.— *Б. Т.*) я был дружен с майором Раевским, с генералом Пущиным и Орловым. Я, наконец, был в связи с большой частью нынешних заговорщиков»[1].

Генерал М. Ф. Орлов и поэт-декабрист В. Ф. Раевский занимают видное место в биографии Пушкина в период его пребывания в Молдавии. «Когда будет написана биография Пушкина,— указывает Гершензон,— Раевскому и Орлову будет отведено в ней видное место»[2].

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XIII, стр. 257.

[2] *М. Гершензон.* М. Ф. Орлов. История молодой России. М., 1908, гл. I, стр. 18.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

М. Ф. Орлов командир 16-й дивизии, расквартированной в Молдавии, был одним из ближайших друзей Пушкина[1].

Будучи ранее начальником штаба 4-го корпуса (который находился в Киеве) при генерале Н. Н. Раевском, М. Ф. Орлов с конца июля 1820 г., т. е. незадолго до приезда Пушкина в Молдавию, живет уже в Кишиневе, командуя 16-й дивизией. Местные архивные материалы свидетельствуют, что если 24 июля 1820 года из канцелярии наместника бумаги направлены на имя временно исполняющего обязанности командира 16-й дивизии П. С. Пущина, то 28 июля того же года эти бумаги направлены на имя М. Ф. Орлова[2].

Кроме того, и сам М. Ф. Орлов в отношении на имя Катакази от 23 июля 1820 года (видимо, в день приезда в Кишинев) сообщает, что «отведенною мне в г. Кишиневе квартирою я собственно доволен, но пристроек для людей равно конюшен и сарая вовсе нет...»[3] На второй день после приезда в Кишинев Пушкин обедал у Орлова, где познакомился с офицерами дивизии, декабристом К. А. Охотниковым, главным квартирмейстером дивизии В. П. Горчаковым, бригадным генералом П. С. Пущиным, офицером съемочной комиссии поэтом А. Ф. Вельтманом и другими.

Одним из ближайших друзей Пушкина стал видный деятель кишиневской ячейки Южного тайного общества капитан, затем майор 32-го егерского полка, старший дивизионный адъютант командира 16-й дивизии декабрист Константин Алексеевич Охотников. По свидетельству И. П. Липранди, это «в полном смысле слова, был человек высшего образования и начитанности» и

---

[1] О М. Ф. Орлове см.: 1) *С. Гессен.* Солдатские волнения в начале XIX века. М., 1926, стр. 101—106; 2) *П. С. Попов.* М. Ф. Орлов и 14 декабря. «Красный Архив», т. XIII, 1925, стр. 297—314; 3) *С. Н. Чернов.* К истории политических столкновений на Московском съезде 1821. Саратов, 1925; 4) *В. Г. Базанов.* Декабристы в Кишиневе (М. Ф. Орлов и В. Ф. Раевский). Кишинев, 1951, стр. 3—25 и 73—92; 5) *М. Гершензон.* История молодой России, «М. Ф. Орлов», 1923; изд. 2-е; 6) «Литературное наследство», т. 60, кн. I, М., АН СССР, 1956, стр. 7—46; 7) *М. Ф. Орлов.* Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., АН СССР, 1963.

[2] ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 681, л. 62.

[3] ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 592, л. 32.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

пользовался большим уважением Пушкина, который «не раз обращался к нему (Охотникову) с серьезными разговорами, что по большей части случалось у Орлова»[1]. Эти беседы с Охотниковым, а также А. Ф. Вельтманом и В. Ф. Раевским во многом содействовали развитию у Пушкина интереса к науке.

2. «Я был дружен с майором Раевским»

Особо видное место в жизни Пушкина в кишиневский период занимал майор 32-го егерского полка, поэт, «первый декабрист» Владимир Федосеевич Раевский[2] (имевший самое дальнее родственное отношение к семье генерала Н. Н. Раевского). Пушкин шутливо говорил, что ему на Раевских везет.

Прежде чем изложить биографию В. Ф. Раевского, нужно заметить, что многие данные о нем, даже в специальной литературе, носят противоречивый характер. Мы встречаемся с большим разнобоем в датировке ряда фактов из биографии Раевского и, в частности, именно в период его пребывания в Молдавии. Это, очевидно, вызвано противоречивостью свидетельств самого Раевского, имеющих место в его «Воспоминаниях», в показаниях следственной комиссии и в собственноручном послужном формуляре Раевского.

9 февраля 1820 г. Раевский был направлен на службу в 32-й Егерский полк (в Аккерман), куда он приехал в чине капитана в середине февраля 1820 года.

Очевидно, именно в то время, когда Раевский про-

---

[1] «Русский Архив», №№ 8—9, стб. 1252—1253.

[2] О В. Ф. Раевском см.: 1) *В. Г. Базанов.* Владимир Федосеевич Раевский. Л.—М., 1949. Его же: «Декабристы в Кишиневе». (М. Ф. Орлов и В. Ф. Раевский), Кишинев, 1951, стр. 25—35, 55—73; 2) *П. С. Бейсов.* Новое о Раевском. «Ученые записки Ульяновского государственного педагогического института. Пушкинский юбилейный сборник», 1949, стр. 210—246. Его же: «Творческий путь Владимира Раевского» и «Курс поэзии Владимира Раевского». «Ученые записки Ульяновского пединститута», вып. IV, 1950, стр. 177—236; 3) *П. Щеголев.* Возвращение декабриста (1858). (В. Ф. Раевский). «Современник», декабрь, 1912, стр. 287—300; 4) «Заметки Владимира Федосеевича Раевского о заключении его в крепость». «Русская старина», 18/3, т. VII, стр. 376—379; 5) «Вестник Европы», 1874, т. III, кн. 6-я, июнь, стр. 857—858; Л.*, Заметка по поводу статьи П. В. Анненкова о Пушкине; 6) «Литературное наследство», т. 60, кн. I. М., АН СССР, 1956, стр. 47—170.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

езжал через Тульчин в Аккерман, он и был принят в члены Союза Благоденствия офицером Комаровым. Можно предполагать, что Раевский был принят ранее, в 1818 г. при первом проезде через Тульчин в 32-й егерский полк.

1819 год как дату принятия Раевского в Общество (эту дату дает П. С. Бейсов на основании утверждений самого Раевского в его «Воспоминаниях» и собственноручном послужном формуляре) нельзя признать верной, ибо сам Раевский ошибочно, вопреки официальным документам, определяет даты поступления и перехода в 32-й егерский полк — 1817 г. вместо 1818 г. и 1818 г. вместо 1820 г., а отсюда неверна и дата проезда через Тульчин и приема его в Общество. А поскольку Раевского (по его свидетельству) принимали в Общество в Тульчине, то там он мог быть только в 1818 или в 1820 гг.

22 апреля 1821 г. Раевский был произведен в майоры. Когда же он переехал из Аккермана (сдав батальон 32-го егерского полка) в Кишинев?

В своем «формуляре» Раевский пишет, что произведен в майоры в 1820 году и в это же время сдал батальон и принял в управление военную школу в г. Кишиневе.

Однако будет более верным утверждение, что **Раевский переехал в Кишинев** и, сдав полковую школу юнкеров в Аккермане, принял дивизионную **в августе 1821 г.** (как указывает и П. С. Бейсов).

Эта дата (август 1821 г.) утверждается на основании писем самого Раевского к Охотникову из Аккермана от конца июля 1821 года, в которых он сообщает о разрешении генерала Орлова переехать в Кишинев. «Буде можно, — пишет Охотникову Раевский, — похлопочи о квартире недалеко от школы и от тебя»[1].

Однако знакомство Пушкина с В. Ф. Раевским состоялось раньше. Как свидетельствует в своих воспоминаниях В. П. Горчаков, Пушкин впервые встретился и познакомился с В. Ф. Раевским в первой половине марта 1821 г. на обеде у генерала М. Ф. Орлова[2].

---

[1] *В. Ф. Раевский.* Сочинения. Ульяновское книжное издательство, 1961, стр. 197.

[2] «Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников». Л., ГИХЛ, 1936, стр. 157—158.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

В Кишиневе Раевский вел активную революционную пропаганду среди солдат и юнкеров.

Так, в своем докладе царю генерал Дибич писал: «Для обучения солдат и юнкеров, вместо данных от начальства печатных литографских прописей и разных учебных книг, Раевский приготовил свои рукописные прописи, поместив в оных слова: «Свобода, равенство, конституция, Квирога, Вашингтон, Мирабо» и при слушании юнкерами уроков говорил: «Квирога, будучи полковником, сделал в Мадриде революцию; когда въезжал в город, то самые значительные дамы и весь народ вышли к нему навстречу и бросали цветы к ногам его; Мирабо был тоже участником во французской революции и писал много против государя, и что конституционное правление лучше всех правлений, а особливо нашего монархического, которое хотя и называется монархическим, но управляется деспотизмом».

Кроме того, Раевский писал, что Александр I «...медлит дать конституцию народу русскому, и миллионы скрывают свое отчаяние до первой искры». Раевский называл солдат восставшего (в 1821 г.) Семеновского полка «молодцами» и, «...объявляя нижним чинам о происшествии Семеновского полка, говорил: «Придет время, в которое должно будет, ребята, и вам опомниться»[1].

Интересен и «Курс поэзии», составленный самим Раевским и читанный им в школе юнкеров. Весь курс был построен на материале русской, главным образом вольнолюбивой и патриотической поэзии. Это использовалось Раевским для воспитания юнкеров и солдат[2].

5 февраля 1822 года, как об этом свидетельствует сам Раевский в своих «Воспоминаниях», Пушкин, придя на квартиру к Раевскому, предупредил его о грозящем аресте. На другой день, 6 февраля 1822 г., Раевский был арестован и посажен в Тираспольскую крепость.

В. Ф. Раевский занимался изучением истории молдавского народа. Об этом свидетельствуют его «Заметки о Бессарабии...» Раевский описывает поселения

---

[1] *П. Е. Щеголев.* Владимир Раевский. Исторические этюды. СПб., 1917, стр. 237—239.

[2] *П. Бейсов.* Курс поэзии Владимира Раевского. «Ученые записки Ульяновского педагогического института», выпуск IV. Ульяновск, 1950, стр. 224—236.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

антов-славян, живших на территории Бессарабии. Эти записи обрываются на XII веке. По всей вероятности, причиной этого послужил арест Раевского.

Раевский уделял большое внимание тяжелому положению молдавских крестьян, страдавших под двойным гнетом: русского царизма и молдавского боярства. Как пишет Раевский, молдавские крестьяне платили налог царскому правительству, и, кроме того, «по принятому здесь правилу, бояре берут с крестьян за право владеть землей, по десятине или по десятой доле всех произведений...»

В этой работе Раевский характеризует «торгующий класс» Молдавии, отмечая его многонациональный состав, и останавливается на состоянии промышленности Бессарабии, объясняя ее слабое развитие, прежде всего паразитизмом боярства, которое, не заботясь о будущем, проводило время в безделье и празднествах.

Раевский отдал все свои силы революционной пропаганде среди солдат, делу борьбы с самодержавием. Впоследствии он писал в одном из своих стихотворений:

Не для себя я в этом мире жил,
И людям жизнь я щедро раздарил...[1]

«В записке о рабстве» В. Ф. Раевский писал: «Кто дал человеку право называть человека **моим и собственным?** По какому праву тело и имущество и даже душа одного может принадлежать другому?» И далее: **«Граждане! Тут не слабые меры нужны, но решительный и внезапный удар!»**[2]

Иногда приходится встречаться с неправильной датировкой ареста В. Ф. Раевского. Так, И. П. Липранди[3] и, видимо, вслед за ним В. Г. Базанов[4] ошибочно указывают на дату ареста В. Ф. Раевского — 5 февраля 1822 года. Эта же дата указана и в «Истории Молдавии»[5]. Однако в действительности Раевский был аре-

---

[1] *В. Ф. Раевский.* Сочинения. Ульяновское книжное изд-во, 1961, стр. 137.

[2] *В. Г. Базанов.* В. Ф. Раевский, стр. 108—109.

[3] См.: «Русский Архив», 1866, № 10, стб. 1487.

[4] *В. Г. Базанов.* Владимир Федосеевич Раевский. М., АН СССР, 1949, стр. 9.

[5] «История Молдавии», т. I, Кишинев, 1951, стр. 614.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

стован 6 февраля 1822 года, о чем сообщает начальник главного штаба граф Дибич в своем докладе на имя царя, отмечая, что «генерал Сабанеев исполнил сие (т. е. арест Раевского.— *Б. Т.*) уже 6 февраля 1822 года»[1].

После ареста Раевский обратился к Пушкину с двумя стихотворными посланиями: «К друзьям в Кишинев» и «Певец в темнице». В стихотворении «К друзьям в Кишинев» Раевский, призывая Пушкина к усилению свободолюбивых мотивов в творчестве, писал: «Воспой те дни, когда в цепях лежала наглая обида».

Пушкин ответил Раевскому двумя (неоконченными) стихотворениями: «Не тем горжусь я, мой певец», «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел». И сохранилось еще двустишие: «Недаром ты ко мне воззвал из глубины глухой темницы», как начало, быть может, третьего поэтического обращения к В. Ф. Раевскому.

На освещении проблемы идейно-творческих связей В. Ф. Раевского и Пушкина нужно остановиться особо, используя анализ стихотворных посланий, которыми обменялись Раевский и Пушкин в 1822 г.

В. Ф. Раевский, как и генерал М. Ф. Орлов, имел значительное влияние на духовное, идейное развитие Пушкина в кишиневский период, равное влиянию на Пушкина Чаадаева в петербургский период.

Выслав Пушкина на юг, царское правительство, само не подозревая этого, приблизило поэта к революционно настроенным кругам декабристского движения, к членам кишиневской ячейки Южного тайного общества декабристов. Это обусловило повышение политической активности Пушкина, привело к усилению свободолюбивых идей в его творчестве. Обыкновенно, по установившейся литературоведческой традиции, петербургский период отмечается как время создания Пушкиным наиболее вольнолюбивых произведений («Вольность», «Деревня», «К Чаадаеву» и т. п). В действительности же творчество Пушкина в кишиневский период является намного более свободолюбивым по своему содержанию и направлению, чем в Петербурге.

Такие произведения Пушкина кишиневского периода,

---

[1] *П. Е. Щеголев.* Декабристы. М.—Л., 1926, стр. 67.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

как стихотворения «Кинжал», «В. Л. Давыдову», «Чаадаеву», «К Овидию», «Наполеон», «Послание цензору», «Узник», «Птичка», «Кто, волны, вас остановил», «Песнь о вещем Олеге» и др., поэмы «Кавказский пленник», «Братья-разбойники», «Гавриилиада», а также одно из замечательных произведений русской публицистики XIX в. «Заметки по русской истории XVIII века» — все эти произведения свидетельствуют об усилении вольнолюбивых мотивов в творчестве Пушкина, о зрелости и глубине общественного содержания его творчества в кишиневский период.

Поэтому прав был П. Е. Щеголев, который отмечал, что «кишиневский период был эпохой наибольшего воздействия на поэта оппозиционных течений первой четверти прошлого века; мы не ошибемся, если скажем, что эти годы были поворотными в отношении Пушкина к движению, в котором принимали участие многие из его друзей... ни в какой другой период Пушкина не занимали так сильно мысли и убеждения, разделявшиеся членами тайного общества и людьми, радикально настроенными; никогда его так не волновали их чувства и настроения. В поэтических произведениях Пушкина, написанных в эти годы, мы найдем немало отражений политической атмосферы, окружавшей поэта»[1].

И нет сомнения в том, что решающее и определяющее идейно-творческое влияние на Пушкина, помимо прямого политического влияния, оказывал «первый декабрист» поэт и друг Пушкина Владимир Федосеевич Раевский.

Проблема взаимоотношений Пушкина и В. Ф. Раевского, характеристика идейно-политических, идейно-творческих связей их освещены как в специальных работах: П. Е. Щеголева, М. А. Цявловского, В. Г. Базанова, П. С. Бейсова, и др., так и в общих работах о Пушкине: Д. Д. Благого, Б. В. Томашевского, Б. С. Мейлаха и других. Значительный материал дают нам и воспоминания И. П. Липранди.

Как же рассматриваются идейно-творческие связи между Пушкиным и В. Ф. Раевским в нашей литературе?

Не отрицая того, что В. Ф. Раевский имел идейно-

---

[1] *П. Е. Щеголев.* Исторические этюды. СПб., 1913, стр. 211.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

политическое влияние на Пушкина в смысле усиления вольнолюбивых декабристских настроений, большинство исследователей, опираясь на анализ стихотворных посланий В. Ф. Раевского из Тираспольской крепости и стихотворные ответы Пушкина делают вывод о появлении у Пушкина в этих ответных посланиях настроений пессимизма, скепсиса, которые получат свое развитие и закрепление в последующих стихах: «Демон» и «Свободы сеятель пустынный».

Таким образом, наблюдается явное противоречие в характеристике содержания и направления идейно-творческого влияния В. Ф. Раевского на Пушкина. С одной стороны, утверждается, что В. Ф. Раевский оказал влияние на усиление вольнолюбивых настроений Пушкина, а с другой стороны,— что Раевский своими посланиями, в которых призывал Пушкина к отказу от интимно-камерной лирики и к обращению к гражданским мотивам, пробудил у Пушкина настроения пессимизма и скепсиса. Каково же в действительности было идейно-творческое влияние В. Ф. Раевского на содержание и направление творчества Пушкина в кишиневский период?

Думается, что мы сумеем правильно ответить на этот вопрос, если будем исходить не из анализа отдельных мотивов стихотворных посланий Пушкина к Раевскому, а из анализа содержания и направления всего творчества Пушкина в кишиневский период, содержания всех посланий Пушкина к Раевскому.

Но прежде чем перейти к анализу этих посланий Пушкина к Раевскому, остановимся коротко на обзоре литературы, посвященной проблеме идейно-творческих отношений В. Ф. Раевского и Пушкина. Первым о них рассказал в своих воспоминаниях о Пушкине И. П. Липранди. Полемические споры между Раевским и Пушкиным проходили главным образом по вопросам понимания народности литературы, правильности литературного языка. Последнее нашло отражение и в известном литературном диалоге В. Ф. Раевского «Вечер в Кишиневе». Кроме того, Липранди сохранил чрезвычайно ценное для нас сообщение о той оценке, которую дал Пушкин посланиям Раевского. Но об этом мы скажем ниже.

П. Е. Щеголев был первым из исследователей, ко-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

торый обратился к проблеме взаимоотношений В. Ф. Раевского и Пушкина в своей работе «Владимир Раевский» («Первый декабрист»), опубликованной вначале в «Вестнике Европы» за 1903 г. кн. IV, а затем в ряде других работ («Декабристы», 1926 г. и др.). Однако Щеголев, в основном, не вышел за пределы пересказа сведений, данных Липранди, и цитирования стихотворных посланий В. Ф. Раевского и Пушкина, не раскрыл идейно-художественного содержания этих посланий.

Первая содержательная работа, посвященная идейно-творческим связям В. Ф. Раевского и Пушкина, написана М. А. Цявловским: «Стихотворения Пушкина, обращенные к В. Ф. Раевскому»[1]. Признавая, что стихотворные послания В. Ф. Раевского глубоко взволновали Пушкина, заставив его задуматься о назначении поэта в обществе, М. А. Цявловский очень верно заключает, что ответное послание Пушкина к Раевскому («Не тем горжусь я, мой певец») является тем произведением, в котором «нельзя не видеть одного из самых значительных, глубоко интимных признаний поэта в его размышлениях о своем призвании. Нам кажется, что зачеркнутые последние два стиха намечают тему бессмертия поэта в потомстве»[2]. Все это верно характеризует идейно-творческое влияние Раевского на Пушкина. Однако, анализируя далее ответные послания Пушкина к Раевскому, М. А. Цявловский пишет о том, что в них есть строфы, «полные глубокого пессимизма. Заключительная строфа уже намечает тему стихотворения «Свободы сеятель пустынный»[3].

Примерно в таком же плане характеризуются идейно-творческие взаимоотношения В. Ф. Раевского и Пушкина, содержание стихотворных посланий Пушкина к Раевскому и в других работах о Пушкине.

Так, Д. Д. Благой в своей книге «Творческий путь Пушкина» отмечает, что стихотворение «Ты прав, мой друг...» окрашено в явно и «резко пессимистические тона» и «оно в какой-то мере подготовляет такие позднейшие его стихотворения, как ...стихи о сеятеле». Но в то же время Д. Д. Благой подчеркивает, что «вольно-

---

[1] «А. С. Пушкин. Временник». АН СССР, № 6, 1941, стр. 42—50.
[2] Там же, стр. 45.
[3] Там же, стр. 50.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

любивые взгляды Пушкина ни в какой мере не изменились»[1].

Не опровергая этих правильных положений М. А. Цявловского и Д. Д. Благого о том, что в посланиях Пушкина к Раевскому имели место мотивы общественного скепсиса, положений, которые другие исследователи фактически только повторяют, варьируя их, мы все же думаем, что оценка посланий только с точки зрения имеющихся в них мотивов общественного пессимизма и скепсиса является односторонней и, более того, не отражающей основного содержания и направления ответных посланий Пушкина к Раевскому. Ведь если признать, что главным содержанием ответных посланий Пушкина являются только эти мотивы пессимизма и скепсиса, тогда мы должны будем, рассуждая логически, признать и следующий парадоксальный факт: следовательно, Пушкин в ответ на призывы Раевского отказаться от интимной и камерной поэзии и обратиться к гражданской лирике («Оставь другим певцам любовь! Любовь ли петь, где брызжет кровь!») ответил ему пессимистическим отрицанием необходимости гражданской лирики, признанием бессмысленности обращения к народам с поэтической проповедью идей борьбы и свободы. Соответствует ли такой вывод характеру самого Пушкина, характеру и содержанию всего творчества Пушкина? Конечно, нет! И хотя ответные послания Пушкина Раевскому и содержат (мы это не отрицаем!) мотивы социального скепсиса, все же не эти мотивы являются основными и определяющими общее их содержание и направление.

Попытаемся это доказать, опираясь на исследование самих текстов посланий Пушкина к Раевскому. Но, прежде чем приступить к анализу посланий, где в поэтической форме изложено то, как реагировал Пушкин на эстетические декларации Раевского, остановимся на том, как Пушкин оценивал в беседах со знакомыми стихотворные послания Раевского. Об этом сохранился очень яркий, живой рассказ И. П. Липранди, который передал Пушкину послание Раевского, получен-

---

[1] *Д. Д. Благой.* Творческий путь Пушкина. М., АН СССР, т. I, 1950, стр. 303—304.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ное им, Липранди, непосредственно от Раевского во время посещения Тираспольской крепости.

Вот этот разговор Пушкина с Липранди.

«Дня через два по моем возвращении в Кишинев Александр Сергеевич зашел ко мне вечером и очень много расспрашивал о Раевском, с видимым участием. Начав читать «Певца в темнице», он заметил, что Раевский упорно хочет брать все из русской истории, что и тут он нашел возможность упоминать о Новгороде и Пскове, о Марфе Посаднице и Вадиме и вдруг остановился. «Как это хорошо, как это сильно; мысль эта мне никогда не встречалась; она давно вертелась в моей голове; но это не в моем роде, это в роде Тираспольской крепости, а хорошо» и проч. Он продолжал читать, но, видимо, более серьезно. На вопрос мой, что ему так понравилось, он отвечал, чтобы я подождал. Окончив, он сел ближе ко мне и к Таушеву и прочитал следующее:

Как истукан, немой народ
Под игом дремлет в тайном страхе.
Над ним бичей кровавый род
И мысль, и взор — казнит на плахе.

Он повторил последнюю строчку, присовокупив: — никто не изображал еще так сильно тирана:

И мысль, и взор — казнит на плахе.

Хорошо выражение и о династии: «Бичей кровавый род» — присовокупил он и прибавил, вздохнув: «После таких стихов не скоро же увидим этого Спартанца».

Из этого чрезвычайно яркого по своей достоверной живости разговора мы видим, какое огромное впечатление на Пушкина оказали послания Раевского, сильно и смело выражающие тираноборческие, вольнолюбивые мотивы поэта-гражданина. Нужно ли доказывать, что не только это послание «Певец в темнице», но и «К друзьям в Кишинев» (или «К друзьям из Тирасполя»), содержащие обличение деспотизма, призывы к восстанию народа («Пора, друзья! Пора воззвать... царя-народа!»), призывы к «певцу Кавказа» оставить «другим певцам любовь! Любовь ли петь, где брызжет кровь!» — оказали огромное, прямо потрясающее влияние на Пушкина, на дальнейшее направление и содержание его поэзии, на усиление общественных, гражданских мотивов в его творчестве.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

А каково было основное содержание и направление ответных посланий Пушкина к Раевскому? Мы думаем, что оно, это направление, в основном совпадает с положениями посланий Раевского, с эстетической и общественной программой «первого декабриста». Анализ содержания их является подтверждением этих наших положений.

Обратимся же к текстам посланий Пушкина.

Первое ответное послание Раевскому (на его стихотворение «Певец в темнице») Пушкин начал такими строчками:

Не даром ты ко мне воззвал
Из глубины глухой темницы..,

признав тем самым, что обращение Раевского к нему, Пушкину, с призывом отказаться от интимно-камерной поэзии и обратиться к гражданской лирике принимается им.

Другое стихотворное послание к Раевскому, являясь ответом на его послание «К друзьям в Кишинев», начиналось тоже знаменательными строчками, выражающими согласие Пушкина с мыслями Раевского.

Ты прав, мой друг,— напрасно я презрел
Дары природы благосклонной,
Я знал досуг, беспечных муз удел,
И наслажденья лени сонной.

И, как бы откликаясь на тираноборческие, вольнолюбивые строки посланий Раевского, гневно и ярко изобличающих деспотизм (что так поразило Пушкина), поэт пишет строки, во многом перекликающиеся с гневной гражданской инвенктивой Раевского.

Везде ярем, секира иль венец,
Везде злодей иль малодушный,
Тиран . . . . . льстец,
Иль предрассудков раб послушный.

Но исследователи правы, когда, наряду с этими полными гражданского обличительного пафоса строфами, видят и мотивы общественного пессимизма и скепсиса, которые выражает Пушкин:

Я говорил пред хладною толпой
Языком истины свободной,
Но для толпы ничтожной и глухой
Смешон глас сердца благородный.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Как мы должны расценивать эти слова Пушкина? Можно ли в них видеть только мотивы того общественного скепсиса и пессимизма, которые возникли в связи с поражениями революции на Западе, разгромом кишиневской ячейки декабристов, репрессиями против его «друзей, братьев, товарищей»? Думается, что нет.

Во-первых, следует обратить внимание на то, что определение, которое дает Пушкин народу как «хладной толпе», «толпе ничтожной и глухой» фразеологически повторяет характеристики, которые дает народу Раевский в своем послании.

Как истукан, немой народ
Под игом дремлет в тайном страхе.

Во-вторых (и это главное), помимо неверия в силы народные, что было присуще декабризму в целом, здесь нельзя не прочитать в подтексте высказываний и Пушкина и Раевского не только признание народа как толпы «хладной» и «немой», но и горькое раздумье о судьбе угнетенного и задавленного деспотизмом народа, народа-раба, а не народа-борца. Как не вспомнить в связи с этим высказывания Ленина о Чернышевском, когда горькие слова Чернышевского, вложенные им в уста героя романа «Пролог» Волгина о русском народе: «Жалкая нация, нация рабов» Ленин расценил как выражение патриотической любви Чернышевского к задавленному деспотизмом народу. «Это были слова настоящей любви к родине, любви тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах»[1]. Не вернее ли будет именно так оценить высказывания Пушкина (да и Раевского) о народе, который он позднее сочувственно изобразит в произведениях 30-х гг. как народ не «хладный», «ничтожный» и «глухой», а народ-борец, народ, сокрушающий «царей кичливых рамена».

Поэтому нам кажется, что стихотворные послания Пушкина к Раевскому главным образом характеризуются не столько выражением мотивов общественного скепсиса и пессимизма, сколько мотивами общественного протеста, глубокими раздумьями о судьбах народных масс, о судьбе их поэта.

А в целом послания Пушкина к Раевскому в сово-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч. т. 26, стр. 107.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

купности с вольнолюбивыми произведениями кишиневского периода (названными нами выше, многие из которых написаны после февраля 1822 г., т. е. после ареста Раевского и обращения его к Пушкину с посланиями) свидетельствуют о том, что Пушкин под идейным влиянием посланий Раевского шел все дальше по пути поэта-гражданина, певца идеалов народных, идеалов свободы и гуманности.

Пушкину не пришлось увидеть В. Ф. Раевского после ареста. Но он в первую очередь вспомнил о нем, когда его лучший друг — И. И. Пущин, наконец, признался поэту в январе 1825 года в своей принадлежности к тайному обществу и, следовательно, открыл Пушкину секрет о существовании такового. «Незаметно,— пишет И. И. Пущин в своих «Записках о Пушкине»,— коснулись опять подозрений насчет общества. Когда я ему сказал, что я не один поступил в это новое служение отечеству, он вскочил со стула и воскликнул: «Верно, все это в связи с майором Раевским, которого пятый год держат в Тираспольской крепости и ничего не могут выпытать»[1].

И здесь, кстати, останавливаясь на подозрении Пушкина о близости Пущина и других декабристов с В. Ф. Раевским, необходимо обратить внимание на следующее крайне любопытное сообщение, которое в какой-то мере позволяет предполагать существование взаимосвязей между И. И. Пущиным и В. Ф. Раевским в период пребывания последнего в 32-м егерском полку в Аккермане. В своих записках И. И. Пущин сообщает: «В январе 1820 года я должен был ехать в Бессарабию к больной тогда замужней сестре моей. Прожив в Кишиневе и Аккермане почти четыре месяца, в мае возвращался с нею, уже здоровою, в Петербург»[2]. Всеведущий И. П. Липранди свидетельствует, что «проезжал через Кишинев и останавливался на несколько дней конносаперного эскадрона офицер Пущин, петербургский знакомец Александра Сергеевича»[3]. Очевидно, можно почти безошибочно утверждать, что Пущин, если и не ехал в Кишинев и Аккерман специально для уста-

[1] *И. И. Пущин.* Записки о Пушкине. Письма. М., Гослитиздат, 1956, стр. 81.

[2] Там же, стр. 74.

[3] «Русский Архив», №№ 8—9, стб. 1247.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

новления связей между северными и южными декабристами, то, зная о членах Южного тайного общества, встречался с некоторыми из них, в том числе, вероятно, и с В. Ф. Раевским.

Общение с выдающимися деятелями кишиневской ячейки Южного тайного общества во многом обусловило направление, характер творчества Пушкина в Молдавии. В этот период Пушкин создает яркие, политически острые произведения, которые были чрезвычайно популярны среди южных декабристов, поскольку, отражая их политическую программу, вдохновляли на решительную борьбу с царизмом. Вот почему либерал П. Анненков будет с возмущением определять кишиневский период жизни поэта как историю заблуждений и систему крайнего отрицания и кощунства. Необходимо отметить, что у Пушкина здесь как никогда ярко и сильно слились воедино революционно-освободительные и атеистические мотивы. Безусловно, в этом нашли определенное отражение те атеистические, материалистически-философские взгляды, которые были наиболее сильны именно у южных декабристов[1]. Им, как и Пушкину, были равно ненавистны царизм и его опора — жандармский кнут и поповский крест, которые в одинаковой мере служили насилию и насаждению невежества. Поэтому у Пушкина, как и у южных декабристов-атеистов, борьба с самодержавно-крепостнической действительностью смыкалась с борьбой против церковного ханжества и мракобесия, а его атеистические взгляды и произведения этого периода носили ярко выраженный революционно-боевой, воинствующий характер. Здесь поэт отражал атеистические настроения определенных кругов общества, о которых свидетельствует сам в письме к П. Я. Чаадаеву от 19. X. 1834 года, что «религия чужда нашим мыслям и нашим привычкам».

И царское правительство преследовало Пушкина не только за революционно-освободительные, но одновременно и за атеистические произведения.

Ясно, что вровень со стихотворением «Кинжал», одним из самых популярных среди южных декабристов и самых революционно-острых произведений Пушкина,

---

[1] См.: «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов». М., Госполитиздат, 1951, т. II и т. III.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

прославляющим идею цареубийства, находится его атеистическая поэма «Гавриилиада», революционно-политическое значение которой до сих пор должным образом не оценено. По словам жандармского полковника Бибикова, поэма представляет собою «бунтовщические стихи», которые, являясь «опасным и коварным оружием насмешки на святость религии, разносят пламя мятежа по всем классам общества»[1].

Это единство революционно-освободительных и атеистических взглядов Пушкина сказалось и в следующем изумительном по своему революционному темпераменту четверостишии, приписываемом Пушкину и известном только в списках.

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

В другой копии первая строка читалась «народ мы русский позабавим»[2]. Данное четверостишие входит во все издания произведений поэта как приписываемое ему. Это обосновано наличием списков у А. В. Шереметева, знакомого Пушкина, и П. П. Кавелина, приятеля поэта.

Как это видно из опубликованного М. Нечкиной письма М. С. Волконского, сына декабриста, к Л. Н. Майкову от 8. VI. 1899 года, южные декабристы хотели принять Пушкина в члены тайного общества.

«Не знаю, говорил ли я Вам,— пишет М. С. Волконский,— что моему отцу было поручено принять его (Пушкина) в Общество и что отец этого не исполнил. «Как мне решиться было на это,— говорил он мне не раз,— когда ему могла угрожать плаха»[3].

Однако нельзя забывать и другой стороны: не только южные декабристы влияли на Пушкина, но и Пушкин, в свою очередь, оказывал революционизирующее

---

[1] *Б. Л. Модзалевский.* Пушкин под тайным надзором. 1925, стр. 16—17; *А. С. Пушкин.* Полное собрание сочинений в шести томах, т. II, ГИХЛ. М., стр. 586.

[2] *А. С. Пушкин.* Соч., т. II (I), стр. 488 и т. II (2), стр. 1092 и 1199—1200; и см. «Красный Архив», 1926, т. 3, стр. 193, «Красная новь», 1937, январь, стр. 181.

[3] *М. Нечкина.* Новое о Пушкине и декабристах. «Литературное наследство», т. 58. М., 1952, стр. 163.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

влияние на декабристов своими свободолюбивыми и атеистическими произведениями и устными выступлениями. Причем необходимо отметить, что в ряде политических вопросов, осмыслении общественно-исторических событий Пушкин стоял выше декабристов, шел дальше декабристских убеждений. Так, например, в своих атеистических взглядах Пушкин явно стоял на самых, для своего времени, крайних, воинствующих позициях. Недаром даже декабрист И. Д. Якушкин — материалист и атеист — с сожалением отзывался о «Гавриилиаде» как о произведении, написанном «в святотатственно-похабном роде»[1].

3. «Умный человек во всем смысле этого слова»

Среди членов Южного тайного общества, с которыми Пушкин находился в близких отношениях, был П. И. Пестель, один из самых замечательных и выдающихся деятелей декабристского движения. Подполковник Мариупольского полка, до конца 1821 года адъютант командующего 2-й армией графа Витгенштейна, затем, с 1 ноября 1821 года, произведенный в полковники и с 15 ноября того же года командир Вятского пехотного полка — П. И. Пестель занимал особо важное место в революционно-освободительной борьбе первой четверти XIX века. Человек большого и ясного ума, талантливейший организатор, смелый и неутомимый революционер, пламенно веривший в правоту своего дела, сторонник революционных мер борьбы с самодержавием, П. И. Пестель фактически был подлинным вождем и идейным руководителем Южного тайного общества[2].

А. И. Герцен, давая высокую характеристику Пестелю как вождю революционного движения, писал, что Пестель «...оставался истинным вождем Южного общества и более вероятно, что, в случае успеха, он стал бы

---

[1] «Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина». М., Изд. АН СССР, 1951, стр. 242.

[2] О П. И. Пестеле и его «Русской Правде» см.: «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. II, стр. 9—188; а также: *В. И. Семевский.* Вопрос о преобразовании государственного строя России. «Былое», 1906, № 3; *Н. Павлов-Сильванский.* Декабрист Пестель перед Верховным уголовным судом. «Русская историческая библиотека», № 15, 1897.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

диктатором,— он, который был социалистом раньше, чем появился социализм»[1].

Пушкин неоднократно встречался, причем трижды в Кишиневе, с Пестелем. Эти встречи одного из самых выдающихся революционеров того времени с Пушкиным свидетельствуют о том, как высоко ценил Пестель великого русского поэта, видя в нем поэта-гражданина, с которым можно было обсуждать наиболее актуальные вопросы тогдашней политической жизни. Не исключена возможность, что в беседах с Пушкиным, Пестель мог излагать свои сокровенные мысли о революции, о демократическом преобразовании государственного строя России, изложенные им в «Русской Правде». Хотя «Русская Правда» вчерне была написана в 1821—1822 годах, а окончательно отработана в 1824 году (когда и получила свое название), Пестель начал работать над ней вскоре после Отечественной войны 1812—1814 гг. и уже в начале 1822 года, по свидетельству С. И. Муравьева-Апостола, излагал на совещании членов Управы Южного тайного общества ее основные начала.

Первая встреча Пушкина с Пестелем, по-видимому, произошла в ноябре 1820 года, когда Пушкин мог по дороге в Каменку либо по возвращении оттуда, в марте 1821 года, заехать в Тульчин.

Вторая встреча Пушкина с Пестелем состоялась 9 апреля 1821 года в Кишиневе. Во время этой встречи Пушкин вел длительную беседу с Пестелем, как уже с знакомым ему человеком. Пестель приезжал в Кишинев для расследования дела о выступлении с территории Бессарабии греческих патриотов (гетеристов) против турок. Об этой встрече Пушкин упоминает в своем кишиневском дневнике: «9 апреля. Утро провел с Пестелем; умный человек во всем смысле этого слова. Сердцем я материалист,— говорит он,— но мой разум этому противится. Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...»[2] Третий раз Пушкин с Пестелем встретились 26 мая того же (1821) года, в день рождения А. С. Пушкина, о чем Пушкин

---

[1] *А. И. Герцен.* О развитии революционных идей в России. Полное собрание сочинений и писем под редакцией А. К. Лемке, т. VI, 1919, стр. 348.

[2] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XII, стр. 303.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

записал в том же кишиневском дневнике: «26 мая. Поутру был у меня Алексеев. Обедал у Инзова. После обеда приезжали ко мне Пущин, Алексеев и Пестель...»[1] Следующая (четвертая) встреча состоялась, очевидно, 27 мая 1821 года в доме бывшего молдавского господаря князя Михаила Суццо, который останавливался в Кишиневе проездом по пути в Петербург, после своего побега из Ясс в период выступления гетеристов. Об этой встрече Пушкин впоследствии упомянул в своем дневнике в записи от 24 ноября 1833 года. На вечере у австрийского посланника к Пушкину подошел мужчина. «Это был Суццо, бывший молдавский господарь. Он теперь посланником в Париже — не знаю еще, зачем здесь. Он напомнил мне, что в 1821 году был я у него в Кишиневе вместе с Пестелем»[2].

Пушкин вместе с Пестелем мог встретиться с Михаилом Суццо в доме родственника последнего — боярина Петраки Маврогени. Этот дом типичной молдавской архитектуры сохранился и поныне. Петраки Маврогени, живший одно время в Яссах, был зятем старейшего молдавского боярина Георгия Стурдзы (отца Михаила Стурдзы — господаря Молдавии в 1831 году). Дом Маврогени (как свидетельствует Липранди) «был открыт с утра до вечера; на обед всегда собиралось много», «а к вечеру... начинались танцы»[3]. Поскольку у Маврогени (по свидетельству И. П. Липранди) бывала Роксанда Суццо, жена Николая Суццо, то не исключена возможность, что Пушкин именно тут встречался с братом Николая Суццо — бывшим молдавским господарем князем Михаилом Суццо, который жил в Кишиневе после побега из Ясс. И, наконец, еще одна (пятая) встреча с Пестелем, возможно, состоялась в ноябре—декабре 1822 года, поскольку есть предположение, что в это время Пушкин ездил в Каменку и в Киев, а следовательно, по пути туда, либо оттуда мог посетить Тульчин.

Общение Пушкина с выдающимися деятелями декабристского движения на юге способствовало общественно-политическому и духовному развитию поэта.

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XII, стр. 303.
[2] Там же, стр. 314.
[3] «Русский Архив», № 8—9, стб. 1244.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

4. «Его теперешний конек — вечный мир...»

О глубоком интересе Пушкина к общественно-политическим вопросам в кишиневский период свидетельствуют и его увлечение «Проектом вечного мира» аббата Сен-Пьера, идеями Сен-Симона, и те споры на философские и политические темы, в которых активно участвовал поэт. И. П. Липранди рассказывает о спорах М. Ф. Орлова с К. А. Охотниковым о политической экономии. Известно, что впоследствии М. Ф. Орлов написал специальное исследование «О кредите», на которое Пушкин (по существу вопроса об определении кредита) дал свои очень любопытные замечания. В письмах из Кишинева Е. Н. Орлова (урожденная Раевская, жена генерала М. Ф. Орлова) писала: «У нас беспрестанно идут шумные споры — философские, политические, литературные и другие; мне слышно их из дальней комнаты...» «Мы очень часто видели Пушкина, который приходит спорить с мужем о всевозможных предметах. Его теперешний конек — вечный мир аббата Сен-Пьера. Он убежден, что правительства, совершенствуясь, постепенно водворят вечный и всеобщий мир...»[1].

В бумагах Пушкина сохранились заметки о «Проекте вечного мира» Сен-Пьера, сделанные поэтом на французском языке в 1821 году. «Невозможно,— записывает Пушкин,— чтобы люди со временем не уразумели смешную жестокость войны, как они уразумели существо рабства, царской власти и т. д... Они увидят, что наше предназначение есть жить и быть свободными». Далее, отмечая, что демократические преобразования должны вести к постепенному уничтожению вооруженных сил, Пушкин пишет: «Так как конституции уже являются крупным шагом в человеческом сознании, и этот шаг не будет единственным — вызывая стремление к уменьшению числа войск в государстве, ибо принцип вооруженной силы прямо противоположен всякой конституционной идее, то возможно, что менее чем через 100 лет не будет больше постоянных армий». И затем Пушкин приводит слова Ж.-Ж. Руссо, указывающего на то, что идеи всеобщего мира могут быть достигнуты лишь революционным путем, ибо «то, что полезно об-

[1] *М. Гершензон.* История молодой России. М., 1908, стр. 27—28.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ществу, вводится в жизнь только силой, т. к. частные интересы почти всегда этому противоречат». Поэтому «...это можно достигнуть только средствами жестокими и ужасными для человечества». И Пушкин разъясняет: «Очевидно, что эти ужасные средства, о которых он говорил,— революции. Вот они и настали»[1]. Эти же мысли, выражающие веру в революцию, как могучую преобразующую силу, ведущую народы к миру и счастью, Пушкин выскажет в том же году (апрель 1821 г.) в послании к В. Л. Давыдову: «Ужель надежды луч исчез? Но нет, мы счастьем насладимся, кровавой чаши причастимся...» Эти слова привели в ужас благонамеренного либерала П. В. Анненкова, увидевшего в них разрушение «моральных основ».

Еще ранее Пушкин ознакомился с идеями утопического социализма Сен-Симона. В 1816 году М. С. Лунин, декабрист, сторонник цареубийства, знакомится с Сен-Симоном, который, рассчитывая с помощью Лунина распространить свои идеи в России, сказал ему: «Через вас я бы завязал сношения с молодым народом, еще не искушенным скептицизмом, там хорошая почва для принятия нового учения»[2]. Если учесть, что Пушкин встречался с Луниным (в частности, на сходках декабристов у Никиты Муравьева и Ильи Долгорукова) уже после заграничного путешествия Лунина, то есть все основания полагать, что поэт именно через него ознакомился с сен-симонизмом.

Однако, отмечая несомненную роль западноевропейской революционной мысли в политическом развитии Пушкина, необходимо все же учитывать то, что основным фактором, революционизировавшим мировоззрение Пушкина, была в первую очередь сама русская действительность.

Поэт проявлял живой интерес к важнейшим вопросам внутренней и международной политической жизни России. Знаменитый польский поэт, друг Пушкина Адам Мицкевич писал в своих воспоминаниях: «Пушкин, талантом которого так восхищались читатели, удивлял слушателей своих живостью, строгой ясностью и тон-

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XII, стр. 189 (480).

[2] *Л. Гроссман.* Пушкин и сен-симонизм. «Красная Новь», 1936, № 6, стр. 157—168.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

костью ума. Он обладал феноменальной памятью, строгой логичностью суждений и утонченным вкусом. О политике как иностранной, так и внутренней он так говорил, что его можно было принять за человека, посеревшего среди государственных дел и ежедневно читающего отчеты о парламентских заседаниях. Он любил решать всевозможные вопросы, религиозные и общественные, которые его соотечественникам и не снились. Очевидно, в нем происходило какое-то внутреннее превращение... Но к чему он готовился? **Он презирал авторов, пишущих без цели и направления** (подчеркнуто мною. — *Б. Т.*). Что творилось в его душе? Быть может, его воображение работало над воплощением идей вроде Сен-Симона или Фурье...»[1]

В период пребывания Пушкина в Кишиневе с ним завязали переписку декабристы К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев, соратники Пушкина в декабристской литературе.

В письмах К. Ф. Рылеева к Пушкину ярко проявляется глубокое дружеское чувство замечательного поэта-декабриста к гению русской литературы. И. Пушкин в Рылееве видел не только своего собрата по перу, но и союзника в борьбе с самодержавием. В письме от 5—7 января 1824 года Рылеев писал Пушкину: «Я пишу к тебе: **ты**, потому что холодное **вы** не ложится под перо: надеюсь, что имею на это право и по душе, и по мыслям». Впоследствии в письмах к Пушкину Рылеев называл его «милый поэт», «милый Пушкин», а в последнем письме от 20 ноября 1825 года, которое явилось как бы предсмертным заветом поэта-декабриста Пушкину, Рылеев писал: «На тебя устремлены глаза России; тебя любят, тебе верят, тебе подражают. Будь поэт и гражданин»[2]. В альманахе «Полярная Звезда» Пушкин напечатал десять своих произведений, написанных им в период пребывания в Кишиневе[3]. Намекая

---

[1] «Мицкевич о Пушкине» (перевод с польского). «Мир божий», № 5, СПб., 1899, стр. 119—120; *А. Мицкевич*. Собр. соч. в пяти томах, т. 4. М., Гослитиздат, 1954, стр. 96.

[2] *А. С. Пушкин*. Соч., т. XIII, стр. 133, 134, 241.

[3] 1) К портрету Вяземского («Судьба свои дары...», «Полярная Звезда» за 1924 г.); 2) Нереида (там же), 3) «Редеет облаков летучая гряда...» (там же), 4) Война («Полярная Звезда» за 1823 год, с заглавием «Мечта воина»), 5) К Овидию (там же, под заглавием «Овидий»), 6) Н. С. Алексееву («Мой милый, как несправед-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

на свое сотрудничество в «Полярной Звезде», Пушкин писал 30 января 1823 года из Кишинева брату Льву: «Ради бога, люби две звездочки...»[1] (подпись Пушкина в «Полярной звезде».— *Б. Т.*).

5. «И память Каменки любя...»

В середине ноября 1820 года Пушкин выехал из Кишинева в Каменку. О своем пребывании в Каменке поэт сообщает в письме к Н. И. Гнедичу от 4 декабря 1820 года: «Был я на Кавказе, в Крыму, в Молдавии и теперь нахожусь в Киевской губернии, в деревне Давыдовых, милых и умных отшельников, братьев генерала Раевского»[2].

Семья Давыдовых состояла из близко знакомых Пушкину людей. Прежде всего, это была сама хозяйка Каменки — Екатерина Николаевна Давыдова (Раевская) — мать героя Отечественной войны 1812 года генерала Н. Н. Раевского — во втором браке за Л. Д. Давыдовым. Александр и Василий Львовичи — дети ее от второго брака и, кстати сказать, двоюродные братья знаменитого партизана Отечественной войны 1812 года, поэта Д. В. Давыдова, с которым Пушкин тоже встречался в Каменке. Александру Львовичу Давыдову, отставному генерал-майору, заурядному сибариту-помещику, Пушкин посвятил стихотворное послание от 1824 года (из Одессы) «Нельзя, мой толстый Аристип...». Жене Александра Львовича, Аглае, отличавшейся легкостью поведения, посвящены четыре эпиграмматические стихотворения: «Любовнику Аглая без сопротивления...» (на французском языке), «Кокетке», «Оставя честь судьбе на произвол» и «Иной имел мою Аглаю...». Маленькой же дочери ее — Адели поэт посвятил полное светлого лиризма стихотворение «Адели», начинающееся строками: «Играй, Адель, не знай печали...»

Среди Давыдовых Пушкину был близок Василий

ливы...» («Полярная Звезда» за 1825 г.), 7) Поэма «Братья разбойники» (там же), 8) Друзьям («Вчера был день...», «Полярная Звезда» за 1824 г.), 9) Гречанка («Полярная Звезда» за 1824 г.), 10) Адели («Полярная Звезда» за 1824 г. под заглавием: «В альбом малютке»).

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XIII, стр. 56.

[2] Там же, стр. 20.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Львович. Герой Отечественной войны 1812 года, адъютант генерала Багратиона, дважды раненный в боях под Кульмом и Лейпцигом, полковник в отставке с 1820 г., В. Л. Давыдов был одним из деятельнейших членов Южного общества декабристов, руководителем (вместе с С. Волконским) Каменской управы (Южное общество имело еще две управы: Тульчинскую — руководители Пестель и Юшневский и Васильковскую—руководители С. Муравьев-Апостол и М. Бестужев-Рюмин). Любопытно свидетельство одного из современников В. Л. Давыдова — А. А. Ивановского — который, сделав рисунок пером с Давыдова на следствии, внизу рисунка написал: «Василий Львович Давыдов, на слова, что тайные общества наши были модою и подражением немецкому Тугенбунду (немецкий «Союз добродетели».— *Б. Т.*), отвечал: «Извините, господа! Не к немецкому Тугенбунду, а просто к **бунту** я принадлежал». Сохранились также отрывки из сатирического произведения В. Л. Давыдова на Николая I — «Николосор», в котором есть такие строки:

Он добродетель страх любил
И строил ей везде казармы.
И где б ее ни находил,
Тотчас производил в жандармы.

После событий 14 декабря 1825 года В. Л. Давыдов, будучи «...обвинен в умыслах на царство и истребление императорской фамилии, о чем и совещания происходили в его дому», был отправлен в Нерчинские рудники. Через тринадцать лет В. Л. Давыдов вышел на поселение в г. Красноярск, где и умер в 1855 году.

Первая встреча Пушкина с Давыдовыми произошла во время приезда А. Л. и В. Л. Давыдовых в начале ноября 1820 года в Кишинев к генералу М. Ф. Орлову. Видимо, с Давыдовыми Пушкин и выехал в середине ноября 1820 года в Каменку, где прожил (включая поездку в Тульчин и Киев) до конца февраля — начала марта 1821 года. После этого Пушкин виделся с Давыдовыми в июне 1821 года, когда они приезжали в Кишинев с семьей генерала Н. Н. Раевского к генералу М. Ф. Орлову. Пушкин мог, очевидно, еще встречаться с ними в период предполагаемой его поездки в октябре—ноябре 1822 года в Каменку и Киев. И, наконец, как последнее воспоминание о Каменке, явилась встреча

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пушкина с малолетними дочерями Василия Львовича — Екатериной и Елизаветой Васильевнами, жившими у Чернышевых-Кругликовых в Ярополье, близ имения Гончаровых, в бывшем Волоколамском уезде. Видимо, это было в 1833 году, когда Пушкин был в Ярополье. Елизавета Васильевна Давыдова помнила, что Пушкин, разговаривая с нею, рассказал ей, что он хорошо знал ее отца и часто бывал в Каменке[1].

Здесь, кстати, мы считаем необходимым отметить тот факт, что сын Василия Львовича Давыдова, Лев Васильевич Давыдов был женат на сестре П. И. Чайковского. Внук же В. Л. Давыдова и племянник П. И. Чайковского — Юрий Львович Давыдов, был до конца жизни хранителем Дома-музея П. И. Чайковского в Клину.

Наши общие сообщения о семье Давыдовых и их имении в Каменке мы заключим следующим интересным свидетельством. Великий русский композитор П. И. Чайковский, проживавший в Каменке с 1878 по 1884 гг., в письме к баронессе Н. Ф. фон Мекк от 19 апреля 1884 года приводит любопытные сведения о Каменке пушкинского времени со слов А. И. Давыдовой, вдовы В. Л. Давыдова.

«...Я остался один в доме, а обедать хожу к старушке Александре Ивановне Давыдовой. Не нарадуешься, когда смотришь на эту 80-летнюю старушку, бодрую, живую, полную сил. Память ее необыкновенно свежа, и рассказы о старине так и льются. А в молодости своей она здесь видела много интересных исторических людей. Не далее, как сегодня, **она мне подробно рассказала про жизнь Пушкина в Каменке** (подчеркнуто мною.— *Б. Т.*). Судя по ее рассказам, Каменка в то время была большим великолепным барским имением с усадьбой на большую ногу; жили широко по тогдашнему обычаю, с оркестром, певчими и т. д. Никаких следов от всего этого не осталось. Тем не менее, если что скрашивает безотрадно-скучную и лишенную всяких прелестей Каменку, то это именно исторический характер ее прошлого»[2]. Позднее, никем не сохраняемые старые

---

[1] *А. М. Лобода.* Пушкин в Каменке. «Университетские известия», май, 1899, стр. 98—99.

[2] *Модест Чайковский.* Жизнь Петра Ильича Чайковского, т. II, стр. 639.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

здания были, видимо, все уничтожены, ибо, как свидетельствует А. М. Лобода, побывавший в Каменке в 1899 году, «все постройки здесь новые»[1]. Сохранились только старая «мельница» и грот, где собирались (по преданию) декабристы. Теперь бывшее имение Давыдовых Каменка (Черкасской области, в двадцати километрах от станции Шевченко) охраняется советским правительством как Дом-музей А. С. Пушкина и П. И. Чайковского.

Пребывание Пушкина в Каменке теснейшим образом связано с кишиневским периодом его жизни, с взаимоотношениями его с южными декабристами. Поездки Пушкина в Каменку, Тульчин и Киев происходили во время самых важных событий в жизни Южного тайного общества (о чем, конечно, Пушкин не знал) — в периоды обсуждений и решения на заседаниях в Каменке, Тульчине и Киеве (на так называемых контрактовых ярмарках) важнейших организационных и программных вопросов. К сожалению, не совсем еще научно обоснованы и доказаны даты посещения Пушкиным, Каменки, Киева и Тульчина (кроме известной поездки Пушкина в ноябре 1820 года — марте 1821 года). И если в какой-то мере благодаря исследованиям М. А. и Т. Г. Цявловских почти достоверно установлена дата (ноябрь—декабрь 1822 года) еще одного посещения Пушкиным Каменки и Киева, то все еще остается неясным, сколько раз и когда Пушкин бывал в Тульчине, этом политическом центре южных декабристов. Мы согласны с указанием М. А. Цявловского, что Пушкин был в Тульчине в период своей поездки в Каменку и Киев в ноябре 1820 года — марте 1821 года. Однако считаем маловероятным и неубедительным предположение, будто Пушкин эту поездку в Тульчин совершил после приезда в феврале из Киева, оттуда поехал назад в Каменку, а затем через Одессу в Кишинев. Достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть, что путь от Балты (находящейся на пути между Кишиневом и Каменкой) до Тульчина примерно в пять раз короче пути Киев—Тульчин—Балта—Каменка. И поэтому намного вероятнее, что Пушкин заезжал в Тульчин в середине ноября 1820 года, по дороге из Кишинева в Каменку (или в

[1] *А. М. Лобода.* Пушкин в Каменке, стр. 63.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

крайнем случае из Каменки в Одессу—Кишинев). Поэтому маршрут поездки Пушкина в ноябре 1820 года—марте 1821 года, думается, можно построить так: Кишинев—Тульчин (заезд) — Каменка — Киев — Каменка — Одесса — Кишинев.

Кроме посещения Пушкиным Тульчина в 1820 году, не исключена возможность заезда туда и в 1822 году, в период посещения им Каменки и Киева.

О том, что Пушкин заезжал в Тульчин в 1822 году, говорит следующее. Известно, что Н. В. Басаргин в своих воспоминаниях пишет, что он «имел случай видеть его (Пушкина) в Тульчине у **Киселева»**[1] (подчеркнуто мною.— *Б. Т.*). Поскольку Басаргин был адъютантом генерала Киселева с 16 октября 1821 года, то есть все основания предполагать, что Басаргин мог видеть Пушкина в Тульчине у генерала Киселева в период своего адъютантства. Отсюда выводим доказательство в пользу предположения об еще одном посещении Пушкиным Тульчина, куда он мог заехать в ноябре—декабре 1822 года либо по дороге в Каменку, либо возвращаясь оттуда.

После Тульчина Каменка была одним из самых главных центров, где происходили важнейшие заседания и собрания членов Южного тайного общества декабристов.

Пушкин только впоследствии узнал об истинных делах, которые творились в Каменке и о которых он лишь смутно догадывался. Уже позже, когда воспоминания о Каменке станут ему особенно дороги, поэт, «память Каменки любя», расскажет о ней и о ее людях, великих патриотах Родины, в одном из самых острых своих политических произведений — X главе «Евгения Онегина». О каменских и киевских делах Пушкин вспомнит, когда будет написана трагедия «Борис Годунов». В неотосланном (по-видимому к Н. Н. Раевскому — сыну) письме от 1826 года Пушкин замечает о трагедии: «Она полна славных шуток и тонких намеков, относящихся к истории того времени, вроде наших киевских

[1] Записки Н. В. Басаргина. Петроград, изд. «Огни», 1917 (примечание 2, стр. 24—25).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

и каменских обиняков. Надо понимать их — это непременное условие»[1].

«Пушкин любил свободу искренне и жарко,— писал Горький,— в то время не один он ждал, когда же, наконец, вспыхнет над родиной заря «свободы просвещенной», но только он ожидал ее с тоской и страстью, до него никем не испытанными»[2].

Политическая активность Пушкина в период пребывания его в Кишиневе нашла свое выражение в устных и письменных выступлениях поэта, в ряде его писем к друзьям[3].

В воспоминаниях князя П. И. Долгорукова приводятся особенно резкие высказывания поэта, дающие богатый материал для характеристики его политических настроений в кишиневский период.

Особенно замечательно высказывание Пушкина в связи с революционными событиями тех лет в Европе (по записи П. И. Долгорукова в дневнике, 27 мая 1822 г.): «Прежде народы восставали один против другого, теперь король Неаполитанский воюет с народом, Прусский воюет с народом, Гишпанский — тоже; не трудно расчесть, чья сторона возьмет верх». Эффект, произведенный этими словами Пушкина за столом у генерала Инзова, был столь велик, что, как свидетельствует Долгоруков, «...глубокое молчание (наступило) после этих слов. Оно продолжалось несколько минут, и Инзов прервал его, повернув разговор на другие предметы»[4].

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XIV, стр. 46 (395). О взаимоотношениях Пушкина с южными декабристами и, в частности, о пребывании в Каменке см.: 1) «Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина», 1951, стр. 42 и 43; 2) *С. Я. Гессен.* Пушкин и декабристы. — «Вестник литературы», 1921, № 10; 3) *М. Нечкина.* О Пушкине, декабристах и их общих друзьях. По неисследованным архивным материалам. «Каторга и ссылка», 1930, кн. 4 (65), стр. 7—40; 4) *М. В. Нечкина.* Пушкин и декабристы. «Вестник Академии Наук СССР», 1937, № 2—3, стр. 150—168 (стенограмма публичной лекции на эту же тему. М., 1950).

[2] *М. Горький.* История русской литературы. М., 1939.

[3] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XIII, стр. 24—25, 27—28, 31, 47, 54—55.

[4] *Вл. Бонч-Бруевич.* Ценный документ о Пушкине. «Правда», 1936, 11 декабря, № 340; *М. Цявловский.* Новое о Пушкине в Кишиневе (по дневнику П. И. Долгорукова). «Новый мир», книга I, январь 1937, стр. 287—290. *П. И. Долгоруков.* 35-й год моей жизни, или два дни вёдра на 363 ненастья. Кишинев, 1822, «Звенья», т. IX, М., 1951, стр. 27, 79, 88, 89.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Касаясь отношений Пушкина и южных декабристов, нам, безусловно, интересно осветить вопрос о влиянии декабристских идей на передовые круги местного, кишиневского общества и то, как сам Пушкин оказывал своими вольнолюбивыми устными и письменными выступлениями определенное революционизирующее влияние на прогрессивные круги не только русского дворянства, но и молдавского боярства, а также на деятелей национально-освободительного движения балканских народов. Правда, сведения, которыми мы располагаем, пока еще отрывочны и скудны, но и они дают возможность осветить в какой-то мере влияние декабристского, русского революционного мировоззрения в лице Пушкина на прогрессивные круги местного общества. Так, И. П. Липранди сообщает, что у Николая Рознована «собирались политики», и Пушкин любил беседовать с Ризо, автором «Истории Гетерии», и «очень начитанным» Скиной, в которых он встречал людей «с глубокими и серьезными познаниями»[1]. Но особенно примечательно замечание Липранди о том, что если реакционные круги боярства ненавидели Пушкина, то было немало из числа «тогдашней кишиневской молодежи, увивающейся за Пушкиным»[2]. Любопытно отметить и следующий примечательный факт. В период своего пребывания в Молдавии Пушкин был дружен с молодым сыном боярина Ралли — Константином Ралли. И, как сообщает в своих воспоминаниях Замфир Ралли-Арборе (сын Константина Ралли), позже, в 1834 году, т. е. через 10 лет после отъезда Пушкина из Молдавии, о Константине Ралли «даже был запрос официальный, в котором указывалось на вредный образ мыслей бывшего друга Пушкина». Вследствие заподозренности в неблагонадежности Константин Ралли был вынужден скрыться от глаз жандармских ищеек, уехать за границу[3]. Думается, этот факт дает нам одно из ярчайших свидетельств политического влияния Пушкина на передовые круги молдавского общества.

---

[1] *И. П. Липранди.* Из дневника... «Русский Архив», 1866, отб. 1244—1245.

[2] «Из воспоминаний И. П. Липранди». Впервые опубликовано М. А. Цявловским в «Летописях литературного музея»; т. I, стр. 554—558; см. также: «Пушкин в воспоминаниях современников». Л., Госполитиздат, 1936, стр. 266.

[3] *Замфир Ралли-Арборе.* Из семейных воспоминаний об А. С. Пушкине. «Минувшие годы», 1908, июль, СПб., стр. 4.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

6. «Я был масон в Кишиневской ложе...»

Значительный интерес представляет деятельность масонской ложи в Кишиневе[1], членами которой, в частности, состояли Пушкин, В. Ф. Раевский, Н. С. Алексеев в кишиневском дневнике от 4 мая 1821 г. Пушкин записал: «4 мая был я принят в масоны»[2].

Кишиневская ложа «Овидий» была учреждена 7 июля 1821 года. Протоколом от 17 сентября 1821 года Великая Ложа Астрея, удовлетворяя просьбу, с которой к ней обратилась группа лиц во главе с П. С. Пущиным, «...даровала конституцию новой ложе, открывшейся... в Кишиневе, в Бессарабии под названием «Овидий», и назначила ей номер «25»[3]. А 20 января 1822 года «Великая Ложа Астрея» известила Великую провинциальную ложу, что учредила новую ложу в Кишиневе под названием «Овидий». Вот те масоны, которые обратились в Великую Ложу Астрея, вот состав масонской ложи «Овидий», № 25 (помимо Пушкина), который определен на основании сохранившихся документов ложи.

П. С. Пущин, начальник; барон Карл Шамбано, бывший французский офицер, первый надзиратель; Луи Самуэль Тардан, естествоиспытатель, второй надзиратель; Иван Бранкович, писатель, витя; Петр Флери, адвокат, секретарь; Сергей Тучков, ген.-майор, казначей; Рафаэль Гирлянда, доктор медицины, церемониймейстер; Михаил Максимович, майор, мастер; барон Луи Треска, быв. французский полковник, мастер из Мадрида; **молдаванин** Мануэль Бернардо, боярин, мастер; Петр Кюрто, подполковник, мастер; Матвей Драгушевич, мастер.

---

[1] *Н. Кульман.* К истории масонства в России. Кишиневская ложа. «Журнал Министерства народного просвещения», 1907, стр. 341, 346, 350—351, (см. отдельное издание, СПб., 1907). О масонстве и ложе «Овидий» (№ 25) см. также: *П. Пыпин.* Материалы для масонских лож. «Вестник Европы», 1872, кн. I, стр. 174—214; *В. И. Семевский.* Декабристы-масоны. «Минувшие годы», 1908, март, стр. 162—170; его же: «Политические и общественные идеи декабристов». СПб., 1939; *П. Е. Щеголев.* К истории Пушкинской масонской ложи. «Из жизни и творчества Пушкина», изд. 3-е, 1931, стр. 271—285; *Т. Соколовская.* Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия).

[2] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XII, стр. 303.

[3] *Н. Кульман.* К истории масонства в России, стр. 348.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Позже в члены масонской ложи были приняты: доктор Ф. М. Шуллер, **В. Ф. Раевский,** Н. С. Алексеев, аптекарь Майглер, швейцарец Миттергофер[1].

Материалов, подтверждающих прием в кишиневскую ложу А. С. Пушкина, генерала М. Ф. Орлова и майора К. А. Охотникова, не обнаружено. Однако А. С. Пушкин в кишиневском дневнике засвидетельствовал свое принятие в ложу. Что же касается ген. М. Ф. Орлова и К. А. Охотникова, то есть все основания предполагать, что они тоже были членами кишиневской масонской ложи. В пользу этого говорит то, что оба были членами кишиневской ячейки Южного тайного общества декабристов и что «начальник», руководитель ложи «Овидий» П. С. Пущин был непосредственным помощником М. Ф. Орлова по 16-й дивизии, а К. А. Охотников жил в Кишиневе на одной квартире с В. Ф. Раевским.

Прежде чем остановиться на характеристике масонской ложи «Овидий», необходимо сказать несколько слов о владельце дома, в котором происходили собрания членов ложи,— Михалаки Кацике. В архивных документах[2] сохранились следующие биографические данные о нем. М. Кацика не молдаванин (как до сих пор указывалось на основании свидетельства И. П. Липранди), а грек из родовитой семьи, переехавший на жительство в Молдавию в 1804 году. Михалаки (Михаил) Григорьевич Кацика родился в 1779 году, поступив на службу в 1804 году, до 1825 года занимал должность таможенного сборщика пошлин. Дослужившись до чина берегового капитана, в 1826 году вышел в отставку. Умер в 1853 году и похоронен на «старом» кладбище. Рекомендуя зачислить Михаила Кацику в русское дворянство, молдавские бояре, имеющие русские чины и дворянство: Варфоломей, Ралли, Стурдза, М. Крупенский и др. пишут, что Кацика «происхождение имеет от первостатейной и честной греческой фамилии Иоания. Сам проситель в течение 20-летнего своего здесь пребывания вел жизнь честную и благородному званию соответствующую»[3]. Можно предполагать, что М. Кацика, как грек, был одним из гетеристов, который через

---

[1] *Н. Кульман.* К истории масонства в России. Кишиневская ложа. СПб., 1907, стр. 30.

[2] ЦГА МССР, ф. 88, оп. 1, д. 306, лл. 1—24.

[3] Там же, л. 21.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

масонскую ложу «Овидий» был знаком с Пушкиным и южными декабристами: В. Ф. Раевским и П. С. Пущиным, входящими в эту ложу.

К кишиневской ложе царское правительство проявляло особый интерес и было обеспокоено ее деятельностью, о чем свидетельствует оживленная переписка (ноябрь 1821 г.— июнь 1822 г.) между князем П. М. Волконским (начальником главного штаба), графом Н. Х. Витгенштейном (командиром 2-й армии), генералом П. С. Пущиным (основателем ложи «Овидий»), генералом И. Н. Инзовым и другими лицами. При этом интерес к ложе «Овидий» теснейшим образом связывался с интересом ряда высших чиновников к Пушкину и его поведению в Кишиневе. Так, в отношении на имя И. Н. Инзова от 19 ноября 1821 года князь П. М. Волконский писал: «До сведения его императорского величества дошло, что в Бессарабии уже открыты или учреждаются масонские ложи под управлением в Измаиле генерал-майора Тучкова, а в Кишиневе некоего князя Суццо... При втором (находится) Пушкин». И далее: «Касательно г. Пушкина также донести его императорскому величеству, в чем состоят и состояли его занятия со времени определения его к вам, как он вел себя, и почему не обратили вы внимания на занятия его по масонским ложам? Повторяется вновь вашему превосходительству иметь за поведением и деянием его самый ближайший и строгий надзор»[1]. И, наконец, позднее (в письме от 30 января 1822 года) Волконский предписывал Инзову закрыть ложу, указывая, что «...в случае какого-либо сопротивления вашему превосходительству разрешается употребить даже и силу»[2]. В одном из своих ответных писем (от 1 декабря 1821 года) Инзов писал Волконскому: «Пушкин, состоящий при мне, ведет себя изрядно. Я занимаю его письменной корреспонденцией на французском языке и переводами с русского на французской... Относительно же его занятий по масонской ложе, то не по открытию таковой, не может быть оным, хотя бы и желание его к тому было». И далее: «Могу удостоверить ваше сиятельство, что масонских лож в Бессарабии нет»[3]. Это же Инзов утвер-

[1] «Русская старина», 1883, декабрь, стр. 654.
[2] *Н. Кульман.* К истории масонства в России. стр. 30.
[3] «Русская старина», 1883, декабрь, стр. 656 и 657.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ждал и в письме к Бессарабскому гражданскому губернатору К. А. Катакази от 1 сентября 1822 года (см. ЦГА МССР «Дело о закрытии масонской ложи»), когда писал: «Так как нигде в Бессарабской области ни масонских лож, ни тайных обществ не имеется, то и прошу покорно ваше превосходительство... о недопущении впредь зарождения в здешней области масонских лож и всех тайных обществ»[1].

Кроме того, Инзов указывает, что на просьбу П. С. Пущина разрешить открыть ложу, он написал ему: «...сего дозволить не могу»[2]. Обманывал ли Инзов Волконского или не знал действительно о существовании масонской ложи? Отвечая на этот вопрос, прежде всего нужно иметь в виду, что хотя ложа «Овидий» и была утверждена протоколом Великой Ложи Астреи, однако, вплоть до так называемой инсталяции (т. е. формального приема в масонство новых членов кишиневской ложи представителем Великой Ложи Астреи), всякая новая ложа по уставу считалась еще не правомочной, а ее работа лишь временно разрешенной. А так как ложа «Овидий» до 13 октября 1821 года инсталяции не прошла[3], то Инзов и мог писать о том, что ложи в Кишиневе не существует.

Здесь, кстати, нужно остановиться на одном вопросе, который почему-то не затрагивали исследователи (Семевский, Кульман, Щеголев), занимавшиеся историей кишиневской ложи «Овидий». Ведь кишиневская ложа была учреждена 7 июля 1821 г., а Пушкин записал в своем дневнике, что он был принят в масоны 4 мая 1821 г. Как это могло случиться? Нам думается, что разгадка этого несоответствия проста. Как видно из обращения группы лиц в Великую Ложу с просьбой об учреждении кишиневской ложи, П. С. Пущиным, начальником ложи, уже были собраны члены будущей ложи. Следовательно, и Пушкин был принят в то время, когда Пущин, выражаясь современным языком, комплектовал будущую ложу. И не Пушкин ли подал мысль дать будущей масонской ложе столь дорогое ему имя

---

[1] ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 697. (Дело о закрытии масонских лож и других тайных обществ), л. 3.

[2] «Русская старина», 1883, декабрь, стр. 655.

[3] *П. Е. Щеголев.* К истории пушкинской масонской ложи. «Из жизни и творчества Пушкина», изд. 3-е, 1931, стр. 281—285.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

поэта-изгнанника Овидия, рассматривая эту ложу как одну из форм антиправительственной оппозиционной организации, в которой он мог бы принимать активное участие? И мы не можем согласиться с Н. Кульманом, который, недооценивая, умаляя роль Пушкина в масонской ложе «Овидий», писал: «Какую роль играл он в ней сказать трудно, но вряд ли эта роль по свойству характера Пушкина и по недолговечности самой ложи могла быть значительна. Весьма возможно, что Пущин привлек его на первых порах только в качестве профана»[1].

Какой же характер носила ложа «Овидий»?

Множество фактов свидетельствует о том, что декабристы использовали масонские ложи как форму политической конспирации, форму массово-политической агитации. Так, М. Ф. Орлов, еще будучи в Петербурге, задумал организовать тайное общество, которому он хотел придать полумасонский характер. Филиалами «Союза Благоденствия» в Петербурге являлись ложи «Трех добродетелей» и «Избранного Михаила». Н. Муравьев-Апостол в своих показаниях сообщал, что декабрист М. Н. Новиков был начальником масонской ложи, которую он учредил для того, чтобы подготовить людей для такого общества. П. И. Пестель в своих показаниях на следствии свидетельствует, что статут первого тайного общества декабристов был составлен в духе масонских учреждений. Масонские ложи в своих целях использовали и гетеристы, которые организовали свою ложу в Аккермане в начале 1820 года[2].

Учитывая, что в ложу «Овидий» № 25 входили члены Южного общества декабристов П. С. Пущин и В. Ф. Раевский, есть все основания предполагать, что она являлась местом собрания членов кишиневской декабристской организации, решавших здесь вопросы борьбы с

---

[1] *Н. Кульман.* К истории масонства в России, СПб., 1907, стр. 5.

[2] См.: *М. Гершензон.* История молодой России. М. Ф. Орлов, Птрг., гл. I, стр. 11; *В. Базанов.* В. Ф. Раевский. Л. — М., 1949, стр. 82; Восстание декабристов. Материалы, т. IX, 1950, стр. 190; *М. Фонвизин.* Обзор проявлений политической жизни в России. Опубликовано в книге: «Общественные движения в России в первую половину XIX столетия», СПб., 1905; «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. II, 1951, стр. 186; *В. И. Семевский.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, стр. 255.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

самодержавием. «Уже одного имени В. Ф. Раевского,— справедливо указывает В. И. Семевский, — достаточно, чтобы быть уверенным, что в ложе «Овидий» разговаривали не об одной благотворительности»[1].

Но, по-видимому, часть членов ложи «Овидий», во главе с ее руководителем П. С. Пущиным, склонна была направить работу ложи по мирному руслу, проповедуя идеи просветительства, нравственного совершенствования, морального прогресса. Пушкин не разделял этого направления, чем и было вызвано ироническое по своему тону стихотворение поэта, обращенное к П. С. Пущину (1821 г.):

И скоро, скоро смолкнет брань
Средь рабского народа,
Ты молоток возьмешь во длань
И воззовешь: Свобода!
Хвалю тебя, о верный брат!
О каменщик почтенный!
О Кишинев, о темный град!
Ликуй, им просвещенный![2]

Необходимо также сказать, что некоторые исследователи почему-то не замечают иронического тона стихотворения и принимают характеристики, данные Пушкиным П. С. Пущину, всерьез.

Несомненно, что ложа «Овидий» в целом использовалась декабристами в политических целях. По этой причине она и была одной из первых, закрытых царским правительством. Вслед за ней были закрыты и все остальные ложи в России. Не случайно же Пушкин писал В. А. Жуковскому (из Михайловского во второй половине января 1826 г.): «Я был масон в Кишиневской ложе, т. е. в той, за которую уничтожены в России все ложи»[3].

Говоря о связях князя М. Суццо с декабристами через кишиневскую масонскую ложу, необходимо также обратить особое внимание на еще одно свидетельство связей представителей прогрессивных кругов местного кишиневского общества с южными декабристами.

В ответ на вопрос следственной комиссии, как было основано Общество соединенных славян, М. П. Бестужев-Рюмин сообщил: «Общество соединенных славян

[1] *В. И. Семевский.* Декабристы-масоны. «Минувшие годы», 1908, № 3, стр. 164.
[2] *А. С. Пушкин.* Соч., т. II (I), стр. 204.
[3] Там же, т. XIII, стр. 257.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

было основано одним молдавским князем, имя коего я забыл. Первые члены были Борисовы». Когда же следственная комиссия, не удовлетворенная ответами Бестужева-Рюмина, потребовала дополнительно рассказать об Обществе, Бестужев-Рюмин сообщил следующее: «Борисов прежде и мне сказал, что средоточие Славянского общества в Петербурге. Но после признался, что этот слух распустил для того, чтобы обществу придать важность; **но что истинный основатель оного молдавский князь, теперь находящийся за границей. Имени его не помню** (подчеркнуто мною.— *Б. Т.*). Цель сего общества, как я видел на бумаге... состояла в том, чтобы соединить в одну Республику все славянские племена южной Европы и присообщить их к России»[1].

Итак, основателем Общества соединенных славян, этой одной из наиболее активных частей Южного тайного общества, **был некий молдавский князь, впоследствии (в 1826 году) проживавший за границей.**

Если даже согласиться с мнением М. В. Нечкиной о том, что мы имеем «ложь Борисова 2-го» об основателе Общества «молдавском князе»[2],—то все же само упоминание о молдавском князе чрезвычайно знаменательно, ибо, видимо, связано с именем какого-то реально существовавшего молдавского князя, входившего в Общество соединенных славян, если не в качестве его организатора, то одного из активных членов, и отошедшего от него затем перед событиями декабря 1825 г. — января 1826 г. (восстание Черниговского полка под руководством Общества соединенных славян). Остается выяснить: кто же мог быть этим молдавским князем, членом Общества соединенных славян? Прежде всего нужно будет определить, кто из молдавских князей жил в Молдавии, т. е. в бывшей Бессарабии, в период образования и деятельности Общества соединенных славян, т. е. в 1823—1826 гг.? Общество, как известно, было организовано в 1823 году в 8-й дивизии, расквартированной в местечке Лещин, бывшей Волынской губернии. Из числа же молдавских князей нам, в первую очередь, известен молдавский господарь Михаил Суццо и его

---

[1] «Восстание декабристов». Материалы, т. IX, стр. 61 и 85.

[2] *М. В. Нечкина.* Общество соединенных славян. Центрархив. Л., Госиздат, 1927, стр. 109.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

братья (тоже сыновья молдавского князя Георгия Суццо) — Николай, Константин и Иван. Затем мы знаем о князе Александре Ипсиланти (сыне молдавского господаря Константина Ипсиланти), знаменитом вожде греческих повстанцев и о его братьях, тоже гетеристах: Дмитрии, Николае и Георгии. Остается установить, кто же из молдавских князей был основателем Общества соединенных славян, а следовательно, одним из участников декабристского движения?

Начнем с братьев Ипсиланти. Предположение о возможности организации Общества в 1823 году (и даже ранее) кем-либо из князей Ипсиланти отпадает на основании следующих данных. Общество было основано в 8-й дивизии, входящей в состав 3-го корпуса. Братья же Ипсиланти служили в других воинских частях. В частности, Дмитрий и Николай были адъютантами генерала Н. Н. Раевского, командира 4-го корпуса, а Георгий был штаб-ротмистром кавалергардского полка. У нас больше оснований предполагать, что организатором общества был Александр Ипсиланти, принимавший наиболее деятельное участие в общественно-политической жизни того времени. Однако он был адъютантом командира кирасирской дивизии, расположенной далеко от 8-й дивизии. Но главным, что заставляет нас исключить предположение о князьях Ипсиланти, является следующий факт: в этот год после разгрома гетерии (в 1821 году) все братья находились вне России. И, наконец, нужно учесть, что князей Ипсиланти, как находившихся давно на русской военной службе, уже не называли молдавскими князьями.

Теперь перейдем к князьям Суццо. Предположить, что организатором Общества соединенных славян был кто-либо из трех братьев молдавского господаря Михаила Суццо, просто невозможно. Во-первых, нет никаких сведений, сообщающих о том, что Николай, Константин и Иван Суццо когда-либо выезжали за пределы Бессарабии, на Украину или в Центральную Россию. Но, главное, никто из них никогда не принимал участия в общественно-политической жизни того времени. И, наконец, в 1826 году никто из них за границей не проживал. Итак, остается предполагать, что одним из основателей Общества соединенных славян мог быть молдавский господарь князь Михаил Суццо.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Какие дополнительные данные могут подтвердить это предположение? Известно прежде всего, что молдавский господарь князь Михаил Суццо как фанариот, (т. е. грек, посаженный турками на молдавский престол) был гетеристом, т. е. сторонником греческого национально-освободительного движения. Известно также, что гетеристы рассматривали свое движение как часть общей освободительной борьбы всех балканских народов против турецкого ига. Причем мыслилось, что это освободительное движение должно проходить под руководством и при помощи России, русского правительства, которое затем возьмет освобожденные страны под свое покровительство. Этих мыслей придерживалась и большая часть декабристов, а главное, идеи гетеристов во многом совпадают с идеями Общества соединенных славян (см. выше слова Бестужева-Рюмина: «Цель сего общества... состояла в том, чтобы соединить в одну Республику все славянские племена Южной Европы и присоединить их к России»). Любопытно отметить, что в славянскую федерацию, по мнению Общества соединенных славян и Пестеля (как об этом свидетельствует опубликованная Б. Е. Сыроечковским Записка Пестеля «Царство Греческое»)[1], должна была войти и Молдавия. После начала греческого восстания князь Михаил Суццо переехал из Ясс в Кишинев, где был ближайшим агентом князя Ипсиланти. И здесь необходимо отметить следующее: в Кишиневе князь Михаил Суццо встретился с руководителем Южного тайного общества полковником П. И. Пестелем, который в своих докладных царю о гетерии во многом использовал сведения, полученные от М. Суццо. Об этой встрече есть свидетельство А. С. Пушкина, который, встретившись уже в 1833 году с Суццо в Петербурге, в своем дневнике от 24 ноября 1833 года записал следующее: «...Это был Суццо, бывший молдавский господарь. Он теперь посланником в Париже... Он напомнил мне, что в 1821 году был я у него в Кишиневе вместе с Пестелем»[2].

В связи с знакомством Пушкина с князем Суццо интересно отметить и еще один факт. Как указывалось

[1] *Б. Е. Сыроечковский.* Балканская проблема в планах декабристов. Сборник статей: «Очерки из истории движения декабристов», М., 1954, стр. 224.

[2] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XII, стр. 314.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

выше, князь Волконский запрашивал Инзова об организаторе масонской ложи в Кишиневе «неком князе Суццо». И возникает опять-таки вопрос: не был ли этим «неким князем Суццо» именно князь Михаил Суццо? Это тем более вероятно, если учесть, что, во-первых, Пушкин был знаком с Михаилом Суццо, во-вторых, Михаил Кацика, хозяин дома, где находилась масонская ложа «Овидий» № 25, был грек из родовитой греческой семьи и, по-видимому, как и все греки, близок к гетеристам, а следовательно, и к Михаилу Суццо. После пребывания в Кишиневе князь Михаил Суццо выехал в Петербург. Затем он был посланником в Италии и Париже. Следовательно, в 1826 году он был за границей. Вспомним слова Бестужева-Рюмина на следствии, что основатель Общества — молдавский князь, теперь (т. е. в 1826 году) находится за границей.

Итак, есть все основания предполагать, что молдавский князь Михаил Суццо и есть тот молдавский князь, который если и не был организатором кишиневской масонской ложи и Общества соединенных славян, то во всяком случае (иначе необъяснимы упоминания о «неком молдавском князе» в донесении П. В. Волконского и показаниях М. П. Бестужева-Рюмина) был одним из членов этой масонской ложи и Общества соединенных славян. Нет сомнения, что высказанные здесь соображения нуждаются в дальнейшем научном обосновании. Но мы посчитали необходимым поднять этот не освещенный пока в литературе вопрос, имеющий определенное значение для уяснения взаимосвязей между Пушкиным и декабристами, Пушкиным и представителями прогрессивных кругов молдавского народа.

Видимо, правящие круги царской России располагали какими-то, не известными нам покуда, сведениями о наличии среди прогрессивных слоев молдавского общества определенного круга лиц, тесно связанных с южными декабристами, с Пушкиным. В этом нас убеждают, кроме приведенных выше, следующие факты. Граф М. С. Воронцов в письме от 24 марта 1824 года на имя министра иностранных дел Нессельроде, указывая на необходимость удаления Пушкина из Одессы, находящейся вблизи Кишинева, одной из причин выставляет, что «...в самом Кишиневе он (Пушкин. — *Б. Т.*) найдет в **боярах** (подчеркнуто нами.— *Б. Т.*) и в моло-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

дых греках достаточно скверное общество»[1]. Не приходится разъяснять, что под неблагонадежными боярами Воронцов имел в виду отнюдь не бояр типа Варфоломея и Балша, а таких, как Константин Ралли и ему подобных.

Нет сомнения в том, что, в результате дальнейших исследований, будут найдены более веские доказательства тесных связей южных декабристов и Пушкина с прогрессивными кругами кишиневского общества, что имеет большое значение и для уяснения декабристского движения на юге и для истории революционно-освободительного движения в Молдавии.

7. «Греция восстала...»

Первая четверть XIX века характеризуется активизацией революционно-освободительного, национально-освободительного движения в Европе. Неаполитанская революция, восстание в Пьемонте, военные революции в Португалии и Испании, направленные на свержение внутренней тирании, смыкались с развернувшимся национально-освободительным движением балканских народов против турецкого ига. В этой борьбе Россия, по определению К. Маркса и Ф. Энгельса, сыграла свою прогрессивную роль, опираясь на симпатии балканских народов к русскому народу[2].

Особенно большой размах получило греческое народно-освободительное движение. В 1786 году греческий поэт и секретарь господаря Константин Рига (Ригас) образовал в национально-освободительных целях тайное общество Гетерию, или Этерию, что значит по-гречески «Союз»[3]. Рига думал войти в соглашение с Наполеоном, но в 1798 году был арестован и казнен турками. Однако дело гетеристов продолжало развиваться и крепнуть. В 1813—1814 гг. в Одессе было создано еще два общества гетеристов. Первое из них было органи-

[1] Письмо М. С. Воронцова на французском языке. Ранее было впервые опубликовано в переводе у Анненкова в 1874 г. (с искажениями). Цитирую по «Летописи» М. А. Цявловского, стр. 450.— *Б. Т.*

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXI, стр. 211 и т. IX, стр. 377.

[3] См.: *Г. Л. Арш*. Тайное общество «Филики Этерия». М., «Наука», 1965.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

зовано Николаем Скуфасом, приказчиком торговой конторы, под видом торговой компании[1]. До 20-х годов гетеристы не предпринимали каких-либо активных действий, ограничиваясь сбором сил и пропагандой национально-освободительных идей.

В начале 1921 года Тудор Владимиреску, бывший валашский солдат, произведенный русским правительством в чин поручика и награжденный Владимирским крестом за участие в русско-турецкой войне 1810—1812 гг., воспользовавшись смертью господаря Валахии Александра Суццо, поднял народное восстание, которое должно было избавить народ от ига не только фанариотов[2], но и местных бояр. Вслед за этим, одновременно с деятельностью тайных греческих обществ на юге Греции (в Морее), и на севере вспыхнуло восстание гетерии, носившее ограниченный буржуазно-националистический характер.

23 февраля 1821 года греческие патриоты под командованием сына молдавского и валахского господаря, генерал-майора русской армии, главы гетерии Александра Ипсиланти начали военные действия, переправившись с территории Бессарабии через Прут в Валахию. Сообщая об этом факте, Пушкин в письме к Н. И. Гнедичу из Михайловского от 23 февраля 1825 года сделал следующую приписку: «23 фев(раля), день объявления греческого бунта Александра Ипсиланти».

Тудор Владимиреску, враждебный позиции Александра Ипсиланти, преследуя цели народной освободительной войны, отказался присоединиться к нему.

В марте 1821 г. П. И. Пестель, который служил адъютантом у командующего 2-й армией графа Витгенштейна (в эту армию входила 16-я дивизия М. Ф. Ор-

---

[1] *В. Язвицкий.* Кто был Кирджали, герой повести Пушкина. «Голос минувшего», 1919, № 1—4, стр. 47.

[2] Турки, захватив Молдавию, лишили молдавских бояр права иметь господарей из своей среды и стали назначать их сами из числа константинопольских греков, перешедших на службу к туркам и жившим в предместье Константинополя — Фанар (отсюда — фанариоты). Период господства фанариотов, «этой продажной банды наемников» (К. Маркс) продолжался свыше столетия (1711—1821 гг.). «Из всех несчастий,— пишет С. Палаузов,— ни одно не было для них так гибельно, как назначение в эти страны князей-фанариотов». (*С. Палаузов.* Румынские господарства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении. СПб., 1859, стр. 123).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

лова), был командирован начальником штаба 2-й армии П. Д. Киселевым в Бессарабию для сбора сведений о греческом восстании[1]. В своем рапорте Пестель писал: «Владимиреску опубликовал прокламацию, в которой он говорит, что цель его действий отнюдь не мятеж против Оттоманской порты, но противодействие ужасным притеснениям, которым подвергается несчастная Валахия со стороны назначенных властей, которые преступили свои права и угнетают народ всеми беззакониями, какие только можно вообразить»[2].

Демократическое по своей сущности движение Владимиреску привлекло к нему симпатии широких народных масс. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что из общего количества 13395 гетеристов в пяти корпусах, в пятом корпусе, находившемся под командованием Владимиреску, состояло 6000[3].

Совершенно иные задачи ставил перед своими сподвижниками Александр Ипсиланти. 21 марта 1821 г. генерал-майор А. Шульгин указывал в докладной записке на имя цесаревича Константина Павловича, что «между греками появилась изданная 24 февраля 1821 г. в Яссах от Ал. Ипсиланти печатная на греческом языке прокламация». К записке был приложен ее текст, состоящий из таких общих фраз, характерных для буржуазно-националистического движения: «Сражайся за веру в отечество! Настал час, мужественные Еллины! Давно уже европейские народы, сражаясь за свои права и свободу, приглашали нас к подражению... Итак, к оружию, друзья! Отечество нас призывает!»[4]

А. Ф. Вельтман в своих воспоминаниях пишет о резких расхождениях между Владимиреску и Александром Ипсиланти. Вместо того, чтобы соединиться с Ипсиланти, Владимиреску говорил ему: «Ваша цель совершенно противоположна моей. Вы подняли оружие на освобождение Греции, а я — на избавление своих соотечественников от греческих князей. Ваше поле не

---

[1] *Н. Павлов-Сильванский.* Декабрист Пестель перед Верховным уголовным судом. «Русская историческая библиотека», № 15, 1897, стр. 7.

[2] Цитирую по работе *Н. Свирина* «Пушкин и греческое восстание», «Знамя», ноябрь, кн. II, 1936, стр. 220. — *Б. Т.*

[3] *С. Палаузов.* Румынские господарства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении. СПб., 1859.

[4] «Русский Архив», 1868, № 2, стб. 294.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

здесь, а за Дунаем; вы боритесь с турками, а я буду бороться с злоупотреблениями»[1].

В своей повести «Радой» Вельтман также описывает и, очевидно, вполне исторически верно, свидание Владимиреску с Александром Ипсиланти. Когда Ипсиланти сказал Владимиреску: «...у нас — общий враг», то последний возразил: «Ваши враги — турки, а наши греки-фанариоты: разница видна из наших и ваших прокламаций... Ваше поле в Греции,— идите за Дунай, а наше дело спровадить греческих господарей туда же. Здесь им не место, довольно им собирать дяжму (десятую часть.— *Б. Т.*) с княжеств; пусть идут под ваше знамя освобождать Грецию от ига и избавят нас от своего ига»[2].

А. Ипсиланти, принадлежавший к дворянам-фанариотам, объявил Владимиреску «изменником», арестовал его и зверски умертвил. Но, убив Владимиреску, Ипсиланти тем самым подорвал народную основу греческого освободительного движения и ускорил поражение всего восстания[3].

Греческое национально-освободительное движение было связано с национально-освободительной борьбой других европейских народов в начале XIX века. Пестель указывал в своей докладной записке, что «волнение в княжествах Балканского полуострова и предприятие князя Ипсиланти можем рассматривать как результат давно составленного и зрело обдуманного плана, который захватил всю Грецию», и далее: «албанцы и сербы всецело разделяют намерения и планы греков. У них одни и те же интересы, и дело у всех у них общее»[4].

---

[1] *Л. Майков.* Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899, стр. 119.

[2] *А. Вельтман.* Повести. СПб., 1843, стр. 184.

[3] *С. Палаузов.* Румынские господарства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении. СПб., 1859, стр. 293, «Отечественные записки», 1858, т. 121; а также: *Н. Селинов.* Из истории национально-освободительной борьбы греков и румын в начале XIX века. «Новый Восток», кн. 20—21, 1928, стр. 340—352.

[4] *Н. М. Павлов-Сильванский.* Декабрист Пестель перед Верховным уголовным судом. «Русская историческая библиотека», № 15, стр. 171—172; см. также показания Пестеля в сб.: «Восстание декабристов», т. IV; *Заболоцкий-Десятовский.* Граф П. Д. Киселев и его время. СПб., т. I, 1883, стр. 10—15; О греческом национально-освободительном движении, см. также: *С. Палаузов.* Румынские господарства Валахия и Молдавия в историко-политическом отноше-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

И нужно отметить, что национально-освободительное движение балканских народов пользовалось сочувствием и поддержкой самых широких слоев населения разных национальностей и социального положения. Об этом, в частности, может свидетельствовать «Ведомость о именах всех этеристов и других лиц, перешедших в Бессарабию через Новоселицкую таможню с паспортами Буковинского крейземата». Эта ведомость рисует нам картину широкой национальной и социальной прослойки гетерии. Среди 456 задержанных гетеристов есть и греки (Спиро Пенда-дека, Константин Маврогени, Константин Иордакий и др.) и арнауты, т. е. албанцы (Василий Гика), и молдаване (Скорцеску), и сербы (Иоан Добрян), и русские (Дмитрий Михайлов), и венгры (Алекса Унгурян). Среди гетеристов были и монахи (монах Петр из монастыря Секу), и ремесленники (Христофор Иордаки, кожухарь из Цареграда), и солдаты (дезертир из 31-го егерского полка Иван Андрущенко), и крестьяне (Дмитрий Михайлов из Херсонской губернии, видимо, бежавший оттуда)[1].

Считаем необходимым сказать несколько слов о гетеристе Пенда-деке, которому Пушкин посвятил специальную заметку. Касаясь биографических сведений, сообщенных Пушкиным в этой заметке, один из исследователей замечает: «Проверить точность биографических сведений о нем, сообщаемых Пушкиным, нам не удалось». В частности Пуквиль, автор «Истории революции в Греции», считает, что Пенда-дека родом из Янины»[2]. Из опубликованных архивных материалов (рапорт Инзова Александру I от 16 июня 1821 года) видно, что в начале июня 1821 года «Пенда-дека... с 16 этеристами без оружия перешли на нашу сторону»[3]. Как

нии. СПб., 1859 и «Отечественные записки», 1858, т. 121; Из истории национально-освободительной борьбы греков и румын в начале XIX в.; «Новый Восток», кн. 20—21, 1928; *Н. Свирин.* Пушкин и греческое восстание. «Знамя», ноябрь, кн. II, 1935.

[1] ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 681, лл. 6, 205, 207, 210, 216, 224.

[2] Комментарии к отрывку «Из журнала греческого восстания, писанного Пушкиным в 1821 г.». «Пушкин и его современники. Материалы и исследования», выпуск XXXVIII—XXXIX, Л., стр. 67 и 68.

[3] Там же, стр. 66. О том же сообщается в работе *В. Селінова*: «До питання про джерела повісті «Кірджалі» (За архівними матеріалами). Записки історично-філологічного відділу Академії наук, кн. XIII—XIV, 1927, стр. 101.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

указывалось нами выше, в «Ведомости об этеристах, перешедших в Бессарабию 28 июля 1821 года», под порядковым номером 103 упомянут некий «Спиро Пенда-дека из Арты, 22 лет, грек, ремесла не знает, холост. Отправлен на распоряжение областного правительства при открытом листе от 30 июля № 9302»[1]. Не намереваясь категорически утверждать, что это и есть Пенда-дека, о котором пишет Пушкин, мы все же, поскольку не имеется сведений об имени и возрасте Пенда-деки, а о месте его рождения сведения противоречивы («Родом из Янины» — Пуквиль, «родом из Нежина» — И. П. Липранди),— считаем возможным высказать предположение, что, быть может, здесь в архивных материалах и упомянут пушкинский Пенда-дека, направленный из Новоселицкой таможни к Инзову.

Царское правительство, напуганное революционным движением в Европе, стало опасаться и греческого национально-освободительного восстания. Александр I, вначале сочувственно относившийся к гетерии (думая использовать ее в борьбе против турок), потом резко переменил курс, пойдя навстречу внутренней и международной реакции. «...Меттерниху (австрийскому канцлеру.— *Б. Т.*) удалось убедить его, будто бы Ипсиланти состоит в тайной переписке с французскими либералами, неаполитанскими карбонариями и испанскими конституционалистами. Следствием было, что Россия отступила от Ипсиланти, исключив его из русской службы, а дело восстания в балканских княжествах, предоставленное своим собственным силам, было проиграно»[2].

В июле 1821 года разбитый турками под Драгошанами А. Ипсиланти бежал в Австрию, где был в 1823 году заключен в крепость, а затем освобожден в 1827 г. по просьбе русского правительства.

Пушкин, как и декабристы, с большим сочувствием отнесся к греческому национально-освободительному движению, видя в нем часть общей борьбы с реакцией. При этом нужно учесть, что Пушкин, понимая различие политических целей борьбы Ипсиланти и Владимиреску, все свое сочувствие отдал последнему, положительно

---

[1] ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 681, л. 209.

[2] *В. Теплов.* Граф Иоанн Каподистрия, президент Греции. Исторический очерк. СПб., 1898, стр. 10.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

изобразив в повести «Кирджали» соратников Владимиреску и отрицательно охарактеризовав А. Ипсиланти[1].

Горячо симпатизируя греческим повстанцам, Пушкин даже хотел лично (как впоследствии английский поэт Байрон) принять участие в военных действиях. Он познакомился с братьями Ипсиланти, Георгием Кантакузиным и другими видными греческими деятелями. В письме к П. А. Вяземскому от 5 апреля 1823 года Пушкин приглашал Вяземского приехать в Кишинев, обещая познакомить его «с героями Скулян и Секу».

В кишиневском дневнике от 1821 года Пушкин записывает: «2 апреля. Вечер провел у Н. Г., прелестная гречанка. Говорили об А. Ипсиланти; между пятью греками я один говорил как грек—все отчаивались в успехе предприятия Этерии. Я твердо уверен, что Греция восторжествует, а 25000000 турков (здесь, видимо, у Пушкина описка и нужно считать 25000.— *Б. Т.*) оставят цветущую страну Эллады законным наследникам Гомера и Фемистокла»[2].

В письмах (предположительно — к В. Л. Давыдову) Пушкин пишет: «Уведомляю тебя о происшествиях, которые будут иметь последствия, важные не только для нашего края, но и для всей Европы. Греция восстала и провозгласила свою свободу». Позднее он указывает: «Дело Греции вызывает во мне горячее сочувствие» и «...ничто еще не было столь народно, как дело греков...» (письма из Кишинева и Одессы 1823—1824 гг.)[3].

Отношение Пушкина к греческому национально-освободительному движению отразилось в его творчестве и, в частности, в пламенных строках стихотворения «Восстань, о Греция, восстань», написанном позднее, в 1829 году. На эту тему поэтом написан в Кишиневе ряд других стихотворений: «Война», «Гречанка верная, не плачь...» В стихотворении «Война» поэт, восторженно приветствуя начавшуюся освободительную войну греческого народа против турецких поработителей, пишет:

Война! Подъяты наконец,
Шумят знамена бранной чести!

---

[1] О Пушкине и Гетерии см.: *Л. Н. Оганян.* К вопросу об отношении А. С. Пушкина к гетерии. Сб.: «Пушкин на юге», т. I. Кишинев, Госиздат Молдавии, 1958, стр. 133—145.

[2] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XII, стр. 308.

[3] Там же, т. XIII, стр. 22, 61, 104, 105 (529).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Указывая, что освободительная борьба греческих патриотов приносит столько «сильных впечатлений для жаждущей души моей!», поэт, с нетерпением ожидает битв за свободу:

Что ж медлит ужас боевой?
Что ж битва первая еще не закипела?[1]

Из Одессы поэт обращается к Липранди с просьбой прислать ему записи и сведения о гетеристах. В бумагах Пушкина сохранился ряд планов, набросков и отрывков произведений, посвященных гетерии и ее деятелям. Такова задуманная им поэма о гетерии и ее вождях — А. Ипсиланти и Иордаки (этот замысел относится к ноябрю—декабрю 1821 или к началу 1822 года). В ней поэт хотел показать события начиная от поражения повстанцев при Драгошанах 7/19 июня 1821 года, после которого А. Ипсиланти бежал в Австрию, и до взятия монастыря Секу 12/24 сентября 1821 года. Иордаки, оборонявшийся с горсткой оставшихся в живых гетеристов, не желая сдаться, взорвал монастырь. Этот драматический эпизод, которым закончилось восстание гетеристов, и был избран Пушкиным для поэмы, причем Иордаки исторически правдиво был обрисован как герой, до конца борющийся за дело Греции[2].

Липранди в своих воспоминаниях утверждает, что Иордаки Олимбиоти (или Иоргаки, Георгаки Олимпиот) «...обманывал и Т. Владимиреску и князя Ипсиланти и был главным виновником всех бедствий, постигших гетеристов в княжествах»[3]. (Кстати, Липранди не прав, исправляя пушкинское написание имени «Иордаки» на «Иоргаки», т. к. и в архивных материалах (хотя бы приведенных нами выше) и на кладбищенском памятнике в Кишиневе и по-русски и по-гречески пишется: «Иордаки».) Видимо, в оценке личности Иордаки и его роли в движении гетеристов Липранди был не прав. Как указывает Н. В. Измайлов, опираясь на документальные данные, Иордаки Олимбиоти не только не предал дела гетеристов, а, наоборот, после поражения и позор-

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. I (I), стр. 166 и 167.

[2] *Н. В. Измайлов.* Поэма Пушкина о гетеристах. (Из эпических замыслов кишиневского времени, 1821—1822 гг.) «Пушкин. Временник», № 3, М.—Л., 1937, стр. 339—348.

[3] «Русский Архив», 1866, № 10, стб. 1398.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ного бегства неспособного к руководству, но высокомерного А. Ипсиланти он оказался единственным руководителем, который, до конца оставаясь с восставшими гетеристами, вел бои с турками вплоть до трагической гибели в монастыре Секу[1]. Поэтому Пушкин вполне исторически верно и в «Заметке о восстании Ипсиланти», и в повести «Кирджали» рисует образ Иордаки Олимбиоти, а также А. Ипсиланти: «Александр Ипсиланти был лично храбр,— пишет Пушкин в повести «Кирджали»,— но не имел свойств, нужных для роли, за которую взялся так горячо и так неосторожно. Он не умел сладить с людьми, которыми принужден был предводительствовать. Они не имели к нему ни уважения, ни доверенности. После несчастного сражения (битва при Драгошанах.— *Б. Т.*), где погиб цвет греческого юношества, Иордаки Олимбиоти присоветовал ему (Ипсиланти.— *Б. Т.*) удалиться, и сам заступил его место. Ипсиланти ускакал к границам Австрии и оттуда послал проклятие людям, которых называл ослушниками, трусами и негодяями. Эти трусы и негодяи, большею частью, погибли в стенах монастыря Секу или на берегах Прута, отчаянно защищаясь против неприятеля, вдесятеро сильнейшего»[2]. Вот почему Пушкин и намечал сделать главным героем задуманной им поэмы о гетеристах Иордаки Олимбиоти, а не А. Ипсиланти.

«В бумагах Пушкина,— пишет Б. В. Томашевский,— сохранилась запись, свидетельствующая о замысле какого-то большого произведения, посвященного греческому восстанию. Запись, судя по почерку, относится к кишиневскому периоду. Начинается она с прозаического плана: «Два арнаута хотят убить А. И. (Ипсиланти)» и т. д. Далее листок оборван, и остались лишь следы совершенно зачеркнутых стихов, из которых вырисовывается эпический зачин с обычным романтическим пейзажем:

Поля и горы ночь объемлет
В лесу под сению древес
. . .Ипс (иланти) дремлет. . .[3]

---

[1] *Н. В. Измайлов.* Поэма Пушкина о гетеристах. . , стр. 342—343.

[2] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XIII (I), стр. 255.

[3] *Б. В. Томашевский.* Из пушкинских рукописей. «Литературное наследство», №№ 16—18, 1934, стр. 316, а также: *А. С. Пушкин.* Соч., т. V, стр. 153 и т. VIII (2), стр. 838.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

К этому же периоду (1821—1822 гг.) и к этой же теме относятся: начало стихотворного произведения «Чиновник и поэт»[1], еще один план поэмы, либо повести[2], вышеупомянутые «Заметки о восстании Ипсиланти» и «Заметка о Пенда-деке» (которые известны еще под названием «Журнала о греческом восстании»)[3].

Стихотворный отрывок «Чиновник и поэт» и как первый, так и второй планы: 1) «Два арнаута хотят убить Ипсиланти...», 2) «Каларджи» (по-видимому — «Кирджали») ...Скулянская битва...» рассматриваются как начало стихотворного произведения и планы к задуманным произведениям о Кирджали. Уже это свидетельствует о громадном интересе Пушкина к образу гетериста и народного мстителя Георгия Кирджали, который будет увековечен поэтом в повести «Кирджали», написанной через десять лет после отъезда из Кишинева. Подробнее о Кирджали и повести о нем будет сказано ниже.

В заключение будет интересно отметить, что несмотря на поражение, гетеристы не оставили надежды на освобождение своей родины от турецкого ига. Ряд местных архивных документов свидетельствует о том, что гетеристы продолжали собирать силы, подготавливали оружие и, видимо, не прекращали борьбы вплоть до 1829 года, когда по Адрианопольскому миру, заключенному Турцией с Россией, Греция получила независимость. Так, гражданский губернатор К. А. Катакази в своем секретном рапорте на имя генерала И. Н. Инзова от 25 мая 1823 года с беспокойством сообщает: «По сделанным замечаниям по поводу вышедших невыгодных слухах о греческих гетеристах и других заграничных выходцах, стекшихся во множестве в Бессарабию, от следствия бывшего в Молдавии в Валахии возмущения — рождается немаловажное сумнение в тайных покушениях и приготовлениях с их стороны, пробраться от-

[1] *Б. Томашевский.* Неизданные материалы о Пушкине; 2) Чиновник и поэт. Стихотворный набросок Пушкина, 1921, «Звезда», 1930, № 7, стр. 216—227.

[2] Впервые напечатан В. Е. Якушкиным в «Русской старине», 1884, июль, стр. 49, и см.: *А. С. Пушкин.* Соч., т. VIII, стр. 383.

[3] Комментарии к отрывку «Из журнала греческого восстания, писанного Пушкиным в 1821 г. «Пушкин и его современники. Материалы и исследования». Выпуск XXXVIII—XXXIX, Л., стр. 63—70, а также: *А. С. Пушкин.* Соч., т. XII, стр. 190—191 (480—481).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

сель в Молдавию для произведения в действо каких-либо шалостей и других опасных беспорядков». В связи с этим и в целях предотвращения возможных новых возмущений гетеристов, Катакази предлагает «...не отлагая, удалить всех таковых людей во внутренние губернии»[1]. 26 мая 1823 года исправляющий должность Бессарабского областного прокурора доносит Катакази, что в Кишиневе, «в погребе некоего Ивана Илияди, найдено 194 ока (око равно трем фунтам.— *Б. Т.*) свинцу в двух боченках, пороху 45 ок, 400 пуль, 1800 патронов, полбоченка кремней, три формы на выделку пуль — приготовлением сего занимались гетеристы». А подполковник Рукин доносил в рапорте Катакази от 14 июня 1823 года о наличии оружия у Зернештского священника и о том, что в Измаиле 200 гетеристов ждут сигнала к переходу за границу[2]. И, наконец, в рапорте от 2 июня 1827 года гражданскому губернатору В. Ф. Тимковскому (сменившему Катакази) кишиневская городская полиция докладывает, что из-за границы поступило «в прошлом —1826 году греческих гетеристов... 2190 человек»[3].

8. «Свободы воин»

Пушкин с интересом относился и к сербскому национально-освободительному движению. Это нашло свое отражение в стихотворении «Дочери Карагеоргия», посвященном дочери известного вождя сербского восстания против турок в 1804—1806 годах[4].

Поднятое в 1804 году под руководством Карагеоргия (Георгия Черного) восстание закончилось в 1806 году победой сербских патриотов и созданием свободного сербского государства под верховным правительством Карагеоргия. Однако в 1813 году Карагеоргий был разбит турками, эмигрировал, а в 1817 году, когда он тайно возвращался в Сербию с целью вновь поднять восста-

---

[1] ЦГА МССР. О секретных разысканиях этеристов, ф. 2, оп. 2, д. 752, лл. 4—5.

[2] Там же, лл. 15 и 24.

[3] Там же. Переписка о пропущенных из-за границы в Бессарабию этеристах в 1826 г., ф. 2, оп. 1, д. 1030, л. 30.

[4] Подробный анализ этого стихотворения см.: *Д. Д. Благой.* «Творческий путь Пушкина». Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 271—272, а также доклад Д. Д. Благого на VII Пушкинской конференции в Кишиневе.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ние, был убит наемными убийцами. Семейство Карагеоргия — вдова с дочерью и двумя сыновьями — старшим Алексеем, впоследствии гвардии поручиком (умер в 1831 году на 33-м году жизни и похоронен на кишиневском кладбище) и младшим — Александром — жило в Хотине.

Вдова Карагеоргия приезжала (в начале 1820 года) ненадолго в Кишинев, но одна, так что Пушкин не мог видеть ее дочь. Как указывает Липранди, она «...месяца за три до приезда Пушкина возвратилась в Хотин, Пушкин же, что я знаю положительно, никогда в Хотине не был, а притом в это время дочь Карагеоргия имела не более 6—7 лет». Следовательно, свое стихотворение Пушкин написал под влиянием рассказов сербских воевод-эмигрантов, поселившихся в Кишиневе, с которыми поэт был знаком. Он с интересом выслушивал и записывал с их слов сербские народные песни, легенды и т. п.

«Пушкин,— пишет Липранди,— очень часто встречался у меня с сербскими воеводами, поселившимися в Кишиневе, Вучичем, Ненадовичем, Живковичем, двумя братьями Македонскими и пр., доставлявшими мне материалы. Чуть ли некоторые записки (о Сербии) Александр Сергеевич не брал от меня, положительно не помню. Впрочем, мне не случалось читать что-либо написанное им о Сербии, исключая здесь упоминаемые стихи («Дочери Карагеоргия»), как плоды вдохновения. От упомянутых же воевод он собирал песни и часто при мне спрашивал о значении тех или иных слов для перевода»[1].

Кстати сказать, в местных архивных материалах есть сведения о том, что «учинил присягу на верность подданства Российскому престолу сербский дворянин Плетко Живкович»[2]. Не исключена возможность, что это знакомый Пушкина.

Источником сведений о Георгии Черном мог быть и А. П. Алексеев, серб по национальности, кишиневский почтмейстер, у которого Пушкин часто бывал и брат жены которого, Павлищев, впоследствии женился на сестре Пушкина, Ольге Сергеевне. Исходным фактическим

---

[1] «Русский Архив», 1866, №№ 8—9, стб. 1266—1267.
[2] ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 932, л. 13.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

материалом при создании художественного образа Георгия Черного Пушкину мог послужить очерк П. П. Свиньина «Сведения из Хотина о Георгии Петровиче Черном, знаменитом верховном вожде сербского народа», опубликованный в «Отечественных записках» за 1818 г. В этом очерке, написанном в виде письма к брату, Свиньин рассказывает о легендарном герое сербского национально-освободительного движения Георгии Петровиче Черном (или Карагеоргии), с которым Свиньин лично встречался в марте 1816 года в Хотине[1]. «Георгий имеет теперь,— пишет Свиньин,— около 55 лет от роду; он высокого росту и весьма статный мужчина; всегда одевается в национальное платье и почитается лучшим наездником». «Посреди величия славы он был прост и одинаков в обычаях своих и одежде». «Георгий Петрович кажется в обществе хладнокровным и равнодушным ко всем предметам и обстоятельствам, но тронь слабую сторону его, заговори о его отечестве, о славе сербского народа — и сей хладный человек воспылает огнем, которым изумлял он посреди битв кровавых»[2].

Любопытно, что эти черты героического и обыденного во внешнем и внутреннем облике Георгия Черного, страстный патриотизм его, описанный Свиньиным, нашли в некоторой мере отражение в стихотворении Пушкина «Дочери Карагеоргия» и в «Песне о Георгии Черном». В «Дочери Карагеоргия» Пушкин, рисуя образ Карагеоргия, пишет о нем:

Гроза луны, свободы воин,
Покрытый кровию святой,
Чудесный твой отец. Преступник и герой,
И ужаса людей, и славы был достоин...
И лепет твой внимал,
И не был чужд веселью.

Нет сомнения, что Пушкин был знаком с очерком Свиньина о Карагеоргии и, не зная лично сербского героя, мог использовать свидетельство Свиньина в качестве историко-литературного материала при создании художественного образа Карагеоргия.

Несомненно, знакомство Пушкина в Кишиневе с сербским фольклором дало ему значительный этнографи-

---

[1] «Отечественные записки», 1818, стр. 45—58.
[2] Там же, стр. 46—47, 56—57.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ческий и литературный материал для написания им впоследствии (в 1832—1833 гг.) «Песен западных славян». Любопытно, что поэт, в свою очередь, с самого начала своего творческого пути возбуждает к себе интерес у братских славянских народов. Так, имя Пушкина упоминается в переписке чешских поэтов Челяковского и Камарита в 1825 году: «Русские идут вперед так, что сердце радуется,— пишет Челяковский. — На днях были здесь из Петербурга два доктора, которые рассказывали нам утешительные вещи, в особенности о молодом Пушкине, который обращает на себя внимание новейшим поэтическим произведением «Бахчисарайский фонтан», 5000 экземпляров разошлось в один год. Если бы только можно было бы его получить здесь». А хорватский писатель Станко Враз в письме к тому же Челяковскому писал: «Я думаю, что наша поэзия долго будет хромать пока... не будет по заслугам оцениваться народная песня, пока дух народных песен не проникнет в произведения нашей литературы. Я признаю цену дубровицких поэтов...», но «...их совершенству недостает того (народности.— *Б. Т.*), чему удивляются русские почитатели Пушкина»[1].

Завершая настоящий раздел, необходимо отметить, что еще более, чем национально-освободительное движение балканских народов, Пушкина интересовала общественно-политическая жизнь молдавского народа, его борьба за свою национальную, политическую свободу и независимость.

[1] *П. А. Лавров*. Пушкин и славяне. «Сборник Новороссийского университета». Одесса, 1900, стр. 117 и 118.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«УМ... ВНИКАЕТ В ДУХ НАРОДНЫЙ»

1. «Наскуча рабскою сохой...»

Пушкин, мечтавший о тех временах, «когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся», с поистине братской дружбой относился ко всем народам России, жадно интересовался их жизнью, историей, бытом, культурой, отображая, запечатлевая затем все увиденное и истинно народное в своих лучших произведениях.

Пребывание Пушкина в Молдавии сыграло значительную прогрессивную роль в культурно-политической жизни молдавского народа. Мы никогда не забываем того, имеющего исключительное историко-культурное значение факта, что в лице Пушкина, воплотившего в себе с наибольшей полнотой гений великого русского народа, впервые начали осуществляться в наиболее плодотворной форме культурные, литературные взаимосвязи между русским и молдавским народами, осуществляться благотворное влияние русской демократической, прогрессивной мысли, культуры на молдавскую культуру и, в первую очередь, молдавскую литературу.

Обращаясь к теме «Пушкин и молдавский народ», необходимо отметить, что освещение этой темы давалось ранее, в дореволюционных работах, исключительно в культурно-бытовом плане. Рассказывалось больше о глубоком интересе Пушкина к жизни, быту, фольклору молдавского народа, что, конечно, имело место и было важно. Но исследователи жизни и творчества Пушкина, как и современники его, в своих воспоминаниях, оставляли вне поля зрения главное — глубокий интерес

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пушкина к общественно-политической жизни молдавского народа, к его освободительной борьбе против внутренних и внешних угнетателей. А только это и дало возможность Пушкину по-настоящему глубоко понять молдавский народ, его жизнь, думы и чаяния, и отразить все это правдиво и ярко в ряде своих произведений, связанных с Молдавией.

Вопреки реакционно-клеветническим утверждениям не только современных Пушкину, но и позднейших буржуазных этнографов, характеризовавших молдаван как покорный, меланхолический народ, склонный к созерцательности и бездеятельности, Пушкин совершенно поиному рассматривал истинный характер молдавского народа. Прежде всего Пушкин резко отделял молдавский народ от его угнетателей — бояр. Нет сомнения, что пушкинские эпитеты «сонные», «тяжелые» относились отнюдь не к простым молдаванам, а к той «бояр орде», «болванов», «грубиянов», «подлецов» и «трусов», важная медлительность и надутое чванство которых были так ненавистны Пушкину. Поэт хорошо знал об освободительных традициях молдавского народа. Пушкин был современником выступлений гайдуков[1] Урсула, Бужора, Кирджали.

Тема «Пушкин и гайдуцкое движение» является одной из важнейших, когда мы касаемся взаимоотношений великого русского поэта-гражданина, единомышленника декабристов, с молдавским народом, и приобретает особое значение и смысл, когда мы обращаемся к изучению жизни и творчества Пушкина в Молдавии, ибо дает возможность глубже осмыслить важнейшие стороны его жизни и творческой биографии в кишиневский период.

Гайдуцкое движение, как стихийное движение молдавских крестьянских масс против поработителей, являлось одной из форм общей революционно-освободительной борьбы народов России против самодержавно-полицейской, помещичье-дворянской России.

Гайдуцкое движение, начавшееся еще в XVII веке, особенно широко развернулось в XVIII веке, преврати-

---

[1] Гайдуки, или хайдуки, как называют повстанцев-партизан у южных славян, не нужно путать с другим значением слова «гайдук» — слуга, лакей (у поляков).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

лось в грозную силу, страшную для турецких поработителей и бояр. Среди вождей гайдуков особенно выделялись гайдуки XVIII века и первой половины XIX века: Кодряну, Рацу, Бадиул, Бодян, Величко, Лэпушнянул, Бекир, Дарие, Бужор, Войку, Урсу, Кирджали, Тобулток, Барган, Грозеску.

Пушкин в своей замечательной повести «Кирджали» сохранил для нас образ одного из выдающихся гетеристов и народных мстителей Молдавии. Ряд современников и ближайших кишиневских знакомых Пушкина дают интересные свидетельства о виднейших вождях гайдуцкого движения. Так, о гайдуке Бужоре пишет в своем дневнике сослуживец Пушкина П. И. Долгоруков. Особенно много сведений сохранилось об Урсуле, одном из выдающихся руководителей гайдуцкого движения в Молдавии начала XIX века. А. Ф. Вельтман в своих бессарабских воспоминаниях дает яркое описание «разбойничьих» похождений Урсула. Конечно, Вельтман, как и все представители господствующих классов царской России, зачеркивая социально-политическую сущность гайдучества, видел в гайдуках не народных мстителей, защитников бедноты, а простых грабителей, уголовных преступников, разбойников. «Это был начальник шайки,— пишет А. Ф. Вельтман,— составившейся из разного сброда вольнолюбивых людей, служивших этерии молдавской и перебравшихся в Бессарабию от преследования турок после Скулянского дела. В Молдавии и вообще в Турции разбойники разъезжают отрядами по деревням, берут дань, пируют в корчмах и их никто не трогает. Урсул с несколькими из отважных ограбил на дороге от Бендер к Кишиневу купца. Вздумали пировать в корчме при въезде в город. В то время еще никто не удивлялся, видя несколько вооруженных с ног до головы арнаутов, но ограбленный Урсулом прибежал в Кишинев и, заметив разбойников в корчме, закричал «Талгарь, талгарь!»[1] Народ сбежался; письменная почта была подле; почтмейстер Алексеев, отставной храбрый полковник гусарский, собрал команду почтальонов и бросился с ними в корчму, дав знать между тем жандармскому командиру. Урсул с товарищами, видя себя окруженными, вскочив на коней, понеслись во

[1] Разбойник, разбойник! (*Молд.*)

Пушкинский кабинет ИРЛИ

весь опор через город. Только крики: «Талгарь, талгарь!» успевали их преследовать по улицам. Народ заграждал им путь, но выстрелами прокладывали они себе дорогу вперед, однако же выбрали плохой путь — через Булгарию (часть Кишинева у Вознесенской церкви, заселенная в то время болгарами.— *Б. Т.*). Булгары осыпали их и принудили свернуть в сторону к огородам. Огороды лежали на равнине по берегу Быка. Принадлежали разным владельцам, все пространство было в загородках. Лихие кони разбойников перелетали через плетни, но загородок было много, а толпы болгар преследовали их бегом и догоняли: постепенно утомленные кони падали с отважными седоками, и булгары, как пчелы, осыпали их и перевязывали. На скованного Урсула съезжался смотреть весь город. Это был образец зверства и ожесточения; когда его наказали, он не давал лечить себя, лежал, осыпанный червями, но не охал»[1]. Впоследствии А. Ф. Вельтман ввел этот красочно описанный им эпизод из жизни Урсула в свою повесть, озаглавленную именем прославленного гайдука[2].

В своих, правда, не во всем достоверных, воспоминаниях Ф. Ф. Вигель дает яркую зарисовку образа гайдука Урсула и его сотоварища Богаченко, которых он видел в тюрьме: «Я нашел Урсула задумчиво сидящим на наре, сложив руки. Он был лет сорока, широкоплеч, черноволос и весь оброс бородой. Лицо его было не без благородства: ни страха, ни злости оно не выражало... В углу на соломе лежал также скованный товарищ его Богаченко лет двадцати шести... Пустился он мне доказывать право разбойников вооруженной рукой собирать дань с господ, которые без всякого труда и опасности грабят своих крестьян»[3].

Об Урсуле и его соратниках пишет и И. П. Липранди. Он рассказывает о поимке в апреле 1824 года Урсула и Соболева, а в 1826 году — Богаченко. Урсул и Соболев бежали из тюрьмы, но через месяц были пойманы в корчме. Богаченко тоже совершил побег. «Заключенный в острог,— пишет Липранди,— он взбунтовал

---

[1] *Л. Майков.* Пушкин. СПб., 1899, стр. 127—128.

[2] *А. Ф. Вельтман.* «Урсул». «Сто русских литераторов», т. II, 1841 г.

[3] Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Изд. «Русского Архива», ч. VI, М., 1892, стр. 165.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

других и, среди дня, успел почти со всеми заключенными, обезоружив караул из внутренней стражи, бежать; но так как у него и у других кандалы были не сбиты, то они остановились для сего на еврейском кладбище, в версте от города (на северо-западной окраине Кишинева — Скулянской рогатке.— *Б. Т.*), лежавшем почти на самой оконечности города, по дороге на Скуляны. По сделавшейся тревоге рота 33 егерского полка бросилась за ними, и вступив в перестрелку, захватила их». Затем Богаченко был «засечен кнутом»[1].

И здесь возникает вопрос: когда, в какое время и сколько раз ловили Урсула и было ли это в период пребывания Пушкина в Кишиневе. И. П. Липранди указывает, что поимка Урсула была совершена в апреле 1824 г. Очевидно, в это время Урсула мог видеть в тюрьме и Вигель, который жил в Кишиневе с ноября 1823 г. А. Вельтман мог быть свидетелем поимки Урсула, или просто слышать о ней, т. к. до середины 1823 г. он жил в Кишиневе и уехал, по его свидетельству, распрощавшись с Пушкиным, т. е. ранее Пушкина и, следовательно, никак не позже начала августа 1823 г.

Вот почему мы можем сделать если не вывод, то довольно основательное предположение о том, что Урсула ловили не только в 1824 г. (когда Пушкина уже не было в Молдавии), но и в 1823 г., т. е. в период пребывания поэта в Кишиневе. И, следовательно, Пушкин мог знать и о гайдуке Урсуле, как он знал о Кирджали.

Интересно отметить чрезвычайно любопытные для характеристики гайдуцкого движения факты, свидетельствующие о широкой разноплеменной и социальной прослойке гайдуцкого движения. Среди гайдуков, кроме коренного населения — молдаван—были русские (Соболев), болгары, украинцы (Богаченко), греки, арнауты[2]. А также встречаем крестьян и солдат, ремесленников и мещан (Соболев — кременчугский мещанин). А. С. Пушкин в своем кишиневском дневнике пишет о

---

[1] *И. П. Липранди.* Замечания на «Воспоминания» Ф. Ф. Вигеля. «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете». М., 1873, апрель—май, книга вторая, V, Смесь, стр. 219—220.

[2] По-турецки — албанцы; у молдавских бояр арнаутами еще назывались слуги. Это второе значение слова не отмечено в словаре языка Пушкина (см. т. I, стр. 49).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

посещении им острога и встрече там с русским «разбойником» Тарасом Кириловым. В записи от 26 мая 1821 г. Пушкин замечает: «потом был я в здешнем остроге N. B. Тарас Кирилов»[1]. Сохранился рассказ о том, что один из арестантов острога «главный первостатейный каторжник» сказал Пушкину, что ночью намерен бежать. После удачного побега одного из арестантов Пушкин говорил, что вот «многих переловили, а мой друг убежал». Возможно, что этим арестантом, совершившим побег, и был Тарас Кирилов[2].

Нужно отметить, что в период гайдуцкого движения, в начале XIX века в Молдавию бежало немало крепостных крестьян из русских губерний, которые пополняли ряды гайдуков. Вместе с молдавским народом они вели борьбу с ненавистными угнетателями. И, кроме того, среди гайдуков встречалось немало солдат, бежавших от ужасов царской казармы. «Большая часть великороссов в Бессарабии,— пишет А. Защук,— состоит из лиц, убежавших из разных русских губерний от рекрутства и помещиков»[3]. Выше уже указывалось, что зверское обращение ряда офицеров с солдатами вызвало волнение в полках 16-й дивизии, расквартированной в Бессарабии. Но побеги были часты и во всей 2-й армии, в которую входила 16-я дивизия. Так, в 1819 году бежало 1086 солдат, в 1820 году — 1405, а в 1821 году — 1612. По свидетельству офицера-декабриста В. Ф. Раевского, из 24-го егерского полка только за один месяц бежало 45 человек[4]. О побегах солдат в период пребывания Пушкина в Молдавии свидетельствуют и архивные данные. В делах секретной следственной комиссии от мая—августа 1823 года сообщается о значительном количестве задержанных полицией беглых солдат. В регистрационном листе от 25 мая есть запись о трех солдатах: Якове Суровцеве, Михаиле Перепелкине и Иване Золотареве, взятых «за побег из военной службы», причем о последнем из них сообщает-

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XII, стр. 303.

[2] *Н. И. Куликов.* Пушкин и Пущин. «Русская старина», 1881, № 8, стр. 613—614.

[3] *А. Защук.* Материалы для географии и статистики России. Бессарабская область. СПб., 1862, стр. 491.

[4] *С. Гессен.* Солдатские волнения в начале XIX века. М., 1929, стр. 24.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ся: «спина на нем шпицрутенами совершенно избита»[1]. Но особенно было велико число бежавших в Молдавию крепостных крестьян. Это объясняется тем, что в Молдавии в начале XIX века крестьянство формально не было в крепостной зависимости от бояр-помещиков (но, выполняя трудовые повинности, находилось в такой же кабале и пользовалось лишь «свободой» ухода от одного помещика к другому). Вот потому-то, как указывается в «Истории Молдавии», «...в большом количестве стекались в Бессарабию беглые крестьяне. Их наплыв сюда особенно усилился после присоединения Бессарабии к России. Русские помещики принимали меры для розыска и возврата своих беглых крестьян. Чтобы избежать возврата, русские крепостные нелегально приписывались к местным крестьянским обществам, ...куда их охотно принимали. Они причислялись к молдавским семьям, которые скрывали их под именем своих умерших родственников. Отсюда родилась молдавская поговорка: «Папа рус, мама рус, а Иван — молдаван»[2]. Нет ничего удивительного, что теперь в ряде районов Молдавии существуют русские села. Об этих массовых побегах сообщал В. Ф. Малиновский (впоследствии один из директоров Царскосельского лицея), который состоял русским консулом в Яссах 1802—1803 гг. Об этом же свидетельствует и ряд архивных материалов. Так, в тех же делах секретной следственной комиссии, о которых упомянуто выше, в разделе о преступниках из села Ганчешты (родина славного сына молдавского народа Григория Ивановича Котовского, ныне райцентр Котовск) указывается в записи от 7 мая 1823 года, что «в течение 6 лет причислено к Ганчештам русских беглецов более 2000 человек»[3]. Далее, там же отмечалось, что беглецы подлежат аресту и отправке по месту жительства. Не желая возвращаться под ярмо помещика, беглые русские крестьяне вступали в гайдуцкие отряды. Это говорит о совместной борьбе русского и молдавского народов и народов балканских стран против внутренних и внешних врагов за свою свободу и независимость.

---

[1] ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 791, лл. 4 и 6.
[2] «История Молдавии», т. 1, стр. 347.
[3] ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 791, л. 12.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

В деле «О появлении разбойников[1] в оргеевских лесах» имеется рапорт оргеевского исправника от 18 апреля 1824 г., в котором сообщается, что один из жителей села Белиешты, искавший в лесу вола, «нашел человека, одетого в арнаутское платье», и «увидел много спящих», коих от объявшей его тут робости, пересчитать не мог». Бендерский исправник в рапорте от 12 июля 1826 года доносил о появлении в лесу «16 человек разбойников... из коих 15 одеты в шаровары и куртки серого солдатского сукна... а последний в булгарской одежде». И, наконец, измаильский исправник в рапорте от 10 августа 1826 года доносил «о появлении в измаильском цинуте разбойников в Гречанском околе, повыше селения Баурчи молдаван, числом до 10 человек»[2].

Все эти данные нам интересны потому, что они раскрывают особый разноплеменный характер гайдуцкого движения.

Архивные документы подтверждают положение Н. Гудзия в его исследовании о «Братьях разбойниках»: «очень характерно, что бессарабские разбойничьи шайки отличались такой же разноплеменностью, как и разбойничьи шайки, фигурирующие в поэме Пушкина»[3]. И действительно, есть все основания утверждать, что именно особый разноплеменный и социальный характер гайдуцкого движения (о чем не мог не знать Пушкин) и явились той реальной жизненной основой (наряду, безусловно, с «разбойничеством» в целом), на которой построена поэма «Братья разбойники». Об этом говорят и подсказанные Пушкину реальной молдавской действительностью строки из начала поэмы, ярко рисующие «разбойничью» среду, характерную именно для гайдуцкого движения.

Какая смесь одежд и лиц,
Племен, наречий, состояний!

---

[1] Здесь, как и в других местах, «разбойниками» господствующие классы боярской Молдавии и царские сатрапы называли гайдуков, народных мстителей, ничего, конечно, с настоящими разбойниками и уголовными элементами общего не имевших.

[2] ЦГА, ф. 2, оп. 1, д. 792, лл. 20, 26, 34.

[3] *Н. К. Гудзий.* «Братья разбойники» Пушкина. «Известия Академии наук СССР», отделение общественных наук, 1937, №№ 2—3, стр. 652.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

В черновом варианте было: «племен и лет и состояний». Но затем Пушкин, считая, видимо, более важным подчеркнуть не возрастное, а разноплеменное своеобразие гайдуцких отрядов, слово «лет» заменил словом «наречий»[1].

Гайдуцкое движение, образы народных мстителей, как выразителей глубоких революционно-освободительных чувств и настроений молдавского народа, естественно, нашли широчайшее отражение в молдавском фольклоре. И молдавский народ, создавший много песен, сказаний, легенд, посвященных народным борцам за свободу, всегда отличал подлинных разбойников, уголовных преступников от народных героев, называя первых «талгарями», а вторых «гайдуками». Глубокая любовь к угнетенному молдавскому народу и страстная ненависть к его поработителям-боярам, призыв к кровавой расправе с ними и прославление народных мстителей — вот что составляет содержание этих гайдуцких песен, легенд и сказаний, являющихся распространенным и любимым молдавским народом жанром фольклора. Исключительный интерес представляет дошедший до нас замечательный по своей яркой публицистичности литературный памятник «Слово крестьянина к боярину». «Вы,— обращается с гневом неизвестный автор к боярам,— проводите время в пиршествах, а мы умираем с голоду... Знайте, что, несмотря на то, что мы холопы без ума, как вы говорите, мы сами защитимся... Хватит! Довольно! Терпенье лопнет. Или вы нам учините справедливость, или мы сами ее добудем, потому, что наши предки рассказывали, что когда-то также бояре стали совсем пренебрегать нуждами народа и хорошими порядками, все шло по их желанию. И говорили нам старики: «Пока мы не обагрили свои топоры в их крови, до тех пор не было порядка»[2].

Не менее сильное и яркое отражение нашли эти революционно-освободительные думы и чаяния молдавского народа в его фольклоре. Так, в одной из баллад мы встречаем следующее характерное признание гайдука, во многом раскрывающее истинную социальную подоплеку т. н. «разбойничества», в котором, как справедли-

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. IV, стр. 145 и 375.
[2] «История Молдавии», т. I, стр. 335.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

во указывал М. Горький, «были элементы бунта социального»[1].

Это правда: взял вчера
Много я у бояр добра,
Сотню золотых монет
Отдал тем, у кого нет,
Чтоб для бедных всех детей
Накупили калачей[2].

Исследователь Яцимирский, который сделал в Молдавии ряд интересных фольклорных записей (например, со слов 80-летнего старика из села Ганчешты Иона Нистора и др.), пишет: «Если вы попросите рассказать что-нибудь про старину (дин бэтрынь или дин трекут) или просто какой-нибудь рассказ (повесть или сказку — басм), то он (народный сказитель) непременно предложит вам рассказать про разбойника». И «...начнет он говорить про разбойников, и сам весь оживляется и слушатели тоже. Рассказ дышит необыкновенным сочувствием к своему герою, увлечением им, даже каким-то обаянием; а слушатели, кажется, живут вместе с разбойником, совершающим подвиги свои один за другим... Разбойник всегда наделен положительными чертами: он красив, статен, силен, ловок, смел, в опасности хитер и решителен, для бедняков добр и нежен, а главное — справедлив. Когда рассказчик нарисует самыми яркими красками фигуру подобного разбойника, трудно представить себе, чтобы такой человек мог грабить и безжалостно убивать людей. Нет! **это герой, которого народное представление наделяет самыми симпатичными чертами. Это — идеал народа, воплотивший в себе, быть может, идею освобождения от тяжелого ига, которое давило несчастный народ в продолжение четырех веков...»**[3] (подчеркнуто нами.— *Б. Т.*).

---

[1] Речь М. Горького на Пленуме Правления Союза советских писателей 7 марта 1935 г. См.: «М. Горький о литературе». Литературно-критические статьи. М., «Советский писатель», 1953, стр. 775.

[2] *Г. Менюк.* Молдавские песни старины. «Советская Молдавия», 5 ноября 1945 г. В более развернутом виде та же статья напечатана в журнале «Октомбрие» («Октябрь»), № 1, за 1946 г. См. еще: *Г. Ботезату.* «Песни гайдучества». «Днестр», 1961, № 7, стр. 118—125.

[3] *А. Яцимирский.* Разбойники Бессарабии в рассказах о них. «Этнографическое обозрение», книга XXVIII. М., 1896, стр. 54.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Об этом же пишут А. Защук: «...гоцкие или гайдуцкие песни — самые лучшие и содержательные», и Г. Филатов, который отмечает в своей статье «Очерки Бессарабии. Народная литература у молдаван», что «из молдавских народных песен самые замечательные, бесспорно, разбойнические». «Глубокая симпатия,— продолжает Г. Филатов,— существовала между хоцами (гайдуками.— *Б. Т.*) и народом, и народ, чтобы даром не пропала слава о подвигах своих избавителей, увековечил их имена песнями»[1].

2. «И славой русскою полна...»

В 1824 году в своих заметках о поэме «Цыганы» Пушкин писал: «Бессарабия, известная в самой глубокой древности, должна быть особенно любопытна для нас:

Она Державиным воспета,
И славой русскою полна.

Но доныне область сия нам известна по ошибочным описаниям двух или трех путешественников»[2]. И великий русский поэт с первых же дней по приезде своем в Бессарабию проявлял интерес к Молдавии, молдавскому народу. Это сказалось и в его интересе к историческим местам, связанным с прошлым молдавского и русского народов, с их совместной борьбой против иноземных захватчиков. В вариантах примечаний к поэме «Цыганы» Пушкин писал о Бессарабии: «От Олега и Святослава до Румянцева и Суворова она была театром наших войн» (в другом варианте: «От Олега и Святослава, до Суворова и Кутузова она была театром наших вечных войн»)[3].

В начале XVI века молдавский народ, стонущий под турецким игом, обращает свои взоры к России, видя в ней единственную силу, могущую оказать помощь в из-

---

[1] *А. Защук.* Материалы для географии и статистики России. Бессарабская область, СПб., 1862, стр. 491; *Г. Филатов.* Очерки Бессарабии. Народная литература у молдаван. «Бессарабские областные ведомости», 1861, №№ 13, 14, 15, 16 (в данном случае цитировано из № 13, стр. 108).

[2] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XI, стр. 22.

[3] Там же, стр. 294.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

гнании из пределов страны турецких поработителей. В 1656 и 1674 годах молдавские господари обращаются с просьбой о принятии Молдавии в состав Российского государства. Однако турки всячески препятствовали мирному разрешению этого вопроса, имеющего жизненно важное значение для молдавского народа, извечно связанного со славянскими народами. О последнем, в частности, свидетельствуют и археологические раскопки, проведенные на территории Советской Молдавии за последние годы[1].

Россия, борясь с турецким засильем, не могла быть равнодушной к судьбе молдавского народа. Начиная с 1711 года, т. н. Прутского похода Петра I, вплоть до 1812 года—на протяжении столетия — Бессарабия была, как правильно определил Пушкин, театром беспрерывных войн, которые Россия вела против Турции. Наиболее грандиозные сражения произошли на территории Молдавии во второй половине XVIII столетия. 7 июля 1770 года 39-тысячное войско под командованием генерала-фельдмаршала П. А. Румянцева разбило 80-тысячное войско турок у реки Ларги, а 21 июля того же года 17-тысячное русское войско разгромило 150-тысячную армию турок около села Вулканешты и реки Кагул. Кагульское поле битвы, находящееся слева от современного шоссе, идущего из Болграда в Кагул, представляет собой возвышенность, огромным полукругом охватывающую котловину, в которой находится русло пересохшей теперь реки Кагул, протекавшей через центр села Вулканешты. В декабре 1790 года русские войска под командованием А. В. Суворова и его ближайшего сподвижника М. И. Кутузова штурмом овладели крепостью Измаил. Последнюю битву воспел поэт Г. Р. Державин в стихотворении «На взятие Измаила». На Кагульском поле битвы был сооружен в течение 1844—1848 гг. и в 1849 г. открыт, в одном километре от с. Вулканешты и реки Кагул, памятник, представляющий собой круглую колонну в дорическом стиле около 25 м высоты, установленную на пьедестале с двумя чугунными плитами, на одной из которых написано:

---

[1] *Г. Смирнов.* Раскопки древних городов. «Советская Молдавия», от 1.VIII.1951 г.; «Древние славянские поселения в Молдавии». «Советская Молдавия» от 20.IX.1951 г.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«1770-го года, июля 21-го дня, граф Петр Александрович Румянцев на сем месте с семнадцатью тысячами русских воинов разбил стопятидесятитысячную турецкую армию, под начальством верховного визиря Халиля-паши». На другой плите написано: «Памятник сей незабвенной битвы, в которой пали навсегда свирепые янычары, несколько столетий страшившие Европу, Азию и Африку». В 1856 г. памятник подвергся капитальной реставрации, на капители восстановлен крест над полумесяцем[1].

Слева от него (если смотреть со стороны села Вулканешты) находится 3-метровый памятник, поставленный на месте гибели полковника С. Воронцова, отца М. С. Воронцова, у которого служил в Одессе Пушкин.

Нужно ли удивляться тому, что великий русский поэт с такой жадностью стремился ознакомиться с историческими событиями, а главное, с историческими местами Молдавии. Вот почему он так взволнованно и прочувственно написал в стихотворном послании к поэту Е. А. Баратынскому в 1822 году из Молдавии:

Сия пустынная страна
Священна для души поэта;
Она Державиным воспета
И славой русскою полна[2].

С 13 по 23 декабря 1821 года Пушкин, по разрешению И. Н. Инзова, сопровождает И. П. Липранди в его служебной командировке. И. П. Липранди было поручено произвести следствие в связи с солдатскими волнениями, происшедшими в 32-м егерском полку в Аккермане (Белгород-Днестровский) и в 31-м егерском полку в Измаиле. Кстати, В. Базанов в своей книге «В. Ф. Раевский» ошибочно считал, что эти волнения произошли в Камчатском полку, расположенном, якобы, в Аккермане. Его ввело в заблуждение упоминание о наказании солдат Камчатского полка у Аккерманского (Бендерского) въезда, заставы, которая находилась в

---

[1] Об истории Кагульского памятника см.: «Памятник Кагульской битвы». Новороссийский календарь, 1850 г., стр. 379—383. (Извлечено из «Одесского вестника» за 1849 г., №№ 89—90), а также: *М. Ромадин.* На поле Кагульской битвы. «Советская Молдавия» от 7 августа 1956 г.

[2] *А. С. Пушкин.* Соч., т. III, стр. 235.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

начале старой дороги из Кишинева на Бендеры, Каушаны и Аккерман, в конце теперешней Измайловской улицы[1]. Вместе с И. П. Липранди Пушкин совершает большую поездку по Бессарабии, по маршруту: Кишинев— Бендеры — Каушаны — Паланка — Аккерман — Шабо — Татарбунары — Измаил — Болград — Гречены— Готешты — Лека — Леово — Гура-Сарацика — Гура-Галбина — Резены — Кишинев. До сих пор в литературе не указывались пункты, следующие по этому маршруту после Леово, т. к. они не были указаны в воспоминаниях И. П. Липранди. Однако Н. И. Надеждин и Ф. Ф. Вигель, описывая свои поездки по Молдавии, когда они ехали от Прута (т. е. от Леово) к Кишиневу по тому же маршруту, что Пушкин и Липранди, упоминают о вышеуказанных пунктах[2]. Поскольку Пушкин и Липранди, по всей вероятности, ехали по тому же почтовому тракту, что Надеждин и Вигель, а не проселочными дорогами, есть все основания предполагать, что они проехали через те же населенные пункты (о которых Липранди мог и не упомянуть, поскольку там они не останавливались).

Первый крупный населенный пункт, который проезжали Пушкин с Липранди, был молдавский город Бендеры. Однако, как свидетельствуют архивные материалы, до середины XVI в. город Бендеры, пока он был во владении молдавских господарей, назывался Тигиной, что означает «переход» или «место переправы». И только когда в 1538 г. Тигина была захвачена турками, они дали городу название Бендеры[3]. В Бендерах находится старинная, построенная турками в XVI веке, крепость, которая трижды (в 1770, 1789 и 1806 гг.) была занята русскими войсками. Но главное, что интересовало Пуш-

---

[1] *В. Г. Базанов.* Владимир Федосеевич Раевский. Л.—М., 1949, стр. 71. Его же. Декабристы в Кишиневе (М. Ф. Орлов и В. Ф. Раевский). Кишинев, 1951, стр. 41—42; см. также: *П. И. Долгоруков.* Дневник. «Звенья», IX, стр. 63. «...Дорога (в Кишиневе.— *Б. Т.*) идет к Аккерманской заставе».

[2] *Н. И. Надеждин.* Прогулка по Бессарабии. Одесский Альманах 1840 г. Одесса, 1889, стр. 367—390; и Воспоминания Ф. Ф. Вигеля, ч. 7, стр. 24.

[3] См.: *А. Полевой.* Древняя Тигина найдена! «Вечерний Кишинев» от 10.I.1970 г.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

кина в Бендерах,— это остатки шведского лагеря, расположенного на берегу Днестра, у села Варница, в четырех километрах от Бендер, где после Полтавской битвы жил шведский король Карл XII, а также могила предателя Мазепы, умершего в шведском лагере и похороненного, якобы, близ Варницы (по сведениям некоторых молдавских летописцев — в Галаце). Интересно отметить, что жители села Варница носят русские (Сербов), молдавские (Бачу), украинские (Гончар) и турецкие (Карагачан) фамилии. В этом отразилось историческое прошлое этих мест, где уже в середине XVI века, вероятно, поселились на жительство украинские казаки, осаждавшие турецкую крепость Бендеры под командованием гетмана Сверчевского, а в XVIII веке русские солдаты под командованием графа Панина.

До 1925 года точное местонахождение лагеря шведского короля Карла XII не было известно, и в литературе только отмечалось, что этот лагерь находился у села Варница. Жители Варницы 62-летний Иван Карагачан и 34-летний Константин Сербов (последний со слов своего отца) рассказывали нам в 1953 году, что после оккупации румынскими боярами в 1918 г. правобережной Молдавии, во время строительства укреплений на берегу Днестра, в том месте, где село Варница подходит к обрывистому берегу реки, был обнаружен фундамент, оставшийся от шведского лагеря. Камень был разобран жителями села на постройки, и на этом месте теперь зияет глубокий котлован, а вокруг — заросшие травой и кустарниками рвы и возвышенности. Из камня, оставшегося от этого фундамента, в 1925 году, для точного обозначения бывшего шведского лагеря, был построен трехметровой высоты обелиск, на котором написано:

КАРЛ XII КОРОЛЬ ШВЕДСКИЙ
поставлен в память пребывания
1709—1711 гг.
Установлен в 1925 году.

В исторических документах, а также Пушкиным указано, что Карл XII был в Варнице до 1713 г. Видимо, дата 1711 г. указана на памятнике на основании неточных данных румынских источников.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Но Пушкину не удалось в эту поездку посетить Варницу, т. к. Липранди спешил, и они не останавливались в Бендерах, а проехали до следующего населенного пункта — Каушаны.

Каушаны также заинтересовали Пушкина. В Каушанах до сих пор сохранилась одна из самых древних церквей Молдавии, с уникальными фресками. Церковь построена в XVIII в. на месте деревянной, построенной в XV в. Каушанский священник Иоанн Няга писал в 1862 г.: «На старом кладбище есть каменная надгробная плита, свидетельствующая, что в половине 15-го столетия в Каушанах было уже христианство; следовательно, была и церковь»[1]. Здесь же находилась с XVI века до начала XIX века столица буджакских ханов. Буджакские степи (Буджак — «угол» по-татарски — южная часть Молдавии между Днестром и Прутом) находятся в районе Каушаны—Леово, южнее так называемого верхнего Траянова вала, построенного, по преданию, римским императором Траяном во II веке нашей эры, после разгрома им Дакийского государства. Здесь турецкий султан Сулейман (Селим) II поселил в 1509 году 30 тысяч семейств ногайских татар, ханы которых жили в Каушанах. В Буджакских степях были и поселения болгар, бежавших сюда от турецкого ига. Однако Пушкин безуспешно искал остатки столицы буджакских ханов. «Первая от Бендер станция, Каушаны, опять взбудоражила Пушкина,— пишет И. П. Липранди,— это бывшая до 1806 года столица Буджакских ханов. Спутник мой никак не хотел мне верить, что тут нет никаких следов, все разнесено». Далее Пушкин с Липранди по дороге в Аккерман проехали через селение Паланку, но «развалины древней башни в Паланке,— пишет Липранди,— мимо которых мы проезжали днем, интересовали его гораздо менее». В Аккермане (Белгород — старинное славянское название города, затем Ак-керман— турецкое название, теперь — Белгород-Днестровский) Пушкин заинтересовался старинной, построенной в начале XV века крепостью и ходил «осматривать замок, сложенный из башен различных эпох» (крепость эта существует и поныне).

---

[1] «Бессарабские областные ведомости», 5 мая 1862 г., № 8, «Церковь в местечке Каушанах», свящ. Иоанн Няга.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

После падения Килии и Белгорода «в начале XVI века Молдавия вынуждена была окончательно признать свою зависимость от Порты»[1] (правительство турецкой Оттоманской империи), и Ак-керман стал опорным центром турецких оккупантов. Историческое прошлое Аккермана, видимо, было хорошо известно Пушкину, который писал в поэме «Цыганы»:

А правил Буджаком Паша
С высоких башен Аккермана...

Беглое упоминание об Аккермане дает Пушкин и в (исключенном позднее) примечании к строфе VIII главы I «Евгения Онегина» (введенном вначале в вариант белового автографа стихотворения «К Овидию»), когда опровергает предположение, что в Аккермане жил и умер Овидий: «Мнение будто бы Овидий был сослан в нынешний Аккерман ни на чем не основано»[2].

Из Аккермана Пушкин поехал с Липранди в швейцарскую колонию Шабо (в шести километрах от Аккермана), основанную швейцарцем-естествоиспытателем и масоном Тарданом. О Тардане генерал Инзов сообщал в своем донесении от 1 декабря 1821 года в Петербург князю П. И. Волконскому следующее: «Тардан тот самый швейцарец, который ходатайствует о поселении швейцарской колонии близ Аккермана и ожидает утверждения плана сего поселения, представленного от меня г. министру внутренних дел. Он временно был в Кишиневе у меня на весьма короткое время по своему делу и, следуя совету моему, живет с самого прибытия в Аккермане для узнания качества произрастающего там винограда, выделки из оного вина по их методе и открытия трав, в тех местах растущих; чем он и занимался»[3].

Жители Шабо показывают приезжим дом, который будто бы принадлежал Тардану и в котором останавливался Пушкин.

«Тардан,— по свидетельству Липранди,— очень ему (Пушкину) понравился, а Пушкин Тардану, удовлетворявшему бесчисленным вопросам моего спутника». Ви-

---

[1] «История Молдавии», т. I, стр. 163.
[2] *А. С. Пушкин.* Соч., т. IV, стр. 194 и т. II (2), стр. 728.
[3] «К истории ссылки поэта А. С. Пушкина в южную Россию». «Русская старина», 1883, т. 40, стр. 656.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

димо, близкое знакомство Пушкина с Тарданом сохранилось и в дальнейшем, если учесть, что Тардан был членом кишиневской масонской ложи «Овидий».

Возвратившись из Шабо в Аккерман, Пушкин и Липранди выехали под вечер по направлению к Измаилу. Путь их лежал через Татарбунары, куда они приехали на другой день утром. Здесь они отдохнули и пообедали, а затем направились дальше к Измаилу. В Измаиле Пушкин прежде всего ознакомился с местами, связанными с суворовским штурмом Измаила. Осматривая построенную турками в XVI веке Измаильскую крепость (крепость не сохранилась) и ее береговую часть, поэт, по словам Липранди, «удивлялся, каким образом Де-Рибас во время суворовского штурма мог со стороны Дуная взобраться на эту каменную стену и пр. Подробности штурма ему были хорошо известны». Кроме того, Пушкин посетил «крепостную церковь, где есть надписи некоторых убитых на штурме».

Из Измаила Пушкин с Липранди направились в Болград, где находилось управление болгарскими колониями, основанными в Бессарабии. В Болграде Пушкин и Липранди пробыли всего несколько часов и выехали оттуда вечером. Несколько слов о Болграде. Ошибочно мнение, будто Пушкин был в существующем ныне городе Болграде и вырезал свое имя на дереве, стоящем в общественном саду[1].

В письме в редакцию «Одесского листка» некий К. М-ский убедительно доказывает, что Пушкин был не в г. Болграде, которого тогда (в декабре 1821 года) еще не существовало, а в местечке Табак (вернее Тобак, как обозначено на карте Молдавии, составленной в XVIII веке Дм. Кантемиром). Село Табак, существующее и поныне, расположено в трех километрах от г. Болграда. В утвержденном в 1819 году и опубликованном в начале 1820 года правительственном указе об организации болгарских колоний в Бессарабии указано: «Главное же селение Табак, согласно желанию переселенцев, поименовать Болград». С. Радулов, издавая в 1864 году в переводе на болгарский язык «Постановле-

---

[1] *А. П. К.* Пушкин в Болграде. «Русский Архив», 1900, кн. 1, стб. 400—402. (Извлечено из «Одесского листка», 1898 г., № 291 и 1899 г., № 4).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ния о болгарских колониях», сделал следующее примечание: «Табак сперва был переименован в Болград, или Табак-Болград, но спустя три года начальство нашло более удобным положить основание центральной колонии над озером Ляпухом (Ялпугом.— *Б. Т.*) в трех верстах от Табака на юг, и удержало название Болграда за этой новой колонией, а Табак остается и доныне со старым именем».

Отсюда автор письма делает правильный вывод: «нынешний Болград стал основываться только в 1823 году, и, следовательно, А. С. Пушкин, ездивший в Измаил во второй половине 1822 года (здесь ошибка: Пушкин ездил еще раньше — в декабре 1821 года. — *Б. Т.*), нынешнего Болграда посетить не мог по той простой причине, что ему не было положено даже основания... Если поэт где мог быть, то в Табаке, который тогда еще официально назывался Болградом»[1].

Пребывание Пушкина в местах, где были расположены болгарские колонии, нашло свое не только яркое художественное, но даже топографически и этнографически точное отображение в отрывках (видимо, в задуманной поэме о Кирджали), набросанных в 1828 году.

В степях зеленых Буджака,
Где Прут, заветная река,
Обходит русские владенья,
При бедном устье ручейка
Стоит безвестное селенье.
Семействами болгары тут
В беспечной дикости живут,
Храня родительские нравы...[2]

По дороге из Болграда (в 19 километрах от Вулканешт), подъезжая к селению Гречены (теперь небольшое село в 30—40 дворов), Липранди сказал Пушкину: «Жаль, что темно, он бы увидел влево Кагульское поле». «При этом слове,— рассказывает Липранди,— он (Пушкин) встрепенулся и первое его слово было: «Жаль, что не ночевали, днем бы увидели». «Тут я,— продолжает Липранди,— опять убедился, что он вычитал все подробности этой битвы, **проговорил какие-то стихи** (подчеркнуто мною.— *Б. Т.*) и потом заметил, что

[1] *К. М-ский.* Был ли Пушкин в Болграде? «Одесский листок», 24 января 1899 г., № 22.

[2] *А. С. Пушкин.* Соч., т. III (1), стр. 114.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Ларга должно быть вправо и проч.» Не в это ли время у Пушкина сложились стихи, посвященные Кагульской битве и дошедшие до нас в незаконченных отрывках, как результат мгновенной творческой вспышки? (Почему мы и думаем, что стихи эти можно отнести не к началу 1822 года, а к декабрю 1821 года.)

Чугун Кагульский, ты священ
Для русского, для друга славы —
Ты средь торжественных знамен
Упал горящий и кровавый
Героев севера губя[1].

Кстати, любопытный факт. В районе современного Кагульского обелиска найдено чугунное коромысло с клеймом: «Мастер Егор Ильин Арлов в Касиливе. 1821 г.» Не исключено, что это деталь чугунного памятника, который существовал на месте нынешнего обелиска[2].

Проехав Готешты, Леку, Леово, Пушкин с Липранди свернули от Прута на тракт, идущий к Кишиневу. Проехав затем, как мы указывали выше, Гура-Сарацику, Гура-Галбину и Резены, Пушкин после 10-дневного путешествия по Бессарабии (13—23 декабря) прибыл в Кишинев[3].

Пушкин посетил еще некоторые места Молдавии. Одной из наиболее значительных поездок его является месячное пребывание в молдавских селах Долна (теперь — Пушкино), Юрчены и Варзарешты. Но об этом мы расскажем ниже.

Эти путешествия, давшие поэту богатейшие жизненные наблюдения, не могли пройти и не прошли бесследно для впечатлительной души поэта. Ряд произведений как написанных в Молдавии, так и более поздних носит следы глубокого познания этого края. Элегически проникновенно и живописно нарисованы Пушкиным прекрасные картины природы солнечной Молдавии, которые, будучи созданы во время путешествия по Бесса-

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. II, (I) стр. 236.

[2] *М. Ромадин.* На поле Кагульской битвы. «Советская Молдавия», 17 августа 1946 г.

[3] Все цитаты, касающиеся сообщений И. П. Липранди о путешествии его с Пушкиным по Бессарабии, взяты «Из дневника...» И. П. Липранди. «Русский Архив», 1866, №№ 8—9, стб. 1270—1284.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

рабии, являются одними из лучших поэтических страниц в произведениях, посвященных Молдавии (и о которых мы будем говорить в следующих главах). Приведем здесь эти замечательные строки из стихотворения «К Овидию»:

Здесь долго светится небесная лазурь;
Здесь кратко царствует жестокость
зимних бурь.
На скифских берегах переселенец новый,
Сын юга, виноград блистает пурпуровый.
Уж пасмурный декабрь на русские луга
Слоями расстилал пушистые снега;
Зима дышала там — а с вешней теплотою
Здесь солнце ясное катилось надо мною;
Младою зеленью пестрел увядший луг;
Свободные поля взрывал уж ранний плуг;
Чуть веял ветерок, под вечер холодея;
Едва прозрачный лед над озером тускнея,
Кристаллом покрывал недвижные струи [1].

3. «Изучая народную жизнь...»

Связь Пушкина с молдавским народом нашла свое выражение не только в интересе поэта к истории Молдавии, ее людям и природе, но и в его пристальном внимании к молдавской литературе, искусству, фольклору.

Характерный факт: одним из первых произведений, написанных поэтом в первые же месяцы его пребывания в Молдавии, было стихотворение «Черная шаль», созданное Пушкиным по мотивам широко распространенной тогда молдавской народной песни. Так, Пушкин явился по существу первым русским собирателем молдавского фольклора, его поэтическим интерпретатором и пропагандистом среди народов России.

В Кишиневе Пушкин посещает народные гулянья, игры, базары, прислушивается к народной речи. Об этом он замечает в стихотворном отрывке «Чиновник и поэт»: «Люблю базарное волненье... и спор, и крик, и торга жар... Люблю толпу, лохмотья, шум... ум и здесь вникает в дух народный»[2].

О посещении Пушкиным народных гуляний рассказывают в своих воспоминаниях современники поэта, жиз-

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. II (1), стр. 220.
[2] Там же, стр. 282.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

шие с ним в Кишиневе. Так, П. И. Долгоруков в записи от 3 апреля 1822 года описывает народные увеселения на одной из окраин Кишинева, Булгарии (теперешнем районе Кишинева — Рышкановке, в конце улицы Измайловской). «Ввечеру ходил прогуливаться на Булгарию; так называют отдаленнейшее предместье Кишинева, населенное большею частью болгарскими выходцами. Тут поставлены в двух местах качели, а у бендерского въезда происходила борьба. Двое нагих схватываются и пробуют свою силу... Одна ловкость, гибкость и проворство дают победу... Не заметил я ни во время борьбы, ни по окончании оной какого-нибудь ожесточения или драки... Пушкин был также в числе зрителей. Ему драка очень понравилась, и он сказал мне, что намерен учиться этому искусству»[1]. Другие знакомые Пушкина по Кишиневу рассказывают, что «разгуливая по городу в праздничные дни, он (Пушкин) натыкался на молдавские хороводы и без всякой церемонии присоединялся к ним, не стесняясь присутствующими, которые, бывало, нарочно приходили «смотреть Пушкина». По окончании плясок он из общества молдаван сразу переходил в общество «смотревших» его лиц из образованного класса, которым и принимался с восторгом рассказывать, как весело и приятно отплясывать «джок» под звуки молдавской «кобзы»[2]. «Джок», или «жок», сохранился и сейчас как музыка танца и хороводные игры, устраиваемые в праздничные дни в молдавских селах. В. Е. Белюгова, вспоминая свою встречу с Пушкиным, когда она была еще 10-летней девочкой, пишет: «Раз, помню, на Булгарии, так называлась местность, где теперь Вознесенская церковь... были на пасху игры. Танцевали под волынку здешний местный танец «джок». Приезжали смотреть на народ в каретах. Приехал и Пушкин...»[3]

Кстати говоря, П. И. Бартенев (а за ним Мацеевич и Францева) приписывает Пушкину стихотворение на мо-

---

[1] *П. И. Долгоруков.* Дневник. «Звенья», т. IX. М., 1951, стр. 62—63.

[2] «Пушкин в Кишиневе». «Русский Архив», 1899, № 6, стб. 344—345.

[3] *А. С. Мацеевич.* Кишиневские предания о Пушкине, см.: «Отзывы о Пушкине с юга России. Собрал В. А. Яковлев». Одесса, 1887, стр. 79.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

тив «джока», в котором дается жанровая картина кишиневского общества (это стихотворение А. Ф. Вельтмана).

Музыка Варфоломея,
Становись скорей в кружок,
Инструменты строй скорее
И играй на славу джок.
Наблюдая нежны связи
С дамой всяк ступай любой,
В первой паре Катакази
С скромной Стамовой женой[1].

Сохранились свидетельства, что Пушкин изучал молдавский язык. Так, один из служителей у генерала И. Н. Инзова молдаванин бадя Тудор (дядя Тудор) рассказывал, что Пушкин у него учился молдавскому разговорному языку: «Мало-помалу Пушкин делал успехи и через некоторое время успел составить себе маленький молдавский словарь, из которого с грехом пополам складывал предложения... Фразы или слова, которые ему особенно трудно удавались, он обыкновенно записывал себе и затем выучивал. Некоторые фразы, которые чаще всего надо было употреблять и которые ему особенно не давались, он записывал прямо на стенах, чтобы они были всегда на виду. При изучении молдавского языка Пушкину много способствовало то, что он вращался и в среде простого молдавского населения»[2]. И. П. Липранди, рассказывая о встречах Пушкина с молдавским писателем К. Стамати, замечает, что Пушкин в разговоре со Стамати «...начал приводить разные молдавские слова»[3]. Это еще раз свидетельствует о том, что если Пушкин и не изучил хорошо молдавский язык, то во всяком случае запасом каких-то необходимых в разговоре слов он владел.

Исключительный интерес проявлял Пушкин к фольклору не только молдавского народа, но и других на-

---

[1] *П. И. Бартенев.* Пушкин в южной России. «Русский Архив», 1866, № 8—9, стб. 1158—1159.

[2] «Пушкин в Кишиневе». «Русский Архив», 1899, № 6, стб. 342.

[3] «Из воспоминаний И. П. Липранди о Пушкине» (публикация М. Цявловским отрывков из воспоминаний И. П. Липранди, не вошедших в «Русский Архив» за 1866 г., №№ 8—10). «Летописи Государственного Литературного музея», книга первая. М., 1885, стр. 557; см. также: «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников», 1974, т. I, стр. 348.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

родностей[1]. Поэт слушает и записывает молдавские песни, сказания, а также песни и народные предания сербских, болгарских, греческих, турецких переселенцев, эмигрировавших в Бессарабию, и цыган. Так, например, Пушкин любил слушать турецкие и греческие песни, которые исполняла гречанка — эмигрантка Калипсо. «У нее был голос нежный, увлекательный.., — пишет Ф. Ф. Вигель,— когда с гитарой пела она ужасные мрачные турецкие песни». «Пела она,— свидетельствует Липранди,— на восточный тон, в нос; это очень забавляло Пушкина, в особенности турецкие сладострастные, заунывные песни с аккомпанементом глаз, а иногда и жестов...»[2]

Очевидно, к этому времени относится запись Пушкиным перевода турецких слов, сделанная им в 1821 году в Кишиневе. Н. Дмитриев, проведя диалектологическое исследование этих слов, установил, что они относятся не к крымско-татарскому и не к гагаузскому языкам, а к южно-турецкой, османской группе диалектов. «Следовательно, делает вывод Н. Дмитриев, эти слова — чисто турецкого происхождения, которые Пушкин мог слышать и записать только в Бессарабии[3]. С цыганами Пушкин встречался в цыганских таборах, располагавшихся, зачастую, на окраинах Кишинева[4], а главным образом в период своего месячного пребывания среди цыган в районе сел Долна, Юрчены, Варзарешты. Таким образом, в Кишиневе Пушкин интенсивно собирает фольклор. «Он (Пушкин) собирал песни в Одессе, в Кишиневе.., — говорит М. Горький,— изучая народную жизнь, народную речь» [5].

---

[1] *Г. Ф. Богач.* Пушкин и молдавский фольклор. Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1963.

[2] «Записки Ф. Ф. Вигеля». «Пушкин в воспоминаниях современников», 1950, стр. 305 и «Русский Архив», № 8—9, стб. 1246.

[3] *Н. Дмитриев.* Несколько турецких слов в записи Пушкина. «Литературное наследство», №№ 16—18, стр. 319—320.

[4] См.: Воспоминания Елизаветы Францевой — дочери одного из сослуживцев Пушкина Кириенко-Волошинова: «Александр Сергеевич Пушкин в Бессарабии (из семейных преданий)». «Русское обозрение» за 1897 г., январь—март. Об этом же свидетельствует И. П. Липранди. «Цыганы снуют более, начиная от Бендер, на север, и их всегда можно было видеть около Кишинева». «Русский Архив», 1866, №№ 8—9, стб. 1284.

[5] *М. Горький.* История русской литературы. М., Госполитиздат, 1939, стр. 101.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Замечательное свидетельство интереса Пушкина к молдавскому фольклору и танцу мы находим в воспоминаниях одного из ближайших знакомых Пушкина по Кишиневу — В. П. Горчакова. «Пушкина,— пишет В. П. Горчаков,— занимала известная молдавская песня «Те юбеск песте мэсурэ», и еще с большим вниманием прислушивался он к другой песне — «Арде-мэ, фрижемэ», с которой уже в то время он породнил нас своим дивным подражанием, составив из нее известную песню в поэме «Цыганы», именно: «Жги меня, режь меня» и проч. Его заняла и мититика (молдавский танец, сопровождаемый большей частью пением), но особенно он обратил внимание на танец, так называемый сербешти (этот собственно сербский танец употребляется и у молдаван)...»[1] И. П. Липранди, комментируя это сообщение В. П. Горчакова, сообщает дополнительно не менее любопытные сведения об интересе великого русского поэта к молдавскому фольклору. «Все это так,— пишет И. П. Липранди,— но мне удивительно, что я не встретил в упомянутом исчислении двух современных исторических, народом сложенных песен, которые, как мне близко известно, в особенности занимали Александра Сергеевича... Кто из бывших тогда в Бессарабии и особенно в Кишиневе не помнит беспрерывных повторений: «Пом, пом, пом помиерами, пом» и «Фрунзе верде шалала, Савва Бимбаша»? Первая из них (песен) сложена аллегорически на предательское умерщвление главы пандурского восстания Тудора Владимиреску по распоряжению князя Ипсилантия в окрестностях Тырговиста. Вторая, на такую же предательскую смерть известного и прежде, а во время гетерии храбрейшего Бим-Баши-Саввы, родом болгарина, подготовившего движение болгар, коим Ипсиланти не умел воспользоваться... Александр Сергеевич имел перевод этих песен; он приносил их ко мне с тем, чтобы проверить со слов моего Арнаута Георгия»[2].

Советским исследователям удалось обнаружить в

---

[1] *В. П. Горчаков.* Выдержки из дневника об А. С. Пушкине, В кн.: «Пушкин в воспоминаниях современников». М., Госполитиздат, 1950, стр. 206—207.

[2] *И. П. Липранди.* Из дневника и воспоминаний. «Русский Архив», 1866, № 10, стб. 1407—1408.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

фонде И. П. Липранди, хранящемся в Историческом архиве в Ленинграде, записи народных песен Валахии, сделанные рукою И. П. Липранди. Песня о Тудоре Владимиреску записана И. П. Липранди на молдавском языке и рядом дан вольный русский перевод[1].

В декабре 1823 года Пушкин, во время встречи с И. П. Липранди в Одессе, сообщил об утере им этих песен. В январе 1824 года Липранди, выполняя просьбу Пушкина, привез ему в Одессу копии своих переводов, но, видно, Пушкин вновь затерял их.

«Вместе с тем,— сообщает далее И. П. Липранди,— не вижу в собрании его сочинений даже и намека о двух повестях, которые он составил из молдавских преданий, по рассказам трех главнейших гетеристов: Василия Каравия, Константина Дуки и Пенда-деки... Что сделалось потом, я не знаю, но у меня остались помянутые копии, одна под заглавием: «Дука — молдавское предание XVII века»; вторая — «Дафна и Дабижа — молдавское предание 1663 года»[2].

Для нас последние, не сохранившиеся исторические повести Пушкина из молдавской жизни, представляют значительный интерес и как одни из первых его опытов в художественной прозе. (Как известно, первыми его опытами в прозе являются отрывок «Наденька» (1818 г.) и не сохранившиеся философские «романы» лицейского периода «Цыган» и «Фатом, или Разум человеческий».) «С прозой — беда! — говорил Пушкин Липранди, работая над этими повестями.— Хочу попробовать этот первый опыт». Но, что нужно отметить, главное — это интерес Пушкина к истории молдавского народа. Сведения о молдавском господаре-узурпаторе Дуке, его предшественнике господаре Дабиже и его жене Дафне сохранились в молдавских летописях историков-летописцев Николая Костина и Иона Некулче. Молдавский писатель Александр Хаждеу, переводивший на русский язык молдавские народные песни, опубликовал в «Вестнике Ев-

---

[1] *Е. М. Двойченко-Маркова.* Пушкин и румынская народная песня о Тудоре Владимиреску. В кн.: «Пушкин. Исследования и материалы», т. III. М.—Л., Изд. АН СССР, 1960, стр. 402—417; а также: *Г. Ф. Богач.* Оригиналы народных валашских песен, переведенных Пушкиным в Кишиневе. «Ученые записки Института истории, языка и литературы АН МССР», т. 4—5, 1955, стр. 206—229.

[2] *И. П. Липранди.* «Русский Архив», 1866, № 10, стб. 1408—1411.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ропы» в номере за декабрь 1830 года «Дука — молдавское предание», в котором описал последний год господарства и смерть узурпатора[1]. Судя по содержанию этого молдавского предания, которое нашло свое более глубокое и правдивое освещение в работах советских молдавских ученых (например, в докладе Г. Ф. Богача на 3-й Всесоюзной Пушкинской конференции)[2], это предание носит ярко выраженный антигосподарский характер, ибо идеей его является заслуженная смерть деспота, погибшего по воле народа. «Уж пятый год арнаут Дука играет по своей прихоти жизнью народа... и сердце отечества обливается каждый день кровью... Пусть Дука веселится и торжествует, но и Молдавия не будет вечно страдать. Веселие и торжество губителя не может быть продолжительным. Молчание народа страшно, как грозное затишье океана, как палящий зной перед грозой. Скоро должна решиться ужасная распря несчастного народа со счастливым злодеем».

Под руководством бояр Гинкула (Хынкула) и Петрическу молдавский народ сверг господаря-тирана Дуку. Описание смерти Дуки является одной из ярких политических страниц молдавского фольклора. Когда Дука лежал в цепях на телеге, он попросил проходящую мимо старуху-крестьянку дать ему молока. Старуха, поминая недобрым словом Дуку, разорившего молдавский народ, подавая ему молоко, говорит: «Но если в сие самое время злой губитель пирует, то да превратится сладкий напиток в отраву для него!» Дука выпил молоко «и начал исходить кровью».

Нам ясно, что могло заинтересовать Пушкина в этих молдавских сказаниях из истории Молдавии XVII века. Драматическая коллизия: хитрый, жестокий узурпатор и народ, свергающий деспота-господаря, т.е. во многом будущая тема «Бориса Годунова», тема «народ и царь»,

---

[1] *А. Хаждеу.* Дука. Молдавское предание. «Вестник Европы», №№ 23—24, декабрь. М., 1830, стр. 181—197. См. также: *Болеслав Хаждеу.* Молдавские легенды (Дабижа. Молдавская быль XVII в., Гинкул. Молдавское предание XVII века). «Сын Отечества» и «Северный архив», 1838 г., т. I, отд. I, стр. 230—249.

[2] *Г. Ф. Богач.* Молдавские предания, записанные Пушкиным. «Пушкин. Исследования и материалы. Труды третьей Всесоюзной Пушкинской конференции АН СССР». М.—Л., 1953, стр. 213—240.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

тема народного восстания, социального бунтарства — вот что привлекало так внимание Пушкина к эпохе прошлого, ее героям, которых он отобразил в своих исторических повестях из молдавской жизни. В этом свете возникает законный вопрос: почему П. И. Бартенев, в руках у которого были эти повести (ибо он к сообщению Липранди сделал характерное примечание: «От себя Пушкин ничего не прибавил тут»), который собирал и публиковал все, что он находил нового из рукописей Пушкина, не только не опубликовал этих исторических повестей, бывших у него в руках, но и, быть может, даже нарочно изъял их из своих бумаг? Есть все основания предполагать, что реакционер Бартенев это сделал именно потому, что не желал публиковать и сохранить произведения Пушкина, в которых показана история народного восстания и свержение народом царя-деспота. И нужно искать эти пушкинские повести в архивах Липранди и Бартенева.

И, наконец, заключая сообщения об интересе Пушкина к молдавскому фольклору, необходимо отметить следующие любопытные факты. Пушкин сделал в Молдавии записи народных сказок, на темы которых им были в 30-е годы написаны сказки «О царе Салтане» и «О мертвой царевне и семи богатырях». В 1822 году он делает прозаическую запись, которая излагает, правда, конспективно, схематично, некоторые события, легшие затем в основу сказки «О царе Салтане»[1].

Интересную догадку высказывает А. Яцимирский: одним из источников пушкинской сказки «О мертвой царевне и семи богатырях» является молдавская сказка «Кто красивее?» (опубликована в сборнике сказок, изданных Ел. Севастос в 1829 г.)[2].

Пушкин интересовался не только устным народным творчеством, но и молдавской литературой. Великий русский поэт встречался в Кишиневе с молдавскими писателями. Он бывал в доме молдавского поэта и чи-

---

[1] *В. Якушкин.* Рукописи А. С. Пушкина, хранившиеся в Румянцевском музее в Москве. «Русская старина», 1884, май, стр. 334—335.

[2] *А. Яцимирский.* Румынские (молдавские? — *Б. Т.*) параллели и отрывки в некоторых произведениях А. С. Пушкина. Оттиск из журнала «Русский филологический вестник». Варшава, 1901, стр. 221.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

новника Бессарабского областного совета К. Стамати. О встречах Пушкина со Стамати, кроме И. П. Липранди, упоминает в своем кишиневском дневнике 11 июня 1822 г. и прапорщик Ф. Н. Лугинин: «...Был в саду, где... из знакомых мне были Стамати два и Пушкин»; и 12 июня: «Из саду отправились все к Стамати... потом дрался я с Пушкиным на рапирах»[1].

В апреле 1822 г. Пушкин в списке лиц, которым нужно сделать визиты, помечает: «Стам (ати)...»[2]

а) Кто был этот «чиновник»?

В связи с именем К. Стамати известный интерес представляет исследование стихотворения Пушкина «Чиновник и поэт».

В 1930 г. известный пушкинист Б. В. Томашевский нашел и опубликовал незаконченное стихотворение Пушкина «Чиновник и поэт», написанное в Кишиневе весною 1823 г. Как Б. В. Томашевский в своей книге «Пушкин», т. 1 (1956 г.), так и другой виднейший пушкинист Д. Д. Благой в своей книге «Творческий путь Пушкина», т. 1 (1950 г.), приводя текст стихотворения пишут, что «поэт» — это сам Пушкин. Но кто такой был этот «чиновник», да еще так хорошо знавший Кишинев, жизнь, быт молдавского народа,— такой вопрос оба исследователя не задают.

В стихотворении — диалог, который между собою ведут поэт (Пушкин) и некий чиновник. Поэт сообщает, что «я сбираюсь на базар. Люблю базарное волненье... Люблю толпу, лохмотья, шум», на что чиновник ответствует: «Так — наблюдаете — ваш ум и здесь вникает в дух народный».

Кто же был этот «чиновник», который сопровождал Пушкина по Кишиневу?

Получить ответ на этот вопрос, имеющий большое значение и для биографии Пушкина, и для установления

---

[1] Из дневника прапорщика Ф. И. Лугинина (15 мая—19 июня 1822 г.). Публикация*** «Литературное наследство», №№ 16—18, 1934, стр. 672, 673.

[2] «Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты», М.—Л., 1935, стр. 296.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

прототипа героя пушкинского стихотворения, а следовательно, и знакомца поэта,— помогут нам архивные материалы, обнаруженные в Центральном государственном архиве Молдавской ССР. Эти архивные материалы относятся к осени 1815 г. и связаны с пребыванием в Молдавии известного русского журналиста П. П. Свиньина, чиновника коллегии иностранных дел, направленного осенью 1815 г. в Бессарабию для ее изучения и описания. В своем журнале «Отечественные записки» за 1818 г. в примечании к «Предисловию» П. Свиньин пишет: «По предложению покойного фельдмаршала Николая Ивановича Салтыкова был я послан комитетом г.г. министров в 1815 году для обозрения и описания Бессарабской области»[1].

В Центральном государственном архиве Молдавской ССР находится «Дело о командировании правительством асессора П. Свиньина в Бессарабию для ознакомления с управлением Бессарабии»[2]. В «Деле...» имеются документы, уточняющие даты выезда Свиньина из Петербурга в Молдавию и время прибытия его в Бессарабию.

В отношении от кабинета министров на имя исполняющего должность Бессарабского гражданского губернатора генерал-майора Гартинга сообщается следующее:

«Комитет г.г. министров, находя нужным иметь об образе настоящего управления в Бессарабии и вообще о тамошнем крае полные сведения, журналом своим, 15 минувшего июня состоявшимся положил: для обозрения настоящего управления в Бессарабии, написания вообще тамошнего края отправить туда служащего в ведомстве коллегии иностранных дел коллежского асессора Свиньина»[3].

8 июля 1815 года генерал-майор Гартинг получил это отношение, а 30 сентября 1815 года в своем отношении к 1-му департаменту Бессарабского областного правительства он писал: «По назначению комитета

---

[1] «Отечественные записки» Павла Свиньина. Санкт-Петербург, в типографии Н. Греча. Предисловие, 1918, стр. 1—2.

[2] ЦГА МССР, ф. 88, оп. 1, д. 5.

[3] Там же, л. 1.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

г.г. министров **на сих днях** (подчеркнуто мною.— *Б. Т.*) прибыл в Бессарабскую область... Свиньин»[1].

Таким образом, на основании этого документа мы можем установить, что Свиньин приехал в Бессарабию в конце сентября 1815 года.

В том же «Деле...» мы обнаруживаем и следующий наиболее для нас любопытный документ. В своем отношении от 15 октября 1815 года к 1-му департаменту Бессарабского областного правительства генерал-майор Гартинг дает следующие указания:

«Для сопутствования присланному сюда по положению комитета г.г. министров ведомства государственной коллегии иностранных дел господину коллежскому асессору Свиньину во время обозрения Бессарабии, я прикомандировываю служащим в оном департаменте докладчиком **коллежского регистратора Стамати**»[2] (подчеркнуто мною.— *Б. Т.*). Этот архивный документ подтверждает факт встречи со Свиньиным молдавского писателя К. Стамати, служившего в то время в Бессарабском областном правительстве. Этот же документ дает нам подтверждение общеизвестного сообщения И. П. Липранди о знакомстве Стамати со Свиньиным, в память чего Стамати после отъезда Свиньина поставил у себя в саду бюст Анакреона с надписью: «В память П. П. Свиньину».

Тот факт, что Стамати сопровождал Свиньина в его служебной командировке по Бессарабии, дает нам основание предполагать, что для своих сведений о Бессарабии Свиньин использовал, кроме официальных источников и личных наблюдений, сведения, сообщенные ему Стамати, хорошо знавшим быт, культуру, фольклор молдавского народа.

Как известно, Пушкин был хорошо знаком с К. Стамати. И, думается, можно вполне обоснованно предположить, что, по приезде поэта в Кишинев, именно К. Стамати и как чиновник Бессарабского областного правительства, возглавляемого генералом Инзовым (у которого также служил Пушкин), и как молдавский поэт, установивший сразу же знакомство с великим рус-

---

[1] ЦГА МССР, ф. 88, оп. 1, д. 4.
[2] Там же, д. 5, л. 16.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ским поэтом,— именно К. Стамати и сопровождал поэта в прогулках по Кишиневу, знакомя его с городом, с жизнью, бытом молдавского народа.

Все вышесказанное позволяет нам утверждать, что прототипом образа чиновника в стихотворении «Чиновник и поэт», чиновником-собеседником Пушкина является не кто иной, как добрый знакомый великого русского поэта, молдавский писатель-классик К. Стамати.

б) «Пушкин полюбил меня...»

Пушкин был знаком и с писателем К. Негруци, который осуществил в 1837 году творчески обработанный перевод «Черной шали» («Молдавской песни»), а затем в том же 1837 году и повести «Кирджали». В 1835 году современник Пушкина молдавский писатель Александр Донич первый перевел на молдавский язык поэму «Цыганы». Классическая молдавская литература первой половины XIX в. в лице таких писателей-реалистов как К. Стамати, К. Негруци, А. Донич, Г. Асаки, А. Хаждеу, А. Руссо, В. Александри во многом испытывала влияние Пушкина. «Развитию молдавской литературы много способствовала передовая литература русского народа и, в частности, непосредственное знакомство двух наиболее выдающихся писателей первой половины XIX века (К. Негруци и К. Стамати) с великим Пушкиным»[1].

Безусловно, как мы уже указывали, влияние шло не по линии тематических и сюжетных заимствований (что отчасти также имело место), а было гораздо более глубоким. Во многом влияние Пушкина ускорило в молдавской классической литературе внутренние процессы развития реализма, народности, демократизма. Молдавские писатели все больше стали обращаться к народному творчеству, стали ближе к жизни молдавского народа, его фольклору. Безусловно, решающими были сами внутренние закономерности развития молдав-

[1] «История Молдавии», т. I, стр. 430.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ской литературы. Влияние Пушкина только ускорило эти процессы[1].

К. Стамати первый из молдавских писателей обращается к молдавскому фольклору: сказкам, народным преданиям, которые использует в своем творчестве[2].

Перевод Стамати поэмы «Кавказский пленник» был опубликован в I томе его сочинений, вышедшем в свет в 1830 году. Впервые перевод сделан К. Стамати в 1824 году. Перевод этот носит вольный характер[3]. Любопытно отметить, что Стамати свидетельствует об отличии диалекта, существующего в Бессарабии, от диалекта запрутской Молдавии. В предисловии к однотомнику своих произведений 1868 г. К. Стамати писал: «Я пишу в Бессарабии, в моей новой родине, где проживаю с 1812 г. и куда не смогли проникнуть изучение и понимание современного неолатинского диалекта Румынии: этот реформированный диалект, процветающий в румынских странах, соседствующих с Бессарабией, мы, бессарабцы, и не знаем и особенно не понимаем, так как он почти полностью латинизирован»[4]. Это свидетельство Стамати дает многое для понимания специфических отличий современного молдавского языка от румынского.

Выше указывалось, что Пушкин написал две не сохранившиеся повести из молдавской жизни: «Дука — молдавское предание XVII века» и «Дафна и Дабижа — молдавское предание 1663 года». Есть основание предполагать, что пример Пушкина вдохновил Негруци на создание исторической повести «Александр Лапушняну» из истории Молдавии XVI века, в которой народ выступает как активное действующее лицо.

---

[1] *В. Коробан.* О литературных влияниях. «Днестр», 1957, № 8, стр. 128—131.

[2] О Пушкине и молдавской литературе см.: *В. Панфил.* А. С. Пушкин и молдавские писатели. «Советская Молдавия», 3 июня 1949, № 109 (1436); ее же: Костаке Негруци — основоположник молдавской художественной прозы, «Октомбрие», («Октябрь»), 1951, № 6, стр. 81—88, а также сборник «Пушкин на юге». Кишинев, Госиздат Молдавии, 1958, стр. 96—104 (статьи: *А. Г. Пензул,* Стамати и Пушкин и *В. М. Гацак.* Негруци и Пушкин).

[3] *И. И. Богач.* Автограф первого молдавского перевода поэмы Пушкина «Кавказский пленник», «Пушкин на юге», т. II, 1961, стр. 361—379.

[4] Там же, стр. 367—368.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Во время революционного движения (Гетерии) 1821 года Негруци бежал из Ясс в Бессарабию. Сначала он жил с отцом в Хотине, а затем, весной 1822 года, переехал в Кишинев, где прожил год, до весны 1823 года. В Кишиневе Негруци встречался с Пушкиным, о чем он рассказал в автобиографической новелле, точнее «Письме VII» из цикла писем «Черным по белому» — «Калипсо» (гречанка-эмигрантка Калипсо Полихрони). Эта новелла опубликована в сборнике К. Негруци «Грехи молодости», Яссы, 1857 год, а затем в русском переводе появилась в журнале «Исторический вестник» за 1884 год, № 2, февраль. Рассказывая о своей первой встрече с Пушкиным и Калипсо, К. Негруци пишет: «Два лица обратили особое мое внимание и произвели на меня неизгладимое впечатление. Это были: молодой человек среднего роста, в красной феске на голове, и молодая девушка, высокого роста, завернутая в черную шаль... Молодой человек был А. Пушкин... Пушкин полюбил меня и находил особенное удовольствие исправлять мои ошибки, когда мы с ним беседовали по-французски. Изредка он просиживал целые часы в городском саду и слушал, как мы болтали с Калипсо по-гречески. Иногда же декламировал свои стихотворения, которые тут же переводил по-французски»[1]. Пушкин оказал известное влияние на К. Негруци. Это отмечает другой молдавский писатель — Василе Александри, современник Негруци. «Во время своего пребывания в Бессарабии и на юге России он (Негруци) знакомится с известным поэтом Пушкиным; его вкус к современной литературе укрепляется еще сильнее и, как бы в результате магического действия, он пробуждается вдруг с большим богатством новых идей, гармонических стихов...»[2]

Интересно отметить и то, что в своих новеллах А. Хаждеу использовал те же исторические легенды о Дуке, Дафне и Дабиже (сделав последних героями

---

[1] *К. Негруци.* Пэкателе тинерецилор (Грехи молодости). Яссы, 1857, стр. 268—271 («О Пушкине», стр. 269) и перепечатано на русском языке, с предисловием от редакции, в журн. «Исторический вестник» за 1884 г., № 2, февраль, стр. 337—340. (Цитирую по стр. 339).

[2] *В. Панфил.* Костаке Негруци — основоположник молдавской художественной прозы. «Октомбрие» («Октябрь»), 1951, № 6, стр. 82.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

своего произведения), которыми интересовался и Пушкин.

Но, говоря о прогрессивном влиянии Пушкина на молдавскую литературу, мы не должны забывать и об обратном влиянии молдавской литературы, молдавского фольклора на Пушкина, о чем уже говорилось выше.

Эти взаимосвязи между Пушкиным и молдавским народом, его культурой во многом определили характер и содержание творчества поэта в кишиневский период.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«ЗДЕСЬ, ЛИРОЙ СЕВЕРНОЙ...»

1. «Я предпринял литературный подвиг»

Общение Пушкина с южными декабристами, близость к молдавскому народу, а также живой интерес его к революционно-освободительной борьбе народов Европы во многом предопределили идейно-художественную направленность творчества поэта в Молдавии. Отражая новый шаг в развитии поэта, прошедший под знаком прогрессивного романтизма, творчество Пушкина в Молдавии в то же время явилось закономерным этапом в развитии элементов реализма, демократизма, творческого новаторства и художественного мастерства.

Тема революционного протеста и тесно связанная с ней тема атеизма, темы, образы и мотивы, прямо или косвенно связанные с Молдавией, жизнью, бытом и культурой не только молдавского, но и других народов, населявших Молдавию,— вот что составляет основное содержание во многом реалистического творчества Пушкина в кишиневский период.

Правда, поэтом владеют еще кавказские и крымские впечатления, что найдет свое отражение в поэмах «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан» и в ряде стихотворений. Но в своей основе творческая деятельность Пушкина этого периода была теснейшим образом связана с деятельностью и людьми Молдавии.

В кишиневский период значительное место занимает ряд произведений поэта, связанных с Молдавией, ее народом, ее общественно-политической жизнью, историей, бытом, культурой, фольклором. В связи с этим необходимо обратить внимание на исследование вопросов ре-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ализма, народности творчества Пушкина в кишиневский период, а также на проблемы, связанные с развитием литературного языка. Среди этих произведений можно назвать: «Черная шаль», «К Овидию», «Чиновник и поэт», «Гречанка верная, не плачь», «Раззевавшись от обедни...», «Мой друг, уже три дня...», «Баратынскому из Бессарабии», «В. Ф. Раевскому» (два послания), «Чугун кагульский, ты священ...», «Сегодня я поутру дома...», «Тадарашка в вас влюблен», «Алексееву», «Христос воскрес, моя Ревекка», «В. Л. Давыдову», «Из письма к Гнедичу», «Генералу Пущину», «На Ланова», «М. Е. Эйхфельдт».

В ряде произведений эта связь не проявляется прямо. Так, например, острая социально-политическая и обличительная направленность «Заметок по русской истории XVIII века» легче уясняется, если рассмотреть их в связи с общими антицаристскими антикрепостническими взглядами южных декабристов. Таких примеров можно привести немало. И вопросы идейности и художественного мастерства были всегда вопросами вопросов в эстетике Пушкина, в теории и практике его творчества, в частности, в кишиневский период.

а) «Мысль — истинная жизнь слова»

Проблемы идейности и мастерства, содержания и формы, их соотношения являлись и являются всегда одними из самых главных эстетических проблем литературы и искусства. Сколько споров и полемической борьбы вокруг этих проблем и сколько подчас ошибочных, односторонних толкований.

Разве не бывает так, что идейность трактуется как наличие публицистичности, современности идей и тем при полном пренебрежении к форме, или поиски новых форм путают с формализмом.

И в борьбе за осуществление основных принципов марксистско-ленинской эстетики, утверждающей единство глубокой идейности и художественного мастерства, нам во многом помогут эстетические взгляды Пушкина на идейность и мастерство, на их соотношение в литературе и искусстве.

Пушкин когда-то сказал, что следовать мыслям ве-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ликого человека поучительно и доставляет большое наслаждение. Эти слова могут быть отнесены и к самому Пушкину.

Проблемы идейности и мастерства являлись для Пушкина по существу одной и при этом главной эстетической проблемой искусства и литературы. Идейность и мастерство, содержание и форма расценивались Пушкиным как единые, диалектически нерасторжимые, взаимосвязанные, одинаково важные и не существующие одна без другой стороны художественного творчества.

Такой эстетико-философский взгляд на единство идейности и мастерства лежал в основе литературной теории и практики Пушкина, определял сущность его эстетических взглядов на искусство и литературу.

Еще в период своего пребывания в Кишиневе юный поэт, не написавший ни одного значительного прозаического произведения (если не считать отрывка «Наденька» и не сохранившихся философских «романов» лицейского периода), размышляя о судьбах русской прозы, развитии русского литературного языка, писал в своих набросках «О прозе»: «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат; стихи — дело другое — (впрочем, в них не мешало бы нашим поэтам иметь сумму идей гораздо позначительнее, чем у них обыкновенно водится. С воспоминаниями о протекшей юности литература наша далеко вперед не подвинется)»[1]. А в другом месте поэт скажет: «Просвещение века требует важных предметов размышления для пищи умов, которые уже не могут довольствоваться блестящей игрой воображения и гармонии»[2].

Эти высказывания Пушкина являются целой декларацией, формулирующей эстетическую концепцию Пушкина, его взгляд на проблемы идейности и мастерства, составляющие суть, содержание и силу литературы и искусства.

И Пушкин как в своей эстетической теории, так и в творческой практике никогда не отделял идейности

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XI, стр. 19.
[2] Там же, стр. 21.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

от мастерства, не отдавал предпочтения какой-либо одной из этих сторон творчества. Поэт считал их одинаково важными и необходимыми для создания совершенных в идейно-художественном отношении произведений литературы и искусства.

Эти основные положения эстетики Пушкина находят свое отражение в ряде его высказываний, работ по вопросам литературы и искусства. Проблема идейности, как и проблема мастерства, включали в себя огромное количество самых разнообразных вопросов.

Так, например, проблема понимания идейности, современности не исчерпывалась у Пушкина только внесением в художественное произведение современной темы, определенной идеи политического, общественного содержания. Идейность, по Пушкину, предполагала прежде всего глубокую, тесную связь изображаемого в произведении (хотя бы оно было написано на историческую тему или о жизни и людях другой страны) с важнейшими общественными проблемами современности. Вот почему столь высокоидейны такие произведения Пушкина, как «Борис Годунов» и «Капитанская дочка», как цикл его «маленьких трагедий».

Идейность, по Пушкину, предполагает также и глубокую народность, которую Пушкин понимал как отражение жизни и духа народа, судеб народных. На вопрос, поставленный поэтом в набросках статьи о народной драме, что является целью и содержанием трагедии (да, видимо, и всякого иного произведения), Пушкин отвечал: «Человек и народ. Судьба человеческая, судьба народная»[1].

Так же многозначна у Пушкина и проблема художественного мастерства, которую он понимал не только как борьбу за совершенствование языковой формы.

Конечно, Пушкин придавал большое значение вопросу совершенствования поэтического языка, овладения законами искусства, творчества. Он сам был смелый новатор и словотворец, величайший мастер, создатель подлинно артистического (по определению Белинского) стиха. Поэт призывал учиться искусству, заявляя, что в

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XI, стр. 419.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

творчестве нужны и труд и вдохновенье («Я знал и труд и вдохновенье»,— писал он). В этом отношении замечательны высказывания шестнадцатилетнего поэта в заметках «Мои мысли о Шаховском», где Пушкин пишет: «Шаховской никогда не хотел учиться своему искусству и стал посредственный стихотворец»[1]. **Однако Пушкин никогда не делал самоцелью совершенствование художественной формы произведения.** Так, осуждая формалистические заботы некоторых поэтов только о совершенствовании художественной формы, без учета содержания, Пушкин в своих набросках статьи «О ничтожестве литературы русской» писал: «Но Малерб ныне забыт, подобно Ронсару,— сии два таланта, истощившие силы свои в усовершенствовании стиха. Такова участь, ожидающая писателей, которые пекутся более о наружных формах слова, нежели о мысли — истинной жизни его»[2].

Отсюда проблема мастерства, **совершенствование художественной формы у Пушкина, во-первых, неотделима от содержания, «истинной жизни» поэтического слова, а, во-вторых, проблема мастерства так же, как и проблема идейности, более многозначна в понимании Пушкина, чем просто вопрос о совершенствовании художественной формы, поэтического языка. Так,** например, **Пушкин связывает с проблемой мастерства: 1.** вопросы **соотношения таланта и труда** («Я знал и труд и вдохновенье», в творчестве нужен «постоянный труд, без коего нет истинно великого»); 2) вопросы **плана и композиции** («Я думал уж о форме плана, и как героя назову», «готово все — герой и план», «единый план «Ада» есть уже плод высокого гения»); 3) вопросы **стиля и слога** («Что касается до слога, то чем он проще, тем будет лучше. Главное: истина, искренность», и нужно «приблизить поэтический слог к благородной простоте»); 4) вопросы **оригинальности и новаторства** («новые понятия требуют новых слов», «писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным», «есть высшая смелость: смелость изобретения, создания, где план обширный объясняется творческой мыслию,— такова смелость Шекспира», в «Полтаве» все совсем оригиналь-

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XII, стр. 302.
[2] Там же, т. XI, стр. 269.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

но («а мы из того и бьемся»), Баратынский «у нас оригинален — ибо мыслит»).

Все эти стороны проблемы мастерства обстоятельно исследованы в замечательной работе Д. Д. Благого «Мастерство Пушкина». Но перечисленными выше вопросами не исчерпываются все стороны мастерства в понимании Пушкина. И одной из самых важных сторон его является для Пушкина создание образов героев художественного произведения, их характеров. В этом Пушкин был подлинным новатором и большим художником-мастером.

Стремясь освободиться от условностей, схематизма в обрисовке героев классицизма, и мелодраматизма, манерности, украшательства в романтической литературе, Пушкин ищет и утверждает в теории и практике художественного творчества свой основной эстетический принцип свободного, полного изображения характеров, в чем поэт следовал, по его собственному признанию, творческому опыту Шекспира.

«Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении типов, ибо я твердо уверен, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедии Расина». При этом Пушкин считал необходимым соблюдение писателем жизненной правды в художественном произведении, умения писателя при создании им произведения на историческую тему «угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени»[1].

Безусловно, используя творческий опыт Шекспира, Пушкин был абсолютно самобытен и оригинален в создании произведений русского критического реализма. Это находит отражение и в темах, и в общественных идеях, и в главенствующей роли народа, и в композиционных особенностях, и в народности языка, и в резкой индивидуализации речи героев, и в лаконизме, и во всем стиле пушкинских произведений.

«Читайте Шекспира,— советовал Пушкин,— он никогда не боится скомпрометировать своего героя, он заставляет его говорить с полнейшей непринужден-

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XI, стр. 140.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ностью, как в жизни, ибо уверен, что в надлежащую минуту и при надлежащих обстоятельствах он найдет для него язык, соответствующий его характеру»[1]. Интересно отметить, что этот призыв к «шекспиризации», обращение к творческим принципам Шекспира мы встречаем и в известных высказываниях Маркса и Энгельса в их письмах к Ф. Лассалю по поводу создания реалистической драмы.

Сопоставляя Байрона и Мольера с Шекспиром, Пушкин раскрывает односторонность, своеобразную узость, обедненность в психологической обрисовке образов героев Байрона и Мольера по сравнению с Шекспиром. «Лица, созданные Шекспиром, не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; обстоятельства развивают перед зрителями их разнообразные и многосторонние характеры. У Мольера скупой скуп — и только; у Шекспира Шейлок скуп, сметлив, мстителен, чадолюбив, остроумен»[2].

Именно такой творческий принцип создания многогранных образов героев и приводит, по мнению Пушкина, к художественному созданию правды характеров в правдивых условиях. Это, по мнению Пушкина, дает возможность осуществить тот основной эстетический принцип художественного познания и отображения действительности, сформулированный поэтом так: «Истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах»[3]. Эта эстетическая формула Пушкина близка к формуле Ф. Энгельса, который определял реализм как изображение типических характеров в типических обстоятельствах.

Создавая психологически многогранные характеры, тесно связывая их судьбы с судьбами народными, Пушкин добивался того высокого мастерства в создании образов героев, создании своеобразных характеров-судеб, которое обусловило дальнейшее повышение и идейности, и художественного мастерства всего творчества Пушкина, а отсюда и становление и развитие всей русской литературы, литературы критического реализма.

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XI, стр. 140.
[2] Там же, т. XIII, стр. 159—160.
[3] Там же, т. XIII, стр. 179.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Особо большое значение в решении проблемы художественного мастерства для Пушкина имел вопрос о совершенствовании, повышении культуры литературного языка.

Обращаясь к этому вопросу, **Пушкин ставил задачу коренного преобразования языка литературы в первую очередь путем сближения книжного языка с разговорным, путем выработки точного, ясного языка, языка прозы. Он стремился на основе развития и совершенствования языка литературы содействовать развитию общенационального, общенародного литературного языка, бытового, прозаического, разговорного языка народа.**

На эту задачу огромного национального, общенародного значения Пушкин прямо указывает, говоря о совершенстве русского бытового, разговорного и письменного языка в набросках своей статьи, начинающейся со строчки: «Причинами, замедлившими ход нашей словесности...»: «Проза наша так еще мало отработана, что даже в простой переписке мы принуждены **создавать** обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных»[1]. А в письме П. А. Вяземскому от 13 июля 1825 г. он, с горечью констатируя, что «русский... язык находится у нас еще в диком состоянии», высказывал пожелание, чтобы русский язык образовался, приобретя все качества «ясного, точного языка прозы, т. е. языка мыслей»[2]. **Мысль, т. е. глубокая идейность в сочетании, единстве с точностью и краткостью языковой формы — вот эстетический идеал, принцип Пушкина, которому он следовал как делу большого общенародного значения в теории и практике литературы и искусства, в борьбе за развитие национальной русской литературы, языка литературы и общественного, бытового русского литературного языка.**

Пушкин, утверждая все эти эстетические принципы в практике своего творчества, требовал того же и от всех русских писателей. В этом отношении интересны высказывания Пушкина о содержании произведений и мастерстве писателей как прошлого, так и современных.

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XI, стр. 21.
[2] Там же, т. XIII, стр. 187.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Так, например, широко известен резкий отзыв Пушкина о Державине в письме к Дельвигу от июня 1825 г.: «Этот чудак не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка... он не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии, ни даже о правилах стихосложения»[1].

Не менее резок отзыв Пушкина о Ломоносове (в статье «Путешествие из Москвы в Петербург»): «В Ломоносове нет ни чувства, ни воображения. Оды его... утомительны и надуты. Его влияние на словесность было вредное и до сих пор в ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности — вот следы, оставленные Ломоносовым»[2].

Эти слова Пушкина, конечно, не отражают положительного в целом отношения поэта к Ломоносову и Державину.

Пушкин требовал от писателей сочетания глубокого содержания с мастерством, точности слова, выражающего мысль. В умении сочетать богатство и многообразие мыслей с богатством и многообразием стиля, языка, видел Пушкин талант и достоинство, художественное мастерство писателя. «Разум неистощим в соображении понятий, как язык неистощим в соединении слов».

Повторяя слова Декарта: «Определяйте значение слов», Пушкин был исключительно требователен в соблюдении своего главного эстетического принципа: единства точности, ясности мысли и слова, выражающего эту мысль, чувство. Так же требовательно относился он и к своим сотоварищам по перу, откровенно, принципиально и по-товарищески, а главное, профессионально разбирал достоинства и недостатки их произведений. В этом отношении примерными образцами таких критических разборов являются оценки, данные Пушкиным комедии «Горе от ума» (в письме к А. Бестужеву от января 1825 г.), или заметки на полях сборника стихотворений К. Н. Батюшкова, на полях статьи П. А. Вяземского о драматурге В. А. Озерове и другие бесчисленные критические статьи, заметки и высказывания в письмах к писателям.

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XIII, стр. 181—182.
[2] Там же, т. XI, стр. 246.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Вот, например, разбирая комедию Кюхельбекера «Шекспировы духи» в письме к нему от 1 декабря 1825 г. и процитировав стихи:

Я всегда в уединеньи
Пас стада главы моей,
Вас, созданья вдохновенья,
Сны и грезы и виденья...

Пушкин делает ироническое замечание: «Пас стада главы моей» (вшей?)»[1].

В заметках на полях сборника стихотворений К. Н. Батюшкова («Опыты в стихах и прозе») мы встречаем замечания Пушкина, раскрывающие в ряде стихотворений, либо отдельных строфах, строках недостатки и в содержании и в языке одновременно. «Вообще мысли пошлые и стихи не довольно живые»,— замечает поэт в одном месте или, цитируя строчки:

Как ландыш под серпом убийственным жнеца
Склоняет голову и вянет...

Пушкин, отмечая смысловую неточность стихов, хотя по форме кажущихся хорошими, замечает: «Не под серпом, а под косою: ландыш растет в лугах и рощах — не на пашнях засеянных».

Отмечая смысловую неточность в строчках:

И гордый ум не победит
Любви, холодными словами...

Пушкин замечает: «Смысл выходит «холодными словами любви»;— запятая не поможет».

Процитировав строчки из послания Батюшкова к Н. И. Гнедичу:

Твой друг, тебе навек отныне
С рукою сердце отдает

Пушкин делает язвительную пометку: «Батюшков — женится на Гнедиче!»[2]

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XIII, стр. 248.
[2] Там же, т. XII, стр. 276.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Но Пушкин был не менее требователен и к самому себе. Известны его авторецензии на свои произведения, где он резко критикует недостатки своих ранних поэм.

Рукописи Пушкина — яркое свидетельство его упорной работы над поэтическим словом.

От многоречия отрекшись добровольно,
В собраньи полном слов не вижу
пользы я;
Для счастия души, поверьте мне, друзья,
Иль слишком мало всех, иль одного
довольно.

Прав был Белинский, говоря, что вся поэзия Пушкина наполнена глубоким содержанием, ибо: «Почвою поэзии Пушкина была живая действительность и всегда плодотворная идея»[1]. Но в то же время Белинский подчеркивает, что богатство содержания творчества Пушкина сочетается с величайшим художественным мастерством. «Акустическое богатство, мелодия и гармония русского языка в первый раз явились во всем блеске в стихах Пушкина». И далее: «Если бы мы хотели охарактеризовать стих Пушкина одним словом, мы сказали бы, что это по превосходству поэтический, художественный, артистический стих — и этим разгадали бы тайну пафоса всей поэзии Пушкина»[2].

Отмечая это органическое единство идейности и мастерства в творчестве Пушкина, «чувство изящного и чувство **гуманности**, разумея под этим словом бесконечное уважение к достоинству человека как человека», Белинский заключает свои знаменитые статьи о Пушкине следующим глубоко верным выводом: «Придет время, когда он будет в России поэтом **классическим**, по творениям которого будут образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство»[3].

Это органическое сочетание идейности и мастерства, глубокого содержания и совершенной формы и предопределило семантическую объемность, лаконизм художественного слова произведений поэта. Прав был Гоголь, когда писал о творчестве Пушкина: «Все лако-

---

[1] *В. Г. Белинский.* Соч. в 3 томах, т. 3, 1948, стр. 340.
[2] Там же, стр. 384, 390.
[3] Там же, стр. 639—640.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

низм... Слов немного, но они так точны, что обозначают все. В каждом слове бездна пространства». И далее: «Его (Пушкина) эпитет так отчетист и смел, что иногда один заменяет целое описание»[1].

Яркой иллюстрацией к этим определениям существа и особенностей пушкинского творчества могут служить многие произведения Пушкина и даже отдельные места из них.

Возьмем для примера строфу XVIII из I главы «Евгения Онегина»:

Волшебный край! Там в стары годы,
Сатиры смелый властелин,
Блистал Фонвизин, друг свободы,
И переимчивый Княжнин;
Там Озеров невольны дани
Народных слез, рукоплесканий
С младой Семеновой делил;
Там наш Катенин воскресил
Корнеля гений величавый;
Там вывел колкий Шаховской
Своих комедий шумный рой;
Там и Дидло венчался славой;
Там, там под сению кулис,
Младые дни мои неслись.

Здесь Пушкин дает точные и исчерпывающие эпитеты-характеристики русским драматургам, высказывает свои эстетические взгляды на творчество того или иного писателя. Более того, в этих оценках имеются полемические, не совпадающие с общепринятыми, эстетические оценки. Так, например, Фонвизин, вопреки общему мнению, как драматург, создавший комедии «нравов и характеров» (П. Вяземский), оценивается Пушкиным прежде всего как «сатиры смелый властелин», «друг свободы» (а в другом месте «сатирик превосходный», создатель «комедии народной»). Драматург Озеров, творчеству которого Пушкин, в противовес восторженным похвалам официальной критики, дал отрицательную оценку («я не вижу в нем ни тени драматического искусства»), собирал в театре «невольны дани», т. е., по мнению Пушкина, незаслуженные похвалы из-за патриотической темы своих трагедий. Корнеля, которому критика

[1] *Н. Гоголь.* Полное собрание соч. в 14 т., т. VIII, АН СССР, 1940—1952 гг., стр. 52, 55.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

давала низкую оценку, Пушкин высоко оценил как автора «Сида», величавой трагедии сильных характеров. Словом, XVIII строфа I главы «Евгения Онегина» могла бы дать материал по крайней мере для значительной статьи, исследующей состояние и русского театра, и драматическое творчество писателей I-й четверти XIX в., и полемику вокруг них, включая эстетические взгляды и самого Пушкина на театр, драматургию, драматических писателей этого времени.

Пушкинский лаконизм поэтической речи восхищал его современников. Так, поэт Яков Толстой писал, обращаясь к Пушкину:

Открой искусство мне столь сладко
Писать, как вечно пишешь ты,
Чтоб мог изображать я кратко
И сохранял бы красоты...
Давно в вражде ты с педантизмом
И с пустословием в войне,
Так научи ж, как с лаконизмом
Ловчее подружиться мне...

В результате диалектического сочетания в своем творчестве глубокой идейности и художественного мастерства Пушкин и создал ту русскую национальную литературу, которая предопределила весь путь развития русской классической литературы XIX в. и продолжает оказывать свое влияние на многонациональную советскую художественную литературу. Все это имеет огромное значение в деле развития и создания литературы будущего коммунистического общества, литературы, которая осуществит ту высшую форму диалектического слияния высокой идейности и художественного мастерства, чему положил начало в своем творчестве А. С. Пушкин.

Это и определяет нетленность, вечность творческого опыта Пушкина.

б) «Истинный романтизм»

Во время своего пребывания в Молдавии Пушкин, обогащенный и умудренный жизненным опытом, переживает сложный и глубокий процесс идейно-политического роста и даже просто личного возмужания. В ка-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

кой-то мере свидетельством этого духовного возмужания Пушкина является его письмо к брату Льву, написанное из Кишинева в сентябре — октябре 1822 года (на французском языке). Давая брату ряд житейских советов, в которых обнаруживается не только глубокое понимание жизни светского общества, но и ясный ум, Пушкин в заключение подчеркивает, что указанные им правила основаны на собственном горьком житейском опыте[1].

Пребывание Пушкина в Молдавии было тем периодом, когда созревал его самобытный поэтический гений, было временем его напряженной и многогранной творческой деятельности, которая особенно широко развернулась после приезда поэта в середине марта 1821 года из Каменки.

Творчество и чтение являлись в то время основными занятиями Пушкина. «Чтение — вот лучшее учение», — пишет он в одном из писем к брату Льву. А. Ф. Вельтман рассказывает в своих воспоминаниях: «Утро посвящал он (Пушкин) вдохновенной прогулке за город, с карандашом и листом бумаги; по возвращении лист был исписан стихами»[2].

Липранди говорит о большом количестве книг, которые поэт брал у него для прочтения. Брал он их у В. Ф. Раевского и у любителя книг постельника Ивана Скины. Пушкин пользовался также обширной библиотекой генерала Инзова, которая, по свидетельству Н. Н. Мурзакевича (одного из знакомых Инзова), «...состояла из сочинений Сведенборга, Эккертсгаузена, Штиллинга, Бема и им подобных, а также сочинений ботанических»[3]. Судя по упомянутым авторам, масон Инзов имел в своей библиотеке книги главным образом нравственно-мистического и естественно-научного содержания, многие из которых были в то время запрещены. Рассказывают, что однажды он будто бы сказал одному из

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XIII, стр. 49—50 и 524 (перевод с французского).

[2] «Бессарабские воспоминания А. Ф. Вельтмана». *Л. Майков.* Пушкин. СПб., 1899, стр. 124.

[3] «Записки Н. Н. Мурзакевича 1806—1883». «Русская старина», 1867, февраль, стр. 286.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

чиновников: «Пока я жив, читайте те книги, которые имеете, но если я умру, сожгите их немедленно»[1].

На интенсивность научно-литературной деятельности поэта в кишиневский период указывает и П. В. Анненков: «Пушкин принялся за собирание народных песен, легенд, этнографических документов, за обширные выписки из прочитанных сочинений и проч. К сожалению, вся эта работа поэта над самим собой за очень малыми исключениями пропала для нас бесследно»[2].

О напряженной умственной работе Пушкина в период пребывания его в Молдавии свидетельствует его стихотворное послание к П. Я. Чаадаеву, выдающемуся русскому мыслителю и одному из ближайших друзей поэта. В своем стихотворении («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...», 1821 г.) Пушкин писал:

В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд, и жажду
размышлений,
Владею днем моим; с порядком
дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум;
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне[3].

Сюда же примыкает и стихотворение «К моей чернильнице» («Подруга думы праздной...»).

Кстати, жанр посланий, так широко представленный в русской литературе XVIII века и особенно начала XIX в., был существенно преобразован Пушкиным.

Возникший в литературе XVIII в. как вид «галантного», «светского» обращения-приветствия, обращения-прославления, жанр послания принял у Державина уже характер философского размышления, у Батюшкова — собеседования с другом.

Сохраняя и развивая эти традиционные формы посланий, Пушкин, однако, расширяет границы жанра, выводит его из узкого круга интимных переживаний, обогащает новым содержанием.

Пушкинский жанр посланий (имеется в виду киши-

[1] И. Н. Инзов, Бессарабский наместник и попечитель болгарских поселенцев. «Юг», февраль, 1882 г., Одесса, стр. 136.

[2] *П. В. Анненков.* Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874, стр. 155.

[3] *А. С. Пушкин.* Соч., т. II (1), стр. 187.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

невский период) представляет собою послание-размышление (Чаадаеву), послание-воспоминание (Я. Толстому), послание-рассказ (В. Л. Давыдову), послание-сообщение (В. П. Горчакову), послание-сатиру («Послание цензору») и т. п.

Еще очень важно отметить, что Пушкин обогащает жанр посланий при помощи углубления характеристики адресата послания, создает его литературный портрет («Послание цензору», например) или литературные портреты описываемых в посланиях лиц («К В. Л. Давыдову», «Мой друг, уже три дня...» и др.).

Пушкин, по словам П. В. Анненкова, признавал высокую образованность первым существенным качеством, неотъемлемым свойством всякого истинного писателя России. Поэт, которому пришлось учиться «понемногу, чему-нибудь и как-нибудь», неустанно устранял недостатки своего воспитания и образования. Любовь к труду была у Пушкина поистине самозабвенная. «В нем (Пушкине),— пишет П. А. Вяземский,— глубоко таилась охранительная и спасительная нравственная сила. Еще в разгаре самой заносчивой и треволненной молодости, в вихре и разливе разнородных страстей, он нередко отрезвлялся и успокаивался на лоне этой спасительной силы. Эта сила была любовь к труду, потребность труда... Труд был для него святыня»[1]. Вот где таится источник творческой активности Пушкина в период пребывания в Молдавии, где им было написано около 100 стихотворений (не считая стихотворных отрывков), среди которых такие выдающиеся произведения, как «Черная шаль», «К Овидию», «Песнь о вещем Олеге», послание «Чаадаеву», «Наполеон», «Редеет облаков летучая гряда», «К моей чернильнице», «Кинжал», «Узник», «Послание цензору» и многие другие, а также поэмы: «Кавказский пленник» (начата еще на Кавказе), «Гавриилиада», «Братья разбойники» и (написанный вчерне) — «Бахчисарайский фонтан». В это же время Пушкин пишет свои замечательные по публицистической силе «Заметки по русской истории XVIII века», ведет дневник, пишет мемуары, над которыми продолжал работать до 14 декабря 1825 года, автобио-

---

[1] *П. А. Вяземский.* Из воспоминаний. «Пушкин в воспоминаниях современников». М., Госполитиздат, 1950, стр. 107—108.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

графию. Но в 1825 году он «принужден был сжечь свои тетради». Сохранились лишь отрывки автобиографии и кишиневского дневника. Об этом поэт впоследствии (в 1830 году) писал в набросках автобиографии: «В 1821 году начал я свою биографию и несколько лет сряду занимался ею. В конце 1825 года, при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь сии записки (которые могли замешать многих и умножить число жертв). Не могу не сожалеть об их потере. Я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами, с откровенностью дружбы или короткого знакомства»[1].

Однако Пушкин сжег не все свои «Записки». Как это довольно убедительно доказал И. Фейнберг в своей книге «Незавершенные работы Пушкина», поэт прибег к своеобразной камуфляжной форме, публикуя сохраненные им отрывки из своих «Записок» в виде писем, незавершенных набросков, примечаний и т. п.[2] К указанным выше текстам (как предполагаемым отрывкам из «Записок») можно было бы прибавить и такие: примечания (беловые и черновые варианты) к «Цыганам», где дается подробное историческое и этнографическое описание молдавских цыган, замечания о И. П. Липранди, а также примечания об Овидии. К кишиневскому же периоду относится и большое количество стихотворных и прозаических отрывков и набросков. Из последних особенно замечательны наброски статьи о прозе. Эти заметки в исключительно яркой программной форме определяют эстетическую позицию Пушкина.

Следует отметить, что уже в начале 20-х гг. Пушкин проявил глубокий интерес к теории и практике развития русской прозы, как бы предугадав ту роль, которую сыграет проза 30—40-х гг. XIX века в истории развития литературы критического реализма и русской литературы в целом.

Интересно, что и декабристы указывали на необходимость обратиться к развитию русской прозы. Так, в 1821 г., почти в одно время с написанием Пушкиным «Заметок о прозе», М. Ф. Орлов в письме к П. А. Вя-

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XII, стр. 310, 432.
[2] *И. Фейнберг.* Незавершенные работы Пушкина. М., 1962.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

земскому пишет: «Займись прозою, вот чего недостает у нас. Стихов уже довольно»[1].

А. Бестужев-Марлинский в 1823 г. в статье-обзоре «Взгляд на старую и новую словесность в России» заметил: «У нас такое множество стихотворцев (не говорю поэтов) и почти совсем нет прозаиков»[2].

Следовательно, «Заметки о прозе» Пушкина имеют то историко-литературное значение, что в них Пушкин, наряду с меткими замечаниями о существе прозы, об идейности литературы, первый из русских писателей обратил внимание на значение прозы в деле развития русской классической литературы, в деле развития русского общенародного литературного языка. И, наконец, говоря в общем о творческой деятельности Пушкина в Кишиневе, нужно отметить, как особо знаменательный факт, то, что здесь, в Кишиневе, 9 мая 1823 года поэтом начат «Евгений Онегин». Мы не знаем, сколько именно строф I главы (которая была завершена в Одессе 22 октября 1823 года) написано Пушкиным в Молдавии. Но весьма вероятно, что строфа VII, в которой Пушкин касается политико-экономических вопросов, была написана в Кишиневе.

В многогранном наследии Пушкина осталась почти неисследованной крайне примечательная сторона его творчества — как экономиста. Находясь «в просвещении с веком наравне», обладая поистине энциклопедическими познаниями в области различных сторон мировой общественной жизни, культуры, Пушкин был знаком и с современными ему учениями, теориями в области политической экономии, с работами выдающихся представителей классической политэкономии XIX века А. Смита и Д. Рикардо. И не только был знаком с их взглядами, но и сам высказывал ряд глубоких и своеобразных положений по теории и практике политической экономии.

Можно также предполагать, что в VII строфе I главы отразились в какой-то мере беседы, которые вел М. Ф. Орлов с Охотниковым и при которых присутствовал Пушкин. Об этих беседах упоминает И. П. Липран-

---

[1] «Литературное наследство», т. 60. Изд. АН СССР, стр. 33.

[2] «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. I, 1951, стр. 414.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ди, он рассказывает о том, как Ф. Ф. Орлов предлагал куда-нибудь отправиться гулять, нежели слушать разговор «братца с Охотниковым о политической экономии»[1]. Кстати, М. Ф. Орлов вообще интересовался политической экономией. Об этом свидетельствует написанная им позднее (в 1833 году) книга «О государственном кредите», на которую Пушкин дал ряд крайне оригинальных и глубоких критических замечаний[2]. Для нас же составляет интерес VII строфа потому, что о ней упоминают в своих работах и письмах К. Маркс и Ф. Энгельс. Так, в работе «К критике политической экономии» (1859 год) К. Маркс использует VII строфу I главы «Евгения Онегина», в которой говорится об учении Адама Смита и о том, что Онегин

Бранил Гомера, Феокрита.
Зато читал Адама Смита,
И был глубокий эконом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет
И чем живет и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

Используя эту строфу, К. Маркс в одном из примечаний о Рикардо в той же работе («К критике политической экономии») пишет: «В поэме Пушкина отец героя никак не может понять, что товар—деньги...»

Эту же строфу цитирует и Ф. Энгельс в 1890 году в статье «Внешняя политика русского царизма». «Это было то время,— пишет Ф. Энгельс,— когда пушкинский Евгений Онегин узнал из Адама Смита,

Как государство богатеет
... и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.

Между тем как, с другой стороны

Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог».

---

[1] *И. П. Липранди.* Из дневника... «Русский Архив», 1866, № 10, стб. 1413.

[2] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XII, стр. 206—207. «Заметки при чтении книги М. Ф. Орлова «О государственном кредите».

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Критикуя экономическую теорию Адама Смита, Ф. Энгельс, ссылаясь на эти же строки Пушкина в письме к Даниэльсону от 29—31 октября 1891 года, отмечает: «Впрочем, Пушкин уже знал это, как и то,

... почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог»[1].

«Евгений Онегин» — это (по определению В. Г. Белинского) энциклопедия русской жизни и, начиная с первых строф, написанных поэтом в Молдавии, есть глубоко верное русской действительности произведение. В предисловии к I главе (изданной отдельно в 1825 году) Пушкин указывает, что «она (глава) в себе заключает описание светской жизни петербургского молодого человека в конце 1819 года»[2]. Решительно отвергая предположение о подражательности «Евгения Онегина» произведению Байрона «Дон-Жуан», Пушкин писал А. А. Бестужеву (Марлинскому) в письме из Михайловского от 24 марта 1825 года: «Но все-таки ты не прав, все-таки ты смотришь на Онегина не с той точки, все-таки он лучшее произведение мое. Ты сравниваешь первую главу с Дон-Жуаном. Никто более меня не уважает Дон-Жуана.., но в нем ничего нет общего с Онегиным»[3]. В связи с этим нужно вообще сказать (хотя теперь этот вопрос и не имеет столь большой полемической остроты), что насквозь космополитична и лжива была оценка так называемых романтических южных поэм Пушкина как «байронических». Нам нет нужды, вопреки исторической истине, замалчивать тот бесспорный факт, что Пушкин, по его же словам, зачитывался произведениями Байрона. Да, великому русскому поэту-гражданину была близка могучая поэзия Байрона,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XII, ч. I, стр. 160, т. XVI, ч. 2, стр. 20 и т. XXVIII, стр. 370; см. также: *М. П. Алексеев.* Словарные записи Ф. Энгельса к «Евгению Онегину». Пушкин. Исследования и материалы. Труды III Всесоюзной пушкинской конференции. М.—Л., Изд. АН СССР, 1953, стр. 28—30.

[2] *А. С. Пушкин.* Соч., т. VI, стр. 638.

[3] Там же, т. XIII, стр. 155.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

его гордые, свободолюбивые, борющиеся с тиранами земли и неба герои.

Могучая проповедь страстного протеста против деспотизма, прославление свободолюбия, составляя одну из существенных сторон «байронизма», безусловно, отвечали прогрессивным устремлениям передовых представителей русского общества первой четверти XIX века, как и устремлениям всего прогрессивного человечества.

Именно в этом смысле, характеризуя общественное значение «байронизма», Достоевский писал в «Дневнике писателя за декабрь 1877 г.» («Пушкин, Лермонтов, Некрасов») «...словом «байронизм» браниться нельзя. Байронизм хотя и был моментальным, но великим, святым и необходимым явлением в жизни европейского человечества... Это была новая и неслыханная еще тогда муза мести и печали... Всякий сильный ум и всякое великодушное сердце не могли и у нас тогда миновать байронизма»[1].

Было бы неверным отрицать использование Пушкиным положительного творческого опыта зарубежных гениальных художников слова и, в первую очередь, Байрона и Шекспира. И здесь нельзя не остановиться на проблеме литературных влияний в целом, уяснении сущности литературных влияний.

Проблема литературных влияний и взаимосвязей по существу своему есть проблема историческая, изучающая литературный процесс в целом, все литературные связи и опосредствования, вне которых не может находиться ни один писатель, как бы талантлив и самобытен он ни был.

При этом нужно учесть, что чем писатель талантливее и самобытнее, тем труднее проследить и исследовать те литературные влияния и взаимосвязи, в кругу которых этот писатель находится. И действительно, легче проследить подражание и заимствование, имеющие место у молодых, ищущих свой самостоятельный творческий путь писателей, чем обнаружить и исследовать литературные влияния и взаимосвязи в творчестве зрелого, самобытного художника слова. И здесь мы должны заметить следующее. К сожалению, мы по сей день на-

---

[2] *Ф. М. Достоевский.* ПСС, т. XII, стр. 349—350.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

блюдаем в нашем литературоведении некоторую неясность, нечеткость, некоторую терминологическую путаницу в пониманиии, в определении сущности литературных влияний, **наблюдаем смешение воедино различных по своей природе понятий — ученического, рабского подражания и литературного влияния.** В результате ряд литературоведов, обнаруживая в творчестве молодого писателя сюжетно-тематические заимствования и прямые контаминации, всерьез исследуют эти факты подражаний, как, якобы, проявление литературных влияний. А здесь нужно говорить лишь о том, что это всего только «с живой картины список бледный», т. е. рабское копирование уже созданного. Конечно, даже в прямых ученических подражаниях есть элемент литературного влияния. В этом проявляется диалектическая взаимосвязь частного (заимствований, ученических подражаний) с общим (литературным влиянием). Что такое, например, «Кавказский пленник» Лермонтова? Подражание? Конечно. Но оно возникло под литературным влиянием Пушкина, его «Кавказского пленника». Однако подражание, заимствования, переделки — по своей природе это как бы одна из простейших форм и притом (это важно подчеркнуть!) чисто внешнего проявления литературного влияния. **Литературное же влияние в целом в своей сущности, безусловно, шире простого подражания и находит свое выражение в глубоких внутренних, органических** (а не внешних сюжетно-тематических) **идейно-художественных взаимосвязях творчества писателя со всем литературным процессом, его исторически сложившимися традициями, с художественным опытом как отдельных писателей-предшественников, так и всего процесса художественного развития.**

Еще К. Маркс говорил, что если бы явление и сущность совпадали, то не было бы науки. И, быть может, именно в силу сложности исследования проблемы литературных влияний в творчестве зрелых писателей мы наблюдаем зачастую в нашем литературоведении примечательный факт. Мы довольно обстоятельно изучаем и освещаем факты литературных влияний, вернее, ученических подражаний, заимствований и переделок в творчестве какого-либо молодого писателя. Но стоит только этому писателю (хотя бы даже Пушкину) стать

Пушкинский кабинет ИРЛИ

на самостоятельный творческий путь, как мы зачастую теряем всякий интерес к изучению литературных влияний и взаимосвязей в творчестве зрелого писателя, считая, видимо, что таких литературных связей и влияний в его творчестве уже не существует. В результате исследование творчества того или иного писателя как бы отграничивается от общего литературного процесса, что приводит к изучению истории литературы только как серии локальных монографий о писателях.

Все эти соображения о существе литературных влияний имеют прямое отношение и к вопросу о литературных влияниях на творчество Пушкина, ибо Пушкин как человек гениального ума, высокой образованности не мог пройти мимо всего того ценного, положительного, что было закреплено веками в художественном развитии, художественной практике, опыте всего человечества.

Здесь будет уместным напомнить, что Белинский, который всегда страстно опровергал всякие попытки поставить знак равенства между Пушкиным и Байроном, счел необходимым отметить, что Пушкин при создании «Евгения Онегина» учел творческий опыт Байрона. «Форма романов вроде Онегина создана Байроном, — замечает Белинский, — по крайней мере манера рассказа, смесь прозы и поэзии в изображаемой действительности, отступления, обращения поэта к самому себе и особенно это слишком ощутительное присутствие лица поэта в созданном им произведении, — все это есть дело Байрона»[1]. Но, используя форму и манеру, общие приемы творчества Байрона, Пушкин создал совершенно необычное в мировой литературе оригинально-самобытное, чисто русское по содержанию и форме произведение «Евгений Онегин». Поэтому не приходится доказывать, что Байрон писал о Европе и для Европы, а Пушкин о России и для России. И Белинский, высмеивая одного из горе-критиков (Н. И. Надеждина), видевшего в Пушкине слепого подражателя Байрону, писал: «Обманутому **внешним** сходством формы поэм Байрона, этому ученому критику еще меньше входило в голову, что **между Пушкиным и Байроном не было ничего общего в направлении и духе таланта и что, следовательно, тут неуместно было какое бы то ни было сравнение»** (под-

[1] *В. Г. Белинский.* Соч. в 3 томах, т. 3. М., 1948, стр. 504.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

черкнуто мною. — *Б. Т.*). А в другом месте Белинский скажет: «Это сравнение более чем ложно, ибо трудно найти двух поэтов столь противоположных по своей натуре, а следовательно, и по пафосу своей поэзии, как Байрон и Пушкин»[1].

И, наконец (что особенно важно отметить), «Евгений Онегин» позволяет **проследить развитие в недрах прогрессивного романтизма реалистических элементов, развитие и становление критического реализма в целом с удержанием в нем всего положительного, что есть в романтизме,— это и составляет самое важное и главное, когда мы обращаемся к изучению творчества Пушкина в Молдавии,** и в особенности таких характерных в этом отношении произведений, как «Кавказский пленник», «Братья разбойники», «Песнь о вещем Олеге», «Узник». Поэтому здесь мы считаем необходимым остановиться на некоторых вопросах, связанных с романтизмом в творчестве Пушкина в Молдавии.

Тема «Пушкин и романтизм» нашла свое отражение в ряде работ как дореволюционных, так и советских литературоведов. Значительное внимание освещению этого вопроса уделил А. Н. Пыпин в своей «Истории русской литературы». Неверно указав, что «наш романтизм возникал не из собственного источника, а по зависимости от литератур западных», Пыпин тем самым игнорировал наличие русского литературного направления. Однако Пыпин высказал ряд ценных замечаний и определил такие характерные для романтизма черты, как «освобождение поэтического творчества от условных ограничений в форме и содержании», утверждение «элемента национальности», стремление к «изображению общественной и народной жизни». Затем Пыпин привел суждения Пушкина о романтизме[2].

В. В. Сиповский в своей работе «Пушкин и романтизм» дает по существу субъективно-идеалистическую трактовку романтизма вообще и пушкинского в частности, выделяя в романтизме лишь черту индивидуального протеста, разочарованности, «мировой скорби»[3].

---

[1] *В. Г. Белинский.* Соч. в 3 томах, т. 3. М., 1948, стр. 370, и 404.

[2] *А. Н. Пыпин.* История русской литературы, изд. 2-е, т. IV. СПб., 1903, стр. 385—387.

[3] *В. Сиповский.* Пушкин и романтизм. В кн.: «Пушкин и его современники», т. V, вып. XXIII—XXIV, 1916, стр. 232—250.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Наиболее развернутое, глубокое освещение темы «Пушкин и романтизм» нашло отражение в работе Б. С. Мейлаха «Пушкин и русский романтизм», основные положения которой сохраняют свое значение и до сего дня[1]. Однако, как нам кажется, во второй главе этой работы, посвященной взаимоотношениям Пушкина и декабристов, прогрессивных романтиков, Б. С. Мейлах, правильно раскрывая эти взаимоотношения, недостаточно глубоко и верно определил сущность разногласий между Пушкиным и литераторами-декабристами. А эти разногласия вытекали, в первую очередь, из стремления Пушкина перейти от романтического метода к реалистическому. Б. С. Мейлах указывает, что «сущность творческих разногласий между Пушкиным и литераторами-декабристами проявляется при анализе понимания ими критерия художественности»[2]. Но полемика шла не вокруг художественной ценности произведений, а вокруг различных методов художественного отображения действительности, откуда вытекали и различные понимания критерия художественности.

Однако было бы глубоко ошибочно понимать переход Пушкина к реализму как окончательный разрыв его с прогрессивным романтизмом, литературным течением декабризма. «Преодолев слабые стороны романтизма — романтическую отвлеченность, романтическую абстрактность, известную неясность в обрисовке героев,— как указывал Б. С. Мейлах в своем докладе «Проблемы советского пушкиноведения»,— Пушкин удержал те ценные элементы, которые были в революционном романтизме»[3], т. е. положительные стороны прогрессивного романтизма: протест против насилия, свободолюбие, устремление к передовым идеалам человечества, благородство, возвышенность мыслей и чувств, глубокий интерес к внутреннему миру человеческой личности. Все это, присущее прогрессивному романтизму, находило и находит отражение и в реалистическом искусстве, что и дало право М. Горькому сказать, что роман-

---

[1] *Б. С. Мейлах.* Пушкин и русский романтизм. М.—Л., 1937.

[2] Там же, стр. 114.

[3] *Б. С. Мейлах.* Проблемы советского пушкиноведения. «Труды первой и второй Всесоюзных пушкинских конференций». М.—Л., 1952, стр. 81.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

тизм и реализм всегда слиты воедино в творчестве любого крупного художника слова.

Начало отхода Пушкина от романтизма, осознание им слабых сторон романтизма, обращение поэта к «жизни действительной», подробностям быта, нравов и психологии героев, к тому, что Энгельс назвал «правдивостью деталей», поиски путей в художественном создании более социально углубленного образа современника во всем многообразии его конкретных связей с общественной средой — все это дает нам право определять кишиневский период как время становления и развития реалистического пути Пушкина. «То, что Пушкин преодолел слабые стороны романтизма,— указывает Б. С. Мейлах,— и удержал его сильные элементы, то, что он сумел отвергнуть романтизм как творческий метод, способствовало его исключительно быстрой эволюции по реалистическому пути»[1].

Какой же вывод мы можем сделать, исходя из вышесказанного, о месте и роли Пушкина в истории русской литературы 20-х годов, об отношении его к романтизму и реализму, о взаимоотношении романтического и реалистического начал в его творчестве в кишиневский период?

Творчество Пушкина развивалось в целом в кишиневский период под знаком прогрессивного романтизма. Но, преодолевая слабые стороны романтизма, а главное, обращаясь к отображению «элементов жизни действительной», образам своих современников, рисуя подробности быта, нравов и психологии героев, обращаясь к методу показа типических характеров в типических обстоятельствах Пушкин шел дальше литераторов-декабристов. Однако поэт сохранил и в последующем, уже реалистическом в целом, творчестве отдельные положительные стороны прогрессивного романтизма — идеи гражданского подвига, ненависть к деспотизму, возвышенность чувств, внимание к внутреннему миру человека.

Обращаясь к проблемам романтизма и реализма, нельзя не отметить, что ряд ученых не соглашается с тем, что пушкинский реализм складывался еще в рам-

---

[1] *Б. С. Мейлах.* Проблемы советского пушкиноведения. «Труды первой и второй Всесоюзных конференций». М.—Л., 1952, стр. 81.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ках романтизма кишиневского периода его творчества. Однако это положение противоречит фактам исторического развития литературы, положениям демократической эстетики и, в первую очередь, эстетической теории Белинского.

Проблемы романтизма и реализма, определения эстетической сущности их, взаимосвязи и соотношения являются (как показала всесоюзная дискуссия о реализме) одними из сложнейших и при этом основных литературоведческих проблем, изучение которых имеет огромное значение для теории и практики художественной литературы, литературоведения и критики в целом.

Несмотря на всю плодотворность всесоюзной дискуссии о реализме, которая разрешила многие вопросы, относящиеся к проблемам романтизма и реализма, их взаимоотношений, определения их эстетической сущности, все же многое осталось еще не ясным в определении литературных направлений, терминологической сущности их. Этим и объясняется продолжающаяся дискуссия о реализме на страницах нашей печати, в ходе которой, однако, встречаются некоторые явно ошибочные высказывания.

Так, например, берут под сомнение историческую закономерность появления литературных направлений. Или рассматривают закономерность смены литературных направлений как созданную искусственно условную «схему» и указывают, что реализм в виде «просветительского реализма» сформировался до появления сентиментализма и романтизма (?!) Это противоречит конкретному историческому литературному процессу. Принять такое антиисторическое, мы бы сказали даже нигилистическое, отношение к сложившемуся историческому литературному процессу нельзя. Ведь возникновение, развитие и уничтожение того или иного литературного направления, смена их — это не выдуманная кем-то «схема», а научное отражение исторически закономерного процесса художественного развития, художественного мышления как общественной идеологии. Историческая смена литературных направлений — это объективно-закономерный процесс развития конкретно-исторических форм художественного мировоззрения, художественного познания и отражения действительности, такой же неотвратимой, как развитие и смена одной общественной

Пушкинский кабинет ИРЛИ

формации другой. Можно признать, что мы недостаточно изучили эти процессы, ступени литературного развития, недостаточно точно и ясно представляем себе их эстетическую сущность и не нашли точных и ясных определений этих направлений. Все это так, и это верно. Но ничто не дает права отрицать историческую предопределенность и закономерность в существовании и развитии литературных направлений.

Нельзя при этом забывать, что правдивость в изображении действительности присуща всем литературным направлениям, в том числе и классицизму. Поэтому нет необходимости превращать классицизм в какую-то разновидность реализма — «просветительский реализм». Это, на наш взгляд, опять-таки противопоставление реализма, как якобы единственно правдивого метода художественного познания и отображения действительности, всем другим литературным направлениям.

Многие из недоразумений и недоумений, касающихся проблем историзма литературных направлений и определений эстетической сущности их, были бы устранены, а сами проблемы более плодотворно разрешены, если бы мы обратились к эстетическому наследию наших предшественников и, в первую очередь, к тому, как решались эти проблемы в эстетике Белинского. **Именно Белинский в ряде своих работ дал наиболее глубокое (сохранившее свое значение и до сегодняшнего времени) определение эстетической сущности романтизма и реализма и раскрыл исторические закономерности в появлении этих направлений, взаимосвязи их и смены одного другим.** И нужно удивляться тому, что на всесоюзной дискуссии о реализме не говорилось об эстетическом наследии Белинского, которое во многом помогло бы нам разобраться и решить сложнейшие проблемы, касающиеся историзма в появлении литературных направлений и определений эстетической сущности их.

Первый теоретик русского реализма Белинский, опираясь на исследование конкретно-исторического литературного процесса, на творчество писателей XVIII века и первой половины XIX века, дал характеристику литературных направлений: классицизма, сентиментализма, романтизма и реализма, обосновав и определив историческую закономерность их появления, их взаимосвязи и сменяемость.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Нас интересуют, прежде всего, проблемы, связанные с романтизмом и реализмом (последний термин, правда, при Белинском еще не употреблялся, но Белинский уже говорил о «реальной поэзии», о «натуральной школе», что одно и то же).

Опираясь на исследование творчества Жуковского, с одной стороны, и Пушкина и Гоголя, с другой, Белинский в своей статье «О русской повести и повестях Гоголя», как и в знаменитых одиннадцати статьях о Пушкине и ряде других работ, раскрыл эстетическую сущность романтизма и реализма, взаимосвязь между ними и историческую взаимосмену.

В своей статье Белинский дает деление поэзии на идеальную и реальную, или (что одно и то же) на романтическую и реалистическую.

Определяя существо романтизма, Белинский видит его особенность, его эстетическую сущность в том, что сферой романтизма является внутренний мир человека. При этом Белинский (и это очень важно!) не отказывает романтизму в жизненной правдивости, не противопоставляет его в этом реализму. «Жизнь там, где человек,— пишет Белинский,— а где человек, там и романтизм. В теснейшем и существеннейшем своем значении романтизм есть не что иное, как внутренний мир человека»[1]. Обращение русской литературы к художественному исследованию и отображению внутреннего мира человека и было величайшим художественным открытием романтизма и определило сущность его как исторически новой ступени художественного познания и отображения действительности. Это художественное открытие и совершил Жуковский. Но романтизм все же не давал еще полного восприятия и отображения действительности. **В романтизме был человек, его внутренний мир, но показанный вне его общественных связей и опосредствований. Был уже в какой-то мере типический характер, но не было еще типических обстоятельств, то есть всего того, что определяет, по формуле Энгельса, реализм.** Однако уже своим обращением к человеку романтизм прокладывал пути реализму. Это прекрасно понял Белинский, в формуле которого «без Жуковского мы не имели бы Пушкина» точно определяется роль ро-

---

[1] *В. Г. Белинский.* Соч. в 3 томах, т. 3, стр. 217.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

мантизма как исторически закономерной и обязательной ступени в литературном процессе по пути к реализму. Более того, здесь устанавливается и взаимосвязь между ними. Романтизм, его важнейшие, существенные, сильные стороны, отображение внутреннего мира человека остаются, «снимаясь» реализмом, но так, что «снятое» остается в новой, высшей форме. **Человек, его внутренний мир в реализме дается уже в тесной связи с общественной средой.** Об этом пишет Белинский, указывая, что «форма и условия романа удобнее для поэтического представления человека, рассматриваемого в отношении к общественной жизни»[1]. (Интересно отметить, что здесь Белинский взаимосвязывает историзм появления романа, повести как жанра, с историзмом появления реализма как литературного направления.) А в последней своей крупной работе «Взгляд на русскую литературу 1847 года» Белинский отметил как знаменательный историко-литературный факт, что на долю русской реалистической прозы «досталось изображение картин общественности, **поэтический анализ общественной жизни»**[2] (подчеркнуто мною. — *Б. Т.*). А в другом месте Белинский скажет: «Что такое само искусство нашего времени? Суждение, анализ общества». Здесь уже дается изображение типических характеров в типических обстоятельствах, то есть осуществлен принцип реализма.

Таким образом, можем сделать следующий вывод. Белинский, опираясь на исследование истории литературного процесса, литературных явлений, дал характеристику литературным направлениям, раскрыл историческую закономерность в появлении этих направлений и определил эстетическую сущность их и взаимосвязь между ними. И если его положения и страдают неполнотою и неточностью определений, однако могут и должны служить той методологической основой, опираясь на которую мы сможем плодотворней решать проблемы, связанные с изучением историзма и эстетической сущности романтизма и реализма, имеющих столь большое теоретическое и практическое значение для развития теории и практики советской художественной литературы, ли-

---

[1] *В. Г. Белинский.* Соч. в 3 томах, т. 1, стр. 112.
[2] Там же, т. 3, стр. 804.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

тературоведения и критики. Эти положения имеют прямое отношение к изучению проблем романтизма и реализма в творчестве Пушкина и, более того, дают возможность правильно исследовать эти проблемы, раскрыть по-научному историю творческого развития поэта, а отсюда и всей русской литературы 20—40-х гг. XIX века, прошедшей путь от романтизма к реализму.

Проблема романтизма и реализма, их взаимоотношений и судеб их развития чрезвычайно волновала Пушкина. И это естественно. Ведь речь шла о развитии русской литературы по пути национальной самобытности, правдивого, типического отображения действительности, дум, чувств, русских характеров, русского народа.

Во время Пушкина, как известно, термина «реализм» не существовало. Этот термин был впервые введен П. В. Анненковым в статье 1849 г. «Заметки о русской литературе прошлого года», но стал общеупотребительным только в 50—60-х гг. XIX в.

Однако Пушкин имел в виду именно реализм, говоря о так называемом «истинном романтизме» (этот термин взят Пушкиным из книги де Сталь «О Германии»), который он противопоставлял романтизму в обычном понимании этого слова. И здесь интересно проследить ту борьбу против отдельных слабых сторон романтизма в защиту реализма, которую вел Пушкин, пользуясь средствами теоретической полемики и художественной практикой своего творчества.

В 20-е гг. XIX в., как известно, шла ожесточенная борьба романтизма с классицизмом (Надеждин, О. Сомов). Пушкин резко отрицательно относился к классицизму, боролся против догматизма, канонов и поэтики классицизма, однако не стал полностью и на позиции романтизма, не принял его слабых сторон. Его эстетическая позиция, как и практика художественного творчества в период пребывания в Молдавии, если и не имели еще столь четко выраженного характера утверждения реалистического искусства, то все же были не столько позицией писателя-романтика, сколько писателя, ищущего новых, еще никем не изведанных путей и становящимся в этих поисках на путь критического реализма.

Об этом идейно-художественном пути развития своего творчества, а также о становлении своем на путь реализ-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ма именно в кишиневский период, рассказал в поэтической форме сам Пушкин в VIII главе «Евгения Онегина». Пушкин, отмечая, что он как поэт «в закон себе вменяя», жил всегда, «с толпою чувства разделяя», пишет, что в начале своего творческого пути его муза «как вакханочка резвилась» (здесь поэт имеет в виду свои ранние анакреонтические стихи), и «молодежь минувших дней за нею (музой.— *Б. Т.*) буйно волочилась» (здесь намек на вольнолюбивые стихи). Затем «часто по скалам Кавказа она Ленорой, при луне, со мной скакала на коне», «во мгле ночной водила слушать шум морской, немолчный шепот Нереиды». Здесь поэт говорит о тех произведениях, в которых он отдал дань романтизму, его поэтике.

Но затем, говорит поэт, «в глуши Молдавии печальной» муза поэта стала иной: «она смиренные шатры племен бродящих посещала и между ими одичала, и позабыла речь богов (читай: язык классицизма и романтизма.— *Б. Т.*) для скудных, странных языков, для песен степи ей любезной...» И, наконец, уже после отъезда из Молдавии осуществится процесс полного становления Пушкина как «поэта действительности» (так себя называл сам поэт). С некоторым даже изумлением он скажет об этом: «Вдруг изменилось все кругом, и вот она (муза.—*Б. Т.*) в саду моем явилась барышней уездной»[1].

Обостренная полемика между классицизмом и романтизмом в 20-х гг. XIX века заставила и Пушкина вплотную обратиться к проблемам классицизма, романтизма и реализма. Но особенно его волновали проблемы романтизма и реализма. О романтизме, истолковании этого термина, эстетическом понимании сущности его Пушкин открыто заговорил в 1824—1825 гг. И здесь, прежде всего, он отметит, что нет еще ясного представления о том, что нужно понимать под термином «романтизм». «Кстати: я заметил,— пишет Пушкин в письме к Вяземскому летом 1825 г.,— что все (даже и ты) имеют у нас самое темное понятие о романтизме. Об этом надобно на досуге потолковать...»[2] «Даже и ты»,— говорит Пушкин о Вяземском, имея, конечно, в виду статью-предисловие Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану». («Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова»), которую Пушкин в общем

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. VI, стр. 166—167.
[2] Там же, т. XIII, стр. 184.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

похвалил и в письме к Вяземскому от апреля 1824 г. и в «Письме-статье к издателю «Сына Отечества» того же года. Однако Пушкина не удовлетворило толкование романтизма, которое дал ему Вяземский (в чем не удовлетворило — об этом скажем ниже).

В письме к А. А. Бестужеву от 30 ноября 1825 г. Пушкин пишет: «Под романтизмом у нас разумеют Ламартина. Сколько я ни читал о романтизме, все не то, даже Кюхельбекер врет»[1]. Пушкин имеет здесь в виду статьи Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии лирической в последнее десятилетие» и «Разговор с Булгариным», где Кюхельбекер, защищая оду против элегии, резко нападал на романтизм, подразумевая под ним субъективно-мистический и камерно-лирической характер изображения душевного мира человека. Такое одностороннее понимание романтизма не могло удовлетворить Пушкина. Все это и заставило его высказаться о своем понимании романтизма и одновременно о реализме. И здесь нужно будет заранее оговориться, что Пушкин, давая определение романтизма в целом, далее говорит о так называемом «истинном романтизме» и при этом отмечает в нем такие характерные черты, которые типичны именно для реалистического творчества.

Пушкину был чужд педантический пуризм классицистов, слепо отвергающих все прогрессивное в искусстве, сектантски высокомерное третирование классицизма романтиками, наконец (такова диалектика исторического развития!), педантическая нетерпимость самих романтиков к новому, реалистическому началу в русской литературе. Утверждая в своих теоретико-литературных работах и в практике художественного творчества принципы критического реализма, Пушкин отнюдь не забывал об использовании положительных сторон творческого опыта классиков и романтиков, что отнюдь не мешало ему резко выступать против слабых сторон, изживших себя исторических канонов поэтики классицизма и романтизма. Поэтому эстетические взгляды Пушкина и подход его к литературным направлениям и явлениям прошлого были проникнуты глубоким историзмом.

До приезда в Молдавию Пушкин еще шел по путям, проложенным до него Радищевым, Фонвизиным, Карам-

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XIII, стр. 245.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

зиным, Жуковским, Батюшковым. Но, взяв от них все лучшее, отвечающее задачам развития национально-самобытной, реалистической литературы, Пушкин знал, что на этом нельзя остановиться, что нужно искать и найти иные формы дальнейшего развития русской литературы, продолжая одновременно следовать генеральной линии развития русской литературы по пути самобытности, народности, реализма, демократизма. И Пушкин смело, до дерзости смело, искал, находил и учил русских писателей искать эти новые пути в русской литературе.

В возражениях критикам «Полтавы» Пушкин скажет: «К тому ж это сочинение совсем оригинальное, а мы из того и бьемся»[1].

Свои взгляды на романтизм, а также реализм («истинный романтизм») Пушкин в наиболее развернутой форме изложил в незаконченной черновой статье «О поэзии классической и романтической», написанной в 1825 г. Пушкин отмечает сбивчивость, неясность существующих в современной критике понятий «классицизм» и «романтизм», указывает на явную неточность понятия романтического в искусстве, замечает, что критики «обыкновенно относят к романтизму все, что им кажется ознаменованным печатью мечтательности и германского идеологизма или основанным на предрассудках и преданиях простонародных: определение самое неточное»[2]. Об этом же Пушкин скажет и в «Письме к издателю «Московского вестника»: «Я увидел, что под общим словом романтизма разумеют произведения, носящие печать уныния или мечтательности, что, следуя сему своевольному определению... самовластно разделяют Европу литературную на классическую и романтическую...»[3]

Пушкин возражал также против определения романтизма как системы известных поэтических речевых средств. Так, в «Евгении Онегине» в главе VI поэт, характеризуя стиль писаний Ленского, замечает: «так он писал **темно и вяло** («что романтизмом мы зовем, хоть романтизма тут ни мало не вижу я»...)[4].

И Пушкин видит, совершенно справедливо, причину

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XI, стр. 164.
[2] Там же, стр. 36.
[3] Там же, стр. 67.
[4] Там же, стр. 126.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

путаницы в понимании романтизма в том, что за основу при его определении берут отдельные настроения, эмоциональную направленность и поэтическую фразеологию, что, конечно, может определять существо произведений любого литературного направления. Пушкин подходит с иных позиций к осмыслению романтизма, сущности его как литературного направления, беря за основу при определении романтизма прежде всего специфические особенности поэтического творчества как особой формы художественного мышления, мышления в образах. «Если вместо формы стихотворения будем брать за основание только дух, в котором сие писано,— указывает Пушкин,— то никогда не выпутаемся из определений». В чем же видел Пушкин существо романтизма в целом как литературного направления?

Прежде всего он видел это в его (романтизма) новаторстве. «Какие же роды стихотворения должны отнестись к поэзии романтической?» — спрашивает Пушкин и отвечает: «...те, которые не были известны древним, и те, в коих прежние формы изменялись или заменены другими»[1]. Второй характерной особенностью романтизма, точнее, того, что определяет существо новаторства этого литературного направления по сравнению с классицизмом, Пушкин считал (что было, по его совершенно справедливому мнению, самое главное, важное, прогрессивное в романтизме) освобождение от пут условностей, канонов поэтики классицизма и замену их свободой, широтой в выборе тем, жанров, отборе жизненных явлений, изображении характеров. Все это утверждало в искусстве «истину страстей и правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах»[2], которое Пушкин провозгласил основой своего эстетического кодекса, основой реалистического искусства (так называемого «истинного романтизма»), явившегося последующей и высшей по сравнению с романтизмом ступенью развития русской литературы. И Пушкин призвал к развитию этих сильных сторон прогрессивного русского романтизма, как обеспечивающего раскрепощение русской литературы от всяких условностей классицизма, и свободное и могучее развитие ее: «Не короче ли следовать школе романтиче-

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XI, стр. 36.
[2] Там же, стр. 178.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ской,— пишет Пушкин в заключение своего наброска статьи «О трагедии»,— которая есть отсутствие всяких правил, но не всякого искусства?»[1]

Отсюда понятно, почему Пушкин определяет ряд своих произведений как истинно романтические. Так, поэт указывает, что в «Борисе Годунове» он дал верное изображение лиц, времени, развития исторических характеров и событий—«словом написал трагедию истинно романтическую»[2]. И далее Пушкин замечает: «Между тем, читая мелкие стихотворения, величаемые романтическими, я в них не видел и следов искреннего и свободного хода романтической поэзии»[3].

И обращение к «истинному романтизму» как литературному направлению, в основе которого лежит стремление к новаторству, свободе в творчестве, Пушкин рассматривал как литературный подвиг. В письме к П. А. Вяземскому от 13 июля 1825 г. он, сообщая о начале работы над «Борисом Годуновым», писал: «Я предпринял литературный подвиг... романтическую трагедию»[4]. А в письме А. Бестужеву от 30 ноября 1825 года Пушкин пишет: «Я написал трагедию и ею очень доволен; но страшно в свет выдать — робкий вкус наш не стерпит истинного романтизма»[5].

В свете пушкинского понимания существа романтизма станет ясным и идейно-художественное достоинство, особенности, содержание романтического творчества Пушкина в кишиневский период.

Поэтому глубоко ошибочно и односторонне определять этот период только как романтический, не видя в нем одновременно и периода формирования критического реализма Пушкина. И проследить становление Пушкина как «поэта жизни действительной», как родоначальника критического реализма—это, как уже говорилось выше, и составляет основное в анализе творческой деятельности поэта в Молдавии. Борьбу за романтическое творчество (в том понимании, которое вкладывал в него Пушкин) поэт вел и в кишиневский период, пускай не так открыто, как в 1824—1826 гг. Теоретически

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XI, стр. 89.
[2] Там же, стр. 67.
[3] Там же.
[4] Там же, т. XIII, стр. 188.
[5] Там же, стр. 244—245.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

свои взгляды на развитие реалистического искусства, освобожденного от условностей классицизма, от изысканной выспренности языка, литературных норм прошлого, требование отказа от интимно-бездумного и борьбы за глубоко содержательное, идейно направленное творчество Пушкин высказал в своих знаменитых набросках о прозе, относящихся к 1822 г.

Полемически острые выпады Пушкина против условностей, против слабых сторон романтизма в защиту реализма мы встречаем в ряде писем.

Так, сообщая в письме к Н. И. Гнедичу от 24 марта 1821 г. об окончании «Кавказского пленника», Пушкин предупреждает: «Вы ожидали многого, как видно из письма вашего,— найдете малое, очень малое»[1].

В письме к В. П. Горчакову от октября — ноября 1822 г. Пушкин, как бы подчеркивая реалистическое содержание поэмы «Кавказский пленник», отмечает, что «черкесы, их обычаи и нравы занимают бо́льшую и **лучшую** (подчеркнуто мною. — *Б. Т.*) часть моей повести»[2].

Отмечая как положительное наличие элементов реализма в поэме, П. А. Вяземский (чьи критические выступления Пушкин высоко ценил) в статье о «Кавказском пленнике» отметил, что «содержание настоящей повести просто и, может быть, слишком естественно». Зато орган «любомудров», журнал «Галатея» С. Е. Раича, резко осуждая Пушкина за обращение к «элементам жизни действительной», писал: «Жаль, что Пушкин... спустился в мир действительный.., что он, озираясь кругом себя, видит землю с ее страданиями, с ее грубыми элементами, с ее ничтожностью». А образ Пленника журнал «Галатея» оценивал как «клевету на человечество», упрекая Пушкина «за то, что он для своего рассказа выбрал героем лицо бездушное, бесчувственное, и что всего досаднее, обиднее для народной чести, дал ему представителя Россиян...»[3]

В поэме «Кавказский пленник», наряду с субъективно-романтическим элементом (личные настроения поэта, титанические страсти героя и т. п.), находим правдивый показ действительности, событий. Это нашло вы-

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XIII, стр. 26.
[2] Там же, стр. 52.
[3] «Галатея», 1839, часть 3, № 21, стр. 276—284.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ражение в обрисовке с реалистической подробностью, «правдивостью деталей» природы Кавказа («местные краски верны» — заметит сам Пушкин), жизни, быта и нравов горцев («сам не понимаю,— опять скажет Пушкин,— каким образом я мог так верно... изобразить нравы и природу»). И, как справедливо отметил Д. Д. Благой, «в описаниях природы Кавказа и нравов горцев», данных Пушкиным, «особенно наглядно можно проследить, как непосредственно жизненный, притекающий из самой действительности материал раздвигает, а местами и прямо ломает рамки канона романтической поэмы, целиком заполненной личностью героя, субъективным миром его страстей и переживаний»[1]. Но, безусловно, не менее существенным признаком реалистических элементов в поэме является и сам образ Пленника, который, несмотря на явные черты романтического героя, является не условным героем романтического произведения, а героем эпохи, образом современника, типичным портретом, правда, еще силуэтно зарисованным, «молодого человека XIX века», родным братом Онегина, Печорина, Бельтова, Рудина — этих, по меткому определению А. И. Герцена, «умных ненужностей». Кстати, эти «элементы жизни действительной», элементы реализма, нашедшие свое изначальное выражение в «Кавказском пленнике», «Братьях разбойниках» и «Цыганах», а именно: реалистическая обрисовка быта, нравов, черты современника в герое произведения — все это в яркой и полной форме проявляется в произведении критического реализма, в «Евгении Онегине», первые строфы которого были написаны в Кишиневе, в период завершения или написания романтических поэм. Поэтому важно и интересно в плане дальнейшего раскрытия процесса становления реализма в рамках романтического творчества Пушкина в Молдавии остановиться на проблеме создания типичного, положительного героя современности.

Эта проблема, несмотря на свой «ретроспективный», исторический характер представляет большой и непреходящий интерес для теории и практики, проблемы положительного героя в современной литературе и искусстве.

---

[1] *Д. Д. Благой.* Творческий путь Пушкина, т. I. М., Изд. АН СССР, 1950 г., стр. 266.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

2. «Герой того времени»

В истории русской литературы проблема положительного героя (хотя теоретически в то время она и не формулировалась так) была поставлена впервые как дискуссионная эстетическая проблема в 20-е годы XIX в. в декабристской литературе.

Объяснение этого нужно искать прежде всего в общественно-политических условиях эпохи, декабристском движении, когда «Россия,— как указывал В. И. Ленин,— впервые видела революционное движение против царизма»[1]. И эта эпоха, характеризуемая острыми социально-политическими конфликтами, усилением общественно-политической борьбы, вызвала к жизни, обусловила появление революционных борцов, подлинных положительных героев своего времени. А в этих условиях, естественно, со всей остротой возникла вызванная самой жизнью проблема создания образа положительного героя в литературе, потребность художественного воспроизведения в литературе реального, жизненно правдивого образа положительного героя своего времени, своей эпохи. Эту задачу, вполне естественно, должна была поставить и поставила перед собою декабристская литература.

Декабристской литературе, выразительнице революционных идей своего времени, присущи были высокий гражданский пафос, страстное обличение тирании, призыв к свободе, к гражданскому служению Родине, народу и делу его просвещения. Главным положительным героем декабристской литературы становится гордый, свободолюбивый гражданин-патриот, для которого нет ничего выше интересов Родины, народа и который считает величайшим счастьем и смыслом жизни борьбу против тирании, за свободу и просвещение.

Однако, не имея возможности из-за цензурных условий художественно воссоздать образ подлинно положительного героя современности — декабриста, декабристская литература обратилась к положительным героическим образам прошлого. К сожалению, романтическая приукрашенность, условность, схематизм ряда

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 315.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

образов во многом снижали их идейно-художественную ценность. Так, Пушкин, отмечая эти недостатки в «Думах» Рылеева, писал ему в письме от второй половины мая 1825 г.: «Что сказать тебе о думах? во всех встречаются стихи живые. Но вообще все они слабы изобретением и изложением. Все они на один покрой: составлены из **общих мест.** Описание места действия, речь героя и — нравоучение. Национального, русского, нет в них ничего, кроме имен»[1]. Здесь Пушкин метко определил слабые стороны не только «Дум» Рылеева, но и ряда произведений романтической декабристской литературы: условность, схематизм, даже литературный штамп («все они на один покрой: составлены из общих мест»), декларативность, назидательность, голая дидактика в речах героев («нравоучение») вместо художественного показа живых образов современных героев, их действий и поступков.

Критические замечания Пушкина о «Думах» Рылеева вызвали ожесточенный спор между ними. Этот спор в сущности заключался в полемике вокруг вопроса о романтическом или реалистическом методе создания образа положительного героя в литературе декабристской эпохи. Этот спор был продолжен вокруг образа Евгения Онегина, особенно в 30-е гг. Бестужевым-Марлинским как в критических выступлениях, так и в художественном произведении (см. повесть «Испытание»)[2].

Эту же полемику художественными средствами против «Евгения Онегина» вел и Кюхельбекер в своей романтической драме «Ижорский». В образе Ижорского Кюхельбекер развил до крайности и таким образом осудил отрицательные черты характера Онегина и, в особенности, его эгоизм, доведенный в Ижорском до мрачного человеконенавистничества.

Проблема положительного героя в декабристской литературе решалась в творчестве других писателей-декабристов примерно теми же идейно-художественными методами романтизма, что и в творчестве наиболее яркого, талантливого и выдающегося писателя-декабриста

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XIII, стр. 175.

[2] Интересующихся этой полемикой отсылаю к книге В. Базанова «Очерки декабристской литературы». М., 1953, глава: «Спор с Пушкиным», стр. 406—415.— *Б. Т.*

Пушкинский кабинет ИРЛИ

К. Ф. Рылеева. Романтическая приподнятость образов, наделение их чертами высокой гражданственности, любви к родине, народу, готовности к гибели за их счастье, сильные политические страсти и высокие думы—вот что характерно для образов положительных героев декабристской литературы. Благодаря этому декабристская литература стала ведущей идейно-художественной силой в русской литературе первой половины XIX в., оказала огромное идейное влияние на современное поколение в деле воспитания высоких гражданских чувств, чем в какой-то мере содействовала идейной подготовке восстания 14 декабря 1825 года.

Однако, ни в какой мере не умаляя этой идейно-художественной, общественно-литературной роли и значения декабристской литературы в целом, нельзя не подчеркнуть, что решить проблему художественного воссоздания образа типичного положительного современника в литературе удалось не писателям-декабристам, а Пушкину.

Политический единомышленник декабристов, самый яркий и талантливый поэт эпохи, Пушкин шел иными творческими путями к решению проблемы положительного героя в литературе 20—30-х гг. XIX века, чем писатели-декабристы.

Нет сомнения в том, что творчество Пушкина по своему идейному направлению развивалось в общем русле декабристской литературы, было так же насыщено высокой гражданственностью, освободительно-патриотическими идеями своего века. Но в практике своего творчества в создании положительного героя Пушкин шел иным путем — путем критического реализма, преодолевая в своем творчестве те слабые стороны романтизма, которые были характерны для декабристской литературы.

Обращаясь чаще к историческим героям прошлого, наделяя их думами и чувствами героев современности, превращая зачастую героев в своеобразные рупоры своих идей, писатели-декабристы в большинстве своем создали литературные образы, лишенные исторической конкретности, во многом схематичные, условные.

Но самое главное — современник не мог увидеть себя в этих образах; он, в лучшем случае, мог только учиться тому, каким он должен быть, следуя высоким

Пушкинский кабинет ИРЛИ

подвигам предков, борцов за свободу, против тирании, борцов за родину, народное счастье. **Писателем, которому выпала судьба гениально воссоздать образ современника 20-х гг. XIX в., дать реальный, положительный образ без прикрас, таким, каким он был в действительности, стал Пушкин.**

Творческие принципы Пушкина в создании типического положительного героя в русской литературе определяются широким изображением характеров («небрежное и простое составление типов»), что, по словам Пушкина, отличает творческую манеру Шекспира. Особенно высоко ценил Пушкин многосторонность, глубину и многогранность психологического облика героев Шекспира, свободных от схематичной прямолинейности, односторонности. В «Евгении Онегине», в III главе, полемически осуждая литературные штампы, каноны романтической литературы, традиционно прямолинейное, одностороннее, условное понимание положительного героя, «как совершенства образец», Пушкин писал:

Свой слог на важный лад настроя,
Бывало, пламенный творец
Являл нам своего героя
Как совершенства образец,
Он одарял предмет любимый,
Всегда неправедно гонимый,
Душой чувствительной, умом
И привлекательным лицом.
Питая жар чистейшей страсти
Всегда восторженный герой
Готов был жертвовать собой,
И при конце последней части
Всегда наказан был порок,
Добру достойный был венок [1].

Остросатирическое осуждение Пушкиным литературных штампов звучит и сегодня злободневно. Что греха таить: есть и у нас в советской литературе и искусстве ходульные образы положительных героев «как совершенства образец»; встречаются и у нас произведения, где «при конце последней части всегда наказан был порок, добру достойный был венок».

Но уже в романтических поэмах кишиневского периода Пушкин избегает этого схематизма в изображе-

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. VI, стр. 56.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

нии положительного героя, создавая (и в этом были уже элементы критического реализма!) многогранный и сложный по психологической характеристике образ героя. Эти качества характерны для образов «Кавказского пленника» и Алеко, как героев эпохи, что обусловливало глубокую жизненную правду, реализм этих героев, наряду, конечно, с наличием в них романтических черт. В них, в этих образах, мы видим и положительные (их оппозиционное отношение к пошлой среде, их душевное превосходство) и отрицательные (эгоизм, пассивность и т. п.) черты. И это делает характеры героев романтических произведений Пушкина «Кавказский пленник», «Братья разбойники», «Цыганы» насыщенными плотью и кровью живых людей современности. В «Евгении Онегине» этот критический реализм в изображении героя современности достигает своего высшего развития, совершенства.

Уже в ранний, романтический период своего творчества Пушкин обратился к решению проблемы создания героя своего времени. В поэме «Кавказский пленник» Пушкин дает нам этот, правда, еще силуэтно зарисованный, типичный образ своего современника. Так проявлялись элементы реализма в романтическом творчестве Пушкина в кишиневский период. И совершенно прав Д. Д. Благой, что «в самом начале южного, по преимуществу, романтического периода своего творчества, Пушкин, как художник, уже ставит перед собой задачу чисто реалистического порядка — стремится дать в лице своего главного действующего лица широчайшее типическое обобщение, центральный образ эпохи — наиболее характерную фигуру современности, своего рода «героя века». И эта реалистичность задания непрерывно дает себя знать. Субъективное и объективное начало все время перемешиваются, сливаются в образе пленника и вообще в поэме»[1]. Историко-литературное, общественно-литературное значение образа Пленника заключается в том, что в нем Пушкин **впервые** в русской литературе создал образ «лишнего человека», героя эпохи, родного брата Онегина, Печорина, Бельтова, Рудина и всех дру-

---

[1] *Д. Д. Благой.* Творческий путь Пушкина, т. I. М., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 257.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

гих многочисленных, **порожденных** образом Пленника, образов «лишних людей», которые стали впоследствии центральными героями русской литературы первой половины XIX в.

Понимая Кавказского пленника как прообраз «лишнего человека», как первый, еще не удавшийся (по признанию самого поэта) опыт создания характера героя современности,— мы можем воспринимать этот образ и как своеобразный «эскиз» к созданию образа Евгения Онегина. Более того, можно без преувеличения сказать— без Кавказского пленника не было бы Евгения Онегина, ибо образ Пленника — это Евгений Онегин в зародыше, а Онегин — это Пленник, развившийся в реалистически-художественном отношении. В этом смысле, нам думается, можно понять слова Пушкина в письме от 10 ноября 1836 года к князю Н. Б. Голицыну, находившемуся в это время в Крыму: «Там (т. е. в Крыму. — *Б. Т.*) колыбель моего «Онегина»[1]. Такое понимание слов Пушкина нам кажется более правдоподобным, чем толкование проф. Н. Н. Фатова, который предлагал понимать эти слова Пушкина как указание поэта на то, что в Крыму «зародился у него замысел «Евгения Онегина»[2]. И, наконец (и это главное!), сам Пушкин в своем Предисловии к первому изданию (1825 г.) I главы говорит о том, что в образе Онегина дан «характер главного лица, сбивающегося на кавказского пленника»[3]. Только теперь характер героя современности дан не в романтическом, а в реалистическом плане. И что еще очень важно отметить, Пушкин задолго до революционных демократов 60-х гг. не только раскрыл положительные черты в образах «лишних людей», но и сурово осудил в их лице, и особенно в Алеко в «Цыганах», отрицательные их стороны: жизненную пассивность («преждевременную старость души»), несостоятельность индивидуального протеста и антиобщественную сущность «лишнего человека» с его безнравственной душой, «себялюбивой и сухой».

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XVI, стр. 395 (письмо на французском языке), стр. 184.

[2] *Н. Н. Фатов.* О «Евгении Онегине» А. С. Пушкина (к вопросу об истории создания романа). «Ученые записки Черновицкого государственного университета», т. XIV, 1955, стр. 76.

[3] *А. С. Пушкин.* Соч., т. VIII, стр. 638.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Этим, по словам Белинского, Пушкин «изрек над ними («лишними людьми») суд неумолимо трагический и вместе с тем горько иронический»[1]. Так Пушкин становился уже в кишиневский период на позиции русского критического реализма. И, наконец, в этом утверждении положительных черт образов так называемых «лишних людей» (их протеста против самодержавно-крепостнической действительности) и отрицательных (жизненной пассивности) и заключалась величайшая нравственно-воспитательная сила, «секрет» могучего идейно-нравственного влияния этих образов на молодое поколение 20—50-х гг. XIX в.

Именно в этом смысле Белинский писал, что «Евгений Онегин» является актом сознания для русского общества, что с поэмы «Цыганы», где наиболее беспощадно был Пушкиным развенчан и осужден «лишний человек», отрицательные черты его характера, «поэт явился воспитателем будущих поколений».

В обличении Пушкиным «преждевременной старости души», «мировой скорби» находит свое отражение то, что, по справедливому замечанию Д. Д. Благого, дает нам право в целом определять южные поэмы Пушкина («Кавказский пленник» и «Цыганы») как «антибайронические».

Мы должны заметить, что в «Кавказском пленнике» несмотря на романтические черты его характера, он все же не представлял собою условного романтического образа положительного героя декабристской литературы, а был тем живым героем современности, в чертах которого узнавали себя современники. «Пленник», это — **герой того времени...»** — указывал Белинский, и далее: «Но не Пушкин родил или выдумал их: он только **первый** (подчеркнуто мною. — *Б. Т.*) указал на них...»[2] И сам Пушкин, отмечая эту общественно-литературную значимость героя поэмы как героя времени, представителя прогрессивной молодежи XIX века, чей пессимизм был направлен против существующего строя, писал: «Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души,

---

[1] *В. Г. Белинский.* Избр. соч. в 3 томах, т. 3. М., 1948, стр. 451.

[2] Там же, стр. 440.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

которые сделались отличительными чертами молодежи XIX-го века»[1].

В своем стихотворении «К Пушкину» В. Кюхельбекер, как бы подтверждая общественную типичность образа, созданного Пушкиным, как положительного героя своего времени, пишет:

Твой чудный пленник повторил
Всю жизнь мою волшебной силой...[2]

То, что **декабрист** Кюхельбекер увидел в образе Пленника себя, дает возможность определить этот образ как образ типичного героя в литературе того времени.

«Молодые люди,— пишет Белинский,— особенно были восхищены им (Пленником), потому что каждый видел в нем, более или менее, свое собственное отражение»[3]. И, подчеркивая общественное значение и содержание образа Пленника как героя современности, Белинский продолжает: «Эта старость прежде юности, эта дряхлость прежде силы, все это — черты **героев нашего времени** (подчеркнуто Белинским. — *Б. Т.*) со времени Пушкина... Они — не случайное, но необходимое, хотя и печальное явление. Почва этих жалких пустоцветов не поэзия Пушкина или чья бы то ни была, но общество»[4].

Советское пушкиноведение полностью подтверждает и развивает точку зрения Белинского на образ Кавказского пленника как образ героя современности. «В изображении Пленника,— пишет Б. Т. Томашевский,— намечались черты сильной индивидуальности, «героя времени»... Пленник, бежавший в поисках свободы, принадлежал, конечно, к числу тех, кто осудил это общество в самых основах его существования»[5].

«Для нашего пушкиноведения,— пишет А. Н. Соколов,— бесспорно, что в образах Пленника и Алеко на-

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XIII, стр. 52.

[2] *В. Кюхельбекер.* Стихотворения. «Библиотека поэта», Л., 1952, стр. 118.

[3] *В. Г. Белинский.* Избр. соч. в 3 томах, т. 3. М., 1948, стр. 440.

[4] Там же, стр. 440.

[5] *Б. В. Томашевский.* Пушкин, кн. I. М., Изд. АН СССР, 1956, стр. 409.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

шел романтическое отражение характер «героя времени»[1].

Пушкиноведение одновременно подчеркивает и тот факт, что в «Кавказском пленнике» дан не только образ «героя современности», но и отражены, наряду со «старостью души», и вольнолюбивые черты декабризма. Это дает нам право (и эту мысль мы попытаемся развить и обосновать ниже) определять образы «лишних людей», начатых в литературе образом Кавказского пленника, как положительных героев русской литературы 20—50-х гг. XIX в.

Еще П. В. Анненков, подчеркивая общественно-политическое значение образа романтического героя, писал: «Романтизм послужил прежде всего возвышению отдельной личности, давая ей право говорить о себе как о предмете первостепенной важности. Исповедь личности получила интерес политического дела»[2].

Пушкин, указывает Д. Д. Благой, «дал (в «Кавказском пленнике». — *Б. Т.*) первое высокопоэтическое выражение вольнолюбивым настроениям и порывам передовых кругов современного ему общества»[3].

«Это декабристская поэма... — пишет Б. В. Томашевский,— не потому, чтобы в ней решались программные вопросы или она излагала бы дидактически конституционные проекты и их принципы. Но она готовила нового человека. Она не только рисовала характер современника, но в какой-то степени указывала, в каком направлении возможно воспитание характера, необходимого для борьбы с обществом. Основная постановка вопроса поэмы — соотношение между личностью и обществом... Вопрос шел о воспитании людей-героев,— которые вступают в борьбу со злом, господствующим в общественных отношениях, и которые в конечном счете должны победить это зло»[4].

Несмотря на субъективные элементы в обрисовке

---

[1] *А. Н. Соколов.* Очерки по истории русской поэмы XVIII в. и первой половины XIX в. М., Изд. Московского университета, 1955, стр. 499.

[2] *П. В. Анненков.* А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874, стр. 225—226.

[3] *Д. Д. Благой.* Творческий путь Пушкина, т. I. М., 1950, стр. 270.

[4] *Б. В. Томашевский.* Пушкин, кн. I. М., Изд. АН СССР, 1956, стр. 410.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

пленника («в нем стихи моего сердца»,— писал Пушкин), образ героя поэмы носит обобщенный характер «героя времени». Стремясь (именно стремясь, но еще не сумев полностью это осуществить!) к созданию обобщенно-типического образа современника, Пушкин пишет в набросках 1823 г: «Но пленник мой — не я».

Уже в этой ранней романтической поэме творческие принципы Пушкина в создании образа героя в корне отличались от творческого метода писателей-декабристов. Если герои их произведений носили условный характер, представляли собою романтизированный идеал и не имели конкретных типических жизненных черт характера, то герой произведения Пушкина, несмотря на романтико-лирический характер изображения его, все же представлял собою образ, имеющий своим прототипом реального героя своего времени, эпохи, с его типическими чертами характера, чертами свободолюбия.

Романтизм Пушкина, характеризуясь углубленным вниманием поэта к внутреннему миру человека, мятущегося и ищущего, был дальнейшим углублением в мир современного человека, что открывало путь к реалистическому показу героя. В этом романтическом по своей сущности образе Пленника, отображавшем типический характер современности, и заключалось то реалистическое начало как образа, так и произведения в целом, что в корне отличало творчество Пушкина, его ранние романтические произведения от творчества писателей-декабристов. **«Несмотря на преимущественно идеальный и лирический характер первых поэм Пушкина,**— справедливо замечал Белинский,— **в них уже вошли элементы жизни действительной»**[1].

Развивая далее эти «элементы жизни действительной», Пушкин уже в кишиневский период обратился к созданию наиболее яркого, типичного и, мы считаем, положительного героя своего времени, эпохи — Евгения Онегина.

И здесь необходимо остановиться на следующем, имеющем важное проблемное значение, вопросе: а можем ли мы Евгения Онегина, а следовательно, и ряд близких к нему и последовавших за ним образов т. н. «лишних людей»— Печорина, Бельтова, Рудина, эти

[1] *В. Г. Белинский.* Избр. соч. в 3 томах, т. 3. М., 1948, стр. 777.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

центральные образы русской литературы первой половины XIX века — определять вслед за «Пленником» как образы положительных героев русской литературы 20—50 гг. XIX в.? Нужно сказать, что ответа на этот вопрос мы не найдем в нашей литературе. А в литературно-общественных характеристиках «лишних людей», которые вошли во все учебные пособия для средней и высшей школы, не встретишь определения, являются ли эти образы положительными героями своего времени[1]. Видимо, этому мешала та сложность и внутренняя противоречивость образов «лишних людей», которые затрудняют дать им четкую общественно-литературную характеристику, что легче, конечно, сделать в отношении образов, носящих явно отрицательные либо явно положительные черты характера.

При этом нужно учесть, что, определяя негативность образов «лишних людей», наше литературоведение опирается на отрицательную оценку этих образов Чернышевским и Добролюбовым в 60-х гг. При этом забывают, что если в 50-х гг. реакционная и либеральная критика резко отрицательно характеризовала образы «лишних людей», то не только Белинский в 40-х гг., но и Чернышевский и Добролюбов в 50-х гг. положительно оценивали образы Онегина, Печорина, Бельтова, Рудина.

«Эта историческая оценка образов «лишних людей» демократической критикой не учитывается в нашем литературоведении, в результате чего в спорах об «Евгении Онегине», развернувшихся между Г. Макогоненко (признавшим Онегина положительным героем) и Б. Бурсовым (отрицавшим это), как и при обсуждении статей указанных авторов в Институте мировой литературы имени А. М. Горького, не были учтены конкретно-исторические взгляды критиков-демократов на образы «лишних людей». А это помогло бы верно решить очень важный для литературоведения вопрос о положительном герое русской литературы 20—50-х гг. XIX века[2].

---

[1] См. например, «Методические указания к преподаванию литературы в VIII классе», *Н. О. Корста* и *С. А. Смирнова*. М., Учпедгиз, 1945, стр. 199—200, или «Историю русской литературы». М., Изд. АН СССР, т. VI, стр. 242—247.

[2] См.: «Вопросы литературы», 1960, № 4 и «Вопросы литературы», 1961, № 1.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Нам думается, что несмотря на всю сложность и противоречивость образов «лишних людей», учитывая их отрицательные качества, «родимые пятна» того общества, в котором они родились и жили, все же мы должны будем со всей ясностью и определенностью сказать, что **образы «лишних людей» в русской литературе 20—50-х гг., а именно: Онегина, Печорина, Бельтова и Рудина — были образами положительных героев литературы тех лет, а сам термин «лишние люди» во многом является условным, верным только в смысле характеристики черт жизненной пассивности, невозможности «действовать», что было вызвано определенными условиями общественной жизни тех лет, условиями политической реакции.** Что же дает нам право определять эти образы как положительные, называть их положительными героями своего времени? **Нам думается, что основным критерием в определении общественной положительности этих героев является, наряду с их умственным, духовным превосходством над пошлой, убогой помещичье-крепостнической средой, их оппозиционность к самодержавно-крепостническому, помещичье-дворянскому обществу.**

Еще Пыпин отмечал, что скептицизм героев южных поэм Пушкина («Кавказский пленник» и «Цыганы») есть не что иное, «как протест против условий общественной жизни, подавляющей своими мертвыми формами стремление к высшим идеалам»[1].

Говоря о «Кавказском пленнике», Белинский отмечает, что «Пленник» находится «в явной вражде с окружающей его действительностью»[2].

Называя Онегина недюжинным человеком, Белинский как раз признает положительной чертой Онегина его отрицательное отношение к окружающей среде. «Он (Онегин) знает, и очень хорошо знает, что ему не надо, что ему не хочется того, чем так довольна, так счастлива самолюбивая посредственность»[3].

Н. П. Огарев указывал, что люди, подобные Онегину, не являлись «друзьями правительства и представляют...

---

[1] *А. Н. Пыпин.* История русской литературы, т. IV. Изд. 2-е. СПб., 1903, стр. 391.

[2] *В. Г. Белинский.* Избр. соч. в 3 томах, т. 3, М., 1948, стр. 444.

[3] Там же, стр. 521.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

протест против существующего правительственного порядка вещей»[1]. Нельзя не отметить и то, что в дореволюционной «Правде» в № 95 от 19 августа 1912 года критик-большевик М. С. Ольминский, подчеркивая это оппозиционное отношение Онегина к действительности, писал: «У Пушкина либеральный помещик Евг. Онегин пошел наперекор дворянской массе».

Пусть протест этих героев не носил характера активной революционной борьбы. Но ведь мы знаем, что в тех условиях политической реакции, когда не было еще открытого революционного выступления масс, не было революционного дела, оппозиционное слово было тем же делом. Так, В. И. Ленин в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» писал: «Вульгарный революционизм не понимает того, что слово тоже есть дело: это положение бесспорное для приложения к истории **вообще** или к тем эпохам истории, когда открытого политического выступления масс нет...»[2]

«Лишние люди» как раз жили и выступали оппозиционно в ту эпоху 30—50-х гг., когда не было открытых политических выступлений масс, когда (в тех условиях) протестующее, обличительное, скептически-пессимистическое слово было уже своеобразным революционным делом.

М. Горький, определяя общественно-политическую сущность пессимистических настроений Лермонтова, писал, что пессимизм Лермонтова есть «действенное чувство, в этом пессимизме явно звучит презрение к современности и отрицание ее, жажда борьбы и тоска и отчаяние от сознания одиночества, от сознания бессилия. Его пессимизм весь направлен на светское общество»[3]. Эта характеристика всецело приложима и к характеристике «лишних людей», вернее, той группы их, которая находилась в оппозиции к помещичье-дворянскому обществу, выступала против самодержавной, помещичье-дворянской среды всем своим скептицизмом, пессимизмом, направленным против этого общества. И не только оппозиционное слово, но и просто оппозиционное

---

[1] *Н. П. Огарев.* Предисловие к сборнику «Русская потаенная литература XIX столетия». Избранные произведения, т. 2. М., 1956, стр. 466—467.

[2] *В. И. Ленин.* Полное собр. соч. т., II, стр. 59.

[3] *М. Горький.* История русской литературы, стр. 176.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

отношение к дворянско-помещичьей среде было характерно для этих героев.

Однако В. И. Ленин в той же работе далее пишет, что, «...когда гражданская война началась, тогда ограничиваться по-старому «словом», не давая прямого лозунга перейти к «делу», тогда отговариваться от дела... есть безжизненность, мертвенность, резонерство или же предательство революции и измена ей»[1].

Естественно, в условиях революционной ситуации 60-х гг. образы «лишних людей» явились действительно «лишними».

Нельзя забывать и того, что Пушкин хотел сделать Онегина участником декабрьского восстания, т. е. показать положительного героя своего времени, перешедшего, как и многие декабристы, от оппозиционного «слова» к революционному «делу». И, намекая именно на невозможность в определенных исторических условиях действовать, на то, что определенные исторические условия реакции обрекли «лишних людей» на бездействие, Белинский, спрашивая, почему Онегин не предался благой деятельности отвечал: «Затем, милостивые государи, что пустым людям (т. е. тем, кто обвиняет «лишних людей» в их бездеятельности, «лишности». — *Б. Т.*) легче спрашивать, нежели дельным отвечать»[2]. И опровергая ошибочное мнение большей части публики об Онегине как об отрицательном образе «человека холодного, сухого и эгоиста по натуре», писал: «Нельзя ошибочнее и кривее понять человека!»[3] Полемизируя с реакционной критикой 20—30-х гг. в лице Булгарина, который злобно осудил роман Пушкина и образ Онегина, как отрицательный, представляющий клевету на героя современности, Белинский подчеркнул, что Онегин есть представитель своего века, своего времени.

Герцен в статье «О развитии революционных идей в России», устанавливая прямую связь между Онегиным и дворянскими революционерами 20-х гг., недвусмысленно определял: «Все мы более или менее Онегины, если только не предпочитаем быть чиновниками или помещиками...»

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. II, стр. 59.
[2] *В. Г. Белинский.* Соч. в 3 томах, т. 3, стр. 522.
[3] Там же, стр. 516—517.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Писарев указывал, что «наши Чацкие, Печорины, даже, пожалуй, Онегин, наши Рудины, Бельтовы, Базаровы (Онегин в одном ряду с Базаровым! — *Б. Т.*)... — все это герои — или борцы за идею, или люди, тоскующие о том, что они не умеют сделаться такими борцами» (в статье 1867 г. «Образованная толпа»)[1].

Чернышевский видел в Онегине, Печорине, Рудине предшественников «новых людей» 60-х гг. XIX в. В статье «Стихотворения Огарева» (1856 г.) Чернышевский писал: «И те, которые действительно готовы, знают, что если они могут теперь сделать шаг вперед, то благодаря тому только, что дорога проложена и очищена для них борьбою их предшественников и больше нежели кто-нибудь почтут деятельность своих учителей. Онегин сменился Печориным, Печорин Бельтовым и Рудиным. Мы слышали от самого Рудина, что время его прошло; но он не указал нам еще никого, кто бы заменил его, и мы еще не знаем, скоро ли мы дождемся ему преемника»[2].

Таким образом, «лишние люди» — Кавказский пленник, Онегин, Печорин, Бельтов, Рудин, — выражая собою оппозиционность к самодержавно-крепостнической деятельности, стали единственными, пускай в некоторой мере относительно, но все же положительными героями и, в результате этого, центральными образами русской литературы 20—50-х гг. XIX в.

Безусловно, нельзя стирать разницу между образами Онегина, Печорина, Бельтова и Рудина, на что указывали Чернышевский и Добролюбов. Но нам важно здесь обратить внимание не на то, что их различает, а на то, что объединяет (о чем также писали Чернышевский и Добролюбов), а именно на ту оппозиционность, которая, являясь положительной чертой образов «лишних людей» 20—50-х гг., превратилась в условиях революционной ситуации 60-х гг. в ту общую отрицательную черту — «бесплодного стремления к деятельности», которая была определена Добролюбовым одним словом — «обломовщина», положившая на все эти образы печать «совершенной ненужности на свете».

---

[1] *Д. И. Писарев.* Соч. в 4 томах, т. IV, 1956, стр. 267.
[2] *Н. Г. Чернышевский.* ПСС, т. III, стр. 703.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Историко-литературное значение образа Кавказского пленника заключается в том, что в нем Пушкин впервые угадал тот типичный образ положительного героя современности, который и стал первообразом всей последующей галереи образов «лишних людей» в русской литературе. Это и обусловило присутствие элементов реализма в поэме «Кавказский пленник», элементов критического реализма в обрисовке образа Пленника в осуждении Пушкиным (впервые именно Пушкиным!) в лице Пленника всех «лишних людей»![1]

Эта реалистическая сущность поэм Пушкина свидетельствовала о росте художественной зрелости поэта. Так, прав Н. В. Измайлов, который пишет: ...«Братья-разбойники» отражают в себе и социальный радикализм Пушкина и его стремление к «народности», к внедрению в литературу «низкой» темы и «низких», реалистических приемов письма. К тому же направлению принадлежит и поэма о гетеристах»[2]. И, наконец, нельзя не отметить тот факт, что романтизм Пушкина, в основе своей носивший ярко выраженный активный, освободительный и боевой характер, отражающий типические настроения прогрессивных слоев русского общества, был свободен от того субъективизма, который составлял слабые стороны романтизма Байрона. Идейно-художественную односторонность его творчества глубоко раскрыл сам Пушкин в статье «О драмах Байрона»: «Байрон бросил односторонний взгляд на мир и природу человечества, потом отвернулся от них и погрузился в самого себя... В конце концов он постиг, создал и описал единый характер, именно свой...»[3]

Однако, несмотря на большое историко-литературное значение южных поэм Пушкина, мы не можем не замечать в некоторых из них, таких как «Бахчисарайский фонтан», тех недостатков, тех слабых сторон, которые являлись типическими для романтизма как литературного течения в целом.

---

[1] Подробнее об этом см. в моей статье «Проблема положительного героя в русской литературе 20—50-х гг. XIX в. «Ученые записки КГУ», т. XXII. Кишинев, 1956, стр. 3—13.

[2] *Н. В. Измайлов.* Поэма Пушкина о гетеристах (из эпических замыслов кишиневского времени 1821—1822). «Пушкин. Временник», 1937, № 3, стр. 348.

[3] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XI, стр. 51.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пушкин и сам сознавал художественные недостатки ряда своих ранних поэм: некоторую искусственность, мелодраматизм, гиперболизм в изображении героев и их страстей. Об этом свидетельствуют его высказывания и, в первую очередь, о «Кавказском пленнике» и «Бахчисарайском фонтане».

И если в «Бахчисарайском фонтане» Пушкина более всего не удовлетворило следование слабым сторонам поэтики романтизма, то, говоря о «Кавказском пленнике», Пушкин признает, что здесь он потерпел неудачу в создании образа героя современности средствами романтического метода («Кавказский пленник»,— указывал Пушкин,— первый неудачный опыт характера, с которым я насилу сладил»).

Но Пушкин вскоре освобождается от недостатков, присущих его романтическим произведениям. Сохраняя сильные стороны романтизма, поэт обращается к реалистическому отображению действительности. В этом важную роль сыграло знакомство поэта с молдавским народом, его жизнью и культурой, народным творчеством.

Становление реалистического, национально-самобытного творчества Пушкина в кишиневский период прослеживается не только в поэмах, но и в лирике этого времени, продолжавшей сохранять в себе и черты романтизма. Это было отмечено Белинским, который прямо указал, что «чисто пушкинские пьесы начинаются не прежде, как с 1819 года» и «самобытные мелкие стихотворения Пушкина не восходят далее 1819 года и с каждым следующим годом увеличиваются в числе». Одновременно, указывает Белинский, Пушкин пишет еще и ряд «переходных» лирических произведений, т. е. тех, в которых, наряду с самобытными элементами, видно еще ученическое подражание поэтам прошлого. Однако, добавляет Белинский, Пушкин является и здесь «учеником, победившим своих учителей». И, наконец, Белинский подчеркивает, что к «чисто пушкинским пьесам» необходимо отнести стихотворения, «в особенности начинающиеся в 1820 г.»[1] Последнее замечание Белинского исключительно для нас важно, ибо подтверждает лишний раз, что кишиневский период был временем становления самобытного творчества Пушкина.

[1] *В. Г. Белинский.* Соч. в 3 томах, т. 3, стр. 361 и 389.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Говоря о «чисто пушкинских» стихотворениях кишиневского периода, Белинский называет среди них такие, как: «Нереида», «Редеет облаков летучая гряда», «Чаадаеву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...»), «Мой друг, забыты мной следы минувших лет», «Умолкну скоро я...», «Муза», «Дионея», «Дева», «Приметы», «Земля и море», «Красавица перед зеркалом», «Алексееву» («Мой милый, как несправедливы...»). Среди «переходных» стихотворений кишиневского периода Белинский называет: «Дельвигу» («Друг Дельвиг, мой парнасский брат...»), «Вяземскому» («Язвительный поэт, остряк замысловатый»), «Черная шаль», «Дочери Карагеоргия», «Война», «Я пережил свои желанья», «К Овидию», «Песнь о вещем Олеге», «Гречанке».

В чем же проявлялось становление самобытно-реалистического творчества Пушкина в лирике кишиневского периода?

Эти качества реализма лирики Пушкина нашли, в частности, свое выражение в обращении поэта к действительности, к жизни, чувствам, мыслям своих современников, в раскрытии всего сложного, многогранного мира чувств и мыслей человека своей эпохи, в новаторстве, в стиле, жанре, сюжете, в поэтическом языке. Но, в первую очередь, это становление самобытно-национального, «пушкинского» находило свое выражение в развитии и становлении в лирике не виданных еще в русской литературе, русской поэзии совершенных форм художественного мастерства, поистине артистического по своей простоте, мелодике, звукописи поэтического языка.

Указывая на главное достоинство творчества Пушкина, определяя особенности его таланта, Белинский писал: «До Пушкина были у нас поэты, но не было ни одного поэта-художника; Пушкин был первым русским поэтом-художником», и далее: «Если б мы хотели охарактеризовать стих Пушкина одним словом, мы сказали бы, что это по превосходству поэтический, художественный, артистический стих,— и этим разгадали бы тайну пафоса (т. е. существа. — *Б. Т.*) всей поэзии Пушкина...»[1] Известно, какую высокую оценку художественному мастерству Пушкина, его поэтическому языку дали впоследствии и другие выдающиеся писатели России. Го-

---

[1] *В. Г. Белинский.* Соч. в 3 томах, т. 3, стр. 364 и 386.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

голь в статье «Несколько слов о Пушкине» писал, что «в нем (Пушкине), как будто в лексиконе, заключалось все богатство, сила и гибкость нашего языка... В каждом слове бездна пространства; каждое слово необъятно, как поэт». М. Горький, указывая, что «Пушкин — поэт, до сего дня никем не превзойденный ни в красоте стиха, ни в силе выражения чувства и мысли», свидетельствует о том, что при первом знакомстве «Пушкин до того удивил меня простотой и музыкой стиха, что долгое время проза казалась мне неестественной и читать ее было неловко»[1].

Отсюда понятно, как важно проследить становление самобытности и реализма в лирике Пушкина кишиневского периода, его новаторство в содержании и стиле, совершенствование поэтического языка, художественного мастерства.

Пушкин воспринял и развил творческий опыт выдающихся художников слова, своих учителей — Державина, Карамзина, Жуковского, Батюшкова: звучный стих, реалистическую манеру в бытописании и глубину поэтических размышлений Державина; проникновение во внутренний мир человека, мелодию, «пленительную сладость» стиха и обращение к темам устного народного творчества Жуковского; наметившееся в карамзинской прозе сближение книжного языка с разговорным; артистический стих и гедонистическое восприятие мира Батюшкова. И, опираясь на творческий опыт талантливых предшественников, Пушкин создавал то свое, новое, что не только обусловило самобытность, оригинальность, народность и реализм его творчества, но и сделало его учителем писателей будущего, учителем, указавшим новые, не изведанные еще пути развития русской литературы на многие века вперед.

Здесь будет не лишним остановиться на освещении полемики, которая имела место между Пушкиным и В. Ф. Раевским вокруг проблемы народности, проблемы, тесно связанной у Пушкина с задачами создания национально-самобытной, народной литературы. Эта полемика во многом связана с художественной практикой борьбы Пушкина за народность и реализм русской литературы.

---

[1] «Русские писатели XIX века о Пушкине». Л., 1938, стр. 154, 159, 404 и 414.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

3. О народности в литературе

О народности литературы заговорит «первый светский поэт на Руси» (В. Г. Белинский) Антиох Кантемир. Однако по-настоящему остро вопрос о народности литературы как одной из важнейших полемических проблем, встал в середине 10—20-х гг. XIX в. Причем проблема эта была теснейшим образом связана с борьбой за национально-самобытную, реалистическую литературу, борьбой, которую вели Пушкин, писатели-декабристы и Белинский в 30—40-х гг., а затем, вслед за ними, критики-демократы 60-х гг.

Полемическая борьба вокруг проблемы народности в литературе осложнилась тем, что за народность ратовали не только прогрессивные писатели. О народности говорили представители классицизма во главе с А. С. Шишковым и романтики во главе с критиками Шевыревым и Полевым, и реакционеры во главе с Булгариным и Гречем, стоявшие (как позднее и славянофилы) на позициях «официальной» народности. Словом, справедливо писал Белинский, народность стала альфой, и омегой эстетики нашего времени, ибо все заговорили о народности и стали требовать народности в литературе, хотя, добавляет Белинский, мало кто отдавал себе отчет в том, что такое народность.

И действительно, даже в среде прогрессивных писателей не было единого понимания существа народности.

Ярким свидетельством этому может служить хотя бы та острая полемика, которая разгорелась в 1816 г. вокруг стихотворения П. Катенина «Ольга» (перевода Бюргеровой баллады «Ленора») между Н. И. Гнедичем, А. Грибоедовым и другими.

Пушкин в статье о Катенине, как бы подводя итог полемике, принял сторону Катенина, что не помешало ему все же сказать, что Катенин «опоздал родиться». И, хотя Пушкин высоко ценил Катенина за его обращение к «языку и предметам простонародным», все же в деле определения сущности народности в литературе он стоял с Катениным на разных позициях, о чем поэт откровенно написал самому Катенину: «Наша связь основана не на одинаковом образе мыслей, а на любви к одинаковым занятиям».

Различие позиций Пушкина и Катенина в определе-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

нии сущности народности в литературе во многом поможет разобраться и в существе полемики вокруг проблемы народности между Пушкиным и В. Ф. Раевским в кишиневский период, т. е. после того, когда уже отгремела полемика с Катениным.

Как известно, для Пушкина проблема народности в литературе была одной из важнейших проблем, которую он решал и теоретически в ряде своих статей, высказываниях о литературе и языке, и в практике своего творчества, борясь за создание национально-самобытной реалистической литературы.

После шумной полемики вокруг Катенинской баллады «Ольга», в 1820 г. возникла ни с чем не сравнимая по остроте и размаху полемика вокруг «Руслана и Людмилы». Следовательно, Пушкин приехал в Кишинев, когда споры о проблеме народности в литературе стали одной из животрепещущих проблем современности.

Продолжить эту борьбу Пушкину пришлось уже в Кишиневе с поэтом-декабристом В. Ф. Раевским.

Мы не располагаем достаточными фактическими материалами, которые дали бы нам возможность проследить подробно за ходом этих споров. Однако некоторые факты дают возможность раскрыть существо этой полемики и охарактеризовать различия позиций Пушкина и Раевского в понимании ими существа народности в литературе.

Начнем с того, как понимал народность в литературе Пушкин. В черновом наброске статьи «О народности в литературе», написанной в 20-х гг., Пушкин писал: «С некоторых пор вошло у нас в обыкновение говорить о народности, требовать народность, жаловаться на отсутствие народности в произведениях литературы, но никто не думает определить, что разумеет он под словом народность.

Один из наших критиков (Пушкин имеет здесь в виду А. Бестужева. — *Б. Т.*), кажется, полагает, что народность состоит в выборе предметов из отечественной истории, другие видят народность в словах, т. е. радуются тем, что, изъясняясь по-русски, употребляют русские выражения».

И, опровергая подобные определения народности как явно наивные, несостоятельные в научном отношении, Пушкин указывает, что народность заключается в

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«образе мыслей и чувствований... принадлежащих исключительно какому-нибудь народу»[1], которые и должны быть (так можно продолжить умозаключения Пушкина) отражены в литературе. Именно так понимали и определяли существо народности позже, через 10 лет после Пушкина, Гоголь и Белинский. Гоголь писал, что «истинная народность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа».

В. Ф. Раевский в понимании существа народности стоял на иных позициях. Нет сомнения, что и Пушкин и Раевский, как и все писатели-декабристы, стояли в целом на одной общей литературно-общественной платформе, борясь за создание гражданской, национально-самобытной литературы. Но осуществляли они это поразному; различны были и их понятия о сущности народности в литературе. Для понимания позиции Раевского многое дает следующее свидетельство И. П. Липранди. Он, рассказывая о литературных спорах между Пушкиным и Раевским, о том, что Пушкин часто прислушивался к замечаниям и высказываниям Раевского, тут же делает следующее любопытное сообщение: «В одном, сколько я помню, Пушкин не соглашался с Раевским: когда этот (т. е. Раевский. — *Б. Т.*) утверждал, что в русской поэзии не должно приводить имена ни из мифологии, ни исторических лиц древней Греции и Рима, что у нас и то и другое есть свое и т. п.».

Вот в чем не соглашался Пушкин с Раевским. Но почему? Ведь и сам Пушкин звал обращаться к жизни людей своей родины, к изучению фольклора и разговорного языка своего народа. Почему же он так отрицательно отнесся к требованию Раевского не обращаться ни к историческим лицам, ни к разговорному языку других народов?

Ответ на это нам дает сам Пушкин, который высмеял в статье «О народности в литературе» тот ошибочный, узкий, односторонний взгляд на существо народности, которого придерживались некоторые критики, видевшие существо народности «в выборе предметов из отечественной истории» и в употреблении только русских выражений.

Пушкин же понимал народность как выражение на-

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XI, стр. 40.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

родного духа. В той же статье он писал: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особую физиологию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии»[1]. Вот почему Лафонтен и Крылов (скажет Пушкин в другом месте)—представители духа обоих народов.

Следовательно, Пушкин понимал существо народности шире, чем Раевский, не ограничивал эту народность требованием показа только национальной действительности, а рассматривал ее как способность национального поэта верно отображать дух своего народа и не только в показе жизни своего, но и чужого народа. Такое понимание народности позднее утверждали и Гоголь и Белинский, указав, что «поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами своего народа». Это понимание народности как выражения духа народа и определяло все эстетические принципы Пушкина как «поэта действительности», который стремился к отображению действительности, современного человека. Истина страстей, правдоподобие чувствований «в предполагаемых обстоятельствах», «человек и народ, судьба человеческая, судьба народная»— все эти требования, высказанные Пушкиным в отношении драматургии, являются основными эстетическими принципами и содержанием творчества великого русского поэта, родоначальника национально-самобытной русской литературы, литературы критического реализма. Так правильное понимание принципа народности литературы, как основного эстетического принципа Пушкина, помогло ему правильно определить сущность новой эстетики, найти новые пути в развитии национальной русской литературы.

В понимании существа народности в литературе Пушкину был присущ более глубокий и широкий взгляд, чем Раевскому. Раевский же в своих взглядах на народность полностью примыкал к той группе писателей прогрессивного лагеря, в котором находились П. А. Катенин, А. С. Грибоедов, драматург А. А. Жандр, молодой тогда поэт Н. М. Языков и др., которых мы можем назвать сторонниками своеобразного национального пуризма во взглядах на народность в литературе.

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XI, стр. 40.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Итак, вот в чем состояло существо полемики между Пушкиным и Раевским о проблеме народности в литературе.

Время показало, что в этой полемике прав оказался «поэт-умница» Пушкин.

Самобытные лирические произведения Пушкина отличаются все возрастающим совершенством поэтического языка, художественным мастерством. Наряду с этим **самобытность пушкинской лирики проявляется и в таких качествах как сюжетность в лирическом произведении;** углубленное раскрытие характеров лирических героев через конфликтную остроту в развитии сюжета и характеров; **в жанровой, тематической и эмоциональной многогранности.** Жанровое богатство как и тематически-эмоциональное разнообразие прослеживаются не только в творчестве Пушкина в целом, но и в лирике кишиневского периода. Здесь мы видим политическую лирику («Кинжал») и лирико-эпические произведения («Песнь о вещем Олеге»); задумчиво размеренные строки элегий («Я пережил свои желанья», «Редеет облаков летучая гряда») и фривольно-эротические, озорные стихи («Царь Никита и сорок его дочерей»); стихотворение-размышление о судьбе поэта-изгнанника («К Овидию») и бытовую зарисовку-диалог («Чиновник и поэт»); жанровые сатирико-бытовые картины кишиневского боярского общества («Раззевавшись от обедни, к Катакази еду в дом», «Мой друг, уже три дня сижу я под арестом») и дружеские поэтические послания в эпистолярном духе («Баратынскому из Бессарабии», В. Ф. Раевскому, В. Л. Давыдову, Н. И. Гнедичу).

Белинский отмечает как недостаток Жуковского и Батюшкова жанрово-тематическую ограниченность, бедность содержания. Новаторство Пушкина заключалось в том, что он преодолел эту жанрово-тематическую узость, расширил рамки лирической поэзии, обогатил содержание и форму русской лирики.

Новаторство Пушкина сказалось и в развитии им сюжетной лирики, лирики развивающихся и борющихся характеров. Эта сюжетность проявляется не только в развитии ряда связанных между собой жизненных явлений, но и в развитии и борьбе характеров и их взаимоотношений, в показе, как указывал М. Горький, «связи, противоречия, антипатии и вообще взаимоотношения лю-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

дей, истории роста и организации того или иного характера». Так, например, сюжетны и построены на глубинной психологической разработке развивающихся и борющихся характеров, на конфликтной сюжетной основе такие стихотворения кишиневского периода, как «Черная шаль», «Песнь о вещем Олеге». Во многом сюжетны и стихотворения: «Дочери Карагеоргия», «Чиновник и поэт», «Раззевавшись от обедни...», «Недавно бедный мусульман...», «Узник», «Гречанка верная, не плачь...», «Мой друг, уже три дня...»

4. «Молдавская песня»

Наиболее ярким сюжетным произведением кишиневского периода является «Черная шаль». Для нас интересно всесторонне исследовать это произведение.

«Черная шаль» («Молдавская песня») была написана поэтом через месяц после приезда в Кишинев, в октябре 1820 года. Это было второе (после «Дочери Карагеоргия») произведение, написанное поэтом в Молдавии. 14 ноября 1820 г. поэт пишет окончательный беловой автограф, найденный и опубликованный, кстати сказать, в 1936 году. И, видимо, желая подчеркнуть, что стихотворение написано по мотивам широко распространенной тогда молдавской народной песни, поэт озаглавливает стихотворение «Молдавская песня». «При первом появлении (стихотворения) Пушкин назвал это стихотворение Молдавской песней,— свидетельствует В. П. Горчаков.— Начиналась она прямо рассказом: «когда легковерен и молод я был...» и проч.»[1]. Впервые стихотворение с заголовком «Черная шаль» и подзаголовком (Молдавская песня) было напечатано в «Сыне Отечества» за 1821 г. № 15 от 9 апреля. Пушкин, возмущенный ошибками, которые искажали текст стихотворения, послал его в журнал «Благонамеренный», где оно и было опубликовано в 1821 г. в № 10 от 27 мая только под заголовком «Молдавская песня», как это написано Пушкиным в беловом автографе, и с примечанием, сделанным

[1] «Пушкин в воспоминаниях современников». 1950, стр. 183—184. Такая редакция начала стихотворения неизвестна ни в автографах, ни в копиях.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пушкиным, конечно, позднее (не ранее апреля) в том же автографе: «Напечатано с ошибками в № 15 Сына Отечества. Прим. соч.» (т. е. примечание сочинителя.— *Б. Т.*)[1]. В «Сыне Отечества» стихотворение было опубликовано с заголовком «Черная шаль» и подзаголовком (Молдавская песня). В «Благонамеренном»— с заголовком «Молдавская песня». В двух прижизненных изданиях произведений Пушкина — в 1826 и в 1829 гг.— с заголовком: «Черная шаль. Молдавская песня». Исходя из этого, мы считаем неправомерным тот факт, что в современных изданиях стихотворения опускается вторая часть заголовка: «Молдавская песня».

Настойчиво оставляя в заглавиях (в виде заголовка или подзаголовка) слова: «Молдавская песня», Пушкин прямо указывает этим, что содержание «Черной шали» взято из народной молдавской песни. И, если подобная песня и не дошла до наших дней, то для нас все же свидетельство Пушкина является авторитетным и неопровержимым. Поэтому вызывает удивление утверждение Г. Ф. Богача, который, исходя из того факта, что молдавская песня, подобная по содержанию «Черной шали», не сохранилась в молдавском фольклоре, делает вывод «о необоснованности легенды о народных молдавских песенных источниках «Черной шали»[2].

Но Г. Ф. Богач опровергает сам себя, когда в той же книге сообщает, что румынский ученый В. Чобану установил существование румынского народного романса на эту тему, который и мог слышать Пушкин[3].

Еще более несостоятельно утверждение некоторых ученых, что «Черная шаль»— это только пародия на баллады Жуковского (?!)

Значит, приехав в Кишинев и ознакомившись с жизнью Молдавии, ее народа, ее культурой, поэт ничего другого не надумал, как в первые же недели своего пребывания в Кишиневе написать пародию на баллады Жуковского. Это утверждение абсолютно неверно! Нужно совершенно не понимать Пушкина, не понимать его на-

---

[1] *Т. Зенгер.* «Публикация автографа «Молдавской песни» А. С. Пушкина. «Летописи Государственного литературного музея», кн. I. М., 1936, стр. 235—256.

[2] *Г. Ф. Богач.* Пушкин и молдавский фольклор. Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1969, стр. 63.

[3] Там же, стр. 59.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

туры чуткого, впечатлительного, отзывающегося на все явления бытия художника, чтобы так оценивать, осмысливать его произведение, написанное им сразу по приезде в Молдавию.

И стихотворения «Дочери Карагеоргия» и «Черная шаль» («Молдавская песня») — это первые непосредственные творческие отклики поэта на те необычные, новые явления жизни (в Молдавии!), на которые не мог не отозваться чуткий к жизни, к людям художник-гражданин.

Можно лишь допустить, что сюжет «Черной шали» существовал не в собственно молдавском фольклоре, а либо в болгарском, либо в греческом, либо в цыганском, либо турецком, откуда песня вошла в молдавский (как это случилось с цыганской песней Земфиры) фольклор.

Но нельзя ставить под сомнение свидетельство самого Пушкина, что стихотворение «Черная шаль» — это молдавская песня и создана на основе молдавского фольклора.

Любопытно в заключение отметить, что Пушкин, стремясь, видимо, подчеркнуть восточное происхождение стихотворения «Черная шаль», написал его типичной для восточной поэзии строфикой — двустишиями, так называемыми «бейтами».

Стихотворение «Черная шаль» Белинский определил как переходное. И, действительно, в этом стихотворении, романтическом по своей сущности, мы видим наряду с романтизмом и реалистические элементы. Они выразились в множественности изображенных характеров, в острой конфликтности развития сюжета. Оставаясь в кругу русской романсовой лирики начала XIX века с ее основной темой трагической любви, Пушкин совсем по-иному решает эту традиционную для романсовой лирики тему.

В «Черной шали» Пушкин, хотя и в типично романтическом плане, однако нарисовал драматическую картину столкновения человеческих характеров, четких и зримых, свободных от условности, неясности, присущих образам героев романтической литературы. Кстати, здесь убедительно опровергается абсолютно ошибочное положение И. Гринберга, который в своей книге «Лирическая поэзия» утверждает, что «Лирическая поэзия не знает столкновения характеров, борьбы интересов, раз-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

вертывания конфликтов — этой «основы основ» реалистического романа и драмы[1]». «Черная шаль» одновременно поражает и своеобразием своей композиции, отличающейся исключительной стройностью, последовательностью в развитии сюжета, сжатостью и завершенностью. И, наконец, что также было необычным для допушкинской романтической русской лирики, Пушкин дает характер лирического героя в развитии. Более того, будет правильным утверждать, что художественное изображение образов героев, их характеров в развитии, в динамике было тем художественным открытием Пушкина, тем завоеванием русского критического реализма, которое в дальнейшем проявится в русской литературе XIX в. и особенно в русской прозе — повести, романе Лермонтова, Тургенева, Л. Толстого, Достоевского.

Своеобразие пушкинской лирики прослеживается при углубленном, развернутом анализе его стихотворения «Черная шаль».

Стихотворение начинается с вступления к воспоминанию лирического героя о прошлом. На это поэтом отведено всего две (!) строчки.

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

Прочтя эти строчки-вступление, читатель еще ничего не знает о прошлой жизни героя. Но то, что он «как безумный», что у него «хладная» душа и его «терзает печаль», заставляет читателя догадываться о том, что: 1) герой пережил какое-то большое горе, 2) у него охлажденный, разочарованный взгляд на жизнь.

Затем, прямо с третьей строки, Пушкин заставляет своего героя обратиться к рассказу о себе и своей жизни. Всего в трех последующих строках даются меткие характеристики двум героям и их отношениям друг к другу.

Когда легковерен и молод я был,
Младую гречанку я страстно любил;
Прелестная дева ласкала меня...

С шестой строки трагическим аккордом: «Но скоро я

[1] *И. Гринберг.* Лирическая поэзия. М., 1955, стр. 52.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

дожил до черного дня», круто изменяется сюжетный ход повествования, перейдя от светло-лирического рассказа о днях счастливой любви к мрачной повести об измене любимой. Конфликт назревает; в повествование входят все новые и новые характеры; усиливается драматический тон рассказа. И, наконец, наступает кульминационный момент: «булат загремел...», и от рук героя гибнут коварный любовник и изменница-гречанка. И герой остается один, разочарованный в жизни и любви, с хладной душой.

С тех пор не целую прелестных очей,
С тех пор я не знаю веселых ночей.

И совершенно закономерно завершается повествование тем же двустишием, с которого и начиналось стихотворение:

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

Но любопытно заметить, что если в начале стихотворения это двустишие выступало по содержанию, по смыслу своему как вступление к воспоминанию о событиях, еще не известных читателю, то теперь оно имеет иную смысловую нагрузку, выступая в качестве заключения, в котором поведение героя, его душевное состояние, то, почему он сидит, как безумный смотря на черную шаль и хладную душу его терзает печаль, объяснены всем рассказанным выше.

Такое придание различного смыслового значения одним и тем же строкам в пределах одного стихотворения поистине замечательно. Это полисемантизм, умение сделать не только фразу, но и слово многозначным, придавая им различные смысловые оттенки, вообще является характерным для Пушкина, свидетельствуя о величайшем его мастерстве в использовании словарного фонда русского языка.

Так, например, у Пушкина слова из основного словарного фонда (блеснуть, блестеть, блистать) имеют больше десятка смысловых оттенков: 1) ярко сиять, сверкать («звезды блещут»), 2) славиться («блистал Фонвизин»), 3) похваляться («воспитанием, слава богу, у нас немудрено блеснуть»), 4) выделяться («а мы, ничем мы не блестим»), 5) поразить, очаровать («блеснуть

Пушкинский кабинет ИРЛИ

холодной красотой») и т. д.[1] А глагол «идти» в творчестве Пушкина представлен в 18 значениях. В результате мы имеем тот богатейший «Словарь пушкинского языка», издание АН СССР, который включает в себя 15 тысяч слов основного словарного фонда, а с учетом всех случаев употребления слов—около 1 000 000.

В стихотворении «Черная шаль» поражает и то, как Пушкин смог в 32-строчном стихотворении показать лирического героя в его развитии от легковерного, непосредственного и страстного юноши до разочарованного в жизни и людях, опустошенного, с хладной душой, познавшего жизнь и людей человека.

Сюжетность, множественность и психологическое многообразие развивающихся и борющихся характеров, драматизм в развитии сюжета и столкновении характеров как бы раздвинули рамки, границы лирического произведения, придав «Черной шали» характер маленькой драматической поэмы или трагедии. Здесь уже виден Пушкин — будущий автор замечательных маленьких трагедий. Именно поэтому «Черная шаль» исполнялась в виде драматического музыкального произведения на сцене и на тему стихотворения был создан пантомимический балет.

Обращает на себя внимание и своеобразная пушкинская система образных средств, легкость, простота и точность поэтических выражений и определений, что отличает в целом поэтику Пушкина от поэтики его самых талантливых предшественников и учителей — Жуковского и Батюшкова.

Однако эта легкость, простота и точность поэтического слога явились результатом упорного труда, работы поэта над стихотворением, над поэтическим языком его. И эта работа, как и вообще вся новаторская творческая работа Пушкина, шла главным образом по пути упорных поисков наиболее емких, объемных, точных, простых в смысловом отношении поэтических слов, оборотов, определений. Заявляя, что «проза наша так мало отработана, что даже в простой переписке мы принуждены **создавать** обороты для изъяснения понятий самых обыкновенных», Пушкин призывал писателей активно

---

[1] *А. И. Ефимов.* О языке художественных произведений. М., Учпедгиз, 1954, стр. 132.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

вырабатывать и обогащать словесное, фразеологическое выражение мыслей и чувств. Отмечая роль писателя в деле творческого использования языкового богатства своего народа, Пушкин замечал: «...разум — неистощим в соображении понятий, как язык неистощим в соединении слов. Все слова находятся в лексиконе, но книги, поминутно появляющиеся, не суть повторение лексикона». Отсюда напряженная творческая работа Пушкина в поисках новых синтаксических конструкций, новых соединений слов. Во всем этом Пушкину помогало обращение к неисчерпаемым источникам устной народной речи, использование речевых богатств которой и позволило Пушкину в корне преобразовать русский литературный язык и создать поэтические произведения, поражающие поистине народной ясностью, простотой и в то же время высокой художественной красотой поэтической речи.

Стихотворение «Черная шаль» стало одной из самых популярных в народе песен. В 1824 г. близкий знакомый Пушкина композитор Верстовский положил «Черную шаль» на музыку, и она в виде кантаты с успехом исполнялась в столичных театрах лучшими артистами, в том числе М. С. Щепкиным. А. Н. Булгаков, в одном из своих писем, относящемся к 12 января 1824 года, так описывает первое исполнение кантаты «Черная шаль» 11 ноября 1823 года тенором Булаховым в Московском театре: «Занавес поднимается. Представляется комната, убранная по-молдавски; Булахов сидит на диване и смотрит на лежащую перед ним шаль и проч... Он поет: «Гляжу, как безумный, на черную шаль» и проч... музыка прелестна. Занавес опускается, весь театр кричит «фора» — пел другой раз еще лучше»[1].

Об успехе этой кантаты свидетельствует Вл. Одоевский, который пишет в своей рецензии: «Одна из кантат г. Верстовского «Черная шаль» была пета на здешнем театре и благосклонный прием публики как равно и одобрение истинных знатоков подтверждает мое высокое мнение о сей кантате»[2].

11 декабря 1831 г. в Московском Большом театре

---

[1] *А. Глумов.* Музыкальный мир Пушкина. М.—Л., Музгиз, 1950, стр. 89—90.

[2] *В. Од(ое)вск(ий).* Несколько слов о кантатах г. Верстовского (письмо к редактору). «Вестник Европы», № 1, январь 1824, стр. 66.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

состоялся первый спектакль пантомимического балета Т. И. Глушковского «Черная шаль или Наказанная неверность» на тему, взятую, как было указано в афише, «из известной молдавской песни: «Гляжу я безмолвно на черную шаль» и проч. соч. А. С. Пушкина».

О колоссальном успехе романса «Черная шаль» свидетельствуют и следующие факты. Написанный в январе 1824 г. и вышедший в свет романс был быстро раскуплен и в конце того же года вышло второе издание. В «Литературных листках» напечатано письмо «Господину Издателю «Литературных листков» за подписью К. П. (Кс. Полевой), где упоминается о популярности романса Верстовского «Черная шаль» среди русского общества. Здесь же сноска: «Первое издание сей превосходной музыки разошлось в несколько дней — и другого издания осталось немного экземпляров»[1]. В журнале «Московский телеграф» отмечается, что «Песни Пушкина сделались народными: в деревнях поют его «Черную шаль». А. Н. Верстовский с большим искусством сделал на сию песню музыку, и доныне жители Москвы не наслушаются очаровательных звуков, вполне выражающих силу стихов Пушкина»[2]. В одном из своих писем Александр Карамзин (сын историка) сообщает о том, что «девки» в Красном селе «валяют черную шаль»[3].

Так великий русский поэт силой своего творческого гения создал на основе молдавского фольклора произведение, через которое впервые русские люди ознакомились с молдавской народной песней, ставшей популярной и среди русского народа. И еще любопытный факт. В 1835 году в Петербурге была издана книга английского писателя и переводчика Джорджа Борро «Таргум, или стихотворные переводы с тридцати языков и наречий» (на английском языке). И здесь были опубликованы в переводе «Черная шаль» и «Песня Земфиры» из «Цыган»[4].

---

[1] «Литературные листки», 1824, № 23 и 24, стр. 163.

[2] (*Н. А. Полевой*). Обозрение русской литературы в 1824 году. «Московский телеграф», № 1, январь 1825, стр. 86.

[3] *Ираклий Андроников.* Тагильская находка. (из писем Карамзиных). «Новый мир», 1956, № 1, стр. 207.

[4] Акад. *М. Н. Алексеев.* Письмо Пушкина к Джорджу Борро. «Вестник Ленинградского университета», 1949, № 1, стр. 133, 135.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

5. «Почва поэзии»

Сюжетность, углубленная психологическая и социальная разработка характеров, борьба характеров в лирике Пушкина прослеживаются и в других отмеченных нами стихотворениях кишиневского периода. Мудрый и смелый древнеславянский князь Олег и полный собственного достоинства, не боящийся могучих владык и говорящий им в лицо правду волхв, древний поэт-пророк («Песнь о вещем Олеге»); узник, произносящий страстный монолог о свободе («Узник»); диалог между поэтом, «вникающим в дух народный», и чиновником, который прерывает разговор, т. к. его «службы долг зовет» («Чиновник и поэт»); суровый образ «свободы воина», «преступника и героя» — Карагеоргия и чистый облик младенца — дочери, играющей в «невинной колыбели» кинжалом отца («Дочери Карагеоргия»); гротесково очерченные характеры представителей кишиневского боярского общества, ненавистной Пушкину «бояр орды» («Раззевавшись от обедни, к Катакази еду в дом...», «Мой друг, уже три дня...») — все это лирические произведения поэта, отличающиеся в русской лирике как сюжетные с ярко обрисованными характерами и взаимоотношениями героев.

Новаторство Пушкина в лирике проявляется в его дальнейшем проникновении в социальную сущность явлений и характеров, во все более углубленном «художественном анализе общественной жизни» (как сказал Белинский, характеризуя реализм русской прозы). Это проникновение в глубь социальной сущности явлений и характеров, критицизм в их оценке во многом обусловил и нашел свое развитие и выражение в усилении сатирической струи в творчестве Пушкина, переходившего от тонкой усмешки, иронии к сатире, сарказму. Об этом свидетельствует целая группа таких остросатирических стихотворений, как «В. Л. Давыдову», «Из письма к Гнедичу», «Приятелю», «Христос воскрес, моя Ревекка!», «Раззевавшись от обедни...», «Послание цензору», «Мой друг, уже три дня...», «Царь Никита и сорок его дочерей», «Сегодня я поутру дома...», «Из письма к Вигелю». К этому же времени относится около двух десятков эпиграмм, поэма «Гавриилиада», полные иронии, граничащей с сатирой, стихотворения «Кокетка» и

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Десятая заповедь». В творчестве Пушкина сатирическое как составная часть критического реализма приобрело и новое качественное содержание. Из дидактически-прямолинейного обличения сатира у Пушкина превратилась в тонкое осмеивание. Это новое качество сатиры в реализме отметил Белинский, указав, что **«сатирическое направление, никогда не прекращаясь в русской литературе, переродилось в юмористическое, как более глубокое»**[1] (подчеркнуто мною. — *Б. Т.*). **Следовательно, сатира Пушкина во многом близкая по своим особенностям к иронии, представляла собой новое качественное явление, новый, высший этап в развитии русской сатиры в целом.**

Создание различных по типу лирических героев является особенностью поэзии Пушкина.

Если в романтической поэзии лирический герой—это в большинстве своем сам автор, размышляющий и переживающий, или условный во многом образ, то у Пушкина лирический герой либо конкретный человек своего времени, либо это сам автор, Пушкин, выступает в качестве лирического героя. Его мысли и чувства лишены романтической неясности, общности, а выражают чрезвычайно конкретные мысли и чувства автора, и в то же время современника эпохи, времени.

Любопытно будет отметить, что из ста, примерно, поэтических произведений Пушкина кишиневского периода около половины этих стихотворений **рисуют лирических героев как характеры-судьбы.**

Среди таких стихотворений есть и **сюжетные поэтические рассказы о судьбах героев** (как, например, «Дочери Карагеоргия», «Черная шаль», «Песнь о вещем Олеге», «Узник» и др.). Есть и **портретные зарисовки,** в которых даны характеры героев с их определенной жизненной судьбою (как, например, «К портрету Вяземского», «На Каченовского», «Чиновник и поэт», «Раззевавшись от обедни...», «Князь Г. со мною не знаком...», «Адели», «Наполеон», «У Кларисы денег мало» и т. п.).

Вот примеры таких кратких и точных портретных зарисовок — образов героев с их жизненной судьбой.

---

[1] *В. Г. Белинский.* Соч. в 3 томах, т. 2, стр. 733.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

К ПОРТРЕТУ ВЯЗЕМСКОГО

Судьба свои дары явить желала в нем,
В счастливом баловне соединив ошибкой
Богатство, знатный род — с возвышенным умом
И простодушие с язвительной улыбкой.

НА КАЧЕНОВСКОГО

Клеветник без дарованья,
Палок ищет он чутьем,
А дневного пропитанья
Ежемесячным вранвем.

Два четверостишных стихотворения, в которых с исключительной яркостью и точностью даны характеры, судьбы двух прямо противоположных (талант и бездарность) образов героев.

А вот еще две зарисовки характеров героев, их жизненного поведения, судеб:

У Кларисы денег мало,
Ты богат — иди к венцу;
И богатство ей пристало,
И рога тебе к лицу.

КНЯЗЬ Г. СО МНОЮ НЕ ЗНАКОМ...

Я не видал такой негодной смеси;
Составлен он из подлости и спеси,
Но подлости побольше спеси в нем,
В сраженье трус, в трактире он бурлак,
В передней он подлец, в гостиной он дурак.

Иногда характеры-судьбы героев раскрываются в жанровых сценах, точных и ярких (как, например, «Чиновник и поэт», «Раззевавшись от обедни...» и т. п.).

Раззевавшись от обедни,
К Катакази еду в дом.
Что за греческие бредни,
Что за греческий содом!

Есть стихотворения, где в качестве лирического героя выступает сам автор, рисующий свой портрет, характер, судьбу: «Я пережил свои желанья», «Умолкну скоро я», «Чаадаеву», «К моей чернильнице».

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Наконец, и это очень важно отметить, есть ряд стихотворений, где наряду с образами, характерами, судьбами героев-типов выступает как персонаж и сам автор в качестве лирического героя (например, в стихотворениях «Мой друг, уже три дня», «В. Л. Давыдову», «Разгевавшись от обедни...», в посланиях В. Ф. Раевскому, Ф. Н. Глинке, Е. А. Баратынскому, П. Я. Чаадаеву и др.).

В. Л. ДАВЫДОВУ

Меж тем как генерал Орлов —
Обритый рекрут Гименея —
Священной страстью пламенея,
Под меру подойти готов,
Меж тем как ты, проказник умный,
Проводишь ночь в беседе шумной,
И за бутылками ай
Сидят Раевские мои —
Когда везде весна младая
С улыбкой распустила грязь,
И с горя на брегах Дуная
Бунтует наш безрукий князь...
Тебя, Раевских и Орлова,
И память Каменки любя,
Хочу сказать тебе два слова
Про Кишинев и про себя.

Жизнь эпохи, ее людей, жизнь самого автора как героя современности и персонажа произведения — все это составляет особенность слияния субъективного и объективного в этом произведении, в котором в качестве лирических **героев, характеров-судеб выступают и люди эпохи, и с ними сам автор, рассказывающий «о времени и о себе».** Это слияние субъективного, авторского «я» с объективной жизнью, людьми эпохи, изображаемыми в произведении, есть то новое, что внесет Пушкин в русскую литературу как «поэт действительности».

Так будет преодолена субъективная узость в изображении лирического героя романтической литературы, и **Пушкин создаст поэзию реализма, в которой лиричес-**

Пушкинский кабинет ИРЛИ

кий герой вместе с автором вступит в тесные связи и опосредствования с жизнью, действительностью.

Таким образом, в поэзии Пушкина кишиневского периода появляется качественно совершенно иной (какого не знала русская поэтическая литература, литература классицизма и романтизма), лирический герой как характер, тесно связанный с общественной средой, как характер развивающийся, борющийся, характер с определенной жизненной судьбой, связанной тесно с судьбами других героев, их жизнью и борьбой, с жизнью и судьбами времени, эпохи, а следовательно, и с судьбой самого автора, активного участника этой жизни, действительности.

Все это своеобразие, художественное открытие Пушкина в изображении лирического героя тоже определяет общий характер поэзии Пушкина как переходной от романтизма к реализму в период пребывания поэта в Молдавии.

а) «И дружбе легкие послания пишу...»

В связи с вышесказанным значительный интерес приобретает и жанр стихотворных посланий, их место и роль в творчестве Пушкина в Молдавии.

Как нам кажется, эта тема еще не нашла глубокого исследования в пушкиноведении. **А ведь жанр посланий занимает в творчестве поэта в кишиневский период и количественно и качественно довольно значительное место.**

Так, из 90 стихотворений этого времени, 30 являются стихотворными посланиями! И выяснить, почему этот жанр занял столь значительное место в кишиневской лирике Пушкина и исследовать произведения этого жанра — все это важно.

Итак, прежде всего нужно ответить на вопрос: чем вызвано обращение Пушкина к жанру посланий, преобладание этого жанра в кишиневский период?

Думается, что это связано у Пушкина с глубоко переживаемым им чувством одиночества, его нравственными страданиями как «жертвы клеветы и мстительных невежд», стремлением поэта рассказать своим как старым петербургским, так и новым кишиневским друзьям

Пушкинский кабинет ИРЛИ

о себе, об окружающих его людях, о новой жизни, поделиться своими мыслями, чувствами, переживаниями не только с друзьями, с близкими по духу людьми, но и с читателями. И по большинству этих посланий мы не только видим, как Пушкин рассказывает «о времени и о себе», но (и это, пожалуй, главное!) дает самооценку своей жизни в прошлом и настоящем, свидетельствует о больших нравственных переменах, происходящих в нем, о той духовной, идейной эволюции, которая преобразует его как человека, поэта, гражданина.

И, думается, что в основе этой эволюции лежит переход Пушкина от «мятежной младости», для которой характерна высокая гражданственность идей и творчества, под влиянием друзей типа Чаадаева, и «утраченные годы» светской жизни,— переход от всего этого к одиночеству «ссылочного невольника», потерявшего своих лучших друзей («Один, один остался я... Померкла молодость моя» («Таврида»). Но присущая Пушкину жизнеутверждающая сила духа, его любовь к жизни, людям, труду — все это было той спасительной силой, которая помогла поэту преодолеть его «духовный кризис», «духовную драму» и стать на путь нового творческого подъема, новых страстных исканий и борьбы. В этом ему помогли, во-первых, тесное общение с молдавским народом, во-вторых, общение с кишиневскими декабристами, а также и то, что он нашел новых друзей в лице таких людей, как писатели А. Ф. Вельтман, В. П. Горчаков, К. Стамати, К. Негруци, как К. Ралли, чиновник Н. С. Алексеев и им подобные.

И эволюция, история развития духовной жизни Пушкина в этот период, процесс его духовного созревания и становления как поэта, гражданина, человека — все это наиболее ярко и зримо отражено в одном из первых посланий к друзьям его юности — в послании «Чаадаеву» (20 апреля 1821 г.). В этом послании явственно выражены мысли, чувства, настроения, которые владели Пушкиным в первое время пребывания в Кишиневе: чувство одиночества, острое ощущение потери своих лучших друзей, благодарность им за дружеское участие, и в то же время сожаление о годах, растраченных среди пустого петербургского общества. Но поэт пишет и о новой жизни, жизни, наполненной осмысленным трудом, в чем он видит единственное счастье и утешение.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Стихотворение проникнуто чувством глубокой дружбы, единственного, что осталось ценного и важного в жизни одинокого, пока еще, поэта.

В стране, где я забыл тревоги прежних лет,
Где прах Овидиев пустынный мой сосед,
Где слава для меня предмет заботы малой,
Тебя недостает душе моей усталой.

И далее Пушкин развивает ту же мысль о тяжести потери друга:

Но дружбы нет со мной. Печальный вижу я
Лазурь чужих небес, полдневные края;
Ни музы, ни труды, ни радости досуга —
Ничто не заменит единственного друга.

Какую же роль сыграл Чаадаев в духовной жизни юного Пушкина, каково было значение его дружбы для Пушкина? Прежде всего, Чаадаев оказывал на Пушкина политическое влияние в свете высоких гражданских, декабристских идей. Об этом Пушкин свидетельствует еще в своем первом широко известном послании «К Чаадаеву» 1818 г. («Любви, надежды, тихой славы»). Эти же мысли Пушкин развивает и во втором послании, уже из Кишинева.

Ты сердце знал мое во цвете юных
дней...
. . . . . .
Во глубину души вникая строгим взором,
Ты оживлял ее советом иль укором;
Твой жар воспламенял к высокому
любовь;
Терпенье смелое во мне рождалось вновь;
Уж голос клеветы не мог меня обидеть,
Умел я презирать, умея ненавидеть.

Как известно, когда Пушкину угрожала ссылка в Сибирь за его вольнолюбивые стихи, Чаадаев как адъютант генерала И. В. Васильчикова, близкого к царю Александру I, просит Васильчикова «замолвить слово

Пушкинский кабинет ИРЛИ

за Пушкина». Об этом с благодарностью упомянул Пушкин в своем стихотворении-послании:

Я тайно изнывал, страдалец утомленный;
В минуту гибели над бездной потаенной
Ты поддержал меня недремлющей рукой;
Ты другу заменил надежду и покой...

Высоко оценивая роль и значение дружбы Чаадаева, Пушкин одновременно с горечью вспоминает об утраченных годах мятежной молодости, проведенных в пустом, ничтожном светском обществе, «где праздный ум блестит, тогда как сердце дремлет».

Оставя шумный круг безумцев молодых,
В изгнании моем я не жалел об них;
Вздохнув, оставил я другие заблужденья,
Врагов моих предал проклятию забвенья,
И, сети разорвав, где бился я в плену,
Для сердца новую вкушаю тишину.

И здесь поэт создает свои знаменитые строки, которые свидетельствуют о том, что его спасли от тоски, одиночества, отчаяния, помогли преодолеть «духовный кризис» и вновь обрести самое главное, значительное — любовь к жизни, к труду, жажда мыслить и творить.

В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд и жажду размышлений.
Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум;
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне.

Но все же поэт завершает стихотворение строчками, в которых просит Чаадаева

Одно желание: останься ты со мной![1]

А в черновиках этого стихотворения поэт напишет: «Чаадаев верный друг... Тебя недостает моей душе уста-

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. II, стр. 187—188.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

лой — Тебя, хранителя (спасителя) моих душевных сил»[1].

В стихотворении «К моей чернильнице» Пушкин также вспомнит о Чаадаеве. Вначале поэт пишет о своем творческом труде, в чем он видит смысл и значение своей жизни.

Подруга думы праздной,
Чернильница моя,
Мой век разнообразный
Тобой украсил я.

Как часто друг веселья
С тобою забывал
Условный час похмелья
И праздничный бокал;

Под сенью хаты скромной
В часы печали томной
Была ты предо мной
С лампадой и мечтой.
В минуты вдохновенья
К тебе я прибегал
И музу призывал
На пир воображенья.

. . . . . .
Сокровища мои
На дне твоем таятся...
. . . . . .

С глупцов сорвав одежду,
Я весело клеймил
Зоила и невежду
Пятном твоих чернил...
Но их не разводил
Ни тайной злости пеной,
Ни ядом клеветы.
И сердца простоты
Ни лестью, ни изменой
Не замарала ты.

Раскрыв в этих строках суть и значение своего творческого труда, Пушкин завершает стихотворение пожеланием, чтобы после его смерти чернильница перешла к друзьям и выражает надежду, что

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. II (2), стр. 659—660.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Чедаев, друг мой милый,
Тебя возьмет, унылый;
Последний будь привет
Любимцу прежних лет.
Иссохшая, пустая,
Меж двух его картин
Останься век немая,
Укрась его камин.
Взыскательного света
Очей не привлекай,
Но верного поэта
Друзьям напоминай.

Пушкин, живя в Кишиневе, вспоминает не только о Чаадаеве, но и о всех друзьях своих юных лет. Вот почему поэт пишет ряд проникновенных поэтических посланий, обращенных к Дельвигу, Гнедичу, Ф. Глинке, Баратынскому, Катенину, Вяземскому, Д. Давыдову, Я. Толстому и другим.

Во всех этих посланиях поэт вспоминает о своих друзьях, о беседах с ними, о дружеской их поддержке в его беде, о «вечном союзе дружбы». Но в этих стихотворениях есть и рассказ о своей жизни, о своем творчестве, о Кишиневе, о Молдавии, о новых друзьях, т. е. о том, что постепенно будет входить в жизнь Пушкина, что будет постепенно делать эту жизнь более содержательной, определять ее сущность, направление и значение, о том, что, наконец, поможет поэту преодолеть чувство тоски, одиночества, пессимизма, позволит ему стать «в просвещении с веком наравне», будет содействовать его возмужанию как человека, поэта, гражданина.

Среди этих стихотворений поэта, обращенных к друзьям своей юности, первым является стихотворное послание к лицейскому сотоварищу — другу и поэту А. Дельвигу.

Но это стихотворение скорее всего напоминает разговор поэта об искусстве, о своем творчестве.

Друг Дельвиг, мой парнасский брат,
Твоей я прозой был утешен,
Но признаюсь, барон, я грешен:
Стихам я больше был бы рад.
Ты знаешь сам: в минувши годы
Я на брегу парнасских вод
Любил марать поэмы, оды,..
. . . . . .

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Бывало, что ни напишу,
Все для иных не Русью пахнет;
Об чем цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковский ахнет[1].

Эти же жалобы на цензуру, особо притеснявшую Пушкина, мы видим и в знаменитом «Послании цензору», где Пушкин не только клеймит тупоголый деспотизм царской цензуры, но и требует уважения к писателям как выразителям духовной жизни народа, его высоких гражданских идей, как идущих во главе умственной жизни народа.

Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой,
Сегодня рассуждать задумал я с тобой.

Пушкин, представляя себе идеал цензора, требует от него быть справедливым и благоразумным.

Но цензор гражданин, и сан его священный;
Он должен ум иметь прямой и просвещенный...
. . . . . .

Полезной истине пути не заграждает,
Живой поэзии развиться не мешает,
Он друг писателю,— пред знатью не труслив,
Благоразумен, тверд, свободен, справедлив.

А ты, глупец и трус, что делаешь ты с нами?
Где должно б умствовать, ты хлопаешь глазами;
Не понимая нас мараешь и дерешь;
Ты черным белое по прихоти зовешь...

Но свободолюбивые произведения доходят до народа помимо цензуры:

Радищев, рабства враг, цензуры избежал,
И Пушкина стихи в печати не бывали;
Что нужды? Их и так иные прочитали.

Напоминая о том, что Фонвизин «сатирик превосходный, невежество казнил в комедии народной», что «Державин бич вельмож», а «Хемницер истину с улыбкой говорил»,— Пушкин видит в этом значение и победу разума над тупостью и заявляет: «На поприще ума нельзя нам отступать»[2].

Среди кишиневских поэтических посланий Пушкина к друзьям его юности необходимо отметить еще и такие наиболее значительные по содержанию, как послания

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. II, стр. 168.
[2] Там же, стр. 267—270.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

к Ф. Глинке, Я. Толстому, Н. Гнедичу, Е. Баратынскому.

Ф. Н. Глинка — участник Отечественной войны, описание которой он дал в известных «Письмах русского офицера», декабрист, руководитель декабристского литературного «Вольного общества любителей российской словесности», издатель журнала этого общества «Соревнователь просвещения и благотворения» (или «Труды Вольного общества любителей русской словесности»). Будучи знаком с Пушкиным, Глинка оказал влияние на гражданственное направление его поэзии в духе декабристской литературной программы. Находясь на службе у петербургского генерал-губернатора Милорадовича, Ф. Н. Глинка сделал все, чтобы облегчить участь Пушкина, которого Милорадович вызвал к себе по указанию царя. Милорадович действительно сумел в какой-то мере реабилитировать Пушкина в глазах царя.

Все вышесказанное о роли Ф. Н. Глинки в судьбе Пушкина, поэт отобразил в своем кишиневском послании к «Ф. Н. Глинке»

Когда средь оргий жизни шумной
Меня постигнул остракизм,
Увидел я толпы безумной
Презренный, робкий эгоизм...
. . . . .

Но голос твой мне был отрадой,
Великодушный гражданин!
Пускай судьба определила
Гоненья грозные мне вновь...
. . . .

Они ничтожны — если буду
Тобой оправдан, Аристид [1].

Пушкин был также хорошо знаком с Я. Н. Толстым, одним из основателей литературного, близкого к декабризму общества «Зеленая лампа», при свете которой его члены собирались в доме театрала Никиты Всеволожского. Пушкин был участником этого общества, где велись беседы не только на литературные, но и на политические темы. Членами «Зеленой лампы» были декабристы С. П. Трубецкой, Я. Н. Толстой, Ф. Н. Глинка, писатели (кроме Пушкина) А. Дельвиг, Н. И. Гнедич, А. Г. Родзянко и др.

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. II, стр. 273.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Вспоминая об этих днях, Пушкин писал 26 сентября 1822 г. «Я. Н. Толстому» (не зная, что общество «Зеленая лампа» прекратило существование осенью 1820 г.).

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдений и пиров?..
. . . . . .

В изгнанье скучном, каждый час
Горя завистливым желаньем,
Я к вам лечу воспоминаньем,
Воображаю, вижу вас:
Вот он приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз,
Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке[1] за круглый стол
Садилось милое Равенство...
. . . . . .
И разгорались наши споры
От искр и шуток и вина[2].

В черновых строчках этого стихотворения мы читаем:

Молвой покинутый изгнанник
В степях Молдавии забыт.

И еще:

Вдали друзей вольнолюбивых,
Теснимый хладною толпой,
Певец любви, опальный странник...[3]

С Н. И. Гнедичем, известным писателем, автором свободолюбивых стихов, переводчиком «Илиады» Гомера, Пушкин был близко знаком тоже по обществу «Зеленая лампа». Стихотворное послание «Н. И. Гнедичу» отличается от других кишиневских посланий к друзьям юности поэта прежде всего тем, что в этом послании Пушкин пишет не только, как обычно, о своих настроениях «ссылочного невольника», не только о делах литературных, но и, впервые, повествует о жизни и людях, окружающих его в Кишиневе,— о декабристах, о молдаванах и т. п.

---

[1] Имеется в виду фригийский красный колпак французских революционеров.

[2] *А. С. Пушкин.* Соч., т. II, стр. 264.

[3] Там же, т. II (2), стр. 774, 776.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

В стране, где Юлией венчанный
И хитрым Августом изгнанный
Овидий мрачны дни влачил,
Где элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Он малодушно посвятил,
Далече северной столицы
Забыл я вечный ваш туман,
И вольный глас моей цевницы
Тревожит сонных молдаван.
Все тот же я,— как был и прежде,
С поклоном не хожу к невежде,
С Орловым спорю, мало пью,
Октавию — в слепой надежде —
Молебнов лести не пою,
И дружбе легкие посланья
Пишу без строгого страданья...[1]

К этому стихотворению необходимо дать несколько примечаний. Эпитет «сонные» молдаване относится не к молдавскому народу, а к тем надутым, важным, медлительным молдавским боярам, к той «бояр орде», которых как угнетателей молдавского народа ненавидел Пушкин. «Орлов»— кишиневский друг Пушкина, декабрист, генерал М. Ф. Орлов, «Октавий» — Александр I.

О пробудившемся у Пушкина интересе к Кишиневу, к Молдавии, ее истории свидетельствует, ставшее теперь широко известным в Молдавии, стихотворное послание к поэту Е. Баратынскому — «Баратынскому из Бессарабии» (1822 г.)

Сия пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державиным воспета[2]
И славой русскою полна.
Еще доныне тень Назона
Дунайских ищет берегов[3]...

Читатель, видимо, уже обратил внимание на то, что в ряде кишиневских посланий (как и в некоторых иных произведениях этого периода) Пушкин обращается к образу древнеримского поэта Овидия Назона. Это связано с тем, что Пушкин сближал свою судьбу «ссылочного невольника» с судьбой «изгнанного певца». Вот чем и вызвано написание глубоко прочувственного сти-

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. II, стр. 170.
[2] В оде «На взятие Измаила».
[3] *А. С. Пушкин.* Соч., т. II, стр. 235.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

хотворения Пушкина «К Овидию», которое, несмотря на ряд исследований, нуждается еще в дополнительном изучении.

З. А. Бориневич-Бабайцева в своем докладе «Овидиев цикл в творчестве Пушкина», прочитанном на I объединенной конференции пушкиноведов Одессы и Кишинева в 1954 г.[1], говоря о постоянном интересе Пушкина к Овидию, убедительно раскрыла эволюцию Пушкина в идейно-творческом осмыслении Овидия от певца любви (в творчестве Пушкина в лицейские годы) к поэту-изгнаннику (в творчестве кишиневского периода). В этом же докладе З. А. Бориневич-Бабайцева отметила и интерес к Овидию молдавского писателя К. Стамати, современника и знакомого Пушкина по Кишиневу[2].

Однако относительно места ссылки Овидия существовали различные гипотезы. П. Свиньин (издатель «Отечественных Записок»), посланный правительством в 1815 году для «обозревания и описания Бессарабской области», считал местом ссылки Овидия Аккерман[3]; А. Ф. Вельтман — Дон, Придонье[4], Л. С. Берг — город Томи (теперь здесь Констанца), находившийся недалеко от устья Дуная, на берегу Черного моря (Понта)[5]. Ряд молдавских историков и, в частности, Дм. Кантемир считают, что этим местом является современная Килия.

Пушкин, который хорошо ознакомился не только с историей края, но и биографией Овидия и его эпохой,

---

[1] См. сборник: «Пушкин на юге». «Труды пушкинских конференций Кишинева и Одессы». Кишинев, 1958, стр. 164—178.

[2] См. предание об Овидии, записанное в Молдавии К. Стамати и опубликованное им в «Записках общества истории и древностей», отделения второе и третье, 1850 г., стр. 809. Публий Овидий Назон (родился в 43 году до нашей эры, умер в 17 году нашей эры), известный древнеримский поэт, автор «Метаморфоз», поэмы «Наука любви», «Писем с Понта»,— был сослан римским императором Августом на берег Понта (Черного моря) в г. Томи (Томис), где теперь находится город Констанца. В Констанце есть памятник Овидию.

[3] *П. Свиньин.* Воспоминания в степях Бессарабских. «Отечественные записки», январь, 1821, стр. 7—10; см. его же статью о Бессарабии. «Естественное описание Бессарабской области». «Отечественные записки», 1818, стр. 184—187.

[4] *А. Ф. Вельтман.* Дон. Место ссылки Овидия Назона. «Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете», 1866, апрель—июнь, кн. II, стр. 1—61.

[5] *Л. С. Берг.* Бессарабия. Страна—люди—хозяйство. Петроград, 1918, стр. 14.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

вполне основательно считал местом ссылки Овидия именно берега Дуная.

«Еще доныне тень Назона **Дунайских ищет берегов»** («Баратынскому из Бессарабии») и **«жил он на брегах Дуная»** (поэма «Цыганы»). (В обоих случаях подчеркнуто мною. — *Б. Т.*) А в примечании к стихотворению «К Овидию» (которое было вначале в одном из вариантов белового автографа, а затем включено в качестве примечания к VIII строфе I главы «Евгения Онегина» при ее первом издании), Пушкин пишет: «Мнение будто (бы) Овидий был сослан в нынешний Аккерман ни на чем не основано. В своих элегиях он ясно (описывает) назначает местом своего пребывания город Томи (Томы) при самом устье Дуная»[1]. Липранди также указывает, что «местом ссылки любимого им поэта... если он и не определяет места, то ищет его на берегах Дуная, а не Днестра».

Пушкин проявлял особый интерес к Овидию, его жизни, судьбе и произведениям. «Первое сочинение им у меня взятое,— свидетельствует И. П. Липранди,— был — Овидий»[2].

Этот интерес нашел свое отражение уже в письме к Н. И. Гнедичу от 24 марта 1821 года, где поэт указывает, что живет «в стране, где Юлией венчанный и хитрым Августом изгнанный, Овидий мрачны дни влачил...» Об Овидии Пушкин говорит также в стихотворных посланиях к Чаадаеву («В стране, где я забыл тревоги прошлых лет, где прах Овидиев пустынный мой сосед») и Е. А. Баратынскому, в 8-й строфе I главы «Евгения Онегина» и в поэме «Цыганы» (рассказ старика-цыгана). Но особенно ярко образ поэта-изгнанника был воссоздан в стихотворении Пушкина «К Овидию» (написанном 26 декабря 1821 года), в котором поэт обращается к нему, намекая на свою ссылку: «...участью я равен был тебе». Однако Пушкин подчеркивает разницу между собою, свободолюбивым поэтом, и Овидием, просящим милости у императора Августа. В беловом автографе были строки, исключенные поэтом по цензурным соображениям:

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. II (1), стр. 235, т. IV, стр. 186, т. VI, стр. 653, т. II (2), стр. 728.

[2] *И. П. Липранди.* Из дневника... «Русский Архив», 1866, стб. 1261.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Но не унизил ввек изменой беззаконной
Ни гордой совести, ни лиры непреклонной[1].

Все стихотворение проникнуто глубоким лиризмом, основанным на сближении своей судьбы с судьбой Овидия, такого же «ссылочного невольника», каким назвал себя горько Пушкин, в свою очередь чувствовавший себя, как и Овидий, «изгнанным певцом». Тема поэта-гражданина, преследуемого тираном-царем, лично прочувствованная, стала в стихотворении «К Овидию» обличительной. Пушкин ценил это свое стихотворение. Он пишет брату Льву из Кишинева (30 января 1823 года): «Каковы стихи к Овидию? Душа моя, и «Руслан», и «Пленник», и «Ноэль» и все дрянь в сравнении с ними». Но именно политическая заостренность этого стихотворения заставила Пушкина бояться, что его не пропустит цензура. В одном из писем к А. Бестужеву (от 21 июня 1822 года) поэт замечает: «Предвижу препятствия в напечатании стихов «К Овидию».

Стремясь к исторически правдивому отображению облика древнеримского поэта, Пушкин просит в письме к брату Льву (от 4 сентября 1822 года): «В послании к Овидию перемени таким образом:

Ты сам дивись, Назон, дивись судьбе
превратной,
Ты с юных дней, презрев (тревоги)
волненья жизни ратной
Привыкнув и проч.»[2]
. . . . . .

Интересно отметить, что в критической статье, посвященной анализу стихотворений поэта, В. А. Теплякова «Фракийские элегии», Пушкин, разбирая одно из них, где изображается Овидий, указывает Теплякову на искажение образа древнеримского поэта, которого Тепляков представил воинственным. «Песнь, которую поэт влагает в уста Назоновой тени,— указывает Пушкин,— имела бы более достоинства, если бы г. Тепляков более соображался с характером Овидия так искренно обнаруженным в его «Плаче». Он не сказал бы, что при набегах гетов и бесов поэт.

Радостно на смертный мчался бой.

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. II (2), стр. 728.
[2] Там же, т. VIII, стр. 8 и т. XIII, стр. 27, 38, 39, 45, 56.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Овидий добродушно признается, что он и в молодости не был охотник до войны»[1]...

Стихотворение «К Овидию» значительно для нас и тем, что в нем Пушкин дал (о чем мы писали выше) яркие картины природы Молдавии. Из этого стихотворения и взяты известные строки: «Здесь, лирой северной пустыни оглашая, скитался я...», которые высечены на пьедестале памятника Пушкину в Кишиневе.

Таким образом, как об этом свидетельствуют кишиневские послания Пушкина к друзьям его юности, а также и все творчество этого периода, Пушкин, постепенно освобождаясь от настроений одиночества, тоски, под влиянием окружающей его новой жизни, новых людей, общения с Молдавией, ее народом, с новыми друзьями, в первую очередь с кишиневскими декабристами, а также с представителями передовой молдавской и русской интеллигенции,— под влиянием всего этого Пушкин преодолевает свой «духовный кризис» и возвращается к активной жизни как человек, поэт и гражданин.

Все это находит свое яркое отражение в его посланиях и, в первую очередь, к кишиневским друзьям-декабристам. О посланиях Пушкина поэту, другу-декабристу В. Ф. Раевскому мы уже подробно писали выше. Но среди этих дружеских посланий особо нужно выделить послание к декабристу, владельцу имения в Каменке В. Л. Давыдову (о котором мы уже писали выше). Стихотворное послание «В. Л. Давыдову» значительно тем, что, рассказывая в нем «про Кишинев и про себя», Пушкин не только характеризует жизнь Кишинева, но и свидетельствует о своих (даже более, чем в юный период жизни в Петербурге) сильных и ярких свободолюбивых чувствах и мыслях, смелых революционных и атеистических настроениях, безусловно порожденных общением с кишиневскими декабристами, в лице которых он обрел новых идейных друзей и соратников, близких по духу друзьям его юности в Петербурге.

. . . . . .
Вот эвхаристия другая,
Когда и ты, и милый брат
Перед камином надевая
Демократический халат,
Спасенья чашу наполняли

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XII, стр. 85.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Беспенной, мерзлою струей,
И за здоровье тех и той
До дна до капли выпивали!..
Но те в Неаполе шалят,
А та едва ли там воскреснет...
Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет,
Ужель надежды луч исчез?
Но нет — мы счастьем насладимся,
Кровавой чаши причастимся —
И я скажу: Христос воскрес[1].

В черновиках строка «И долго их ярем не треснет» читалась: «И долго власть царей не треснет». В стихотворении некоторые слова нуждаются в пояснении. «Раевские мои» — семья генерала Раевского, брата Давыдова по матери. «Безрукий князь» — А. Ипсиланти. «Те и та», «Те» — итальянские карбонарии, участники неаполитанской революции в июле 1820 г. «Та» — политическая свобода.

В заключение важно отметить, что Пушкин, с присущим ему социальным оптимизмом выражает в конце стихотворения уверенность в победе свободы, в то, что наступит светлый праздник ее воскресения.

Вот почему Пушкину, проникнутому идеями активной борьбы за свободу, претили всякие половинчатые идеи, попытки подменить решительные меры в борьбе с произволом и насилием, трусливыми идеями частичного улучшения общественного строя. Этим и было вызвано послание Пушкина к руководителю кишиневской масонской ложи генералу П. С. Пущину, в котором (как мы писали уже выше) Пушкин иронически осудил либерально-просветительскую направленность, которую придал кишиневской масонской ложе П. С. Пущин.

У Пушкина в Кишиневе были и еще друзья, не декабристы, но люди, близкие ему по духу, понимавшие и глубоко уважавшие поэта. Среди них были офицеры Генерального штаба, занимавшиеся топографической съемкой Бессарабии, такие как офицеры и писатели А. Ф. Вельтман, В. П. Горчаков, а также В. Кек, А. П. и М. П. Полторацкие и другие. В феврале 1822 г. Полторацкие, как и В. П. Горчаков, уезжали из Кишинева,

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. II, стр. 178—179.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

и Пушкин посвятил их отъезду прочувствованное стихотворное послание «Друзьям» (15 февраля 1822 г.). В рукописи стихотворение имело заглавие: «Кеку, Полторацким и Горчакову»:

Вчера был день разлуки шумной,
Вчера был Вакха буйный пир...
. . . . . .

Так! Музы вас благословили
Венками свыше осеня,
Когда вы, други, отличили
Почетной чашею меня...[1]

В. П. Горчакову, с которым Пушкин был в особо дружеских отношениях, поэт посвятил специальное послание, которое сохранилось только в воспоминаниях о Пушкине В. П. Горчакова под названием: «Из письма В. П. Горчакову» (январь 1823 г.).

Ряд стихотворных посланий Пушкин посвятил своему близкому кишиневскому другу, чиновнику Николаю Степановичу Алексееву. О Н. С. Алексееве и его взаимоотношениях с Пушкиным мы довольно подробно говорили выше. Здесь мы напоминаем о нем лишь в связи с посланиями Пушкина.

В послании «Алексееву» (1821 г.) Пушкин ставит целью успокоить своего влюбленного и ревнивого друга, поступая, как всегда, в соответствии со своей благородной и чуткой к дружбе душой.

Мой милый, как несправедливы
Твои ревнивые мечты:
Я позабыл любви призывы
И плен опасной красоты...
. . . . . .

Теперь уж мне влюбиться трудно,
Вздыхать неловко и смешно...

И, внимая страстным словам влюбленного и ревнивого друга, поэт пишет:

И говорю: так было прежде
Во время оно и со мной[2].

Предположительно к Алексееву относят и послания

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. II, стр. 241.
[2] Там же, стр. 228.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пушкина «Мой друг, уже три дня...» и «Сегодня я поутру дома».

Последнее послание представляет всего лишь картинку, нарисованную беглым пером Пушкина.

Сегодня я поутру дома
И жду тебя, любезный мой.
Приди ко мне на рюмку рома,
Приди — тряхнем мы стариной.
Наш друг Тардиф [1], любимец Кома,
Поварни полный генерал,
Достойный дружбы и похвал...[2]

Более содержательным, ярко рисующим жизнь Пушкина в Кишиневе, его отношение к генералу Инзову, «спасителю молдаван» и вражду поэта к молдавской «бояр орде», было послание «Мой друг, уже три дня...»

Мой друг, уже три дня
Сижу я под арестом
И не видался я
Давно с моим Орестом.
Спаситель молдаван,
Бахметьева наместник,
Законов провозвестник,
Смиренный Иоанн[3],
За то, что ясский пан[4],
Известный нам болван
Мазуркою, чалмою,
Несносной бородою —
И трус и грубиян —
Побит немножко мною,
И что бояр пугнул
Я новою тревогой,—
К моей канурке строгой
Приставил караул...[5]

Среди стихотворных посланий Пушкина можно еще отметить такие как «Д. Давыдову» «певцу-гусару» и ему же «Недавно я в часы свободы...», где Пушкин отмечает «резкие черты неподражаемого слога» Давыдова. Интересны также стихотворные послания вдове грека-героя, погибшего в бою за свободу, «Гречанка верная, не плачь — он пал героем» и «Гречанке», посвященное гречанке «Калипсо», возлюбленной Байрона, жившей в Кишиневе.

---

[1] Тардиф — петербургский ресторатор.
[2] *А. С. Пушкин.* Соч., т. II, стр. 247.
[3] *И. Н. Инзов.*
[4] Боярин Балш.
[5] *А. С. Пушкин.* Соч., т. II, стр. 247.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Мы исследовали более половины наиболее интересных кишиневских стихотворных посланий Пушкина. Значение их заключается не только в том, что они составляют большую часть лирики Пушкина кишиневского периода, но и в том, что **в них отражены духовная, творческая жизнь поэта, их эволюция в это время, отражены жизнь и люди Молдавии, среди которых находился долгое время великий русский поэт.**

б) «Я знал и труд и вдохновенье»

Новаторство, становление самобытной, чисто «пушкинской» лирики прослеживается во все возрастающем художественном мастерстве поэта, создании им прозрачно ясной, простой, точной и в то же время исключительно семантически объемной поэтической речи, а также в том, что Пушкин открыл, как указывает Белинский, совсем новый мир в поэзии — богатство ярких и многогранных человеческих чувств и мыслей.

И, наконец, самобытность пушкинской лирики находит свое выражение в изумительном умении поэта создавать исключительно законченные, композиционно завершенные по архитектонике и содержанию произведения (что, в частности, мы показали уже на примере анализа сюжетно-композиционных особенностей «Черной шали»). «У Пушкина,— писал Белинский,— никогда не бывает ничего лишнего, ничего недостающего, но все в меру, все на своем месте, конец гармонирует с началом — и, прочитав его пьесу, чувствуешь, что от нее нечего убавить и к ней нечего прибавить»[1].

Среди указанных Белинским «чисто пушкинских» лирических стихотворений кишиневского периода, в которых видны изумительное, поистине артистическое языковое мастерство Пушкина, глубина, свежесть, новизна в выражении чувств, «внутренняя красота человека и лелеющая душу гуманность» (Белинский), а также совершенная композиционность, стройность, завершенность поэтических форм — особенно выделяются такие поэтические шедевры, как: «Редеет облаков летучая гряда», «Чаадаеву» («В стране, где я забыл тревоги прежних

---

[1] *В. Г. Белинский.* Соч. в 3 томах, т. 3, стр. 396.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

лет»), «Умолкну скоро я...», «Мой друг, забыты мной следы минувших лет...», «Я пережил свои желанья», «Приметы». Сюда же относятся стихотворения «Нереида», «Дионея», «Дева», которые за скульптурную пластичность их образов Белинский сравнил с превосходными античными статуями. Но это не холодные скульптурные образы так называемых антологических стихов поэтов XVIII в., а живые, насыщенные человеческими страстями люди, характеры.

Этому не мешает и то, что Пушкин использует традиционные мифологические имена. Реалистическая зримость этих образов столь сильна, что заставляет видеть за этими именами не условные мифологические, а обыкновенные человеческие характеры. Все это видно, когда мы читаем прекрасные строки стихотворений «Нереида» и «Дионея».

НЕРЕИДА

Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду,
На утренней заре я видел Нереиду.
Сокрытый меж дерев, едва я смел дохнуть:
Над ясной влагою — полубогиня грудь
Младую, белую как лебедь, воздымала
И пену из власов струею выжимала.

Какой свежестью, непосредственностью реалистического и в то же время глубоко поэтического рассказа проникнуто это изумительное по впечатляющей жизненной зримости стихотворение, написанное в нежных, полных света и воздуха тициановских тонах и рисующее не мифологический, а живой образ купающейся девушки! Тот же реализм в изображении характеров, простых человеческих чувств мы видим и в антологическом стихотворении «Дионея».

Хромид в тебя влюблен; он молод и не раз
Украдкою вдвоем мы замечали вас;
Ты слушаешь его, в безмолвии краснея;
Твой взор потупленный желанием горит.
И долго после, Дионея,
Улыбку нежную лицо твое хранит.

Как здесь все реально и просто, какими обыденными словами пользуется поэт для изображения жизненных явлений, человеческих характеров! «Украдкою вдвоем мы замечали вас», «Ты слушаешь его, в безмолвии краснея», «Твой взор потупленный желанием горит», «Улыб-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ку нежную лицо твое хранит»— все это глубоко поэтические строки. По своей легкости и простоте синтаксической конструкции фраз они, даже изъятые из контекста, приближаются к обыденной человеческой речи, прозаическому литературному языку, превосходя его поистине артистической отделкой художественного стиля. Искрометная легкость и прозрачная ясность стиха Пушкина достигается поэтом путем использования всего своеобразия системы художественно-изобразительных средств, поэтического словаря, звукописи стихотворной речи.

Так, использование в инструментовке стиха звуковых сочетаний с аллитерацией «л», как, например, в словах «волн», «влагою», «младую», «белую», «власов», «влюблен», «молод», «замечали» и т. д. почти полное отсутствие суффиксов с шипящими согласными (ч, ш, щ) обусловило во многом музыкальность стиха Пушкина. Но, главное, образы антологических стихотворений Пушкина — это не условные «нимфы», «амуры», «нежные грации» антологической поэзии, а живые люди с подлинными человеческими характерами и страстями.

«Почвой поэзии Пушкина,— указывал Белинский,— была живая действительность и всегда плодотворная идея»[1]. И стремлению Пушкина к реализму, к отображению в творчестве реальной жизни, действительности, живых человеческих характеров способствовали его инстинкт «поэта действительности», его органический глубокий и трепетный интерес к современности, к жизни, чувствам и мыслям человека своей эпохи, своего времени. Определяя связь писателя с современностью, жизнью народа как первостепенную общественную обязанность писателя, как основное условие создания подлинно правдивых, а следовательно, реалистических, народных («если произведение правдиво, то оно и народно») произведений, Белинский писал в своей знаменитой «Речи о критике»: «Свобода творчества легко согласуется с служением современности: для этого не нужно принуждать себя писать на темы, насиловать фантазию, для этого нужно только быть гражданином, сыном своего общества и своей эпохи, усвоить себе его интересы, слить свои стремления с его стремлениями; для этого нужна

[1] *В. Г. Белинский.* Соч. в 3 томах, т. 3, стр. 340.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

симпатия, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отделяет убеждения от дела, сочинения от жизни»[1]. И если Пушкин стал родоначальником новой русской литературы, то этим он обязан не только своему художественному гению, но и своей кровной связи с жизнью своего народа, своей эпохи, жизнью, мыслями и чувствами своих современников. И великий творческий опыт Пушкина учит советских писателей, что только на путях тесного единения писателей с современной жизнью возможно создание художественных произведений, реалистически, правдиво рисующих жизнь эпохи, характеры, судьбы, думы и чувства современников.

Но Пушкин был не только «поэтом действительности». Он был величайшим, гениальным художником слова, создавшим не превзойденный еще никем до сих пор (как говорил М. Горький), прекрасный художественный стих, «по превосходству (отмечал Белинский) поэтический, художественный, артистический стих». «Акустическое богатство, мелодия и гармония русского языка,— указывал Белинский,— в первый раз явились во всем блеске в стихах Пушкина». И, отмечая художественное совершенство ряда «чисто пушкинских» стихов кишиневского периода, Белинский пишет: «Простота и обаяние их красоты выше всякого выражения; это музыка в стихах и скульптура в поэзии»[2]. И если такие стихотворения, как «Нереида», «Дионея», «Дева» могут быть отнесены к «скульптуре в поэзии», то «музыка в стихах», исключительная поэтическая мелодичность стиха, совершенство художественной формы обнаруживается в таких стихотворениях кишиневского периода, как: «Умолкну скоро я...», «Я пережил свои желанья» и в подлинном шедевре русской лирики —«Редеет облаков летучая гряда».

Стихотворение «Редеет облаков летучая гряда» является самым совершенным по музыкальности из всех стихов кишиневского периода.

Первые же строки изумительны по своей прозрачности, ясности, простоте и музыкальности.

Редеет облаков летучая гряда;
Звезда печальная, вечерняя звезда!
Твой луч осеребрил увядшие равнины,

---

[1] *В. Г. Белинский.* Соч. в 3 томах, т. 3, стр. 363.
[2] Там же, стр. 389, 390.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

И дремлющий залив, и черных скал вершины;
Люблю твой слабый свет в небесной вышине:
Он думы разбудил, уснувшие во мне.

Высокое художественное мастерство обусловлено ясностью, точностью, простотой поэтических образов. При этом достигается присущая Пушкину исключительная семантическая, смысловая объемность, содержательность поэтического слова, определений. Возьмем для примера первую же строку стихотворения «Редеет облаков летучая гряда».

Вначале Пушкин записал ее так:

«Редеет облаков туманная гряда».

Однако этот эпитет («туманная») оказался и неточным, и менее семантически объемным, и менее легким при чтении в строке, словом, не удовлетворившим Пушкина ни с смысловой, ни с поэтической стороны. Найденный и записанный в окончательной редакции эпитет «летучая» оказался более удачным во всех отношениях. Во-первых, он дал точное смысловое определение перистым, быстроидущим облакам («летучая гряда»), тогда как раньше лишь определялся их цвет («туманная гряда»). Во-вторых, эпитет «летучая» короче и создает в строке легкость ритма.

Не менее образно точны, ярки и музыкальны и другие поэтические определения, художественно-изобразительные средства, которые находит и использует Пушкин в стихотворении, как, например: «Звезда печальная, вечерняя звезда», «луч осеребрил увядшие равнины», «дремлющий залив», «черных скал вершины», «слабый свет в небесной вышине» и т. д. Все это составляет тот поэтический словарь, при помощи которого Пушкин достигает исключительной музыкальности, мелодики поэтического языка, стиля стихотворения в целом.

Исследование лирики Пушкина кишиневского периода дает нам очень многое для уяснения развития самобытно-реалистического творческого гения поэта в Молдавии, понимания того, как совершенствовалось художественное мастерство поэта, как вырабатывалось новаторство поэта-лирика и происходило в целом становление Пушкина не только как поэта-гражданина, но и ве-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

личайшего художника-реалиста, мастера художественного слова.

Общение с выдающимися и наиболее революционно и демократически настроенными южными декабристами усилило политическую активность Пушкина. Это наложило свой отпечаток и на его творчество в Молдавии, придав ему ярко выраженное революционно-освободительное направление. Стихотворение «Кинжал», в котором «поэт прославлял убийство тиранов» (М. Горький); наброски трагедии, а затем поэмы «Вадим», о борце за свободу в древнем Новгороде; «Заметки по русской истории XVIII века»; поэма «Братья разбойники», в которой Пушкин впервые обращается к теме народного бунтарства (в 30-е гг. она станет центральной в его творчестве); могучая по своему воинствующему атеизму поэма «Гавриилиада», и, наконец, ряд произведений, в которых свободолюбивые мотивы раскрываются в подтексте,— вот что характеризует творчество Пушкина, поэта-гражданина, единомышленника декабристов. Кроме того, по словам П. В. Анненкова, «Пушкин хотел написать еще комедию или драму потрясающего содержания, которые могли бы выставить в позорном свете безобразие крепостничества, а вместе с тем показать и темные стороны самого образованного общества нашего»[1]. Анненков имеет здесь в виду план и отрывок комедии об игроке («Скажи, какой судьбой...»), относящиеся к июню 1821 года.

Идеи цареубийства, революционного ниспровержения самодержавия, составляющие основу политической программы Южного тайного общества декабристов и особенно его кишиневской ячейки, нашли свое яркое и впечатляющее выражение в стихотворении Пушкина «Кинжал» (1821). Несмотря на обилие мифологических слов, которые взяты из поэтики декабристской историко-героической лирики и имели целью придать величавую торжественность всему стихотворению, оно с глубокой эмоциональной силой выражает ненависть к тиранам, призывая к кровавой расправе с ними.

Насколько велико было революционно-освободительное значение «Кинжала» и влияние его на южных декаб-

---

[1] *П. В. Анненков.* Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874, стр. 160.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ристов, свидетельствует то, что, как это видно из следственных дел, «Кинжал» был одним из самых распространенных в списках свободолюбивых стихотворений Пушкина. Мы выше уже писали, что, по словам декабриста Якушкина, «...в то время не было сколько-нибудь грамотного прапорщика в армии, который бы не знал... «Кинжала»... наизусть». Кстати, со стихотворением «Кинжал» связан следующий любопытный, звучащий почти анекдотически факт, свидетельствующий о животном страхе самодержавия перед вольнолюбивой поэзией Пушкина. Когда Николай I издал приказ: «Из дел (декабристов) вынуть и сжечь все возмутительные стихи», то это оказалось невозможным, так как стихотворение «Кинжал» было записано со слов поручика Громницкого на обороте листа с его показаниями. Но не выполнить царский приказ было нельзя. Поэтому военный министр Татищев не нашел иного выхода, как густо зачеркнуть все строки стихотворения, сделав рядом следующую приписку: «С высочайшего соизволения помарал военный министр Татищев»[1]. Стихотворение «Кинжал» было впервые опубликовано за границей в 1856 году, а в России только через 55 лет после его написания — в 1876 году.

Кишиневский период — период наиболее сильных влияний на Пушкина самых крайних декабристских революционно-освободительных идей — характеризуется написанием значительного количества эпиграмм, направленных против царизма и его опоры — церкви.

В своем проникнутом гневом, публицистически-обличительной силой стихотворении «О муза пламенной сатиры!» Пушкин писал:

О муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный клич!
Не нужно мне гремящей лиры,
Вручи мне Ювеналов бич!—
Не подражателям холодным,
Не переводчикам голодным,
Не безответным рифмачам
Готовлю язвы эпиграмм!
Мир вам, несчастные поэты,
Мир вам, журнальные клевреты,
Мир вам, смиренные глупцы!

[1] *А. Покровский.* Следствие над декабристами. «Восстание декабристов». Материалы, т. I, стр. XVIII.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

А вы, ребята, подлецы,—
Вперед! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнию стыда!
Но если же кого забуду,
Прошу напомнить, господа!
О, сколько лиц бесстыдно-бледных,
О сколько лбов широко-медных
Готовы от меня принять
Неизгладимую печать!

Написанное в первой половине 20-х гг. (1823—1825 гг.), это стихотворение, по свидетельству поэта-эпиграммиста С. А. Соболевского, Пушкин рассматривал как введение в сборник своих эпиграмм. Это свидетельство С. А. Соболевского нам крайне важно, ибо дает возможность: 1) рассматривать это стихотворение как программное, определяющее цели и задачи эпиграмм, направление сатирической поэзии Пушкина и 2) определить социальный общественный адресат пушкинских эпиграмм. А в отдельных случаях помогает определить и конкретный адресат той или иной безымянной эпиграммы, в частности эпиграммы «Князь Г.— со мною не знаком....», написанной в Кишиневе в 1821 г.

6. Кто был адресат эпиграммы «князь Г.— со мною не знаком...»

Во всех изданиях сочинений А. С. Пушкина, включая последнее 10-томное (1959—1960 гг.), в комментариях к эпиграмме «Князь Г.— со мною не знаком...» указывается, что адресат этой эпиграммы неизвестен. Только в справочном томе к Академическому Полному собранию сочинений Пушкина дано указание, что эта эпиграмма (и с нею другие: «Как брань тебе не надоела?» и «Хоть, впрочем, он поэт изрядный») направлены против князя Н. А. Цертелева[1]. На мой запрос один из редакторов тома, Т. Г. Цявловская, любезно сообщила, что имя Цертелева введено было под вопросом на основании гипотезы, высказанной И. Н. Медведевой, одним из редакторов издания сочинений Е. А. Баратынского в 1936 г. (т. I, стр. 341 и т. II, стр. 286).

[1] *А. С. Пушкин.* Справочный (XXI) том. М., Изд. АН СССР, 1959, стр. 444.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Мы не будем вдаваться в обширную полемику относительно правомерности этой гипотезы. Но один факт заставляет нас все же скептически отнестись к этому предположению. Дело в том, что в письме к брату Льву от октября 1822 г. (т. е. через год после написания эпиграммы «Князь Г. — со мною не знаком...»), Пушкин, упомянув о работах кн. Цертелева, добавляет: «поклонись ему от меня»[1]. Едва ли мог поэт просить брата передать поклон человеку, с которым он находился бы в столь враждебных (судя по эпиграммам) отношениях.

Так кто же тогда является адресатом эпиграммы Пушкина «Князь Г.— со мною не знаком...»? Где, среди каких общественных слоев нам нужно искать того, кто стал объектом сатиры Пушкина? Найти ответы на поставленные нами вопросы, найти адресат эпиграммы нам во многом помогает сам Пушкин, тексты его произведений. Нужно только внимательно вчитаться в них.

В стихотворении «О муза пламенной сатиры!» Пушкин совершенно ясно указывает адресат тех, для кого он готовит «язвы эпиграмм». Это не посредственные рифмачи-поэты, не продажные журналисты, не против них направлена вся гневная сила сатиры Пушкина. «Светская чернь», «сволочь салонов», «ребята подлецы» — вот главная мишень «пламенной сатиры» Пушкина. Вот здесь, в этой среде и нужно искать адресат эпиграммы «Князь Г. — со мною не знаком...» Текст самой эпиграммы дает нам возможность в какой-то мере определить ее адресат. Прочтем же внимательно этот текст, его беловой и черновой варианты.

Князь Г.— со мною не знаком.
Я не видал такой негодной смеси;
Составлен он из подлости и спеси;
Но подлости побольше спеси в нем.
В сраженье трус, в трактире он бурлак,
В передней он подлец, в гостиной он дурак.

В черновых вариантах мы читаем такие строки:
в первой редакции:

Мишурный князь, состав негодной смеси;
Составлен он из глупости и спеси.

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XIII, стр. 51.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

во второй редакции:

Князь Г.— со мною не знаком.
Я не видал такой негодной смеси;
Составлен он из глупости и спеси,
Но глупости побольше спеси в нем [1].

Вспомним в связи с этим характеристику графа Воронцова «...полу-невежда, полу-подлец, но есть надежда, что будет полным наконец»— здесь также подчеркнута глупость и самодовольная подлость, спесь.

Из характеристики героя эпиграммы перед нами встает образ надменного, глупого и подлого придворного. Последний, а именно принадлежность героя эпиграммы к царскому двору, определяется по-пушкински кратким и точным эпитетом: «мишурный князь». Не желая, видимо, так уточнять общественное положение героя эпиграммы, Пушкин снял этот очень точный и ясный эпитет. Далее, если в черновиках в характере героя выделена черта глупости («глупости побольше спеси в нем»), то в окончательной редакции Пушкин подчеркивает в герое эпиграммы более отвратительную черту: подлость («подлости побольше спеси в нем»). Итак, надменный и подлый придворный, один из «власть имущих» при дворе Александра I— вот кто явился героем эпиграммы Пушкина. Но кто же все-таки этот человек? И не помогут ли нам в открытии имени адресата этой эпиграммы другие эпиграммы и стихотворения Пушкина и особенно те, адресат которых уже известен?

С адресатом эпиграммы «Князь Г.— со мною не знаком...» связывают эпиграмму «Хоть, впрочем, он поэт изрядный...» Прочтем текст этой эпиграммы:

Хоть, впрочем, он поэт изрядный,
Эмилий[2] человек **пустой.**
— Да ты чем **полон,** шут нарядный?
А, понимаю: сам собой;
Ты полон дряни, милый мой!

Здесь перед нами опять та же характеристика надменного и подлого вельможи-придворного, свысока относящегося к поэту. «Шут нарядный» (вспомним «мишурный князь»); «ты полон дряни» (вспомним: «составлен он из подлости и спеси»).

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. II (2), стр. 638.
[2] В черновом варианте: «Людмилин», т. е. Пушкин.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Был ли среди придворных кругов приближенный царя, занимающий один из ведущих государственных постов, который бы подвергался такой бичующей сатире Пушкина? В первую очередь такими героями эпиграмм Пушкина были граф А. А. Аракчеев, военный министр, и князь А. Н. Голицын, министр народного просвещения, известный своим ханжеством и мракобесием, ближайший друг самого Александра I.

Князю А. Н. Голицыну Пушкин посвятил ряд острых и гневных стихотворений. Среди них особенно яркая эпиграмма («Вот Хвостовой покровитель», 1820 г.):

Вот Хвостовой покровитель,
Вот холопская душа,
Просвещения губитель...

Во «Втором послании цензору» (1824 г.) Пушкин пишет о А. Н. Голицыне:

... Когда святой отец, ..
В угодность господу, себе во утешенье,
Усердно задушить старался просвещенье.
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистых муз...

«Холопская душа», «благочестивая, смиренная душа», а в черновиках «Второго послания цензору»: «глупец и трус», «святой глупец» — все эти эпитеты близки к текстам эпиграмм «Князь Г.— со мною не знаком...», «Хоть, впрочем, он поэт изрядный...», к характеристикам героев этих эпиграмм. Во всех этих стихотворениях перед читателем предстает один и тот же образ придворного вельможи, надменного, тупого и подлого, спесивого и льстивого ханжи («холопская душа», «святой глупец», «составлен он из подлости и спеси»). Объединяет образы героев этих произведений и еще одна характерная черта — ненависть к искусству, к поэтам: «Смиренная душа карала чистых муз» (во «Втором послании цензору»). Герой эпиграммы «Хоть, впрочем, он поэт изрядный...» высокомерно-презрительно говорит: «Эмилий человек **пустой**».

Совпадение характеристик, данных А. Н. Голицыну в эпиграмме «Вот Хвостовой покровитель» и во «Втором послании цензору», с характеристиками героев эпиграмм «Князь Г. — со мною не знаком...» и «Хоть, впрочем, он поэт изрядный...», как и тексты самих этих двух

Пушкинский кабинет ИРЛИ

эпиграмм, дают нам возможность высказать предположение, что адресатом последних двух эпиграмм является не кто иной, как князь А. Н. Голицын. Эпиграммы кишиневского периода носили анонимный характер, видимо, потому, что Пушкин, находясь в опале, не отваживался открыто написать о всесильном в 1821 году министре духовных дел и народного просвещения, обер-прокуроре святейшего синода, друге Александра I. В 1824 году, когда А. Н. Голицын был уже смещен, благодаря проискам более реакционной группы, руководимой архимандритом Фотием, Пушкин уже открыто назвал адресата своих сатир.

В заключение необходимо остановиться на разъяснении следующих двух вопросов.

Эпиграмма «Князь Г. — со мною не знаком...» утверждает, что Пушкин, следовательно, не был знаком с адресатом эпиграммы, в данном случае (если наше предположение верно) с А. Н. Голицыным. И. И. Пущин в своих воспоминаниях свидетельствует, что в мае 1817 г. в лицее на выпускных публичных экзаменах присутствовал Александр I в сопровождении министра просвещения князя Голицына. Думается, что это свидетельство не опровергает того положения, что все же Пушкин мог только видеть Голицына. А потому и мог написать впоследствии (в 1821 г.), что «Князь Г. — со мною не знаком...» Знакомство Пушкина с Голицыным состоялось позже, в 30-х гг., когда Пушкин со слов Голицына записал ряд исторических анекдотов.

И еще вопрос, нуждающийся в разъяснении. Обычно к группе из двух эпиграмм «Князь Г. — со мною не знаком...» и «Хоть, впрочем, он поэт изрядный...» присоединяют (как имеющую один и тот же адресат, предположительно поэта Цертелева) и эпиграмму «Как брань тебе не надоела?». Прочтем весь текст этой эпиграммы.

Как брань тебе не надоела?
Расчет короток мой с тобой:
Ну, так! Я празден, я без дела,
А ты бездельник деловой.

По характеристике героя эта эпиграмма отличается от двух указанных выше. Думается, эта эпиграмма ближе к группе эпиграмм, написанных на Каченовского (например, эпиграмма, начинающаяся со строк: «Хаврониус! ругатель закоснелый»). Очень близки к характе-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ристике квазинаучной деятельности Каченовского и строки: «бездельник деловой». В своей статье «Отрывок из литературных летописей» Пушкин писал: «Полевой доказал, что почтенный редактор (Каченовский) пользуется славой ученого мужа, так сказать, на честное слово; а доныне, кроме переводов с переводов и кой-каких заимствованных кое-где статеек ничего не произвел. Скудость, более достойная сожаления, нежели укоризны».

Таковы наши предположения об адресатах трех эпиграмм, которые мы высказали, опираясь на исследование текста произведений Пушкина.

7. «Пошли на стороне чужой испытывать судьбу иную»

Усиление сатирического обличительного направления в творчестве Пушкина кишиневского периода обусловлено ростом политической активности Пушкина, обострением классовой борьбы в России.

Рост крестьянских восстаний в России и, в частности, гайдуцкого движения в Молдавии пробудил интерес Пушкина к теме народного бунтарства, теме социального протеста и борьбы широких народных масс. Впервые перед поэтом возникает проблема: народ и самодержавие, роль народных масс в борьбе с самодержавием. Это находит свое отражение в набросках трагедии, а затем поэмы «Вадим». Необходимо отметить, что история борьбы Новгорода за свою свободу вдохновляла многих видных декабристов на борьбу с тиранией. Так, П. И. Пестель в своих показаниях прямо свидетельствует: «История Великого Новгорода меня также убеждала в республиканском образе мыслей»[1]. Вадим, борец за свободу в древнем Новгороде IX века, является, кстати сказать, излюбленным героем ряда художественных произведений писателей-декабристов (К. Рылеева, В. Раевского и др.). Однако своеобразие пушкинских произведений, и особенно трагедии о Вадиме, заключается в том, что поэт большое внимание уделяет

[1] «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. II. М., Госполитиздат, 1951, стр. 166.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

не столько облику самого Вадима, сколько показу глубокого недовольства народных масс, выразителем настроений которых является Вадим. Совершенно ясно, что в этой трагедии воплощена реальная революционная действительность в России, уверенность поэта в том, что декабристы являются вдохновителями и вождями военно-революционного восстания против ненавистного самодержавия. При этом, конечно, нельзя забыть, что поэт, как и все дворянские революционеры, оставался в вопросе народного восстания далеким от народа и субъективно его пугала перспектива народного бунта «бессмысленного и беспощадного». В отрывке трагедии мы читаем:

РОГДАЙ

Вадим, надежда есть, народ нетерпеливый,
Старинной вольности питомец горделивый,
Досадуя, влачит позорный свой ярем;
. . . . . .
Вражду к правительству я зрел на каждой
встрече...

Ун[illegible]ие везде, торговли глас утих,
Встревожены умы, таится пламя в них.
Младые граждане кипят и негодуют —
Вадим, они тебя с надеждой именуют...[1]

Реальный подтекст этого отрывка трагедии нам станет явствен, если мы сопоставим его с характеристикой общественно-политического положения в России накануне 14 декабря 1825 года, которое дано в письме А. Бестужева (Марлинского) к Николаю I.

«Теперь я опишу положение, в каком видели мы Россию... многие губернии обнищали... злоупотребления исправников стали заметнее обедневшим крестьянам, а угнетения дворян чувствительнее... Целые селения снимались и бродили наугад. Лихоимство проникло всюду... Упадок торговли был столь велик, что на главных ярмарках и в портах мена и отпуск за границу уменьшились третью... (сравни в «Вадиме»: «Торговли глас утих». — *Б. Т.*)... Солдаты роптали на истому учения... Люди с дарованиями жаловались, что им заграждают дорогу по службе... Ученые на то,

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. VII, стр. 245.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

что им не дают учить молодежь, на препятствия в учении. Словом, во всех углах виделись недовольные лица, на улицах пожимали плечами, везде шептались — все говорили: к чему это приведет? Все элементы были в брожении (ср. в «Вадиме»: «Встревожены умы, таится пламя в них». — *Б. Т.*)... Воспламененные таким положением России и видя все элементы, готовые к перемене, решились мы произвести переворот»[1] (ср. в «Вадиме»: «Младые граждане кипят и негодуют—Вадим, они тебя с надеждой именуют».—*Б. Т.*).

И именно это положение в царской России, чреватое революционным взрывом недовольных народных масс, имел в виду Пушкин, когда писал в письме к П. А. Вяземскому от 24—25 июня 1824 г.: «Давно девиз всякого русского есть чем **хуже тем лучше**»[2].

В числе свободолюбивых произведений Пушкина особо важное место занимает его поэма «Братья разбойники». Выше мы уже говорили о социальной сущности «разбойничества» и, в частности, гайдучества, а также о том, что этому движению посвящены лучшие произведения молдавского фольклора.

Бесспорно, что «разбойничество» в целом и в частности побег двух разбойников из Екатеринославской тюрьмы, а также крестьянские восстания в Екатеринославской губернии, в Поволжье и на Дону — все это, вместе взятое, послужило жизненной основой поэмы «Братья разбойники». Кроме того, молдавский фольклор и гайдуцкое движение, его особый социальный и разноплеменный характер оказали позднее огромное влияние на содержание поэмы.

В пользу этого говорит и следующий любопытный факт. В черновых рукописях Пушкина сохранились два плана поэмы «Братья разбойники». Первый план свидетельствует о том, что Пушкин собирался построить поэму исключительно на народных преданиях и песнях о Степане Разине, этом, по определению Пушкина, «единственном поэтическом лице русской истории». Но, судя по содержанию дошедшего до нас текста поэмы, в ней нашел свое художественное осуществление первый

---

[1] «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. I, стр. 492—496.

[2] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XIII, стр. 99.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

пункт второго плана: «Разбойники, история двух братьев». Причем один из первоначальных вариантов разработки сюжета в виде стихотворения озаглавлен торопливо написанным незаконченным словом: «Молдав.», что, как отмечено в академическом издании сочинений поэта, может означать «Молдавская песня»[1]. Теперь новейшими исследованиями установлено, что этот вариант есть в действительности стихотворение о братьях разбойниках, которое Пушкин не закончил, т. к. стал писать поэму на эту же тему[2], на которую есть и баллада в молдавском фольклоре.

Не говорит ли это в пользу весьма правдоподобного предположения, что Пушкин, приступая к работе над поэмой «Братья разбойники», был знаком с гайдуцкими песнями, столь широко распространенными в молдавском фольклоре, и что именно они явились существенным добавлением к русскому фольклору — русским «разбойничьим» песням о Стеньке Разине? Думается, на этот вопрос можно ответить утвердительно. И еще одно замечание: любопытно отметить, что первый план (июнь 1821 г.) набросан Пушкиным после посещения им в остроге Тараса Кирилова (май 1821 г.).

Социально-политический подтекст поэмы «Братья разбойники» убедительно раскрыт советскими исследователями и, в частности, в работе В. А. Закруткина «Братья разбойники» Пушкина[3]. Конечно, мы не будем отрицать, что в «разбойничестве» бытовали убийства и грабежи, но нужно учесть, что, во-первых, «разбойников» толкало на эти поступки их положение бедняков, оставшихся без крова и средств к существованию. А, во-вторых, и это главное, эти преступления совершались не во имя личной корысти, а в целях расправы с эксплуататорами, богатства которых «разбойники» раздавали обездоленным. Социально-политическая сущность «разбойничества» раскрывается перед нами в черновых

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. IV, стр. 373.

[2] Там же, справочный (XXI) том, Изд. АН СССР, 1959, стр. 39.

[3] *В. А. Закруткин.* «Братья разбойники» Пушкина. «Ученые записки Государственного педагогического института им. А. И. Герцена», т. II. Л., 1936, стр. 218—239 и в его же книге: «Пушкин и Лермонтов. Исследования и статьи», Ростов-н-Д., Ростиздат, 1941, стр. 23—95.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

строках поэмы, которые по вполне понятным причинам, Пушкин вынужден был исключить из окончательного текста. Во всех вариантах, да и в самом окончательном тексте поэмы (но в несколько приглушенном тоне) Пушкин подчеркивает «бедность жалкую», «нужду суровую», в условиях которой жили братья.

Уже мы знали нужды глас...
. . . . . .
Не оставалось у сирот
Ни бедной хижины, ни поля;
Мы жили в горе, средь забот,
Наскучила нам эта доля...

Но (и это главное) в черновых вариантах Пушкин прямо указывает, **какая** доля наскучила братьям.

Наскуча **барско**о (подчеркнуто мною.— *Б. Т.*) сохой.
Забыв работу полевую,
Пошли на стороне чужой
Испытывать судьбу иную [1].

В другом варианте в первой строке читается: «наскуча **рабскою** (подчеркнуто мною. — *Б. Т.*) сохой»[2].

Вот какая доля — доля бесправного крепостного крестьянина толкнула братьев на «разбойничество». И это была не поэтическая выдумка. Это была та самая жестокая трагедия народных масс, о которой Пушкин позднее скажет в одном из писем (в связи с подавлением бунтов в военных поселениях), «некогда думать о собачьей комедии нашей литературы»[3].

Эта характеристика социальных причин появления «разбойничества», данная Пушкиным в черновиках поэмы, совпадает с положениями, высказанными В. Ф. Раевским в его знаменитом рассуждении «О рабстве крестьян»: «Полуразвалившиеся хижины их (крестьян) представляют первобытные поселения варваров; и безмолвное повиновение, ожесточая его, не приводит к другому способу пропитать и удовлетворять нужды

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. IV, стр. 146, 373 и 378—380.

[2] Творческий процесс работы Пушкина над поэмой «Братья разбойники» всесторонне освещен в статье Н. К. Гудзия «Братья разбойники» Пушкина». Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук, 1934, стр. 643—668.

[3] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XIV, стр. 205.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

свои, как через грабеж и воровство; отсюда проистекает последствие уголовных преступлений»[1].

Пушкин в своей поэме изобразил не уголовных преступников, а преследуемых царизмом народных мстителей, борцов за свободу. Это и заставило его уничтожить поэму, от которой до нас дошел отрывок. Слова Пушкина (в письме к А. Бестужеву от 13 июня 1823 года): «Разбойников я сжег и поделом» в критической литературе обычно рассматривались как свидетельство недовольства Пушкина художественными недостатками поэмы. Но В. Закруткин справедливо считает основной причиной сожжения поэмы ее политически заостренное содержание, т. е. то же, что послужило причиной уничтожения Пушкиным и «Гавриилиады», и X главы «Евгения Онегина», и ряда писем и автобиографических записок кишиневского периода.

Социально-политический смысл поэмы, по всей вероятности, был сразу же разгадан революционно настроенными друзьями Пушкина, потому, что отрывки из поэмы «Братья разбойники» были впервые напечатаны именно в литературном органе декабристов, журнале «Полярная звезда» за 1825 год, издаваемом К. Рылеевым и А. Бестужевым.

Общественно-политическое, литературно-историческое значение поэмы «Братья разбойники» заключается в том, что, как справедливо отмечает Д. Д. Благой, «Братья разбойники»— первый опыт обработки поэтом темы народного бунтарства, активного народного — крестьянского — протеста против крепостничества, темы, которая в дальнейшем займет в творчестве Пушкина столь исключительно видное место»[2].

Кроме того, поэма «Братья разбойники» свидетельствует о дальнейшем развитии критического реализма в творчестве Пушкина. Несмотря на романтическую окраску характеров, примечателен тот факт, что героями своей поэмы Пушкин взял крепостных крестьян, ставших на путь протеста и борьбы против бар-насильников. В поэме изображены типические характеры, что

---

[1] Цитирую по книге В. Г. Базанова «Владимир Федосеевич Раевский». Л.— М., 1949, стр. 112.

[2] *Д. Д. Благой.* Творческий путь А. С. Пушкина (1813—1826 г.), 1950, стр. 311.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

и дает нам право говорить об элементах реализма в ней. Прав был Белинский, писавший, что «несмотря на преимущественный идеальный и лирический характер первых поэм Пушкина, — в них уже вошли элементы жизни действительной»[1], и в качестве примера для подтверждения приводит именно поэму «Братья разбойники» (о которой, кстати, вначале отзывался неодобрительно).

По мнению критика, Пушкин проявил творческую смелость, решив «ввести в поэму не классических итальянских или испанских, а русских разбойников, не с кинжалами и пистолетами, а широкими ножами и кистенями и заставить одного из них говорить в бреду про кнут и грозных палачей»[2]. Следовательно (на это необходимо обратить внимание), и в «Братьях разбойниках» и позднее в «Цыганах», т. е. в романтических поэмах кишиневского периода мы видим в зародыше одни и те же элементы реализма в обрисовке подробностей быта, нравов, в показе героев русской современности, которые найдут дальнейшее развитие в «Евгении Онегине». Поэма «Братья разбойники» является глубоко народной не только по содержанию, но и по языку. Тема народного бунтарства обусловила и народность языка поэмы, «отечественные звуки» (Пушкин) в ее языке. Отмечая в письме к П. А. Вяземскому от 14 октября 1823 года, что «как слог я ничего лучше не написал», Пушкин в письме к А. А. Бестужеву от 13 июня 1823 года писал: «Один отрывок (поэмы. — *Б. Т.*) уцелел в руках Николая Раевского, если отечественные звуки: харчевня, кнут, острог — не испугают нежных ушей читательниц «Полярной Звезды», то напечатай его»[3].

Эту народность языка поэмы, как свидетельство дальнейшей работы Пушкина в сближении литературного языка с народно-разговорным, отмечает Н. Н. Раевский (сын) в письме к Пушкину от 10 мая 1825 года: «Вы окончательно утвердите у нас тот простой и естественный язык, который наша публика еще плохо понимает, несмотря на такие превосходные образцы его,

---

[1] *В. Г. Белинский.* Соч. в 3 томах, т. 3, стр. 777.
[2] Там же, стр. 777—778.
[3] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XIII, стр. 64 и 70.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

как «Цыганы» и «Разбойники». Вы окончательно сведете поэзию с ходуль»[1].

Необходимо отметить, что эта работа Пушкина — создание простого, ясного, точного литературного языка совпадала с эстетической, лингвистической программой декабристов, их требованиями развития общепонятного литературного языка.

Обращение к темам народной жизни вело Пушкина и к дальнейшей демократизации его творчества не только по содержанию, но и по языку.

Интерес к «разбойничеству», к теме народного бунтарства не покидает Пушкина и в дальнейшем, более того, становится в 30-е годы центральной темой творчества. Это свидетельствует о его глубоком интересе к судьбам народных масс, что найдет впервые свое отражение в «Братьях разбойниках», этой замечательной по своему общественно-политическому значению поэме, принадлежащей перу «историографа Пугачева», как он себя с гордостью назовет впоследствии. Говоря, что «история народа принадлежит поэту», Пушкин считал своим долгом отобразить героические страницы борьбы трудящихся масс за свою свободу и независимость и увековечить образы народных борцов. Мы не должны забывать, что Пушкин был первым русским писателем, который вопреки злобной характеристике «изверга», «разбойника», данной Пугачеву дворянско-буржуазными историками крепостнической России, нарисовал с большой симпатией правдивый и величественный образ выдающегося вождя народных масс. Примерно так же, как Пушкин, относились к Пугачеву и южные декабристы. Так, А. Поджио в своих «Записках» пишет: «Пугачев! и можно ли пройти с обычным презрением к этой великой исторической личности и не остановиться и грустно, и задумчиво над этим гражданином-разбойником?.. Гражданин, разбойник — Пугачев! Строгий читатель возопиет: «Какой он гражданин?»... Сердобольный мой читатель не терпит, гнушается разбоев, не правда ли?.. Если Пугачев пошел разбоем, то Михельсон (генерал, командовавший войсками, посланными для подавления восстания Пугачева. — *Б. Т.*) пошел тем же путем,

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XIII, стр. 172 (на французском языке) и 635 (перевод).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

с той разницей, что первый стоял за свободу, а последний настаивал на закреплении злодейского рабства!»[1]

В 1826 году великий князь Михаил Павлович спросил на допросе декабриста, друга Пушкина, В. Ф. Раевского, где он учился. Получив ответ, что в Московском университетском благородном пансионе, князь с возмущением сказал: «Вот эти университеты, эти пансионы», на что В. Раевский отрезал: «Ваше Высочество, Пугачев не учился ни в пансионе, ни в университете...»[2]

8. «Правдив и свободен их вещий язык»

Среди произведений, отражающих вольнолюбивые настроения Пушкина и характеризующих Пушкина-историка, особый интерес представляют также «Заметки по русской истории XVIII века». По политической глубине, остроте и смелости высказанных мыслей «Заметки» являются одним из замечательных произведений не только пушкинской, но и русской публицистики начала XIX века. Уже здесь Пушкин осуществляет свою мечту «пуститься в политическую прозу». Прежде всего обращает на себя внимание резко отрицательная, совсем в радищевском тоне характеристика, данная Екатерине II и ее государственным учреждениям. Позднее Пушкин в заметках на полях статьи М. П. Погодина о Борисе Годунове сделает характерную пометку: «Судит их (царей) история, ибо на царей и на мертвых нет иного суда»[3]. И Пушкин от имени русского народа, народов России осуществлял этот суд над Екатериной и ее строем.

«Екатерина,— пишет Пушкин,— уничтожила пытку — а тайная канцелярия процветала под ее патриархальным правлением; Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первые лучи его, перешел из рук Шешковского (домашний палач кроткой Екатерины) в темницу, где и находился до самой ее смерти. Радищев

---

[1] «Избранные произведения декабристов», т. II, стр. 332—333.

[2] Письмо В. Ф. Раевского к Г. С. Батенькову от 25 июля 1861 г. Публикация П. С. Бейсова, «Ученые записки Ульяновского государственного педагогического института. Пушкинский юбилейный сборник». Ульяновск, 1949, стр. 208.

[3] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XII, стр. 256.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

был сослан в Сибирь; Княжнин умер под розгами — и Фон-Визин, которого она боялась, не избегнул бы той же участи, если б не чрезвычайная его известность».

Характеризуя всю гнилостность государственного строя при Екатерине II, Пушкин пишет: «От канцелярии до последнего протоколиста все крало и все было продажно. Таким образом развратная государыня развратила свое государство». И Пушкин предрекает, что история «со временем оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия — и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России»[1].

Трудно острее и жестче обличить всю гниль и ханжеское лицемерие самодержавного строя, чем это сделал Пушкин! Строки «Заметок» написаны, пользуясь словами самого Пушкина, «пером Курбского». Кстати, Пушкин впоследствии, не умаляя прогрессивной роли Петра I, дает в «Истории Петра» изумительную по своей исторической верности, объективности характеристику и этому царю: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые **нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом.** Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего,— вторые вырвались у нетерпеливого, самовластного помещика»[2].

Самым существенным публицистическим элементом пушкинских «Заметок» является вопрос о судьбах закрепощенных, порабощенных трудящихся масс и проблема путей и средств освобождения народа от «закоренелого рабства». И нужно сказать, что Пушкин решает эти вопросы всецело в духе южных декабристов, которые (как мы говорили об этом выше) считали решительные меры (уничтожение царской фамилии, военно-политическое

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XI, стр. 17—18.
[2] Там же, т. X, стр. 256.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

восстание) единственным верным средством в деле борьбы за уничтожение царизма и крепостного права, за установление демократического строя. Так, В. Ф. Раевский в рассуждении «О рабстве крестьян», указывая, что «миллионы скрывают свое отчаяние до первой искры», заключал: **«Граждане! тут не слабые меры нужны, но решительный и внезапный удар!»**[1] Полностью сюда же примыкают и «неистовые меры», «крайне революционные действия», предложенные М. Ф. Орловым на Московском совещании декабристов в январе 1821 года. К этому же выводу приходит Пушкин, который пишет в своих «Заметках»: «Одно только страшное потрясение могло бы уничтожить в России закоренелое рабство; нынче же политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян; желание лучшего соединяет все состояния противу общего зла...»[2]

Безусловно, этим же антикрепостническим духом проникнуты наброски, точнее план пьесы об игроке («Скажи, какой судьбой...»), где рассказывается о том, как барин проигрывает своего старого слугу — дядьку Величкина в карты[3].

Свободолюбивые, революционно-освободительные мотивы, повторяем, скрытые в подтексте, можно проследить и еще в ряде произведений кишиневского периода. Они имеют место не только в таком стихотворении, как «Наполеон», в котором Пушкин рисует Наполеона и как тирана-узурпатора, и как завещавшего «миру вечную свободу». Эти свободолюбивые мотивы мы можем проследить даже в таком написанном в фривольном и эротическом духе произведении, как «Царь Никита и сорок его дочерей». Действительно, какая острая сатира на тунеядцев-царей, равнодушных к судьбам государства и народа, скрыта в первоначальных строках этой стихотворной сказки:

Царь Никита жил когда-то
Праздно, весело, богато,
Не творил добра, ни зла,
И земля его цвела.

---

[1] *В. Г. Базанов.* В. Ф. Раевский, стр. 109.
[2] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XI, стр. 15.
[3] Там же, т. VII, стр. 246 и 368—369.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Эти слова во многом напоминают написанные позже строки из сказки о «Золотом петушке»: «Царствуй, лежа на боку», которые не были пропущены цензурой.

Пушкин умел в подцензурной форме высказывать вольнолюбивые мысли и чувства. Поэт иронически говорил: «Каков бы ни был мой образ мыслей, политический или религиозный, я его держу при себе».

Одним из примеров подцензурной формы выражения вольнолюбивых мыслей является стихотворение «Птичка».

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.
Я стал доступен утешенью,
За что на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать.

Это безобидно-благопристойное на первый взгляд стихотворение связано как будто с религиозным праздником и его ритуалом. На самом деле стихотворение антирелигиозное и свободолюбивое, ибо оно выражает не религиозные, а древние народные обычаи («Родной обычай старины»). Светлый праздник Христова воскресения заменен праздником весны, воскресением природы, жизни. А дарование свободы — прозрачный намек на необходимость даровать свободу всем живым твореньям, человеку. Сам поэт — «ссылочной невольник», но он дарует свободу живому существу, преподает урок гуманизма царям.

Пушкин писал П. Вяземскому, что это «трогательный обычай русского мужика в светлое (вербное) воскресенье выпускать на волю птиц». Этим Пушкин как бы говорит, что народ, находящийся в цепях деспотизма, гуманен. Вот в чем истинный смысл стихотворения «Птичка».

А взять строки («Царь Никита и сорок его дочерей»), в которых дан прозрачный намек на полицейский, аракчеевский режим, при котором каждому угрожала расправа за малейшую критику самодержавного строя.

Всякий тут разинул рот,
Ахал, охал, дивовался,
А иной, хоть и смеялся,
Да тихонько, чтобы в путь
До Нерчинска не махнуть.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Не менее сатирически остер и выпад против царской цензуры, славившейся своим туполобым консерватизмом.

Как бы это изъяснить,
Чтоб совсем не рассердить
Богомольной важной дуры,
Слишком чопорной цензуры?[1]

К слову говоря, с цензурой у Пушкина были особые счеты. Возглавляемая наиболее преданными слугами царизма, а главное, бездарными, тупыми трусливыми чиновниками от литературы, царская цензура особо давила на Пушкина, как «крамольного,» «опального сочинителя». «...Ни один из русских писателей не притеснен более моего»,— писал Пушкин в черновике письма к Бенкендорфу от 23 октября 1835 года. В ряде писем, эпиграмм, стихотворений Пушкин сатирически остро обличал цензуру и ее туполобых чиновников. В одном из писем П. А. Вяземскому (от 6 февраля 1823 года из Кишинева) Пушкин с горечью замечает: «Стыдно, что благороднейший класс народа, класс мыслящий как бы то ни было, подвержен самовольной расправе трусливого дурака... Дайте нам цензуру строгую, согласен, но не бессмысленную»[2]. Эти мысли найдут свое художественное воплощение в «Послании цензору» (к цензору Бирукову), написанном во второй половине 1822 года.

Но, минуя все цензурные рогатки, свободолюбивая литература и, в частности, произведения самого Пушкина в списках доходили до народа, пробуждая в нем ненависть к самодержавию.

Радищев, рабства враг, цензуры избежал,
И Пушкина стихи в печати не бывали;
Что нужды? их и так иные прочитали[3].

О притеснениях цензуры Пушкин писал и позже в черновом письме к поэту-партизану Д. В. Давыдову в августе 1836 года. «Не знаю, чем провинились русские писатели... Но знаю, что никогда не были они притеснены ка нынче; даже и в последнее пятилетие царст (вования) покойн(ого) им(ператора), когда вся литера-

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. II (1), стр. 248—249:
[2] Там же, т. XIII, стр. 57.
[3] Там же, т. II (1), стр. 269—270.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

тура сделалась рукописною благодаря Красовскому и Бирукову»[1].

Поэтому не случайно уже в кишиневский период в творчестве Пушкина появляются тема и образ свободного «поэта-пророка, поэта-гражданина», призванного «глаголом жечь сердца людей», — тема и образ, которые позднее будут широко развернуты в таких произведениях, как «Андрей Шенье», «Пророк» и «Арион».

Образ народного певца, смело вещающего правду народу и царям, дан Пушкиным в таких произведениях кишиневского периода, как «К Овидию», «Песнь о вещем Олеге», «Внемли, о Гелиос».

В «Песне о вещем Олеге» Пушкин в образе старца-кудесника показывает независимого, свободолюбивого народного предсказателя, народного пророка-певца.

...Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,..

Когда Олег, предлагая кудеснику сказать всю правду о его, Олега, будущем, высокомерно и милостиво разрешает старику не бояться его, то мудрый старец дает князю полный достоинства и величавого спокойствия ответ:

Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык...

Чтобы цензура не вымарала эти строки, ярко характеризующие независимость народного пророка от «сильных мира сего» и выражающие взгляды самого Пушкина, поэт сделал к этим строчкам знаменательную приписку: «N. B.: в Пес. о вещ. Ол. строфа Волхвы не боятся и пр. должна быть вся означена « ». Это ответ кудесника, а не мои рассуждения»[2]. Примечание Пушкина как и соответствующие строки, передающие диалог между волхвом и Олегом, чрезвычайно знаменательны и дают нам многое для понимания произведения, которое обычно рассматривают только как историческую балладу. «Песнь о вещем Олеге»,— пишет Б. В. Томашевский,— имеет целью показать историческую картину, со-

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XVI, стр. 160.
[2] Там же, т. II (2), стр. 1113.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

блюдая в точности данные исторических свидетельств и предания»[1]. Однако, помимо этого основного замысла и содержания произведения, в нем, как об этом свидетельствуют и диалог между волхвом и Олегом и примечание Пушкина, ставилась и решалась на историческом материале чрезвычайно острая и современная для поэта тема взаимоотношения свободолюбивого поэта-пророка и земных владык.

«Песнь о вещем Олеге» любопытна и с той стороны, что она являет собою яркое свидетельство обращения Пушкина к народно-исторической, народно-сказочной стихии, истории жизни своего народа. Вот как рассказано об Олеге в древнерусской летописи «Повесть временных лет»: «...выникнувши змиа изо лба, и уклюну в ногу, и с того разболеся и умре. И плакошася людие вси плачем великим, и несоша и погребоша его на горе, еже глаголеться Щековица, есть же могила его и до сего дни, словеть могила Олегова»[2].

Наконец «Песнь о вещем Олеге» отличает та сюжетность, тот драматизм действия, тот показ характеров в их развитии, что было новаторской особенностью лирики Пушкина в кишиневский период, период перехода от романтизма к реализму.

Теме и образу смелого старца — сказителя древности — посвящено и стихотворение «Внемли, о Гелиос...»

Издали внемля ему, приближались
и думали: «Кто же
Сей белоглавый старик, одинокий, слепой —
уж не бог ли?
Горд и высок: висит на поясе бедном
простая
Лира, и глас его возмущает волны и небо».

Но тема и образ свободолюбивого поэта-пророка, поэта-гражданина, гонимого деспотом-царем, так волновавшие Пушкина, даны наиболее развернуто в кишиневский период в стихотворении «К Овидию».

К этой теме тесно примыкает другая, которая не менее волнует Пушкина,— тема «узничества». Поражение революций в Европе, разгром в 1822 году кишиневской ячейки Южного тайного общества декабристов, арест

[1] *Б. В. Томашевский.* Пушкин. Книга первая (1813—1824 гг.), 1956, стр. 545.

[2] *К. А. Немировская.* Песнь о вещем Олеге. «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», т. 76, 1949, стр. 13—56.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

В. Ф. Раевского, отстранение от службы М. Ф. Орлова, генерала П. С. Пущина и капитана К. А. Охотникова — ближайших политических друзей Пушкина,— все это обусловило появление в настроениях и творчестве Пушкина этого периода (после февраля 1822 года) мотивов тоски, обостренного ощущения своего положения «ссылочного невольника», «узника», «в тюрьме народов». «Я жертва клеветы и мстительных невежд»,— пишет с горечью поэт.

Характерным именно для этих настроений является стихотворение «Кто, волны, вас остановил», имеющее прозрачный подтекст: страстное ожидание новой революционно-освободительной бури. Кстати говоря, это последнее стихотворение Пушкина из написанных им в Кишиневе.

Кто, волны, вас остановил,
Кто оковал ваш бег могучий,
Кто в пруд безмолвный и дремучий
Поток мятежный обратил?
Чей жезл волшебный поразил
Во мне надежду, скорбь и радость
И душу бурную и младость
Дремотой лени усыпил?
Взыграйте, ветры, взройте воды,
Разрушьте гибельный оплот —
Где ты, гроза — символ свободы?
Промчись поверх невольных вод[1].

Безусловно, чувства грусти и тоски были вызваны у Пушкина не только общественными событиями, но и являлись иногда проявлением глубоко личных настроений поэта. В письме к А. И. Тургеневу от 30 мая 1822 года П. Вяземский пишет: «Он (Пушкин), сказывают, пропадает от тоски, скуки и нищеты»[2]. Как бы поэтическим комментарием к этому сообщению является глубоко лирическое и одно из лучших по глубине чувств, простоте и ясности поэтического языка пушкинское стихотворение «Я пережил свои желанья».

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты...

Живу печальный, одинокий...[3]

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. II (1), стр. 288.

[2] «Пушкин в воспоминаниях современников». М., Госполитиздат, 1950, стр. 112.

[3] *А. С. Пушкин.* Соч., т. II (1), стр. 165.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

В какой-то мере звучат эти мотивы грусти и одиночества и в стихотворении, относящемся к середине апреля 1822 года: «Таврида».

Все эти настроения как бы предваряют те скептические и даже пессимистические ноты, которые уже явственно звучат, как отклик на разгром революции на Западе, в стихотворении «Свободы сеятель пустынный...» (написанное в Одессе в 1823 году).

Это чувство одиночества усугубится после потери «друзей, братьев, товарищей» — кишиневских декабристов. Теперь Пушкин видит: в тюрьме «разбойник» Тарас Кирилов, народные мстители, в тюрьме декабрист, его политический единомышленник В. Ф. Раевский. Да и сам Пушкин — разве не узник царского правительства, которое, сослав его, не разрешает даже съездить в отпуск к родителям? И вот народная песня-стон узников царизма получает свое художественное воплощение в творчестве великого русского поэта-гражданина, который с полным правом говорил о себе: «И неподкупный голос мой был эхо русского народа». Так появляется знаменитое стихотворение «Узник», которое, отражая сокровенные думы угнетенного народа, закованного в цепи, но могучего и сильного своей жадной любовью к воле и свободе, становится вскоре любимой народной песней. Поэт народа написал истинно народное художественное произведение, и оно, естественно, органически вошло в народ, став его любимой песней (известно, что существует не менее восьми вариантов этой песни).

Стихотворение «Узник» написано после ареста В. Раевского, и, как указывалось уже рядом исследователей, в частности В. Г. Базановым в его книге «В. Ф. Раевский», оно теснейшим образом связано с этим событием. Кроме того, нужно учесть, что и сам Пушкин отбывал длительный домашний арест с 8 по 28 марта 1822 года. И, наконец, в это же время В. Ф. Раевский пишет и посылает свое стихотворение «К друзьям в Кишинев», которое начинается типично «узническими» строками: «Итак, я здесь, за стражей я!» Все это в какой-то мере дает возможность дату написания стихотворения «Узник» предположительно отнести не ко второй, а к первой половине (февраль—июнь) 1822 года.

Совершенно по-иному освещены в творчестве Пушки-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

на религиозные празднества, обряды и верования, когда поэт отражает их с позиции обличения религиозного мистицизма, ханжества и лжи официальных кругов, господствующих классов царской России. Тогда не лирическое любование родными обычаями народной старины, а страстное негодование, сатирическое обличение звучит в атеистических произведениях Пушкина, ненавидевшего одинаково жандармский кнут и поповский крест.

9. «Опасные стихи» поэмы «Гавриилиада»

В воинствующем атеизме Пушкина находили отражение атеистические, философско-деистические воззрения южных декабристов. А поэтому ненависть к религиозному ханжеству господствующих классов царской России и ко лжи церковных мифов и обрядов органически сочетались в Пушкине с его революционно-освободительными взглядами и настроениями. Известно, что атеистические высказывания, обнаруженные тайной полицией в письме Пушкина, были одним из поводов высылки поэта из Одессы в с. Михайловское, где над ним был установлен двойной—и политический и духовный—надзор. А в феврале 1826 года С. И. Висковатов доносил М. Я. фон Фоку, что Пушкин «открыто проповедует безбожие и неповиновение властям»[1].

Не менее яркие примеры атеистических настроений Пушкина в кишиневский период дают нам свидетельства ряда его знакомых. Так, П. И. Долгоруков, отмечая в своем дневнике, что Пушкин — это человек, «отвергающий правила веры и общественного порядка», и который при нем «порочил невежество духовенства», рисует живую сцену в митрополии, где Пушкин открыто высмеивал всю ложь и лицемерие церковных обрядов и поучений. «Застали еще обедню и на отходе ее слушали проповедь о блудном сыне, которую какой-то дюжий протопоп с напряжением всех сил и душевных и телесных по книге читал нам, между тем, как Инзов внимал ей благоговейно, а Пушкин смеялся»[2].

П. В. Дыдицкая, племянница ректора кишиневской

---

[1] *Б. Л. Модзалевский.* Пушкин под тайным надзором. СПб., 1922, стр. 11.

[2] *П. И. Долгоруков.* Дневник. «Звенья», IX, стр. 27, 33, 66.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

семинарии архимандрита Иринея Нестерòвича, в своих воспоминаниях рассказывает о равнодушии Пушкина к церковным обрядам, а также о насмешливом отношении к сборнику церковных мифов—Евангелию. Когда Нестерович, увидев Пушкина, спросил, что он читает, поэт ответил: «Да вот читаю... историю одной статуи». «Дядя,— продолжает Дыдицкая,— посмотрел на книгу, а это было Евангелие! Дядя очень вспылил и рассердился: «Что же вы сказали? Как вы смеете это говорить? Вы безбожник! Я на вас сейчас же бумагу подам — и вас за это строжайше накажут»[1]. Только уступая просьбе Дыдицкой, Нестерович не выполнил свою угрозу, которая могла бы серьезно ухудшить положение Пушкина. К слову сказать, Ириней Нестерóвич ставил себе в заслугу, что «впервые открыл зловредное учение Раевского, которое он преподавал юнкерам в Бессарабском лицее»[2]. И, следовательно, он был одним из виновников заключения в крепость В. Ф. Раевского. Что же касается свидетельства Дыдицкой будто Пушкин, читая Евангелие, сказал, что читает «историю одной статуи», то не исключена возможность, что поэт замышлял в это время поэму «Гавриилиада» и знакомился, так сказать, по первоисточникам с церковным мифом о непорочном зачатии.

Кстати говоря, нельзя не отметить и следующий факт, связанный с возникновением замысла поэмы «Гавриилиада».

Неподалеку от дома Инзова находилась Благовещенская[3] церковь. Генерал И. Н. Инзов заставлял Пушкина посещать Благовещенскую церковь (она находится недалеко от «Инзовой горы», по улице Кациковской — теперь О. Кошевого, № 10), Пушкин в это время шутливо писал:

---

[1] «Кишиневские предания о Пушкине». В кн.: «Отзывы о Пушкине с юга России», собрал В. А. Яковлев, Одесса, 1887, стр. 72—74.

[2] Цитирую по статье *П. Бейсова:* «Творческий путь Владимира Раевского». «Ученые записки Ульяновского государственного педагогического института», вып. IV, 1950, стр. 193.

[3] *И. Халиппа.* Город Кишинев времен жизни в нем Александра Сергеевича Пушкина, 1820—1823 гг. Кишинев, 1899, стр. 15. Кроме того, об этом названии свидетельствует надпись на стене, справа от входа в церковь: «Сей святой храм сооружен капитаном Гаврилом Герити в честь храмового праздника благовещения в год 1810».

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Я стал умен: я лицемерю —
Пощусь, молюсь и твердо верю,
Что бог простит мои грехи,
Как государь мои стихи.
Говеет Инзов, и намедни
Я променял парнасски бредни
И лиру, грешный дар судьбы,
На часослов и на обедни
Да на сушеные грибы.
Однако ж гордый мой рассудок
Мое раскаянье бранит,
А мой ненабожный желудок
«Помилуй, братец,— говорит,—
Еще когда бы кровь Христова
Была хоть, например, лафит...
Иль кло-д-вужо, тогда ни слова.
А то — подумай как смешно!—
С водой молдавское вино»[1].

Поэма Пушкина «Гавриилиада» является вершиной многочисленных атеистических произведений, написанных поэтом в течение всего творческого пути.

Изучению этой поэмы, особенно литературно-религиозных источников, легших в ее основу (библейские мифы, древние армянские сказания и т. п.),— посвящено и по сие время немало исследовательской полемической литературы (см. М. П. Алексеев. Заметки о «Гавриилиаде»).

Но не может быть сомнений в том, что в поэме отразились и реальные факты из кишиневской жизни поэта, в частности его вынужденное (по указанию генерала И. Н. Инзова) посещение Благовещенской церкви.

И не правомерно ли будет считать, что именно Благовещенская церковь подсказала Пушкину тему «Гавриилиады»— тему «благовещения», тему церковного мифа о «непорочном зачатии» девы Марии, о чем затем дополнительно узнал поэт из библейской литературы, армянских преданий, услышанных из уст кишиневских армян.

Но что бы ни явилось первопричиной создания «Гавриилиады», справедливым остается тот факт, что именно пребывание Пушкина в Кишиневе, общение поэта с выдающимися деятелями Южного тайного общества декабристов усилили его революционно-освободительные и атеистические взгляды.

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. II, стр. 179.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Об атеистических высказываниях Пушкина в кишиневский период есть и еще одно уже изустное свидетельство. Так, М. О. Шаповалов (1873 года рождения) рассказывал нам в 1951 году, что он был хорошо знаком с А. М. Пархомовичем (1836—1919 гг.), сыном М. И. Пархомовича, протоиерея, настоятеля Архангело-Михайловского собора, где Пушкин говел вместе с Инзовым в апреле 1822 года. А. М. Пархомович рассказывал М. О. Шаповалову (со слов своего отца), что Пушкин бывал вместе с Инзовым у него (М. И. Пархомовича), пил чай и подшучивал над попами, за что его журил Инзов.

В атеистической русской художественной литературе эта поэма представляет собой одно из наиболее ярких по своей сатирической обличительной силе произведений. Нам кажется, вся социально-политическая, философско-деистическая сущность, роль и значение этой поэмы в деле борьбы с самодержавно-крепостнической Россией, с поповским мракобесием, державшим миллионные массы в невежестве и покорности,— все революционно-политическое значение этой поэмы, как могучего идейного оружия в борьбе с реакционными силами царской России, еще недостаточно оценено.

Пушкин понимал революционно-взрывчатую силу поэмы «Гавриилиада». Недаром поэт, шутливо указывая, что материалы к ней он в «архивах ада отыскал», в то же время подчеркивал, что это «опасные стихи», в которых он «смешное с важным сочетал»[1].

Рукопись поэмы не сохранилась, а сама поэма могла быть опубликована в России только после Великой Октябрьской социалистической революции. Однако «Гавриилиада» ходила в сотнях списков. Интересно отметить в связи с этим следующий факт. Офицер Н. П. Макаров, сообщая в своих воспоминаниях о наличии у него в 1831 году списка «Гавриилиады», затем утерянного, отмечает, что поэма состояла из двух частей, тогда как поэма публикуется в одной части. «...Сохранилась же в моей памяти одна поэма,— пишет Н. П. Макаров,— ужасная, ультранецензурная, которую много лет спустя старался я позабыть, но тщетно. Это довольно длинная, в двух

---

[1] *А. С. Пушкин.* См.: Посвящения (предположительно обращенные к Н. С. Алексееву): «О вы, которые любили...» и «Вот муза, резвая болтунья...», т. II (1), стр. 199 и 203.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

песнях поэма и по прошествии пятидесяти лет, целого полустолетия после того, как я прочел ее первый раз, уцелела в моей памяти. Случилось это в 1831 году, во время плена моего у поляков. Попалась мне тогда в руки эта скабрезная рукопись; я переписал ее.., но вскоре после того, у меня ее зачитали, т. е. попросту стянули». И везде, где ни читал Макаров поэму среди верующих, набожных мужчин и дам, они прерывали чтение возмущенными возгласами: «Какие ужасы, гнусности!» Но... просили продолжать читать — «чертовски прекрасные стихи!»[1]

Для нас сегодня крайне важен и следующий любопытный факт. Первым произведением Пушкина, изданным при Советской власти, явилась поэма «Гавриилиада». Причем она была издана (отдельным выпуском) в 1918 году в пяти изданиях, переиздана в 1919, а в 1922 году вышла в тщательно проверенном и прокомментированном виде.

Атеистическим, как и революционно-освободительным идеям Пушкин остался верен и впредь, что нашло, в частности, отражение в позднейших его атеистических высказываниях и произведениях. Среди последних — сказка «О попе и работнике его Балде», уже по своему жанру свидетельствующая о народных истоках атеистических идей, тем и образов. Сюда же относятся и наброски к замыслу о Фаусте (1822—1825 гг.). Обращают на себя внимание следующие строки:

Что горит во мгле?
Что кипит в котле?
— Фауст, ха-ха-ха,
Посмотри — уха,
Погляди — цари.
О вари, вари![2]

О сохранении Пушкиным до конца своей жизни верности атеистическим (равно как и вольнолюбивым!) взглядам свидетельствует и следующий, ставший только теперь известным, факт. В своем письме к сыну Андрею от 2 февраля 1837 г., т. е. после смерти Пушкина, Ека-

---

[1] *Н. П. Макаров.* Мои семидесятилетние воспоминания и с тем вместе полная предсмертная исповедь. 1881, ч. I, кн. I, стр. 100—101.

[2] *А. С. Пушкин.* Соч., т. II (1), стр. 381.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

терина Андреевна Карамзина, видимо, со слов Жуковского, сообщает о том, что Николай I сказал Жуковскому: «Пушкина мы насильно заставили умереть, как христианина»[1]. Здесь царь имел в виду тот факт, что Пушкин был вынужден допустить к себе перед смертью священника, так как только при этом условии царь обещался поэту обеспечить его семью. Вот какой поистине инквизиторской духовной пытке подвергли умирающего Пушкина, чтобы вырвать у него хотя бы **показное** примирение с религией!

10. «Любить Россию... любить ее язык»

Пушкин придавал огромное значение выработке точного, ясного, простого, близкого к народному разговорному, поэтического языка.

Так, стихотворный отрывок о Кирджали («Чиновник и поэт») интересен для нас и в качестве примера того, как Пушкин в кишиневский период работал над словом, над художественным совершенствованием своих произведений, как великий русский поэт любовно отбирал для поэтической речи слова из народно-разговорного языка. В этом стихотворном отрывке есть строка: «Люблю толпу, лохмотья, шум». Мало кто представляет, как много работал поэт над этой строкой, окончательный вариант которой — восьмой по счету. В первоначальных семи вариантах эта строка последовательно имела такой вид: 1) Люблю толкаться меж народа, 2) Люблю толкаться средь народа, 3) Люблю признаться (шум) крик народа, 4) Люблю (ходить) бродить в толпе народной, 5) Люблю я черни шум свободный, 6) Ее лохмотья, дикий шум, 7) Люблю лохмотья, пыль и шум. Но все эти варианты не удовлетворяли поэта. Почему? Видимо, потому, что в первом, втором и четвертом вариантах поэт рассказывает только о том, что он любит толкаться, ходить, бродить меж (средь) народа. В третьем же, пятом, шестом и седьмом вариантах поэт главное внимание обращает на то, что он любит шум, крик народа. К

[1] *Ираклий Андроников.* Тагильская находка (из писем Карамзиных). «Новый мир», 1956, № 1, стр. 186.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

тому же в седьмом варианте второстепенное слово «пыль» вытеснило главное — «толпу», «народ». И вот Пушкин находит и окончательно записывает в текст восьмой вариант строки «Люблю толпу, лохмотья, шум»[1].

Здесь Пушкин нашел те три простых, ясных, точных слова, в которых дал четкое выражение, что́ любит он, народный поэт.. И каждое слово Пушкина — это не только точное, простое, кристальное по ясности слово, но это слово-мысль, слово-чувство. Об этом хорошо сказал французский поэт Проспер Мериме: «Каждый его стих — плод глубокого размышления». И именно подобная исключительная по своей писательской требовательности работа над совершенствованием поэтического языка дала возможность Пушкину создать в кишиневский период такие изумительные шедевры русской поэзии, как: «Редеет облаков летучая гряда», «Песнь о вещем Олеге», «К Овидию», «Узник», «Я пережил свои желанья».

Для Пушкина вопросы теории и практики русского языка были вопросами глубоко патриотического, общественно-политического значения. И в этом смысле мы осознаем его исключительные по силе любви к великой Родине, к своему народу, его языку строки из черновой заметки, сделанной им здесь, в Молдавии, в Кишиневе, в 1823 году: «Только революционная голова... может любить Россию так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке»[2].

Литературно-общественная теория и практика Пушкина, его борьба за реалистическую, народную по содержанию и языку литературу как орудие пропаганды революционно-освободительных и патриотических идей среди народа вполне совпадали с литературно-общественными взглядами декабристов, в частности писателей-декабристов К. Рылеева, А. Бестужева, В. Ф. Раевского и других. И, касаясь эстетико-теоретических взглядов декабристов, конечно, особо нужно отметить «Курс поэзии» В. Раевского, читанный им в ланкастерской школе 16-й дивизии и являющий собой яр-

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. II (1), стр. 282 и т. II (2), стр. 794.
[2] Там же, т. XII, стр. 173.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

кий пример использования литературы в целях политической агитации[1].

Насколько большое значение придавали южные декабристы простоте и ясности языка их политических документов, свидетельствуют следующие факты. В «Уставе Союза благоденствия» указывалось на необходимость обращать «особенное внимание на обогащение и очищение языка». П. И. Пестель указывал, что «Законы должны быть ясны, понятны, справедливы и просты. Ясность необходима для того, чтобы каждый гражданин мог их понимать... Для того должен постепенно каждый закон таким образом быть написан, чтобы он никаких толкований не требовал»[2].

В. Ф. Раевский, как свидетельствует В. П. Горчаков, в общении с Пушкиным показывал себя особо требовательным в отношении сохранения чистоты русской речи: «Этот капитан,— пишет В. П. Горчаков,— владея сам стихом и поэтическими способностями, никогда не мог подарить Пушкину ни одного ошибочного слова, хотя бы то наскоро сказанного, или почти неуловимого неправильного ударения в слове»[3].

В бумагах В. Ф. Раевского сохранились наброски фельетона, написанного в виде литературного спора о юношеском стихотворении Пушкина «Наполеон на Эльбе», где поэт-декабрист осуждает такие, по его мнению, неправильные выражения, как: «Над дикою скалою сидел Наполеон (а не «на дикой скале...») и т. п.[4] В. Ф. Раевский в разговоре с Пушкиным «утверждал, что в русской поэзии не должно приводить имена ни из мифологии, ни исторических лиц древней Греции и Рима, что у нас то и другое есть свое и т. п.»[5] И если исследова-

---

[1] *Б. Мейлах.* Декабристы в борьбе за передовую русскую литературу. Л., 1950; *П. Бейсов.* Курс поэзии Владимира Раевского. «Ученые записки Ульяновского педагогического института», выпуск IV. 1950, стр. 234—236.

[2] Цитирую по статье *Б. Мейлаха:* «Значение борьбы Пушкина за развитие русского литературного языка». «Известия АН СССР», отд. литературы и языка, т. X, выпуск 5, 1951, стр. 481.

[3] «Пушкин в воспоминаниях современников». М., 1950, стр. 197.

[4] «Пушкин в ссылке». I. Вечер в Кишиневе. (Из бумаг «первого декабриста» В. Ф. Раевского). Публикация Ю. Оксмана. «Литературное наследство», 1934, № 16—18, стр. 657—666.

[5] *И. П. Липранди.* Из дневника... «Русский Архив», № 8—9, стб. 1256.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

тели отмечают, что «в годы, непосредственно следующие за лицеем (с июня 1817 года по 1819 год включительно), в произведениях Пушкина замечается убыль античных мотивов и античной терминологии»[1],— то можно предполагать, что в какой-то мере под влиянием В. Ф. Раевского этот процесс в творчестве Пушкина ускоряется. Не считая «Кинжала» (в котором античные термины встречаются еще часто), в 1823 г. произведения с античной терминологией совсем вытесняются произведениями, близкими по своему поэтическому словарю к народно-разговорному языку. Наличие же античных терминов в I главе «Евгения Онегина» все же не умаляет того факта, что глава написана в целом языком близким к народно-разговорному.

Пушкин советует писателям обратиться к народному творчеству (предположительно в 1822 году): «Есть у нас свой язык: смелее!—обычаи, история, песни, сказки и проч.»[2]

И любопытный факт. В сентябре 1821 года Пушкин делает запись метрической схемы строки стиха из народной песни «Уж как пал туман седой на синее море». Стремясь уловить ритм народного стиха, Пушкин расставляет над слогами знаки, отмечающие ударные и безударные слоги. И здесь же, видимо, желая положить размер народного стиха в основу своего нового эпического произведения, поэт набрасывает черновые строки своей глубоко народной свободолюбивой трагедии, а затем поэмы «Вадим»[3].

Об интересе Пушкина к фольклору, к устному народному творчеству, к истории своего народа свидетельствуют такие произведения, как «Песнь о вещем Олеге», начало сказки о «Бове», замысел исторической поэмы о Мстиславе и стихотворение «Приметы».

«Песнь о вещем Олеге» является одним из самых ярких народно-поэтических и реалистических произведений Пушкина кишиневского периода. Тема произведения могла быть подсказана Пушкину посещением в

---

[1] *Д. П. Якубович.* Античность в творчестве Пушкина. «Пушкин. Временник», 1941, № 6, стр. 125.

[2] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XII, стр. 192.

[3] *Б. Томашевский.* Из пушкинских рукописей. «Литературное наследство», № 16—18, стр. 174, 178 и 283.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

январе 1821 года древней русской столицы — Киева и мест, где «на холме у брега Днепра лежат благородные кости» коня Олегова. Историческими источниками Пушкину послужили летописи, точнее, изначальная летопись—«Повесть временных лет» XII века, где имеется то легендарное описание смерти Олега, которое дано в стихотворении Пушкина. Сопоставляя текст «Песни о вещем Олеге» с печатными изданиями летописи, К. А. Немировская делает вывод, что Пушкин пользовался изданием, озаглавленным «Летописец Русской от пришествия Рюрика до кончины царя Иоанна Васильевича», ч.1, изд. Львова, СПб., 1792», т. к. здесь мы «...встречаем слово в слово то же предложение о Цареградском щите, которое приводит А. С. Пушкин в своем письме к Рылееву в 1825 году»[1]. Речь идет о письме Пушкина к К. Ф. Рылееву от второй половины мая 1825 года, где Пушкин указывает на историческую неточность, допущенную Рылеевым в описании щита Олегова в думе «Олег Вещий». Пушкин пишет: «Ты напрасно не поправил в Олеге «герба России». Древний герб с[вятой] Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега; новейший двуглавый орел есть герб византийский и принят у нас во время Иоанна III». Об этой же ошибке К. Рылеева Пушкин писал еще ранее в письме к брату Льву от 1—10 января 1823 года[2]. Видимо, эта же ошибка К. Рылеева вынудила Пушкина добавить к слову «щит» в одном из вариантов своей «Песни» следующее примечание: «Но не с гербом России, как некто сказал, во-первых, потому, что во время Олега Рос[сия] не имела еще герба—наш «Дв[углавый] Ор[ел]» есть герб Р[имской] империи и знаменует разделение ее на Зап[адную] и Вост[очную]. У нас же он нич[его] не значит»[3].

Следуя летописям, исторически проверенным фактам, Пушкину удалось отразить в «Песне о вещем Олеге» «образ мыслей и язык тогдашнего времени[4], как ска-

---

[1] *К. А. Немировская.* «Песнь о вещем Олеге» и летописное сказание. «Ученые записки Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена», т. 76. Л., 1949, стр. 13—56.

[2] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XIII, стр. 54 и 175—176.

[3] Там же, т. II (2), стр. 741.

[4] Там же. Наброски предисловия к «Борису Годунову», т. XI, стр. 140.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

жет он позднее в отношении «Бориса Годунова». Поэт создал глубоко поэтическое, истинно народное, а потому и реалистическое по содержанию и языку произведение, посвященное образу Олега вещего, «весьма популярного в древнерусском эпосе»[1] князя, который укреплял русскую землю, громя «неразумных хозар», посягавших на свободу и независимость русского народа.

Основанная на летописных преданиях, близкая по содержанию и языку к фольклору, к стилю былинных сказаний, «Песнь о вещем Олеге», как и «Узник», стала одной из широко распространенных и любимейших в народе песен, особенно в первой половине XIX века.

В. Г. Белинский высоко ценил «Песнь о вещем Олеге», отмечая, что она «исполнена поэтической прелести, которую особенно возвышает разлитый в ней эпический тон и какой-то чисто русский склад изложения. Пушкин умел сделать интересным даже коня Олегова...»[2]

Однако писателям-романтикам не понравилась реалистически народная «Песнь о вещем Олеге», и Пушкину пришлось в письме к Бестужеву от конца января 1825 года доказывать несостоятельность их критики. «Тебе, кажется, Олег не нравится, напрасно. Товарищеская любовь старого князя к своему коню и заботливость о его судьбе — есть черта трогательного простодушия, да и происшествие само по себе в своей простоте имеет много поэтического»[3].

11. «Я могу творить»

Могучий гений Пушкина, органическая близость его к народу направляли поэта на путь реализма. Об этом свидетельствуют также первые строфы романа «Евгений Онегин», который по этой причине был неодобрительно встречен некоторыми представителями романтического направления (К. Ф. Рылеевым и А. А. Бестужевым-Мар-

---

[1] *М. Халанский.* К истории поэтических сказаний об Олеге вещем. «Журнал Министерства народного просвещения», 1902, кн. VIII, отд. II, стр. 287—356.

[2] *В. Г. Белинский.* Соч. в 3 томах, т. 3, стр. 364—365.

[3] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XIII, стр. 139.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

линским). Так, в письме от 12 февраля 1825 года К. Ф. Рылеев писал Пушкину: «Онегин, сужу по первой песне, ниже и «Бахчисарайского фонтана» и «Кавказского пленника»[1].

Первые же строфы гениального произведения Пушкина поразили современного читателя, писателей-романтиков оригинальностью, новаторской смелостью, новизной жанра («роман в стихах»), поэтической техники, строфики (знаменитая «онегинская строфа»), сатирической, критической силой («а я на досуге пишу новую поэму «Евгений Онегин», где захлебываюсь желчью»[2], — сообщал Пушкин). А, главное, роман поразил своей реалистической правдой в обрисовке героев, психологической многогранностью их характеров.

Вот почему всем, кто привык видеть в поэмах Пушкина кишиневского периода, главным образом в таких, как «Кавказский пленник», «Братья разбойники», только романтизм, не видя в них «элементов жизни действительной», элементов реализма, показалось «неожиданным» появление после романтических поэм Пушкина и, более того, написанных в одно время с сугубо романтическим произведением — поэмой «Цыганы» — такого реалистического произведения, как «Евгений Онегин».

Для Пушкина была ясна причина изумленного недоумения, которое вызвал «Евгений Онегин» своим неожиданным для романтиков критическим реализмом, столь далеким от привычных художественных норм романтизма. В письме к брату Льву (январь — февраль 1824 г.) Пушкин, посмеиваясь над своими ошарашенными друзьями-романтиками, писал о «Евгении Онегине»: «Это мое лучшее произведение. Не верь Н. Раевскому, который бранит его — он ожидал от меня романтизма, нашел сатиру и цинизм и порядком не расчухал»[3].

В «Евгении Онегине» Пушкин полностью стал на путь свободного, широкого отображения жизни, характеров. Именно в таком смысле и нужно понимать следующие, написанные Пушкиным в одной из заключительных строф I главы «Евгения Онегина», полные восторга

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XIII, стр. 141.
[2] Там же, стр. 80.
[3] Там же, стр. 87.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

слова, в которых слышится торжество художника, после долгих мучительных исканий нашедшего, наконец, верный творческий путь.

Прошла любовь, явилась муза,
И прояснился темный ум,
Свободен, вновь ищу союза
Волшебных звуков, чувств и дум...

Пушкин не боится того, что образы героев, характеры их, как и все произведение, сложны, многогранны, противоречивы, видя в этом правду искусства, отобразившего правду и полноту жизни. В заключительной строфе той же I главы «Евгения Онегина» он пишет:

Покамест моего романа
Я кончил первую главу;
Пересмотрел все это строго;
Противоречий очень много,
Но их исправить не хочу[1].

Так Пушкин открыто декларировал свою приверженность художественным принципам критического реализма, не обращая внимания на протесты тех, кто неодобрительно встретил решительный отход поэта от романтизма. Но поэт уже твердо шел по пути критического реализма. Именно в последнее время своего пребывания в Кишиневе Пушкин начал формироваться как великий национальный поэт, родоначальник новой русской литературы, литературы критического реализма. Этот процесс продолжается и позже, в Одессе, вплоть до отъезда Пушкина в 1824 году в село Михайловское, откуда он с полным основанием писал Н. Н. Раевскому (сыну) в конце июля 1825 года: «Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить»[2].

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. VI, стр. 30.
[2] Там же, т. XIII, стр. 192 и 542.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ГЛАВА ПЯТАЯ

«Я ОСТАВИЛ МОЮ МОЛДАВИЮ»

1. «О Кишиневе я вздохнул»

В начале июля 1823 года Пушкин, по разрешению И. Н. Инзова, выезжает в Одессу для лечения морскими ваннами. Можно предполагать, что Пушкин был в Одессе и ранее — с конца апреля до конца мая 1823 года, т. к. И. П. Липранди пишет, что «в конце апреля 1823 года... Пушкин получил позволение от Инзова побывать в Одессе и пробыть «может быть,— как говорил (Пушкин. — *Б. Т.*),— с месяц»[1].

Встретившись в Одессе с вновь назначенным Новороссийским генерал-губернатором и новым полномочным наместником Бессарабского края графом М. С. Воронцовым, Пушкин узнает, что он переходит под начальство М. С. Воронцова. Вернувшись в конце июля 1823 года из Одессы в Кишинев, Пушкин в начале августа того же года снова уезжает в Одессу, уже навсегда покинув Молдавию. В «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» М. А. Цявловского указывается предположительная дата отъезда Пушкина из Кишинева в Одессу 3—6 августа 1823 года. Но более вероятно предположить, что Пушкин выехал в Одессу не 3 .... 6 августа, а вместе с Воронцовым 9—10 августа. Это предположение основывается на том, что Воронцов вначале хорошо относился к Пушкину и смотрел на него, пока еще, не как на своего (да притом незначительного по рангу) чиновника, а как на близкого к Инзову и ува-

---

[1] *И. П. Липранди.* Из дневника... «Русский Архив», 1866, № 10, стб. 1479.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

жаемого человека. Поэтому более логично предположить, что Воронцов, уезжая в Одессу, пригласил с собой Пушкина.

Воронцов же приехал из Кишинева в Одессу 9—10 августа, что подтверждается рядом документальных данных. В пользу даты 9—10 августа, как времени прибытия Воронцова в Одессу, говорят следующие архивные материалы. В «Деле об отъезде наместника Бессарабской области Воронцова в г. Одессу и в Новороссийский край для обозрения», начатого 8. VIII. 1823 года и оконченного 14.VIII, есть отношение от 8 августа 1823 года от имени Воронцова в Бессарабский Верховный Совет, в котором Воронцов указывает, что **«Отправляясь на сих днях из Бессарабской области в Одессу** (подчеркнуто мною. — *Б. Т.*), а потом для обозрения сего высочайше вверенного управлению моему Новороссийского края...», он, Воронцов, управление возлагает на Бессарабского гражданского губернатора и предписывает впредь все бумаги направлять ему, Воронцову, в Одессу[1]. Следовательно (как это видно из архивных материалов), Воронцов 8 августа был еще в Кишиневе, а по свидетельству Ф. Ф. Вигеля, он 10 августа уже был в Одессе. И если предположить, что Пушкин выехал вместе с Воронцовым, то можно (также предположительно) считать датой выезда Пушкина из Кишинева в Одессу 9—10 августа 1823 года.

Но, вырвавшись из «проклятого» Кишинева (см. письмо Пушкина к Ф. Ф Вигелю от 23 октября — 4 ноября 1823 г.)[2], города чванных молдавских бояр, города «запачканных домов», города, в котором не было ни библиотек, ни книжных лавок, ни театров, «вертепа», где поэт «скучал 3 года», Пушкин с симпатией вспоминает о Кишиневе, городе южных декабристов, городе, который был опорным центром греческого национально-освободительного движения. Такое двойственное отношение у него было и к Петербургу. Он писал: «Люблю тебя, Петра творенье», но называл его в ряде писем «мерзким», «пакостным».

Здесь мы скажем несколько слов о Вигеле. Филипп Филиппович Вигель был давний знакомый Пушкина еще

---

[1] ЦГА МССР, ф. 3, оп. 1, д. 420, л. 1.
[2] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XIII, стр. 71—72.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

по литературному обществу «Арзамас». С ноября 1823 года по февраль 1826 года Вигель был гражданским вице-губернатором в Кишиневе. Вигель оставил воспоминания о Пушкине. Нечистоплотный в бытовом и служебном отношении человек, ярый реакционер, с желчным, злобным отношением к людям, в своих «Записках» допустил много искажений. «Записки» Вигеля, еще при первоначальном их выходе в свет, вызвали сомнения в достоверности его воспоминаний. П. А. Вяземский писал, что в «Записках» Вигеля «...много злости и много злопамятства» и что «следует доверять им с большой осторожностью»[1].

После отъезда из Кишинева Пушкин тепло вспоминает о Молдавии — крае солнца и золотых плодов, о молдавском народе, приветливом к друзьям и беспощадном к врагам.

В письме к брату Льву из Одессы от 25 августа 1823 года поэт писал: «Мне хочется, душа моя, написать тебе целый роман — три последние месяца моей жизни... Я насилу уломал Инзова, чтобы он отпустил меня в Одессу,— я оставил **мою Молдавию** (подчеркнуто мною. — *Б. Т.*) и явился в Европу... Приезжает Воронцов, принимает меня очень ласково, объявляют мне, что я перехожу под его начальство, что остаюсь в Одессе—кажется и хорошо — да новая печаль мне сжала грудь — мне стало жаль моих покинутых цепей. Приехал в Кишинев на несколько дней, провел их неизъяснимо элегически — и, выехав оттуда навсегда,— о **Кишиневе я вздохнул»**[2] (подчеркнуто мною. — *Б. Т.*).

Липранди пишет, что Пушкин после переезда в Одессу изменился: стал более скучать, хандрить. И, отмечая, что поэт оживлялся тогда, когда встречался с кем-нибудь из кишиневских знакомых, Липранди замечает, что «сравнительно с Одессой Кишинев как нельзя более соответствовал характеру Пушкина»[3]. Анненков тоже указывает, что «он (Пушкин) полюбил город»[4] (Кишинев).

---

[1] *П. А. Вяземский.* Выдержки из бумаг Остафьевского архива. «Русский Архив», 1886, стб. 219—220.

[2] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XIII, стр. 66—67.

[3] *И. П. Липранди.* Из дневника... «Русский Архив», № 10, стб. 1475.

[4] *П. В. Анненков.* А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений. СПб., 1873, стр. 78.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

В середине (17—19) января 1824 года он совершил с И. П. Липранди трехдневную поездку в Тирасполь и Бендеры, а оттуда (один) заехал в Каушаны. Пушкин вновь пытался найти (но безуспешно) в Варнице следы могилы Мазепы, в Бендерах поэт встречался с 135-летним[1] казаком Искрой, который описывал встречи с Карлом XII в шведском лагере под Бендерами. «Рассказ Искры,— свидетельствует И. П. Липранди,— о костюме этого короля был поразительно верен с изображением его в книгах. Не менее изумителен был и рассказ его о начертании окопов, ворот, ведущих в оные, и некоторые неровности в поле соответствовали местам, где находились бастионы...»

Пушкин «добивался от Искры своими расспросами узнать что-либо о Мазепе, а тот не только что не мог указать ему желаемую могилу или место, но и объявил, что такого имени и не слыхал. Пушкин не отставал, толкуя ему, что Мазепа был казачий генерал и православный, а не бусурман, как шведы, все напрасно»[2].

В середине марта 1824 года Пушкин вновь приезжает (на этот раз по приглашению Ф. Ф. Вигеля) в Кишинев, где гостит до конца марта того же года, живет в доме у своего кишиневского приятеля Н. С. Алексеева.

Впечатления о жизни, событиях и людях Молдавии, оставив глубокий и длительный след в памяти великого русского поэта, заставили его возвратиться к темам и образам, связанным с Молдавией и отобразить это в ряде художественных произведений. Вот почему большое количество произведений, связанных с Молдавией, мы встречаем в творчестве Пушкина уже после отъезда его из Кишинева.

Пушкин писал Н. С. Алексееву в письме от 26 декабря 1830 года: «Пребывание мое в Бессарабии доселе не оставило никаких следов, ни поэтических, ни прозаических. Дай срок, надеюсь, что когда-нибудь ты увидишь, что ничто мною не забыто»[1]. И любопытно отметить, что

---

[1] Если учесть, что Карл XII жил в Бендерах 110 лет назад от 1824 г., то Искре было 116—120 лет, а не 135, как пишет Липранди.

[2] *И. П. Липранди.* Из дневника... «Русский Архив», № 10, стб. 1460, 1464—1465.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

во многом именно Алексеев своими воспоминаниями о Молдавии пробудил в Пушкине желание вновь возвратиться к художественному отображению молдавской действительности и ее людей. Так, после поэмы «Цыганы», написанной в 1824 году, вскоре по приезде в Одессу, с 1825 года до 1828 года Пушкин не пишет ни одного произведения, связанного с Молдавией. А после писем Алексеева (в 1826—1827 гг.) Пушкин пишет такие произведения, как: «В степях зеленых Буджака», «Восстань, о Греция, восстань», стихотворение «Цыганы», повесть «Выстрел». Поэт обращается в 1833 году к своим кишиневским запискам, пишет «Песни западных славян» и, наконец, повесть, связанную с гайдуцким движением,— «Кирджали».

Мы уже не говорим о том, что о Молдавии Пушкин упоминает в «Полтаве», а также в главах VIII и особенно X «Евгения Онегина», в «Путешествии в Арзрум» и в остальных записях, набросках, планах произведений и т. п.

2. «Цыганы шумною толпой по Бессарабии кочуют»

Безусловно, наиболее ярко и сильно отразились молдавские впечатления Пушкина в поэме «Цыганы», начатой им в начале января 1824 года, т. е. через каких-нибудь четыре месяца после переезда в Одессу. Интересно отметить, что первые строки «Цыган» начинались так: «Цыганы шумною семьей в степях **Молдавии** кочуют». Так поэт объединял в понятии «Молдавия» и Бессарабию и Запрутскую Молдавию. Но затем, желая выделить часть Молдавии, находящуюся в границах русского государства, поэт определил более точно: «Бессарабия».

Пушкин провел около месяца в цыганском таборе, кочевавшем в районе сел Долна (теперь Пушкино), Юрчены и Варзарешты. Это непосредственное наблюдение за жизнью и бытом цыган и придало поэме столь реалистический (несмотря на романтическую окраску отдельных образов) характер. Кстати, Пушкин первоначально предполагал поставить к поэме следующий

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XIV, стр. 144—145.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

эпиграф: «Мы люди смирные, девы наши любят волю — что тебе делать у нас? Молдавская песня».

Цыгане в Бессарабии в отличие от кочевых цыган в русских областях живут в цыганских деревнях и селах, сохранившихся и до нашего времени (в частности, село Волканешты и бывшие цыганские села Гозун и Бурсук вблизи села Пушкино). Пушкин хорошо был знаком с жизнью и бытом молдавских цыган, в частности цыган-урсарей, т. е. «медвежатников». О бессарабских цыганах пишет в своем «Отрывке о Бессарабии» и поэт-декабрист В. Ф. Раевский. Пушкин же в своем предисловии к поэме «Цыганы» пишет: «В Молдавии цыганы составляют большую часть народонаселения; но всего замечательнее то, что в Бессарабии и Молдавии (Запрутской. — *Б. Т.*) крепостное состояние есть только между сих смиренных приверженцев первобытной свободы. Это не мешает им, однако же, вести дикую кочевую жизнь, довольно верно описанную в сей повести. Они отличаются перед прочими большей нравственной чистотой. Они не промышляют ни кражей, ни обманом. Впрочем, они так же дики, так же бедны, так же любят музыку и занимаются теми же грубыми ремеслами. Дань их составляет неограниченный доход супруги господаря»[1]. Пушкин очень верно определяет отличие цыган Молдавии от цыган, живущих в русских областях, и верно рисует их особые нравы, быт и обычаи, отличные от цыган бродячих. Цыгане, живущие в Молдавии, как свидетельствуют старики молдаване, никогда «не промышляли ни кражей, ни обманом». Автору этих строк пришлось побывать в цыганском селе Волканешты (недалеко от села Долна). Это село основано 75 лет назад. Старые цыганы: Георгий Вырсан, Иван Ибриян, Петря Алла и Андрей Стойка рассказывали, что в период румынско-боярской оккупации, они хотя и жили оседло, но в определенные месяцы бродили табором, к чему их вынуждало нежелание работать на румынских бояр. Теперь же, говорят они, получив землю, имея возможность сбывать изделия своей кустарной артели, они считают излишним бродить в поисках куска хлеба по свету. Они же сообщили, что, кроме оседлых цыган, которые редко бродят табором, в Бессарабии кочуют и

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XI, стр. 22.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

бродячие, пришлые из других мест цыгане. При этом Стойка и другие отметили, что они сторонятся этих бродячих цыган, так как «они злы и занимаются недобрым делом». Цыгане же села Волканешты обращают на себя внимание вежливостью, мягкостью характера и дружелюбием. Дома у них чисты, но стены и печи, в отличие от молдавской «касы» (хаты), разрисованы яркими цветами. Цыгане села Волканешты дружно живут с молдаванами соседнего колхоза имени Пушкина (села Чорешты), и многие жители этих сел породнились между собой.

Пушкин, пожив в цыганском таборе, затем верно и в своих примечаниях, и в поэме «Цыганы» отобразил характер и нравы цыган Молдавии. О пребывании Пушкина в цыганском таборе сохранилось достоверное свидетельство. Замфир Константинович Ралли-Арборе (сын Константина Захаровича Ралли) в своих воспоминаниях рассказывает со слов своей тетки Екатерины Захаровны, что Пушкин, будучи в селе Долна, по дороге оттуда на Юрчены встретил цыганский табор, с которым кочевал в районе сел Долна, Юрчены, Варзарешты летом 1821 года[1]. «Однажды,— рассказывала мне тетушка Екатерина Захаровна (пишет Замфир Ралли-Арборе),— твой отец собрался посетить одно из отцовских имений — Долну. Между этим имением и другим, Юрчены, в лесу находится цыганская деревня. Цыганы этой деревни принадлежали твоему отцу. Вот, помню, однажды Александр Сергеевич и поехал с твоим отцом в Долну, а оттуда они поехали лесом в Юрчены и, конечно, посетили лесных цыган. Табор этот имел старика булибашу (старосту), известного своим авторитетом среди цыган; у старика булибаши была красавица дочь. Я прекрасно помню эту девушку. Ее звали Земфирой; она была высокого роста с большими черными глазами и вьющимися длинными косами... Александр Сергеевич до того был поражен красотой цыганки, что упросил твоего отца остаться на несколько дней в Юрченах. Они пробыли там более двух недель, так что отец мой

[1] *Замфир Ралли-Арборе.* Из семейных воспоминаний о А. С. Пушкине. «Минувшие годы», июль, 1908. СПб., стр. 1—6, а также *П. Е. Щеголев.* Из семейных воспоминаний о кишиневской жизни Пушкина. В кн.: «Из жизни и творчества Пушкина», М., 1931, стр. 287.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

даже обеспокоился и послал узнать, не приключилось ли чего с молодыми людьми. И вот, к нашему общему удивлению, пришло из Долны известие, что отец твой и Александр Сергеевич ушли в цыганский табор, который откочевал к Варзарештам. По получении такого известия отец мой послал тотчас другого нарочного с письмом к брату Константину, и мы ждали с нетерпением ответа, который, помню, долгонько-таки запоздал. Наконец, пришло письмо от брата к отцу — оно было писано по-гречески, и отец, прочитавший его, объявил нам, что ничего особенного не случилось, но что Александр Сергеевич просто-напросто сходит с ума по цыганке Земфире. Недели через две наши молодые люди, наконец, вернулись. Брат рассказал нам, что Александр Сергеевич бросил его и настоящим-таки образом поселился в шатре булибаши». Однако эта любовная история Пушкина с цыганкой Земфирой вскоре получила неожиданную развязку: Земфира бежала из табора с одним цыганом. «В одно раннее утро Александр Сергеевич проснулся в шатре булибаши один-одинешенек, Земфира исчезла из табора. Оказалось, что она бежала в Варзарешты, куда помчался за ней Пушкин, однако ее там не оказалось, благодаря, конечно, цыганам, которые предупредили ее»[1].

Мы нарочно выписали здесь большую цитату из воспоминаний Ралли-Арборе, ибо они, в противоположность различным сообщениям, носящим подчас анекдотический характер о пребывании Пушкина в цыганском таборе (например, полный вымысла рассказ Елизаветы Францевой), являются, как это правильно отмечает П. Е. Щеголев, вполне правдоподобными жизненными фактами из биографии Пушкина, которые легли в основу поэмы «Цыганы» и одноименного стихотворения.

Необходимо внести некоторые уточнения в дату и сроки пребывания Пушкина в цыганском таборе, в районе сел Долна, Юрчены и Варзарешты. В «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» эти сроки и дата определяются как две недели и предположительно в июле—августе 1821 года[2]. Ряд данных дает нам право

---

[1] «Минувшие годы», июль, 1908, стр. 2—3.

[2] *М. А. Цявловский.* Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I, стр. 305.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

предполагать, что эту дату можно уточнить. **«28 июля—20 августа 1821 года»**, на основании следующих фактов.

В своих воспоминаниях Ралли-Арборе указывает, что Пушкин с Константином Ралли из Долны поехали **в Юрчены, где они «пробыли более двух недель»**. Далее отмечается, что был послан нарочный узнать о них, который, вернувшись в Кишинев, сообщил об отъезде их (Пушкина и Ралли) из Долны в Юрчены. На это ушло еще 1—2 дня. Затем был послан другой нарочный с письмом к Константину Ралли. От Ралли пришел ответ, который «долгонько-таки запоздал». И после этого **«недели через две наши молодые люди**, наконец, вернулись»[1]. Следовательно, в итоге мы получаем, что срок пребывания Пушкина в районе сел Долна, Юрчены, Варзарешты составляет больше или во всяком случае не менее месяца. Теперь необходимо установить дату пребывания его там. Прежде всего о годе поездки, 1823 год — исключается, т. к. Пушкин ездил летом в Одессу и занят был переездом туда. Теперь—1822 год. В июне 1822 года Пушкин был в Кишиневе, т. к. 27 мая он (по свидетельству П. И. Долгорукова в его «Дневнике» обедал у И. Н. Инзова, 4 июня (по свидетельству Ф. Н. Лугинина) поэт был в митрополии, 17 июня (по свидетельству П. И. Долгорукова) Пушкин опять обедал у Инзова и от 21 и 27 июня есть письма поэта из Кишинева. В июле 1822 года Пушкин также был в Кишиневе, т. к. 1 июля есть его пометка на поэме «Бова» и имеются его письма из Кишинева от 19 и 21 июля. В августе 1822 года имеется пометка — «2 августа» на «Заметках по русской истории XVIII века», а затем до 1 сентября (дата письма Пушкина из Кишинева), т. е. 29 дней, нет никаких сведений, свидетельствующих о пребывании поэта в Кишиневе. Однако едва ли Пушкин мог в августе 1822 года быть в цыганском таборе, т. к., во-первых, этот срок (29 дней) явно меньше, чем даже месяц, а, во-вторых, Липранди, приехавший после четырехмесячной отлучки в Кишинев в июле 1822 года, знал бы и сообщил в своих воспоминаниях о месячной отлучке Пушкина из Кишинева. Следовательно, летом 1822 года Пушкин в цыганском таборе быть не мог, и потому в

---

[1] «Минувшие годы», июль, 1908, стр. 2—3.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Летописи» совершенно правильно указан 1821 год; (причем даже можно, думается, снять знак вопроса, стоящий перед этой датой). Теперь необходимо уточнить месяцы пребывания в цыганском таборе (в «Летописи» указано: «июль—август»). 26 мая 1821 года есть запись Пушкина в его дневнике, а от 6 июня есть и письмо поэта из Кишинева. Следовательно, конец мая—начало июня Пушкин находился в Кишиневе. 9 июля есть расписка поэта в получении им жалованья. 18 июля есть его запись о смерти Наполеона. От 27 июля есть письмо поэта из Кишинева. Следовательно, Пушкин в июле 1821 года был в Кишиневе. Далее, между 28 июля и 21 августа (дата письма поэта из Кишинева) нет никаких сведений, свидетельствующих о пребывании Пушкина в Кишиневе.

Итак, можем предполагать, что Пушкин был в цыганском таборе: либо между 6 июня и 8 июля, либо между 27 июля и 21 августа 1821 года. Можно было бы принять дату между 6 июня и 8 июля на том основании, что если между 27 июля и 21 августа всего 26 дней, т. е. менее месяца, то между 6 июня и 8 июля 32 дня, что дает нам наибольший (и даже по сравнению с августом 1822 года—29 дней) срок, приближающийся к сроку (более месяца), который определяется на основании воспоминаний З. К. Ралли-Арборе[1].

Но учитывая тот факт, что в июне 1821 года в Кишиневе были братья Давыдовы и семья Раевского, трудно предположить, что Пушкин оставил в это время своих близких друзей Раевских. **Поэтому можно датировать время пребывания Пушкина в селе Долна, в цыганском таборе, в районе сел Долна, Юрчены, Варзарешты 28 июля—20 августа 1821 года.**

Далее необходимо выяснить, о каком цыганском селе, которое посетил Пушкин, идет речь в воспоминаниях Ралли-Арборе. Дело в том, что между селами Долна (Пушкино) и Юрченами есть сейчас села Бурсук и Гозун, которые находятся, хотя и недалеко от села Долна, но село Гозун значительно в стороне, а Бурсук в трех километрах от дороги Долна — Юрчены. Уроженец села Долна Георгий Саввич Кику (1877 года рождения) сообщил нам,

---

[1] «Минувшие годы», июль, 1908, стр. 2.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

что между Долной и Юрченами он другого цыганского села, кроме Бурсука, не помнит, и отец его ничего не говорил о другом цыганском селе, кроме села Балана (которого при Георгии Кику уже не существовало). Но село Балана находилось в противоположной стороне от Юрчен.

Следовательно, **есть все основания предполагать, что цыганским селом, которое посетил Пушкин, было село Бурсук**, расположенное несколько в стороне от дороги Долна—Юрчены, но между ними и на опушке огромного леса.

Впечатления от пребывания в цыганском таборе надолго сохранились у Пушкина и нашли отражение в его творчестве. Так, о своем пребывании в цыганском таборе Пушкин пишет в эпилоге поэмы «Цыганы».

В стране, где долго, долго брани
Ужасный гул не умолкал,
Где повелительные грани
Стамбулу русский указал,
Где старый наш орел двуглавый
Еще шумит минувшей славой,
Встречал я посреди степей
Над рубежами древних станов
Телеги мирные цыганов,
Смиренной вольности детей.
За их ленивыми толпами
В пустынях часто я бродил,
Простую нищу их делил
И засыпал пред их огнями[1].

Это непосредственное общение с цыганами Молдавии и обусловило столь яркое реалистическое описание их образов, их нравов, быта, а также и природы Молдавии, которые даны в поэме «Цыганы». И одним из свидетельств знакомства Пушкина с фольклором цыганского народа является знаменитая «Песня Земфиры». Созданная по мотивам цыганской песни, «Песня Земфиры» из поэмы «Цыганы» была не менее популярна, чем «Черная шаль». Песня эта «Режь меня, жги меня, не скажу ничего, старый муж, грозный муж, не узнаешь его...» является переводом, близким к оригиналу популярной молдавской песни «Арде-мэ, фриже-мэ» («Жги меня, жарь меня»). В письме к П. Вяземскому из Михайловского от второй половины сентября 1825 года Пушкин

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. IV, стр. 203.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

писал: «Радуюсь, однако, участи моей песни «Режь меня». Это очень близкий перевод, посылаю тебе дикий напев подлинника. Покажи его Виельгорскому (композитор, современник Пушкина. — *Б. Т.*) — кажется, мотив чрезвычайно счастливый. Отдай его Полевому и с песней»[1]. Важно свидетельство о том, что «варианты ее («песня Земфиры». — *Б. Т.*) на молдавском языке продолжали жить в народе вплоть до XX в.»[2] Вполне основательно предположение А. Глумова, что «Песня Земфиры» была написана Пушкиным в Молдавии, ибо «в рукописи поэмы «Цыганы», оконченной лишь в ноябре 1824 года, после стиха: «Я песню для тебя пою», поэт оставил пропуск и пометил: «Песн. Земф...» — обстоятельство, подтверждающее более раннее возникновение песни»[3].

Оспаривая мнение В. Александри, который рассматривал песню Земфиры как простой перевод цыганской хоры (т. е. хоровой песни), А. Яцимирский, основываясь на сопоставлении пушкинского текста с текстом хоры, пишет, что «сходство между ними есть не столько текстуальное, сколько по содержанию, а главное, по характеру, по тону песни»[4].

В 1934 году ленинградский музыковед А. Н. Глумов нашел в архиве Центральной нотной библиотеки в Ленинграде автограф нот песни «Старый муж, грозный муж...» Ноты написаны неизвестным лицом. На оборотной стороне листа имеется приписка Пушкина, обращенная, по-видимому, к П. Вяземскому: «Не потеряй этих нот, если не будут они гравированы, покажи это Верстовскому»[5]. Первая строка для пения была подтекстована рукой Верстовского, вписавшего к нотам всю первую строку «Песни Земфиры». Впервые на музыку «Песня» была положена композитором Виельгорским, а потом Верстовским, Рубинштейном, Рахманиновым, Чайковским и др.

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XIII, стр. 231.

[2] «История Молдавии», т. I, стр. 428.

[3] *А. Глумов.* Музыкальный мир Пушкина. М.— Л., 1950, стр 77.

[4] *А. Яцимирский.* Песня Земфиры в «Цыганах» А. Пушкина и цыганская хора. «Известия отделения русского языка и словесности Академии наук», т. IV, книга I. 1899, стр. 302.

[5] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XIII, стр. 231.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

В «Цыганах», как бы окончательно порывая с романтическим периодом своего творчества в Молдавии и одновременно развивая далее «элементы жизни действительной», реализма, Пушкин создает реалистический по жизненной глубине, психологической многогранности и противоречивости характера (наряду, правда, с сохранением и некоторых романтических черт) образ Алеко. Сложность и противоречивость этого образа заключается в том, что, наряду с положительными качествами Алеко — его оппозиционным отношением к душному, звериному, частнособственническому миру, в нем имеют место и «родимые пятна» той общественной среды, в которой он жил,— эгоизм, мелочное себялюбие, низменность поступков, не соответствующих его «возвышенным» словам. И здесь, в этом внутренне противоречивом, а тем самым и жизненно правдивом характере Алеко, в разоблачении и решительном осуждении его и заключается новое, что, по справедливому замечанию Д. Д. Благого, дал Пушкин в дальнейшем раскрытии характера современного героя, «лишнего человека».

Цыганам Пушкин посвятил и стихотворение «Цыганы» (1830 год), где поэт, вновь связывая их жизнь со своей, пишет:

Здравствуй, счастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бы сам в иное время
Провождал сии шатры.
Завтра с первыми лучами
Ваш исчезнет вольный след.
Вы уйдете — но за вами
Не пойдет уж ваш поэт [1].

Упоминание о цыганском таборе мы встречаем и в «Евгении Онегине» в VIII главе (5-й строфе).

3. «Следы поэтические и прозаические»

Молдавия находит отражение и в других произведениях Пушкина.

Так, в «Евгении Онегине» мы встречаем (и не раз) упоминания о Молдавии, о событиях и людях, связанных с нею. Мы уже говорили о главе I (строфа 6), в которой

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. III (1), стр. 264.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пушкин упоминает об Овидии и Молдавии, ибо эта строфа, видимо, была написана, когда Пушкин жил в Кишиневе. С Молдавией, безусловно, связан образ помещика, отставного советника Флянова, прототипом которого является Ланов, чиновник канцелярии Инзова. Фамилия Ларина в «Евгении Онегине» подсказана поэту фамилией отставного унтера, который приходил потешать собиравшихся у Липранди офицеров и чиновников. Любопытно отметить еще факт. В одном из черновых вариантов строфы 5 (главы I) Пушкин, говоря об умении Онегина «вести ученый разговор», указывает, что он мог вести

...Даже мужественный спор
О Байроне, о Манюэле...,

а в одном из вариантов последней строфы пишет: «О гетерии, Манюэле». Наиболее широко общественно-политические события в Молдавии 1820—1823 гг., революции в Западной Европе, гетерия, Тульчин, Каменка нашли отражение в самой политически острой X главе «Евгения Онегина», расшифрованной частично и напечатанной в 1910 году, а полностью—уже в советское время. Революции в Западной Европе, гетерия нашли свое отражение в следующей строфе:

Тряслися грозно Пиренеи,
Волкан Неаполя пылал,
Безрукий князь друзьям Мореи
Из Кишинева уж мигал.

«Безрукий князь» — это вождь гетерии Ал. Ипсиланти. Морея — центр восстания гетеристов на юге Балканского полуострова.

Кстати, с национально-освободительной борьбой греков связано и стихотворение «Опять увенчаны мы славой»[1], написанное Пушкиным в 1830 году в связи с Адрианопольским миром, заключенным в 1829 году, в результате которого греческий народ получил свободу и национальную независимость.

В одной из черновых строф X главы «Евгения Онегина» Пушкин описывает Тульчин и Каменку — центры южных декабристов, о чем стало ему известно только после 14 декабря 1825 года.

---

[1] Ранее печаталось с переставленными строфами с начальными строками: «Восстань, о Греция, восстань».

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Но там, где ранее весна
Блестит над Каменкой тенистой
И над холмами Тульчина,
Где Витгенштейновы дружины
Днепром подмытые равнины
И степи Буга облегли,
Дела иные уж пошли.
Там Пестель.... для тиранов
И рать.... набирал
Холоднокровный генерал,
И Муравьев его склоняя,
И полон дерзости и сил,
Минуты вспышки торопил [1].

С декабристским движением на юге, декабристским восстанием в декабре 1824 года—январе 1825 года Черниговского полка в районе Васильков—Белая Церковь—Трилесы связан и набросок незаконченного произведения, условно названного «Записки молодого человека», датируемого предположительно 1829—1830 гг. Произведение начинается так: «4 мая 1825 года произведен я в офицеры, 6-го получил повеление отправиться в полк в местечко В. [Васильков]». Как видно из рукописи, Пушкин не написал полного названия местечка, где был расположен Черниговский полк. Но что Пушкин имел в виду именно Васильков, свидетельствуют исключенные им слова «в Киевскую губернию», следующие после слова: «Васильков» и зачеркнутое слово: «Черниговский» перед словом «полк»[2]. Нет сомнения, что Пушкин замышлял написать произведение, посвященное вооруженному восстанию южных декабристов, однако запретность темы заставила поэта отложить выполнение своего творческого замысла.

Связана с Молдавией (более чем это принято считать), с событиями и людьми ее повесть Пушкина «Выстрел». Если можно согласиться с Н. О. Лернером, что Липранди не рассказал Пушкину сюжета «Выстрела» (на что, кстати, указывает и сам Липранди), то возникает недоумение, почему П. А. Садиков считает, что Н. О. Лернер прав, утверждая, что образ Сильвио сходен с героем одной из повестей А. А. Бестужева-Марлинского и что «искать для прототипа Сильвио непре-

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. VI, стр. 109, 167, 217, 523 и 525.
[2] Там же, т. VIII (1), стр. 403 и т. VIII (2), стр. 947.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

менно одно реально историческое лицо—едва ли плодотворно»?

Странная позиция и аргументы! Значит, Пушкин обойтись без литературного влияния при создании образа Сильвио не мог. А вот самостоятельность в создании образа на основе использования хотя бы отдельных черт жизненно реального прототипа И. П. Липранди—мало правдоподобна. П. А. Садиков идет дальше. Приводя примеры из «Предисловия», отражающие факты из молдавской действительности (Белкин вступил «в службу в пехотный егерский полк... в коем и находился до самого 1823 г.», упоминание в черновиках о «Селенгинском» полку 16-й дивизии), он делает по меньшей мере непоследовательный вывод, указывая, что «все это детали, свидетельствующие лишь о реальных бессарабских воспоминаниях, но не о генезисе героя»[1].

Да ведь как раз подобные реальные факты, взятые из молдавской действительности 1820—1823 гг., подтверждают, что мы имеем дело с образом героя, прототипом которого является именно такой человек и живший в таких реальных условиях. П. А. Садиков либо запамятовал, либо умолчал (поскольку они не соответствовали его положениям) о тех реальных фактах молдавской действительности, которых (помимо упомянутых выше) немало в «Выстреле»: рассказчик—подполковник И. Л. П. (перестановка инициалов дела не меняет), служба в егерском полку, гетерия. А вот как описан Сильвио, его портрет, его образ жизни: «Ему было около тридцати пяти лет, и мы за то почитали его стариком... Какая-то таинственность окружала его судьбу; он казался русским, а носил иностранное имя... Никто не знал причины, побудившей его выйти в отставку и поселиться в бедном местечке, где жил он вместе и бедно и расточительно: ходил вечно пешком, в изношенном черном сертуке, а держал открытый стол для всех офицеров нашего полка... Никто не знал ни его состояния, ни его доходов, и никто не осмеливался о том его спрашивать. У него водились книги, большею частью военные, да романы. Он

---

[1] *Н. О. Лернер.* К генезису «Выстрела». «Звенья», т. V. М.—Л., 1935, стр. 125—133; *И. П. Липранди.* Из дневника... «Русский Архив», 1886, № 10, стб. 1417; *П. А. Садиков.* И. П. Липранди в Бессарабии, 1820. «Пушкин. Временник», 1941, № 6, стр. 294—295.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

охотно давал их читать, никогда не требуя их назад». (Здесь, кстати, любопытно отметить, что этот пушкинский прием в описании двойственности, сочетания самых противоположных сторон в Сильвио, будет впоследствии использован и Лермонтовым при описании им причудливого сочетания, сосуществования самых противоположных черт, «больших странностей» в характере Печорина.) Все эти факты: возраст, иностранная фамилия, жизнь, то скромная, то не по средствам, богатая библиотека—все это реальные черты из биографии Липранди, о которых сообщалось нами выше, в I главе, по свидетельствам Ф. Ф. Вигеля, Н. С. Алексеева и самого И. П. Липранди. Но в повести есть и факты, взятые из биографии самого Пушкина и из исторических событий в Бессарабии 1820—1823 гг. Так, Пушкин, описывая поведение графа, противника Сильвио, на дуэли, сообщает: «Он стоял под пистолетом, выбирая из фуражки спелые черешни и выплевывая косточки, которые долетали до меня». Это факт из реального поведения самого Пушкина во время его дуэли с офицером Зубовым. Пушкин ел черешни в минуту, когда Зубов направлял на него пистолет. И в конце повести Пушкин пишет: «Сказывают, что Сильвио во время возмущения Александра Ипсиланти предводительствовал отрядом этеристов и был убит в сражении под Скулянами»[1]. Нам не важно то, что это уже не из биографии Липранди, а важно то, что здесь отражены реальные факты из истории гетерии и Молдавии. Какой же вывод можно сделать из вышесказанного? Факты из биографий И. П. Липранди и самого Пушкина, факты молдавской действительности 1820—1823 гг., использованные в повести «Выстрел», дают право утверждать, что повесть эта написана под прямым влиянием молдавской действительности.

Выше мы писали о том, какой глубокий интерес проявлял Пушкин к Мазепе, могилу которого он безуспешно искал в Варнице, видя в образе и судьбе этого мятежного гетмана, изменника родины мрачный прообраз для героя исторического произведения. Известно также, что Пушкин, дважды побывавший в Бендерах, знал о пребывании здесь Карла XII, сюда он бежал после Пол-

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. VIII (1), стр. 6, 61, 65, 70, 74 и т. VII (2), стр. 565.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

тавской битвы и жил до 1713 года. Затем Карл XII был, по настоянию Петра I, насильственно, после короткого боя его жалкого отряда с превосходящими силами турок, удален из Бендер. Об этом «странном Бендерском деле» Пушкин упомянул в своей «Истории Петра», а до этого художественно ярко воссоздал этот эпизод в эпилоге поэмы «Полтава».

В черновых вариантах поэмы мы читаем:

Близ Молдаванской бедной сени
Три углубленные в земле,
Три мхом поросшие ступени.

Первая строка в одном из вариантов начинается так:

«В Бендерах время пощадило...»[1].

Во многом связаны с Молдавией и «Песни Западных славян», написанные Пушкиным в 1834 году. И любопытно отметить, что если большинство этих сербских песен было написано под влиянием сборника песен П. Мериме (подделанных под народные), то песни о Георгии Черном (Карагеоргии) и сербском воеводе Милоше созданы Пушкиным на основе преданий, услышанных, видимо, от сербских воевод-эмигрантов в Кишиневе.

В песне о Георгии Черном Пушкин в более развернутом виде, чем в кишиневском стихотворении «Дочери Карагеоргия», дает образ Карагеоргия и рисует подробно эпизод из его биографии — убийство своего отца (в действительности отчима), пытавшегося предать национально-освободительное движение сербского народа. Здесь поэт явственно проводит мысль о том, что ради блага народа человек должен поступиться личными интересами.

Крайне интересен образ воеводы Милоша, созданный Пушкиным в стихотворении «Воевода Милош»[2].

И. П. Липранди почему-то изображает Милоша как убийцу сербского воеводы — Младена. Не углубляясь в историю междоусобных распрей сербских воевод, нам интересно и важно отметить здесь, что Пушкин изображает Милоша как одного из вождей сербского нацио-

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. V, стр. 63—64 и 305; т. X, стр. 167, 172, 177—178, 193—194 (а также статья *И. Фейнберга;* «Странное Бендерское дело». «Советская Молдавия», 1949, № 12, (1939), 7 июня, стр. 3.

[2] *А. С. Пушкин.* Соч., т. III (1), стр. 355—356.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

нально-освободительного движения. Примечателен для биографии Милоша факт: Липранди упоминает о нем, когда ведет рассказ о знаменитом гетеристе и гайдуке Георгии Кирджали. О воеводе Милоше, как соратнике Кирджали, упоминает и М. Чайковский (Садык-паша) в своем историческом романе «Кирджали»[1]. И, наконец, в обнаруженном нами в архиве (ЦГА МССР) деле о Кирджали, в донесении частного пристава Павлова от 23 апреля 1822 года Бессарабскому гражданскому губернатору К. А. Катакази сообщается о пребывании в Теленештах вместе с Кирджали бывшего сербского воеводы М-ша (слово нельзя разобрать, т. к. закрыто в середине пятном, но по размеру оно прочитывается как «Милош»)[2].

Заметки, наброски и просто упоминания, связанные с Молдавией, встречаются у Пушкина довольно часто.

Так, например, в 1833 году Пушкин создает программу, план записок, вновь возвращаясь к воспоминаниям, связанным с Молдавией. В этом плане мы читаем: «Кишинев — приезд мой из Кавказа и Крыма—Орлов—Ипсиланти—Каменка—фонт. (видимо: «фонтан», т. е. «Бахчисарайский фонтан», если учесть, что начало работы над поэмой относится к марту—апрелю 1821 г., т. е. хронологически после приезда из Каменки.— *Б. Т.*) — Греч [еская] рев[олюция] — Липр[анди] — 12 год — mort de femme (смерть жены) — la renegat (ренегат) — Паша Арзрумский[3].

Любопытно здесь отметить, что если план записок, начиная с упоминания о Кишиневе, заканчивается упоминанием об Арзруме, то и в «Путешествии в Арзрум» (1829 года), написанном ранее плана, тоже встречаются воспоминания Пушкина, связанные с Молдавией. Здесь, на Кавказе, Пушкин нашел «измаранный список «Кавказского пленника», в основном написанного им в Молдавии. Попав в Тифлис (Тбилиси), Пушкин пишет, что «азиатские строения и базар напомнили мне Кишинев»[4].

---

[1] *И. П. Липранди.* Из дневника... «Русский Архив», № 10, стб. 1403; М. Чайковский (Садык-паша); Кирджали. Исторический роман. «Колосья», журнал научно-литературный, СПб., 1885, № 2, 3, 4; о Милоше, см. № 4, стр. 59.

[2] ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 690, л. 14 (на обороте).

[3] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XII, стр. 810.

[4] Там же, т. VIII, стр. 451, 456.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Мы не будем здесь пространно говорить о ряде других упоминаний Пушкина, связанных с Молдавией, ее событиями и людьми, как, например: заметка о холере (1831 год), где Пушкин пишет, что «в 1822 году старая молдавская княгиня, набеленная и нарумяненная, умерла при мне в этой болезни»; запись в дневнике от 24 ноября 1823 года о встрече с бывшим молдавским господарем и кишиневским знакомым Мих. Суццо и разговор с ним о Пестеле[1].

Далее можно упомянуть и о критической заметке о «Дон-Жуане» Байрона, в которой Пушкин обличает Байрона в неверном описании России и, в частности, Измаила, где Пушкин бывал. «Например, он (Байрон) говорит о грязи улиц Измаила; Дон-Жуан отправляется в Петербург в «кибитке», беспокойной повозке без рессор, по дурной каменистой дороге». Измаил взят был зимой в жестокий мороз... Зимняя кибитка не беспокойна, а зимняя дорога не камениста»[2].

Любопытна также фактическая поправка, касающаяся природы Молдавии, которую дает Пушкин в своих замечаниях на «Записки бригадира Моро-де-Бразе», участника Прутского похода Петра I. Моро так описывал юг Молдавии: «Жары нестерпимы в сиих местах, где видно только небо да горы раскаленного песку, без деревьев, без жителей и без воды». Пушкин отмечает неточность в рассказе Моро и поправляет его: «Степи Буджацкие не песчаные: они стелются злачной, зеленой равниною, усеянною курганами... Правда, что в 1711 году эти степи были голы: трава съедена была саранчею»[3].

О молдавской природе Пушкин вспоминает и в черновом наброске последней строфы своего глубоко лирического стихотворения «Осень» (1833 год).

> ... теперь мы посетим Кавказ ли
> колоссальный,
> Иль опаленные Молдавии луга[4].

Сюда же, к поэтическому описанию природы Молдавии, относятся не менее проникновенные лирические строки стихотворения «Виноград»:

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. XII, стр. 309, 314.
[2] Там же, т. XI, стр. 55.
[3] Там же, т. VIII, стр. 418.
[4] Там же, т. III, стр. 974.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою весной;
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.

Следует отметить, что это стихотворение, написанное в 1824 году в Михайловском, Пушкин при публикации в 1829 г. («Стихотворения А. Пушкина») пометил датой пребывания в Молдавии — 1820 год[1]. Это дает возможность предположить, что стихотворение как первоначальный черновой набросок было написано Пушкиным в Молдавии, а окончательно завершено в Михайловском.

Любопытен набросок плана (1833—1834 гг.) предполагаемого произведения, главным героем которого должен был стать тип, подобный Хлестакову. В плане записано: «Криспин приезжает в губернию из ярмонку — его принимают за... Губернатор честный дурак. Губернаторша с ним кокетничает — Криспин сватается за дочь»[2]. Есть все основания предполагать, что это и есть запись фабулы «Ревизора», которую Пушкин подсказал Н. В. Гоголю. Но запись этого плана нас интересует постольку, поскольку устанавливается связь с одним эпизодом, происшедшим в Молдавии. Известный журналист, близкий к реакционным кругам, издатель «Отечественных Записок» П. П. Свиньин, который был послан в 1815 году для «обозрения и описания Бессарабской области», написал после этого ряд статей, в которых немало вымысла о Молдавии. Пушкин, зная об этом пороке П. П. Свиньина, заклеймил его в своей шутливой сказочке-памфлете «Маленький лжец», где писал: «Павлуша был опрятный, добрый, примерный мальчик, но имел большой порок — он не мог сказать трех слов, чтобы не солгать»[3]. Свиньин, как рассказывал Пушкин Гоголю, прибыв в Бессарабию, стал выдавать себя за видного петербургского чиновника и только зашедши далеко (стал было брать прошения от

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. II (2), стр. 1145.
[2] Там же, т. VIII, стр. 481.
[3] Там же, т. XI, стр. 101.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

колодников) был остановлен[1]. Этим и объясняется, почему в первоначальном варианте Пушкин в плане записывает фамилию «Свиньин», а затем, зачеркнув, заменяет «Криспин», т. е. именем героя известной комедии французского драматурга XVIII в. Лесажа «Криспин, соперник своего господина» (1707 г.). Таким образом, эпизод, произошедший со Свиньиным в Молдавии, мог послужить одним из первоисточников сюжета, переданного Пушкиным Гоголю, на основании чего Гоголь и написал свою бессмертную комедию «Ревизор».

4. «Кто такой Кирджали?»

Но, безусловно, самым выдающимся из позднейших произведений Пушкина, связанных с Молдавией, является повесть «Кирджали», посвященная Георгию Кирджали, одному из выдающихся гетеристов, соратнику Тудора Владимиреску и видному народному мстителю, перед именем которого трепетала «бояр орда».

Очевидно, Пушкин, когда жил в Кишиневе, знал уже о подвигах народного мстителя Георгия Кирджали. Первоначальным опытом обработки материалов о Георгии Кирджали был стихотворный набросок «Чиновник и поэт», написанный в Кишиневе и заканчивающийся следующими строками:

— Куда ж?—
В острог — сегодня мы
Выпровождаем из тюрьмы
За молдаванскую границу
... Кирджали.

Кстати, несколько слов о произношении имени Кирджали. Акад. В. А. Гордлевский указывает, что по-болгарски ударение должно стоять на первом слоге: Кирджали, а не Кирджáли[2]. Не владея подобными историко-

---

[1] *О. М. Бодянский.* Дневник. «Русская старина», 1889, № 10, стр. 134.

[2] *В. А. Гордлевский.* Кто такой Кирджали (историко-фольклорный комментарий). «А. С. Пушкин. 1799—1849. Материалы юбилейных торжеств». М.—Л., АН СССР, 1951, стр. 266.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

фольклорными и лингвистическими аргументами, мы считаем, что все же правильнее будет произносить Кирджали́ и вот почему. Во-первых, живущие и сейчас в Кишиневе болгары с фамилией Катаржи произносят эту фамилию с ударением на последнем слоге: Катаржи́, а никак не Ка́таржи и Ката́ржи. Следовательно, аналогичная по окончанию фамилия Кирджали́ также должна произноситься с ударением на последнем слоге. И, наконец, если обратить внимание на размер стиха «Чиновник и поэт», то в соответствии с этим размером «Кирджали» должно читаться с ударением на последнем слоге, поскольку стихотворение написано мужской рифмой (т. е. с ударными слогами на конце строк):

Выпровождаем из тюрьмы́
За молдаванскую границу
Кирджали́

Очевидно, при Пушкине эту фамилию так и произносили, если поэт дает ее в стихе с ударением на последнем слоге.

В 1828 году Пушкин возвращается к творческому замыслу о Кирджали. Поэт набрасывает план следующего содержания:

Каларджи (видно, описка, вместо Кирджали)
Крупянского зала, эмигранты, Stenka
Кантакузен, Penda deca
Харчевский, Навроцкий
Битва
Арнауты в Кишиневе[1].

Здесь нужно разъяснить ряд имен, названий и событий. «Крупянского зала»— это домашний театр Т. Крупенского. «Эмигранты»— имеются в виду гетеристы и сербы, живущие в Молдавии. Stenka (Стенка) — село за Прутом. На берегу Прута, со стороны Бессарабии, был пограничный пост, центральный карантин — Скуляны. На правом берегу Прута находилось местечко с тем же названием, а чуть дальше от него (по дороге на Яссы) село Стенка. У этого села расположились лагерем турецкие войска, и тут (накануне Скулянской битвы) произошла небольшая стычка между турками и гетеристa-

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. VIII (2), стр. 828.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ми[1]. «Кантакузен» — кн. Георгий Кантакузин, один из руководителей гетерии. «Penda deca» (Пенда-дека) — один из виднейших гетеристов. «Харчевский» (правильно Корчевский) — майор Охотского полка, находившегося на границе у Прута во время сражения гетеристов с турками. «Навроцкий» — действительный статский советник, начальник всех бессарабских карантинов. «Битва» — очевидно, последнее сражение гетеристов с турками у Скулян 17—29 июня 1821 года, где гетеристы были окончательно разбиты. «Арнауты в Кишиневе» — после поражения гетеристы, в том числе арнауты (албанцы), селились массами в Молдавии, в Кишиневе.

Вслед за планом Пушкин набрасывает первые двенадцать строк (видимо, поэмы о «Кирджали»).

В степях зеленых Буджака,
Где Прут, заветная река,
Обходит русские владенья,
При бедном устье ручейка
Стоит безвестное селенье.
Семействами болгары тут
В беспечной дикости живут,
Храня родительские нравы,
Питаясь... трудом,
И не заботятся о том,
Как ратоборствуют державы
И грозно правят их судьбой.

В черновом варианте в 5-й строке было: «Стоит болгарское селенье». Но Пушкин, написав далее: «Семействами болгары тут», счел излишним повторяться и подобрал другой эпитет «безвестное», определяющий никому не известное селение болгар.

С глубокой симпатией и сердечностью пишет Пушкин о бедном болгарском люде, который, мирно трудясь, хранит свято обычаи своего народа. Интересно отметить также, что поэт замышлял (как это видно из черновика) начать поэму с введения в нее женского образа (Ралицы), видимо, в целях развития определенной лирико-эпической линии сюжета, в основе которой должно было бы лежать описание судьбы женщины-болгарки[2].

---

[1] *В. І. Селінов.* До питання про джерела повісті Пушкіна «Кірджалі». (За архівними матеріалами). «Записки історично-філологичного відділу», кн. XIII—XIV, 1927, стр. 100.

[2] *А. С. Пушкин.* Соч., т. III (1), стр. 114 и т. III (2), стр. 663.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

В целом же наброски поэмы о Кирджали представляют начало высокохудожественного, выдержанного в сурово эпических тонах повествования, проникнутого глубоким гуманизмом и размышлениями о судьбах целого народа, ставшего жертвой «ратоборствующих держав», которые своей политикой вражды и войн нарушают мирный труд народов.

И, наконец, географическая и этнографическая точность описания условий жизни и быта болгар, поселившихся в Молдавии, такова, что дает некоторый материал для историка, изучающего быт и нравы народов Молдавии.

Более полное творческое решение темы гетерии и образ гетериста и народного мстителя Георгия Кирджали мы видим в повести «Кирджали». Кстати, сохранилась часть авторской обложки повести, на которой можно прочесть

(Кирджа) ли
повесть

Советские исследователи считают, что, судя по расположению слов на сохранившемся клочке, перед словом «повесть» был какой-то эпитет, вероятно: «Молдавская повесть»[1]. И здесь любопытно отметить, что эпитет «Молдавская» встречается у Пушкина в примечании к названию художественного произведения трижды: «Молдавская песня» («Черная шаль»), «Молдавская песня» («Братья разбойники») и «Молдавская повесть» («Кирджали»). Сюда же нужно добавить и эпиграф — строки из «Молдавской песни», который поэт хотел предпослать поэме «Цыганы». Этим он хотел подчеркнуть, что реалистической жизненной основой для произведения явилась Молдавия, события и люди того времени, когда поэт жил в Кишиневе.

Как известно, повесть «Кирджали» написана Пушкиным в 1834 году. И возникает вопрос: почему именно в это время поэт обращается к образу молдавского народного мстителя и считает необходимым воплотить его в художественном произведении? Основными причинами этого мы считаем следующие историко-литературные факты. В 30-е годы Пушкин начинает проявлять особый

---

[1] *А. С. Пушкин.* Соч., т. VIII (2), стр. 838.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

интерес к теме народных восстаний. В 1833 году поэт едет в Приуралье для сбора материалов о Пугачеве, а в 1834 году пишет свою «Историю Пугачева». И, думается, мы не ошибемся, если скажем, что именно в этот период, когда Пушкин усиленно работает над биографией и затем образом («Капитанская дочка») Пугачева — русского народного мстителя и вождя народных масс, у поэта по ассоциации вновь пробуждается интерес к образу молдавского мстителя — Георгия Кирджали. Так, темы «Пугачев», «Кирджали», решенные поэтом в одно и то же время, породили произведения, отражающие великую народную борьбу против царизма, развернувшуюся от Молдавии до Урала. И в этом как никогда ярко проявилась вся творческая сила гения русской литературы, глубина и широта историко-политических взглядов великого поэта.

Исследователей пушкинской повести «Кирджали» давно интересовал вопрос: кто послужил прототипом для пушкинского Кирджали, было ли в действительности такое историческое лицо и правдоподобна ли исторически вся повесть?

Великий русский критик В. Г. Белинский, тонким художественным чутьем угадавший в повести исторически достоверное художественное произведение, дал ему следующую точную и краткую характеристику: «Кирджали»— мастерской рассказ истинного происшествия»[1]. Однако ряд исследователей и читателей повести из числа близких знакомых Пушкина считали и повесть и сам образ Кирджали лишь плодом художественного вымысла великого русского поэта. Одним из первых, высказавших мнение о недостоверности повести «Кирджали», был В. К. Кюхельбекер, поэт-декабрист, лицейский товарищ Пушкина, который в своем дневнике от 20. XII. 1834 года прямо записал: «...а Кирджали Пушкина просто анекдот, только очень хорошо рассказанный»[2].

И. П. Липранди, хороший знакомый Пушкина и знаток истории Молдавии и Оттоманской империи, в своих воспоминаниях также высказывает сомнение в исторической достоверности повести, утверждая, что она «за весьма малыми исключениями неверна», ибо

---

[1] *В. Г. Белинский.* Соч. в 3 томах. М., 1948, т. III, стр. 638.
[2] «Дневник В. К. Кюхельбекера». Л., «Прибой», 1929, стр. 222.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

была написана Пушкиным со слов чиновника Инзова — Л. И. Лекса, «который, как всем известно, не остановился бы объяснять и историю праадамитов и санскритскую литературу»[1]. Липранди также считает, что Кирджали — это не собственное имя, а нарицательное, которое носили многие из «разбойников» в память о действительно существовавшем Кирджали, знаменитом атамане XVIII века. Однако Липранди, в какой-то мере противореча сам себе, сообщает о Георгии Кирджали, арнауте, перешедшем после разгрома гетеристов реку Прут[2], а в другом месте говорит о существовании основателя шайки кирджалей — «Георгии Кирджали, родом болгара из окрестности Охриды»[3]. В. Язвицкий, опираясь на ряд документальных данных, указывает, что Кирджали — это не только нарицательное имя, но и собственное имя действительно существовавшего исторического лица — Георгия Кирджали, болгарина, гетериста, бежавшего после разгрома гетерии в Бессарабию, где он был схвачен, выдан туркам и повешен ими в Яссах 24 сентября 1824 года[4]. И Язвицкий указывает, что «среди воевод, присоединившихся к Ипсиланти, французские и румынские историки, а также рапорты прусских консулов в Бухаресте и Яссах упоминают и о Кирджали, герое повести Пушкина»[5]. Французский историк Реноль сообщает следующее: «Собрав своих гайдуков, Кирджали обратился к ним со следующими словами: «Братья, вот уже 4 года как мы делим все опасности и радости борьбы. Но настало время, когда надо принимать решение, которое, м. б. разделит нас, ибо пробил час независимости христиан от Турции. Ипсиланти приближается к Фокшанам, а Теодор в Крайове и идет на Бухарест. С ним хотите ли следовать?..» Двести человек во главе с Кирджали и Михалаке отправились к Ипсиланти, а оставшаяся сотня во

---

[1] *И. П. Липранди.* Из дневника... «Русский Архив», 1886, № 10, стб. 1395.

[2] Там же, стб. 1339—1400 и 1403.

[3] Из записок И. П. Липранди. «Чтения в обществе истории и древностей российских», 1877, кн. 3, стр. 64.

[4] *В. Язвицкий.* Кто был Кирджали, герой повести Пушкина. «Голос минувшего», 1919, № 1—4, стр. 45—60.

[5] Там же, стр. 50.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

главе с Шведко присоединилась к Владимиреску»[1]. «Имеются данные,— сообщает далее Реноль,— об отряде гайдуков (в Карпатских горах и лесах Валахии) более чем в 300 человек, созданном в 1817 г. и просуществовавшем до начала валашского восстания 1821 г. Отряд, возглавляемый албанцем (?!) Кирджали, сербом Шведко и румыном Михалаке, захватывал товары турецких торговцев, смело нападал на поместья фанариотов и местных бояр, забирал там награбленное у народа добро и возвращал крестьянам»[2]. С. Н. Самойлов, цитирующий Реноля, почему-то называет Кирджали албанцем[3], тогда как Пушкин называет его болгарином. Наконец, о Кирджали пишет молдавский поэт и знакомый Пушкина по Кишиневу Костаке Негруци в предисловии к своему переводу повести Пушкина «Кирджали» на молдавский язык (1837 год): «Кирджали, созданный Пушкиным на подобие Сальватора Роза, был, напротив, разбойником весьма непоэтическим. Просил ли он пять тысяч лей (в чем сомневаюсь) и были ли они ему выданы (чему не верю)— не знаю. Зато мне достоверно известно, что грозный Кирджали, который избежал турецкого кола, не миновал молдавской виселицы, на которой он погиб весьма прозаично в 1824 году»[4].

Однако ряд исследователей высказывает сомнение в существовании Кирджали как исторической личности. Так, И. Оксенов считает, что Кирджали — это не собственное имя, а нарицательное (как, скажем, «гайдуки») народных мстителей в Молдавии[5].

Академик В. А. Гордлевский в своем докладе на тему «Кто такой Кирджали (историко-фольклорный комментарий)»[6], хотя и упоминает о гетеристе Георгии Кирджали как прототипе пушкинского Кирджали, но указывает, что это имя не является собственным данного

---

[1] Цитирую по статье *С. Н. Самойлова*: Народно-освободительное восстание 1821 г. в Валахии. «Вопросы истории», 1955, № 10, стр. 99.

[2] Там же, стр. 97.

[3] Там же, стр. 99.

[4] Отрывок из предисловия дан в переводе П. Ф. Бопана.

[5] *И. Оксенов*. «Кирджали». Сб.: «Пушкин. 1834». Л., 1934, стр. 50—54.

[6] «А. С. Пушкин. 1799—1949».— «Материалы юбилейных торжеств АН СССР», 1951, стр. 261—281.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

гетериста, а перешло к нему как нарицательное от «кирджалей», которые в свою очередь восприняли его от имени первого вождя кирджалей — Кирджали (конца XVIII века). Так, замечает В. А. Гордлевский, «нарицательное слово — кирджали вторично вернуло себе исконные права собственного имени».

И В. А. Гордлевский, отмечая ряд неясностей, которые встречаются в прошлых исследованиях о Кирджали, и как бы подведя итог этим исследованиям, указывает, что «история Кирджали темна», «образ Кирджали потускнел от времени, утратил историчность» и, следовательно, «мы немного знаем о Кирджали», а «как его звали,— так даже В. Язвицкий, копавшийся в архивах, колеблется между двумя именами»[1].

В результате архивных изысканий, предпринятых в ЦГА МССР, нами обнаружен ряд интересных документов, дающих возможность, в совокупности с ранее опубликованными данными, еще раз подтвердить тот факт, что Кирджали — это есть действительно исторически существовавшая личность, один из выдающихся деятелей гетерии, а главное, один из народных мстителей Молдавии, перед которым трепетали царские чиновники и который жил и после поисков был пойман в Молдавии именно в период пребывания здесь Пушкина.

Так, в бумагах канцелярии бессарабского гражданского и военного губернаторов и наместника Бессарабского края сохранились любопытные документы, связанные с поисками в целях ареста гетериста «Еоргия Кирджали». Так, в деле «Об отобрании от етеристов оружия и о прочем и о продаже оного по высочайшему повелению» имеется открытое предписание от 21 апреля 1822 года за № 2044 от имени Бессарабского гражданского губернатора К. А. Катакази следующего содержания.

ОТКРЫТОЕ ПРЕДПИСАНИЕ

Отряжаемый с сим, Ясского цынута (округ, уезд.— *Б. Т.*) в м[естечко] Теленешты член Кишиневской городской полиции Павлов, имеет тотчас по прибытии туда, отыскать и взять для доставления под особым присмотром в Кишинев 3-х человек из находящихся там по

[1] «А. С. Пушкин. 1799—1949». Материалы юбилейных торжеств АН СССР. 1951, стр. 274 и 281.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

билетам[1] этеристов, именно: **Кирджали Еоргия, Калауса Еоргия и капитана Коста** (подчеркнуто в документе.— *Б. Т.*), а прочих всех оставить на месте под надзором смотрителя в местечке, дабы не отлучились никуда без воли начальства, воспрещающего им сие, по причине замеченного ненадежного их поведения. Оружие же, какое у тех и у других сыщется, отобрав доставить в земское исправничество для удобнейшего сохранения, тем более, что никто из сих людей не должен носить при себе какое-либо оружие. Всем таковым людям и оружию у них найденному составить и подать мне верный список. Впрочем, если кто из них отлучится в другие ближние места того же цынута, то пристав Павлов немедля последует за ними туда и исполнит в точности по выше сказанному с осторожностью и благоразум[ием]. Для успешного же по сему поручению действия подтверждаю давать скорее полицейское пособие за предъявлением сего г. Павловым, по требованию коего — (здесь черта — пропуск букв.— *Б. Т.*) то от военных команд прошу в нужном случае оказывать законную помощь. По окончании же всего сего, пристав Павлов имеет наискорее возвратиться в Кишинев и мне рапортовать.

Кишинев, 21 апреля, 1822 года[2].

Так был найден документ, впервые и окончательно подтвердивший существование Георгия Кирджали. Остальные документы только дополнили это главное открытие.

23 апреля частный пристав Павлов в рапорте на имя Катакази доносил:

Его Превосходительству!
Господину Действительному
Статскому Советнику
Бессарабскому гражданскому
Губернатору
Константину Антоновичу
Катакази
I-й части частного пристава
Павлова.

---

[1] Все гетеристы, перешедшие после разгрома их войск в битвах при Драгошанах 19.VI и Скулянах 29.VI.1821 г. через Прут в Бессарабию, были разоружены и размещены на жительство под надзором и по особым документам (билетам), выданным наместником Бессарабского края.

[2] ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 831, л. 2, и на обороте (черновой набросок).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

РАПОРТ

Вследствие открытого предписания, данного мне вашим Превосходительством от 21 числа текущего года с № 2044 — и последовавшего насчет отыскания и доставления под особым присмотром буди отыщутся в местечке Теленештах три человека, находившиеся там по билетам этеристов и именно: **Кирджали Еоргия, Калауса Еоргия и капитана Коста** (подчеркнуто в документе.— *Б. Т.*), а прочих всех оставить на месте под надзором смотрителя оного местечка, о чем вашему Превосходительству сим честь имею донести, по прибытии моем в местечко Теленешты осведомился я от посторонних людей и самых отыскиваемых этеристов семейств, кои и ныне там на жительстве находятся, что **Кирджали Еоргий и Калаус Еоргий** (подчеркнуто в документе.—*Б. Т.*) по сие время находились на жительстве в местечке Теленештах, ныне же отлучились, то есть до приезда моего туда, в город Кишинев, а когда именно и зачем им неизвестно; под названием же Коста отыскан мною в оном местечке, только не сознается, что его называют капитаном, взят мною под присмотр и отдан тамошней исправничий купно с отысканными у него письменными видами для доставления Вашему превосходительству, и прочие тоже этеристы, какие только мною найдены, отданы под надзор исправничества до разрешения вашего превосходительства, докладывая при том, что находящийся на жительстве в местечке Теленештах бывший сербский воевод М-ш (Милош?— слово нельзя разобрать — закрыто в середине пятном.— *Б. Т.*) словесно объявил мне, что со времени случившегося между греками и турками в Молдавии возмущения с числа этеристов часто приезжает в Теленешты называющийся Каприцею, который до сего времени отлучался в Молдавское княжество три раза, а зачем именно и с какими письменным видом, это неизвестно, который и ныне в отлучке находится, а по наслышкам должен быть в Кишиневе.

Частный пристав Павлов

№ 2
Апреля 23 дня 1822 года[1]

[1] ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 831, л. 15 и на обороте (черновик).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

После получения 27 апреля 1822 года этого рапорта, 29 апреля от Катакази последовало на имя Кишиневского полицмейстера секретное предписание за № 2206:

Секретно
г. Кишиневскому полицмейстеру

№ 2206

29 апреля 1822

Посланный мною с особым поручением в м [естечко] Теленешты частный пристав оной полиции Павлов донес мне, что находившиеся там по билетам Етеристы: Кирджали Еоргий и Калаус Еоргий отлучились оттуда в Кишинев, а когда и зачем, неизвестно даже семействам их; да сверх того узнал он, что один из числа Етеристов, называющийся Каприцею, отлучался в Молдавское княжество три раза, а ныне по слухам должен быть в Кишиневе. Посему я предписываю вашему Высокоблагородию разведать скоро и тайно и если окажутся тут Кирджали Еоргий, Калаус Еоргий и Каприца, или хотя под другими [именами], то взять их с имеющимся у них оружием под надзор, донести мне, рапортуя, и тогда, будь оных тут не окажется, и что насчет их узнано будет[1].

Как видно, Кирджали (как и его сотоварищи) был в глазах царских сатрапов одним из важных «преступников» и не только как гетерист, а как один из народных мстителей, если Катакази так настойчиво требовал его поимки и заключения в тюрьму.

Других архивных документов, касающихся Георгия Кирджали, нам не удалось обнаружить. Есть лишь упоминания о некоем капитане этеристе Георгии. Так, в своем отношении на имя К. А. Катакази от 27 мая 1823 года кишиневский полицмейстер доносил о захвате 9 человек, собирающихся тайно бежать в Запрутскую Молдавию, на что их подговаривал некий этерист капитан Георгий[2].

---

[1] ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 831, л. 15 и на обороте (черновик).

[2] «Дело о секретных розысканиях этеристов. Секретная переписка», ф. 2, оп. 1, д. 752, л. 16.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

О дальнейшей судьбе Кирджали свидетельствуют архивные материалы, найденные Л. Н. Оганян в ЦГА МССР[1], которые дополняют сведения, данные нами выше, а также и рапорт наместника Бессарабского края И. Н. Инзова на имя царя от 29 марта 1823 года, в котором Инзов сообщает следующее: «**Главнейший из числа молдавских разбойников, есть тот самый Георгий Кирджали** (подчеркнуто мною.— *Б. Т.*), который в минувшем феврале месяце ограбил молдавское местечко Скуляны, но перейдя Прут в Бессарабию тайно, был здесь пойман и передан в Молдавию, где, содержась в тюрьме, вместе с караульными турками бежал, и собрав свою партию, производит новые грабительства»[2]. (Здесь, конечно, идет речь об ограблении молдавских бояр, чьи богатства народные мстители раздавали безвозмездно беднякам.) Затем, следовательно, Кирджали был пойман вновь, передан туркам и казнен ими 24 сентября 1824 года.

Нельзя не отметить и тот факт, **что в новых архивных материалах Кирджали называется сербом, а не болгарином, как его называл Пушкин, и что за границей Кирджали назывался Дмитрий Па́влович.**

Таким образом, новые архивные данные ценны тем, что, во-первых, они дают новое свидетельство об исторической достоверности существования гетериста и народного мстителя Георгия Кирджали (или Еоргия Кирджали), прототипа героя пушкинской повести; во-вторых, подтверждают, что поисками Кирджали в целях его ареста царские сатрапы занимались и в апреле 1822 года, и, наконец, в-третьих (и последнее для нас особенно важно), поиски и поимка Кирджали происходили в 1822—1823 гг., в тот период, когда Пушкин жил в Молдавии. И не может быть, чтобы Пушкин не знал от Инзова и Катакази (с последним он был хорошо знаком) о поисках, а затем поимке Кирджали. «Очень может быть,— пишет И. П. Липранди,— что Пушкин слышал о разбоях и выдаче Кирджали и оставил это без

---

[1] *Л. Н. Оганян.* Новые архивные материалы о герое повести А. С. Пушкина «Кирджали». Сб.: «Пушкин на юге». «Труды пушкинских конференций Кишинева и Одессы». Кишинев, Госиздат Молдавии, 1958, стр. 37—56.

[2] *В. І. Селінов.* До питання про джерела повісті Пушкіна «Кірджалі», стор. 100.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

внимания, как событие тогда совершенно не значущее»[1].

В связи с этим напрашивается еще одно предположение. В стихотворном наброске «Чиновник и поэт» чиновник, собеседник автора (Пушкина), сообщает, что «сегодня мы выпровождаем из тюрьмы за молдаванскую границу Кирджали». Эти строки звучат уже как свидетельство, если не очевидца, то во всяком случае современника, хорошо осведомленного о случившемся в Кишиневе событии. Отсюда возникают два вопроса: 1) Не можем ли мы отнести этот эпизод к февралю 1823 года (о чем сообщал в рапорте И. Н. Инзов)? и 2) Мог ли Пушкин упустить столь удобный случай лично увидеть прославленного молдавского гайдука и не присутствовать при выдаче Кирджали туркам? Если же мы добавим, что эта же сцена выдачи Кирджали туркам **вторично** наиболее подробно, как это мог сделать очевидец, описана поэтом в повести «Кирджали» — то вполне закономерным будет предположить, что Пушкин, возможно, лично видел Кирджали. Может быть, поэт присутствовал и при выдаче его туркам, хотя все остальное в повести он мог описать и со слов Лекса (столоначальника канцелярии Инзова), который мог знать о Кирджали из официальных бумаг и рассказать о нем Пушкину еще в Кишиневе.

Значение новых архивных материалов заключается в том, что они дают дополнительные факты к истории гайдуцкого движения в Молдавии, классовой борьбы молдавского народа, совместной борьбы русского, молдавского и балканских народов со своими угнетателями в первой четверти XIX века.

В заключение нужно отметить, что сообщение Пушкина о поимке Кирджали в Кишиневе соответствует вполне архивным данным (вспомним, что частный пристав Павлов сообщал об отъезде Кирджали в Кишинев). И Кирджали пойман в Кишиневе так, как это описано Пушкиным в его повести «Кирджали». «Полиция стала доискиваться. Узнали, что Кирджали находится в самом деле в Кишиневе. Его поймали в доме беглого монаха, вечером, когда он ужинал, сидя в потемках с семью товарищами»[2]. Этот отрывок звучит прямо-

[1] *И. П. Липранди.* Из дневника... «Русский Архив», 1886, № 10, стб. 1395.

[2] *А. С. Пушкин.* Соч., т. VIII (1), стр. 257.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

таки как продолжение донесения пристава Павлова об отбытии Кирджали в Кишинев и секретного предписания К. А. Катакази кишиневскому полицмейстеру о розыске Кирджали[1].

Это поразительное совпадение фактов из художественного произведения Пушкина о Кирджали с фактами историческими, эта историческая достоверность происшествия с Кирджали, описанная Пушкиным, дает нам еще одно бесспорное свидетельство хорошей осведомленности Пушкина о Кирджали и фактах поимки его, помимо того, что он узнал (по его собственному свидетельству) от Лекса.

Однако в повести, как справедливо указывают исследователи, есть и несоответствие с архивными данными. Здесь идет речь о дате поимки Кирджали, которую Пушкин в повести относит к сентябрю 1821 года. Но если учесть, что Пушкин неоднократно терял свои записки о Бессарабии и гетерии, возможно предположить, что Пушкин просто забыл дату, ибо в архивных данных и донесении Инзова точно указаны даты поисков (апрель 1822) и поимки и побега (февраль 1823 года) Кирджали. Отсюда, к слову сказать, написание стихотворного отрывка «Чиновник и поэт» нужно относить, на наш взгляд, не ранее как к 1822 году, еще точнее—к февралю 1823 года, когда Кирджали был выдан турками и затем бежал, а не к 1821 году (как это указывается в 10-томном академическом издании произведений поэта 1949 года). Что же касается того факта, что Пушкин не указал имени героя своей повести, то это можно, видимо, объяснить тем, что поскольку впоследствии многие народные мстители стали носить имя Кирджали, то Пушкин и не стал давать имени своему герою, выведя его как собирательный образ гетериста и молдавского народного мстителя. Таким образом, **повесть «Кирджали» является правдивым, реалистическим художественно-историческим документом, имеющим определенную историко-познавательную ценность, а сам образ Кирджали имеет своим прототипом народного мстителя Георгия**

---

[1] См.: найденные Л. Н. Оганян новые архивные материалы (упомянутые нами выше). Сборник «Пушкин на юге», Кишинев, Госиздат Молдавии, 1958, стр. 37—56.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Кирджали, жившего в Молдавии в период пребывания там Пушкина.

Необходимо в заключение отметить еще и следующий факт, лишний раз свидетельствующий о знании Пушкиным молдавского фольклора, который, так же как и факты из жизни молдавского народа, был использован поэтом в его творчестве и в частности в повести «Кирджали».

Молдавский исследователь В. П. Коробан в своей статье «Мотивы молдавских баллад в повести А. С. Пушкина «Кирджали»[1] обнаруживает связь между «Кирджали» и молдавскими балладами о гайдуках. В. П. Коробан отмечает, что в повести «Кирджали» сцена побега Кирджали из Ясской тюрьмы во многом напоминает подобные сцены из молдавских баллад «Кодрян» и «Груя Грозован». И, устанавливая некоторые совпадения в характеристиках образов гайдуков в балладах с характеристикой образа Кирджали, а также в обрисовке ряда бытовых деталей в балладах и повести, В. Коробан высказывает предположение о том, что «великий поэт был знаком не только с содержанием баллад, но и их отдельными деталями».

Произведение «Кирджали» пользуется большой популярностью. Оно было одним из первых произведений Пушкина, переведенных на молдавский язык. И молдавский народ не может не быть признателен великому русскому поэту-гражданину за то, что он в художественной форме увековечил образ одного из выдающихся народных мстителей Молдавии, боровшихся за свободу и независимость молдавского народа.

---

[1] «Октябрь» («Октомбрие»), 1956, № 8, август, стр. 85—88.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«ТВОЕЙ МОЛВОЙ НАПОЛНЕН СЕЙ ПРЕДЕЛ»

Прошло свыше 150 лет со времени пребывания Пушкина в Молдавии. Молдавский народ свято хранит светлую память о поэте-гражданине. Об этом свидетельствуют, в частности, изустные рассказы и предания о поэте, которые широко распространены среди молдавского народа. И молдаване, жители г. Кишинева, с гордостью говорят: «Здесь в Молдавии, здесь в Кишиневе жил Пушкин!» В этой любви к Пушкину находят свое яркое выражение дружеские чувства молдавского народа к своему старшему брату — русскому народу и его литературе, ярчайшим представителем которой является великий поэт.

Царское правительство делало все, чтобы уничтожить у молдавского народа всякое воспоминание об опальном поэте. Так, потребовалось пять лет, прежде чем была удовлетворена просьба передовой общественности об открытии в городе скромного памятника поэту, сооруженного на средства, собранные путем добровольных пожертвований. Один из старожилов г. Кишинева Л. С. Мацеевич писал с горечью в 1880 году, что «вообще ничего не сделано для того, чтобы обеспечить навсегда память Пушкина в Кишиневе»[1]. Не менее яркие факты преступного равнодушия официальных кругов царской России и, в частности, молдавских господ

---

[1] *Л. С. Мацеевич.* Из Кишинева о Пушкине. «Отзывы о Пушкине с юга России». Собрал В. А. Яковлев. Одесса, 1887, стр. 26 (перепечатано из «Правды», за 23, 24, 27 мая 1880 г.).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

конца XIX века к памяти Пушкина описаны в газете «Бессарабец». Автор заметки «К юбилею Пушкина» пишет: «В Кишиневе по этому поводу, как говорится, полное затишье». А упоминая о доме И. Н. Наумова (где теперь дом-музей А. С. Пушкина), автор с горечью отмечает: «Но где этот дом, никто не знает, так как никто не задавал себе труда отыскать его... и сохранить»[1].

Но молдавский народ, жители Кишинева всегда знали о доме, передавали о нем сведения из поколения в поколение. Многие из коренных жителей Кишинева знали, что дом этот находится в нижней части города, в так называемом «старом» Кишиневе. И задолго до открытия музея в этом доме местные жители показали автору этих строк в сентябре 1944 года, где находится «дом Пушкина», как они его называли. Не менее гнусным фактом преступного равнодушия господствующих классов царской России к памяти великого русского поэта является эпизод с подпиской на посмертное собрание сочинений поэта в Молдавии. В сохранившемся в местном архиве «Деле о выписке полного собрания сочинений покойного поэта Пушкина» сообщается, как происходила подписка среди дворян Молдавии в 1838 году. Ясско-Сорокский предводитель дворянства сообщает, что «из числа предводимых мною дворян, желающих внести на получение сего сочинения 35 рублей с пересылкой не оказалось»[2].

Почти аналогичные сообщения поступили и от других предводителей дворянства, у которых в лучшем случае подписывалось по 5—6 дворян. Молдавские Собакевичи из «орды бояр» проявили тупое равнодушие к творчеству великого русского поэта.

Румынские бояре, оккупировав правобережную Молдавию, истребляли все, связанное с русской культурой. И в первую очередь под строгим запретом находились произведения «крамольного поэта»— А.С. Пушкина.

Только при Советской власти народы всей нашей великой Родины получили возможность широко ознакомиться с творчеством великого русского поэта-гражданина.

Освобожденный молдавский народ вместе со всеми народами нашей Родины получил неограниченные воз-

---

[1] «Бессарабец», № 315, 5 сентября 1898 г., стр. 3.
[2] ЦГА МССР, ф. 86, оп. 1, д. 909, л. 63.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

можности приобщения к братской русской культуре и в том числе к светлому роднику пушкинского творчества. Выдающимся культурным событием в жизни молдавского народа явилось издание в 1949 году однотомника избранных произведений Пушкина, а в 1962 году—трехтомника на молдавском языке. Над переводом произведений поэта работали все ведущие молдавские писатели: Ем. Буков, Г. Менюк, А. Лупан, Ю. Баржанский, Л. Деляну, Б. Истру, П. Крученюк и др. В 1951 году вышел отдельным изданием роман в стихах «Евгений Онегин, перевод Ю. Баржанского. И теперь нет колхозной, сельской библиотеки, где бы не было произведений Пушкина на молдавском языке.

Работа над переводами произведений Пушкина, как свидетельствуют молдавские писатели, была для них большой школой поэтического мастерства. В процессе этой работы молдавские поэты, прозаики и драматурги обогащали современный молдавский литературный язык, совершенствовали свое творческое мастерство. В связи с этим значительный практический интерес представляет и изучение связей молдавской литературы с Пушкиным, использование его великого творческого опыта в борьбе за создание совершенных в идейно-художественном отношении произведений молдавской советской литературы. Не меньшее значение имеет и изучение темы «Пушкин и общие проблемы развития литературного языка», ибо и здесь колоссальная работа, проделанная Пушкиным, является великим примером для молдавских писателей, в их борьбе за совершенствование и развитие молдавского литературного языка.

Влияние Пушкина на молдавскую как классическую, так и современную литературу, изучение взаимосвязей Пушкина с молдавской литературой и фольклором является одной из важнейших, но пока еще мало изученных тем, хотя ряд ученых и писателей Молдавии взялись уже за ее серьезное изучение.

Тема «Пушкин в Молдавии»—объемна и включает в себя огромное количество проблем и тем, связанных с историей Молдавии, с историей молдавской литературы, историей исконных взаимосвязей русского и молдавского народов, с проблемами развития современной молдавской культуры, литературы.

Изучение темы «Пушкин в Молдавии» в последние

Пушкинский кабинет ИРЛИ

годы явно продвинулось вперед. В республике имеются уже кадры молдавских пушкиноведов, которые написали ряд исследовательских работ, опубликованных в союзной и местной печати.

На проходивших в 1954—1963 гг. I—X объединенных конференциях пушкиноведов Одессы и Кишинева молдавские пушкиноведы выступили с рядом докладов и сообщений, значительно углубивших и расширивших изучение темы «Пушкин в Молдавии». Материалы четырех конференций опубликованы в специальных сборниках[1].

Однако все это только начало углубленного и развернутого изучения темы «Пушкин в Молдавии». Перед нами обширное поле деятельности для научно-исследовательской работы.

В 1974 году весь многонациональный советский народ отметил 175-летие со дня рождения А. С. Пушкина. Эти дни были подлинным праздником как для молдавского народа, так и для всех народов нашей Родины.

Исполнились пророческие слова Пушкина:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык!

---

[1] См. сб.: «Пушкин на юге». Труды пушкинских конференций Кишинева и Одессы, т. I, Кишинев, Госиздат Молдавии, 1958 и «Пушкин на юге», т. II, 1961.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

БИБЛИОГРАФИЯ К ТЕМЕ «ПУШКИН В МОЛДАВИИ»

Основная библиография

А. С. Пушкин. Академическое полное собрание сочинений, тт. I—XVI, 1937—1949; тт. I—X, 1949.

1. *Анненков П. В.* Материалы для биографии А. С. Пушкина. Сочинения Пушкина, 1885 г., т. I.

2. Его же. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений. Изд. 2-е. СПб., 1873, гл. V—VI, стр. 64—85.

3. Его же. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху, 1799—1826 гг. СПб., 1874 г., гл. IV—V, стр. 139—214.

4. *Белинский В. Г.* Сочинения Александра Пушкина, статьи четвертая — одиннадцатая.

5. *Бродский Н. Л.* А. С. Пушкин. Биография. М., 1937 г., стр. 165—226.

6. *Бартенев П. И.* Пушкин в южной России. М., 1914. Первоначально опубликовано в издании: Пушкин в южной России. Материалы для его биографии, собираемые Петром Бартеневым. М., 1862 г. (отдельный оттиск из газеты «Русская речь и Московский вестник», 1861 год, № 85—104) и затем в «Русском Архиве», 1866 г., № 8—9, стб. 1089—1214.

7. *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина (1813—1826). Издательство Академии наук СССР, Москва—Ленинград, 1950, стр. 246—362.

Его же. Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967 г.

8. *Берков П. Н.* и *Лавров В. М.* Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем. 1885—1899. Изд.-во АН СССР, М.—Л., 1949 г., стр. 209, 218, 231, 240—249, 250—260, 277, 285, 297, 300—343, 403, 450—458, 504—569, 639, 695—697, 742, 624, 759, 765—792, 828, 839, 840—847, 852—855.

9. Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем. 1949 юбилейный год. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 50, 99, 118, 170—171, 358—359, 421—422.

10. Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем. 1951 г., АН СССР, М.—Л., 1954, стр. 12, 32, 33, 36—37.

11. Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем, 1952—1953 гг. АН СССР, М.—Л., 1955 г., стр. 37, 41, 45, 55, 89, 161, 169.

12. Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы

Пушкинский кабинет ИРЛИ

о нем, 1954—1957 гг., М.—Л., АН СССР, 1960 г., стр. 33, 57, 59, 74—75, 78—82, 116, 230, 276—277.

13. *Вельтман А. Ф.* Воспоминания о Бессарабии. Л. Майков. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899 г., стр. 102—126 (ранее опубликовано: «Из воспоминаний Вельтмана о времени пребывания в Кишиневе». Извлечение Е. С. Некрасовой.— «Вестник Европы», 1881, № 3, стр. 217—234).

14. *Горчаков В. П.* Выдержки из Дневника об А. С. Пушкине.— «Москвитянин», 1850 г., № 2, отдел 1, стр. 146—182.

15. Его же. Воспоминание о Пушкине (по поводу статьи: «Еще о Пушкине», помещенной в № 11 за 1857 г. «Общезанимательного вестника»), «Московские ведомости», 1858 г., «Литературный отдел» (и перепечатана в «Общезанимательном вестнике» за 1858 г., № 8).

16. *Драганов П. Д.* «Bassarabiana» («Бессарабиана»). Ученая, литературная и художественная Бессарабия. Изд. Бессарабского губернского земства, Кишинев, 1911 г. (на обложке: 1912 г.), стр. 134—143, Пушкин Александр Сергеевич.

17. Его же: Литература о пребывании Пушкина в Бессарабской губернии. СПб., 1899 г.

18. *Долгоруков П. И.* 35-й год моей жизни или два дня вёдра на 363 ненастья. Кишинев, 1822 г. Публикация и примечания М. А. Цявловского. Вступительная статья М. и Т. Цявловских. «Звенья», том IX, М., 1951 г., стр. 5—154.

19. *Добровольский Л. М.* и *Мордовченко Н. И.* Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем. 1918—1936 гг., ч. I, АН СССР, М.—Л., 1952 г., стр. 8, 18—19, 24, 27, 40, 42, 57, 59, 64, 68—70, 73, 81, 83, 85, 108—109, 117, 146—147, 157, 161, 183, 206.

20. История русской литературы (в 10-ти томах), издание Академии наук СССР, М.—Л., 1953 г., т. VI, стр. 188—210.

21. *Лернер Н.* Труды и дни Пушкина. Второе исправленное и дополненное издание. СПб., 1910 г., стр. 54—93 и 440—445.

22. *Липранди И. П.* Из дневника и воспоминаний. Заметки на предыдущую статью (т. е. «Пушкин в южной России» П. Бартенева.— Б. Т.).—«Русский Архив», 1866 г., № 8—9, стб. 1213—1284 и 1393—1491.

23. Его же. Замечания на «Воспоминания» Ф. Ф. Вигеля «Чтение в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете», М., 1873 г., апрель—июнь, кн. 2-я, стр. 195—251.

24. *Межов В. И.* Пушкиниана. Библиографический указатель статей о жизни А. С. Пушкина, его сочинений и вызванных ими произведений литературы и искусства». СПб., 1886 г., стр. 1—99, 162—200.

25. Его же. Открытие памятника А. С. Пушкину в Москве. СПб., 1885 г., стр. 8—9.

26. Молдаво-румыно-русско-украинские литературные связи. Краткий указатель. Кишинев, АН Молдавской ССР, 1959 г., стр. 18—24.

27. *Мейлах Б. С., Горницкая Н. С.* А. С. Пушкин. Семинарий. Л., Учпедгиз, 1959 г.

28. *Неговский Е.* Календарь дней Пушкина. Юбилейное изда-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ние 1937 года, в 6 выпусках. Кишинев, 1937 г., вып. V, стр. 419—430.

29. Пушкин А. С. 1799—1937. Рекомендательный указатель литературы. Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина, М., 1949 г.

30. Пушкин на юге. Труды пушкинских конференций Кишинева и Одессы, том I. Кишинев, 1958 г.

Содержание: Предисловие. I. *Богач Г. Ф.* Пушкин и молдавский фольклор; *Оганян Л. Н.* Новые архивные материалы о герое повести А. С. Пушкина «Кирджали»; *Трубецкой Б. А.* Кишиневские знакомые Пушкина (новые архивные материалы); *Борщ А. Т.* К вопросу об авторстве молдавской новеллы «Рэтэчиря», 1854 г.; *Черницкий Е. М.* Поэма А. С. Пушкина в переводе на молдавский язык; *Пензул А. П.* Стамати и Пушкин; *Гацак В. М.* Негруци и Пушкин; *Попович К. Ф.* Эминеску и А. С. Пушкин; *Вартичан И. К.* А. С. Пушкин в переводах А. М. Матеевича; *Аксенова Л. Л.* Пушкин и молдавская народная песня; *Оганян Л. Н.* К вопросу об отношении А. С. Пушкина к гетерии; *Трубецкой Б. А.* Пушкин в печати Бессарабии XIX—XX вв.

II. *Боровой С. Я.* Одесса пушкинской поры; *Бориневич-Бабайцева З. А.* Овидиев цикл в творчестве Пушкина; *Збандуто П. И.* Борьба Пушкина за народность русской литературы в период южной ссылки; *Мартынов В. В.* Пушкин и Мицкевич — поэты-лирики; *Ковальчук Е. П.* Мицкевич о Пушкине; *Дузь И. М.* Украинская тема в творчестве Пушкина (поэма «Полтава»); *Левченко М. А.* Пушкинские традиции в исторических произведениях Ив. Франко; *Недзведский А. В.* Пушкин в украинских переводах; *Копыленко М. М.* Одесские рукописные альбомы 20-х годов XIX в., с текстами произведений А. С. Пушкина; *Бориневич-Бабайцева З. А.* Высылка Пушкина из Одессы.

III. *Волков Р. М.* Реализм и народность баллад Пушкина; *Сидельников В. М.* Пушкин и народная поэзия; *Фатов Н. Н.* «Эзопов язык» в произведениях Пушкина южного периода.

Хроника

31. Пушкин на юге. Труды пушкинской конференции Одессы и Кишинева, том II. Кишинев, 1961 г.

Содержание: *Е. М. Черницкий.* Советское пушкиноведение за 40 лет.

I. Общие проблемы творчества. В. М. Сидельников. Фольклоризация произведений Пушкина; *Н. Н. Фатов.* Проблема «маленьких трагедий» Пушкина; *Н. А. Пауков.* Пушкин и сатирическая традиция Фонвизина; *П. И. Збандуто.* Горький в борьбе за реалистическое наследие Пушкина; *Л. М. Неизвестных.* А. С. Пушкин и советская литература.

II. Южный период жизни и творчества. З. А. Бориневич-Бабайцева. Лирика Пушкина южного периода; *Б. А. Трубецкой.* Пушкин на путях от романтизма к реализму; *Т. Г. Цявловская.* «Муза пламенной сатиры»; *Л. Н. Оганян.* К вопросу о стихотворениях В. Ф. Раевского к А. С. Пушкину; *Л. Н. Оганян.* А. С. Пуш-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

кин и молдавская тематика А. Ф. Вельтмана; *Г. Ф. Богач.* Еще одна инсинуация П. И. Липранди; *Г. Ф. Богач.* К истолкованию стихотворения Пушкина «Мой друг, уже три дня...»; *С. Я. Боровой.* «Путешествие Онегина» и одесская тема в русской литературе первой трети XIX века; *Н. В. Павлюк.* О языке первых глав «Евгения Онегина»; *П. Ф. Фоля.* Южный период жизни Пушкина в отображении советской художественной прозы; *Б. П. Ардентов.* Номинативные предложения в языке А. С. Пушкина.

III. Пушкин и культура народов Советского Союза. Н. К. Островская. А. С. Пушкин и О. М. Сомов; *Ш. М. Жовинская.* Крымские мотивы в творчестве А. С. Пушкина и Леси Украинки; *Г. И. Рудницкая.* Павло Грабовский о Пушкине; *О. Н. Ларионова.* Максим Рыльский — переводчик пушкинской лирики; *Э. М. Мартынова.* Багрицкий о Пушкине; *И. И. Богач.* Автограф первого молдавского перевода поэмы Пушкина «Кавказский пленник»; *И. К. Вартичан.* А. С. Пушкин в творчестве молдавских советских поэтов; *И. И. Ецко.* О молдавском переводе «Евгения Онегина»; *М. И. Яновер.* Кирджали и кирджалийцы в украинской, польской и молдавской литературах.

IV. Пушкин и культура стран народной демократии. И. Кр. Стойчев (Болгария). Пушкин в болгарской печати до освобождения 1878 года; *В. Велчев* (Болгария). А. С. Пушкин и болгарская литература; *В. В. Мартынов.* Пушкин в оценке прогрессивной польской общественности 20—40-х годов XIX века; *Б. И. Галащук.* Пушкин в оценке современных чехословацких литературоведов.

V. Пушкин и искусство. А. А. Грин. Образ А. С. Пушкина в драматургии и на сцене; *Г. Л. Островский.* Пушкинские темы и образы в русской дореволюционной кинематографии; *Р. М. Розенберг.* Поэма Пушкина «Цыганы» и опера Рахманинова «Алеко»; *Н. Ф. Таточко.* Пушкин в рисунках учащихся Молдавии.

VI. Проблема изучения пушкинского творчества. С. Я. Вортман. Некоторые итоги изучения «Одесской главы» биографии Пушкина; *Н. В. Павлюк.* Работы Б. В. Томашевского о языке и стиле А. С. Пушкина; *В. П. Благодаров.* Пушкин о телесном воспитании человека; *В. С. Алексеев-Попов.* Об основных принципах построения экспозиции музея А. С. Пушкина в Одессе.

Некрологи. Хроника.

32. Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. Подготовили к печати и комментировали М. А. Цявловский, Л. В. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.—Л., 1935 г., стр. 30—34, 156—157, 273—274, 192—296, 394—397 и 485—940.

33. *Томашевский Б.* Пушкин. Книга первая (1813—1824), АН СССР, М.—Л., 1956 г., стр. 371—674; Пушкин. Книга вторая, материалы и монографии (1824—1837). М.—Л., АН СССР, 1961 г., стр. 165—171, 200—244, 269—281, 370—383, 430—432, 491—495.

34. *Фомин А. Г.* Пушкиниана. 1900—1910 гг., Л., 1929 г., стр. 65—234.

35. Его же. Пушкиниана. 1911—1917 гг., М.—Л., 1937 г., стр. 95—394.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

36. *Халиппа И.* Город Кишинев времен жизни в нем Александра Сергеевича Пушкина, 1820—1822 гг., город Кишинев, 1899 г. (отдельный оттиск из трудов Бессарабской губернской ученой архивной комиссии, т. I. Кишинев, 1900, стр. 97—163).

37. *Цявловский М. А.* Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. Изд. Академии наук СССР, Москва, 1961 г. (к теме: «Пушкин в Молдавии», см. стр. 244—425).

38. *Черейский.* Пушкин и его окружение. Л., изд-во «Наука»; 1975.

39. *Шимановский А. Н.* Александр Сергеевич Пушкин в Кишиневе в связи с предыдущей и последующей жизнью. Кишинев, 1900 г.

40. *Яцимирский А.* Пушкин в Бессарабии (20 сентября 1820 года — 2 июля 1823 года). Библиотека великих писателей под редакцией С. А. Венгерова. Пушкин, т. II, изд. Брокгауз-Эфрон, СПб., 1908 г., стр. 158—178.

* * *

1. *А. К.* Память об А. С. Пушкине в Болграде. «Одесский листок», 1898 год, № 291, 8(20) декабря, стр. 5.

2. Аккерман. «Новое время», 1899, 1 мая, № 7323 (о пребывании Пушкина на юге, в частности, в Аккермане). Поправка. *Кузьмин Н. О.* Пушкин в Бессарабии. (Письмо в редакцию). «Новое время», 1899, 6 мая, № 8328.

3. *Александровский Г.* Жизнь и творчество А. С. Пушкина на юге России. Из публичных чтений о Пушкине. «Ежегодник коллегии Павла Галагана», Киев, 1898—1899 гг.

4. *Ашукин Н.* Пушкин в Кишиневе. «Литературная газета», 1940 г., 5 июня.

5. *Антонович И.* Пушкин на юге (1820 г.). «Южно-русский альманах», год третий. Изд. Ю. Сандомирского, Одесса, 1897 г., стр. 45—48.

6. *Бонч-Бруевич Влад.* Ценный документ о Пушкине, «Правда», 1936 г., 11 декабря, № 340, стр. 6.

7. *Бонди С.* Новые страницы Пушкина. Стихи, проза, письма. М., 1931, стр. 74—82 («Если с нежной красотой», новое альбомное стихотворение Пушкина).

8. Его же. Отчет о работе над четвертым томом «Пушкин. Временник пушкинской комиссии», т. II, стр. 458—468.

9. Его же. Первая песнь поэмы «Вадим». Сб.: Пушкин родоначальник русской литературы, АН СССР, 1941, стр. 21—30.

10. Его же. Драматургия Пушкина и русская драматургия. Там же, стр. 372—373.

11. *Булашев Г.* А. С. Пушкин на юге.— Сборник Пушкина. Издание Киевского педагогического общества, Киев, 1899 г., ч. II, стр. 1—117.

12. *Базанов В.* Владимир Федосеевич Раевский. Изд. АН СССР, Л.—М., 1949, стр. 78—86.

13. Его же. Декабристы в Кишиневе (М. Ф. Орлов и В. Ф. Раевский). Кишинев, 1951 г., стр. 14—15, 18—19, 60—61.

14. *Беляев М. Д.* Пушкин в Бессарабии.— «Огонек», 1940 г., № 27 (714) от 30 сентября, стр. 19.

15. *Берков П. Н.* Заметка к биографии А. С. Пушкина (Пуш-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

кин в Аккермане). «Вестник Ленинградского университета», № 6, Л., 1949 г., стр. 140—144.

16. *Басаргин Н. В.* Записки Н. В. Басаргина, Пг., 1917 г., стр. 24—25, примеч. 2.

17. *Батюшков П. Н.* Бессарабия. Историческоое описание. СПб., 1892 г. (О Пушкине см. стр. 74—77).

18. (*Берг Н. В.*) Посмертные записки Николая Васильевича Берга. «Русская старина», 1891 г., № 2, стр. 250; № 3, стр. 582. (В. П. Горчаков, приятель Пушкина по Кишиневу, и дом И. Н. Инзова в Кишиневе).

19. *Британ М. И.* Настольный литературно-экономический календарь «Бессарабия» на 1895 г. со справочным отделом и адрес-календарем. Год III, Кишинев, 1894 г. (вышел в 1895 г.). (О Пушкине в Кишиневе, стр. 57—72.)

20. *Биллинкис О.* Об эпиграмме Пушкина «Жив, жив, курилка!» Отрицательные критические отзывы в 1820 г. о «Кавказском пленнике» и «Черной шали». «Литературное наследство», № 58, АН СССР, М., 1952 г., стр. 338—339.

21. *Богач Г. Ф.* Молдавские предания, записанные Пушкиным. Пушкин. Исследования и материалы. Труды третьей Всесоюзной Пушкинской конференции. АН СССР, М.—Л., 1958 г., стр. 213—240.

22. Его же. Оригиналы народных валашских песен, переведенных Пушкиным в Кишиневе. Ученые записки Института истории, языка и литературы Молд. филиала АН СССР, 1955 г., т. 4—5, стр. 206—229.

23. Его же. Пушкин и молдавский фольклор. Кишинев, 1963 г.

24. *Акад. Виноградов В. В.* Язык Пушкина. Изд. «Академия», 1935 г. (см. анализ языка Пушкина на основе произведений кишиневского периода).

25. Его же. Стиль Пушкина. Госполитиздат, 1941 г. (см. анализ стиля Пушкина на основе произведений кишиневского периода).

26. *Вересаев В.* Пушкин в жизни. Изд. VI, значительно дополненное, в двух томах. М., «Советский писатель», 1936 г., том I, разд. VI, стр. 157—204.

27. Его же. Спутники Пушкина. В двух томах. М., 1937 г., том I, стр. 247—301.

28. *Ф. Ф. Вигель.* Записки, в семи частях. Изд. «Русского Архива» (дополнение с подлинной рукописи), М., 1892 г., ч. VI, гл. 1, стр. 9—12, гл. 7, стр. 97—98, гл. 8, стр. 115—116, гл. 10, стр. 151—163, гл. 12, стр. 171—172. (Первоначально записки печатались в «Русском вестнике», 1864—1865 г. Первые отдельные издания их под заголовками: «Воспоминания Ф. Ф. Вигеля» вышли в трех томах в 1866 г. С сокращениями «Записки» изданы под редакцией С. Штрайха в 1928 г.)

29. *Воскресенский А.* Пушкин в Бессарабии. По поводу столетия со дня рождения поэта. Кишинев, 1899 г.

30. *Висковатый П.* Дом Пушкина в Кишиневе. «Всемирная иллюстрация», 1887 г., стр. 87—90 и 96.

31. *Вартичан Р. К.* Молдавские классики о великом поэте. «Советская Молдавия», 10, 11, 1957 г.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

32. В Кишиневе, в Петербурге и Святогорском монастыре.— «Живописное обозрение», 1880 год, VIII, № 21.

33. *Гроссман Л.* Пушкин. Серия «Жизнь замечательных людей», М., 1939 г., стр. 230—267; М., 1958 г., стр. 175—239 и М., 1960 г.

34. Его же. У истоков «Бахчисарайского фонтана». Пушкин. Исследования и материалы, т. III, 1960 г., стр. 49—100.

35. *Гане, д-р.* По следам А. С. Пушкина в Бессарабии.— «Новый путь», 1936 г., № 2—3, февраль—март, стр. 39—44.

36. *Гессен С. Я.* Пушкин в Каменке.— «Литературный современник», № 1, 1935 г., стр. 191—205.

37. *Городецкий Б. П.* Драматургия Пушкина. АН СССР, М.—Л., 1963 г., стр. 72—85.

38. Его же. Лирика Пушкина. АН СССР, М.—Л., 1962 г., стр. 207—278.

39. *Грот Я.* Первенцы Лицея и его предания. «Складчина». Литературный сборник, СПб., 1974 г., стр. 365—376.

40. *Гербановский К.* Несколько слов о пребывании Пушкина в г. Кишиневе.—«Новороссийские ведомости», 1869 г., № 51.

41. Его же. Новые сведения о пребывании А. Пушкина в Бессарабии.— «Новороссийский телеграф», 1879 г., № 1374. (Перепечатано в «Петербургском листке» за 1879 г., № 204.).

42. *Гершензон М.* М. Ф. Орлов, «История молодой России». М., 1908 г., гл. I, стр. 27—28.

43. *Глумов А.* Пушкин, Верстовский и Виельгорский.— «Советская музыка», 1934 г., № 1, стр. 71—87.

44. Его же. Музыкальный мир Пушкина. М.—Л., Музгиз, 1950 г., стр. 71—81, 90—93.

45. *Голяков М.* Суд и законность в художественной литературе. Очерк четвертый. «Социалистическая законность». М., 1949 г., № 9, стр. 34—39; Пушкин об обстоятельствах, приведших к преступлению «братьев-разбойников», стр. 35.

46. *Акад. Гордлевский В. А.* Кто такой Кирджали? (Историко-фольклорный комментарий.) А. С. Пушкин, 1799—1949. Материалы юбилейных торжеств, М.—Л., 1901, стр. 262—281.

47. *Гудзий Н. К.* «Братья-разбойники» Пушкина. Известия Академии наук СССР, отделение общественных наук, 1937 г., № 2—3, стр. 643—658.

48. Гречанка Калипсо. (Без автора.) — «Южное обозрение», 1899 г., 23 мая, № 817, стр. 10.

49. *Гарин С.* Табор в Сороках.— «Литературная газета», № 17 от 10 февраля 1961 г.

50. *Г(оре).* Несколько слов об А. С. Пушкине.— «Бессарабские областные ведомости», 1866 г., № 44, стр. 319—320.

51. *Двойченко-Маркова Е. М.* Пушкин и румынская (молдавская, валашская?— *Б. Т.*) народная песня о Тудоре Владимиреску. Пушкин. Исследования и материалы. АН СССР, т. III, М.—Л., 1960 г., стр. 402—417.

Ее же. Русско-румынские литературные связи в первой половине XIX в., гл. 1, М., «Наука», 1966 г.

52. *Дурново Н.* «Узник». Пушкин в народной переделке. «Пушкинский сборник». Статья студентов Московского университета под редакцией профессора А. И. Кирпичникова. М., 1900, стр. 237—254.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

53. Домик в Кишиневе (без автора).— «Смена», М., 1949 г., № 10, стр. 5.

54. *Житецкий Игн. (П).* Из первых лет жизни Пушкина на юге России.—«Киевская старина», 1889 г., № 5, стр. 283—306 (и отдельный оттиск, Киев, 1899 г., в статье — биографические данные о Пушкине 1820—1821 гг.).

55. *Закруткин В. А.* «Братья-разбойники» Пушкина. Ученые записки Государственного педагогического института имени А. И. Герцена, т. 2. Л., 1936 г., стр. 218—239 (и в несколько измененном виде под тем же заглавием опубликовано в журнале «Красная Новь», 1936 г., № 6, стр. 169—189).

56. Его же. Разбойничий фольклор в «Братьях разбойниках» Пушкина.— «Резец», 1936, № 2, январь.

57. Его же. Незавершенные замыслы Пушкина в Кишиневе. Пушкин 1837—1937. Ростов-на-Дону, 1937 г.

58. Его же. «Братья разбойники» Пушкина. В кн.: *Закруткин.* «Пушкин и Лермонтов». «Исследования и статьи». Ростов-на-Дону, Ростиздат, 1941 г., стр. 23—95.

59. *Загорский Н.* Комедия Пушкина об Игроке.— «Советское искусство», 1926 г., 17 декабря.

60. *Зеленецкий К. П.* Сведения о пребывании А. С. Пушкина в Кишиневе и Одессе.—«Москвитянин», 1854 г., № 9, май, кн. I, отдел 5, стр. 1—16.

61. *Зенгер Т. Г.* (Цявловская Т. Г.) (Публикация.) Автографы Пушкина. Стихи I. Молдавская песня. «Летописи Государственного литературного музея Пушкина». Книга I. М., 1936 г., стр. 295—296.

62. *Измайлов Н. В.* Поэма Пушкина о гетеристах (из эпических замыслов кишиневского времени, 1821—1822 гг.), «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», № 3. М.—Л., 1937 г., стр. 339—348.

63. *Исаковский М.* Заметки о поэзии. (Использование М. Светловым в стихотворении «Гренада» формы стихотворения «Черная шаль».) —«Знамя», М., 1949 г., кн. 8, стр. 174—175.

64. *Инжеватов И.* Пушкин и молдавский народ. Кишинев, 1949 г.

65. Его же. История памятника поэту в Кишиневе.— «Советская Молдавия», № 106 (1433) от 23 мая 1949 г.

66. Кишинев во времена Пушкина. Юбилейный сборник Кишинева 1812—1912 гг., ч. I. Кишинев, 1914 г., стр. 23—43.

67. *Кульман Н.* К историй масонства в России. Кишиневская ложа. Журнал Министерства просвещения, 1907 г., сентябрь, стр. 343—373 (и отдельное издание, СПб., 1907 г.).

68. К истории ссылки поэта А. С. Пушкина в южную Россию. (Письма: кн. Волконского генералу Инзову, генерала Инзова к кн. Волконскому и кишиневские новости по донесениям секретных агентов.) — «Русская старина», 1883 г., декабрь, т. 40, стр. 654—658.

69. *Кочубинский А.* Черты края в произведениях Пушкина. (Речь, произнесенная в Кишиневе 26 мая 1885 года при открытии памятника поэту.)

70. *Кобылянский Ян.* Пушкин в Кишиневе.— «Бессарабец», 1899 г., 22 мая, № 127, стр. 2.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

71. *Кауфман С.* В селе Долна.— «Советская Молдавия» от 20 марта 1949 г.

72. Его же. Там, где бывал Пушкин...— «Советская Молдавия», № 110 (1437) от 4 июня 1949 г.

73. *К. Х. Кирджали.* — «Бессарабские областные ведомости», 1862 г., № 2, стр. 7.

74. К юбилею Пушкина (без автора).— «Бессарабец», 1898 г., № 215 от 5 ноября, стр. 3.

75. *Карагуш.* По городам и весям Бессарабии.— «Новороссийский телеграф», 1899 г., от 10 мая, № 7806.

76. Его же. Пушкин в Кишиневе. Там же от 25 мая (6 июня), № 7820.

77. *Косарик Дм.* Пушкін на Україні. За редакцією проф. М. О. Цявловского. Харків, «Мистецтво», 1937 г.

78. Его же. Пушкин на Украине. Киев, 1949 г.

79. *К.А.П.* Бессарабия в произведениях Пушкина. «Русский Архив», 1901 г., книга II, стр. 128—133 (извлечено из «Новороссийского телеграфа», 1899 г., № 17824).

80. Его же. Пушкин в Болграде. «Русский Архив», 1900 г., кн. I, вып. III, стр. 400—402. (Впервые опубликовано в «Одесском листке», 1899 г., 9 марта, № 64.)

81. *Лернер Н.* Нечто новое о Пушкине в Кишиневе (о поэме «Гавриилиада»).— «Бессарабские губернские ведомости», 1901 г., № 88, 19 апреля (1 мая).

82. Его же. Еще о «Гавриилиаде» Пушкина.— «Бессарабские губернские ведомости», 15 октября 1902 г., № 225.

83. Его же. Заметки о Пушкине.— «Русская старина», 1908 г., кн. 3, стр. 661—662.

84. Его же. «Разъяснения о происхождении стихотворения А. С. Пушкина «Земля и море» (библиографическая попытка) и «Еще о стихах Пушкина». «Земля и море», «Русский Архив», 1899 г., кн. 3, стр. 451 и 612.

85. Его же. Заметки о Пушкине. 2. Стихи о Греции. Сборник «А. С. Пушкин», изд. журнала «Русский библиофил», 1911 г., стр. 62—66.

86. Его же. По следам Пушкина. Где две повести Пушкина? (О молдавских преданиях, записанных Пушкиным.) — «Стройка», Л., 1930 г., 5 мая, № 7, стр. 14.

87. *Л.* Заметка по поводу статьи П. В. Анненкова о Пушкине.— «Вестник Европы», 1874 г., т. 3, кн. 6-я, июнь, стр. 857—858. (О предупреждении Пушкиным В. Ф. Раевского о грозящем ему аресте.) См. также: «Вестник Европы», 1887 г., июнь, стр. 657 и «Русская старина», 1887 г., т. 6, стр. 132.

88. *Лонгинов М. Н.* Заметка на статью «Пушкин в южной России». «Русский Архив», 1866 г., стр. 1749—1753.

89. *Лобода А. М.* Пушкин в Каменке. «Университетские известия», № 5, май, Киев, 1899 г., отдел 2-й, стр. 84—99.

90. *Линин А. М.* А. С. Пушкин на Дону. Историко-литературный очерк. Ростиздат, 1941 г.

91. Его же. То же. Издание 2-е. Ростиздат, 1949 г.

92. *Л. Н.* Из Кишинева.— «Новое время», 1899, 9 мая, № 3331 (о пребывании Пушкина в Кишиневе).

93. *Майков Л. Н.* Материалы для академического издания сочинений А. С. Пушкина. СПб., 1902 г., 58—194. (Бессарабские вос-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

поминания А. Ф. Вельтмана). Ранее опубликованы: «Русский вестник», 1893 г., № 12, стр. 8—51.

94. *Макаров Н.* Мои семидесятилетние воспоминания и с тем вместе моя полная предсмертная исповедь, ч. I, кн. I, стр. 100—101. (О списке «Гавриилиады» в двух частях.)

95. *Малеин Н.* Пушкин и Овидий. «Пушкин и его современники», 1916 г., т. 6, вып. XXIII—XXIV, стр. 45—66.

96. *Маркевич А. И.* Пушкин и Новороссийский край. «Сборник Новороссийского университета», Одесса, 1900 г., стр. 92—122.

97. *Мейлах Б. С.* А. С. Пушкин. Очерк жизни и творчества. М.—Л., Изд. АН СССР, 1949 г., стр. 39—55.

98. Его же. Пушкин и русский романтизм. М.—Л., Изд. АН СССР, 1937 г.

99. Его же. Декабристы в борьбе за передовую русскую литературу. Стенограмма лекций. Ленинград, 1950 г.

100. Его же. Художественное мышление Пушкина, как творческий процесс. М.—Л., АН СССР, 1962 г., стр. 166—189.

101. *М-ский К.* Был ли Пушкин в Болграде? (из письма в редакцию).— «Одесский листок», 1899 г., 24 января, № 22.

102. *Мавродиади А.* «Черная шаль» А. С. Пушкина. Пещеры монастыря Нямцу (перевод очерка К. Негруци).— «Бессарабские областные ведомости», 1869 г., № 96—98.

103. *Михайлов К.* Пушкин в Молдавии.— «Советское искусство», 1949 г., № 22, 28 мая, стр. 1.

104. (*Миленко Л. И.*) Речь, произнесенная на вечере драматического общества в память А. С. Пушкина.—«Бессарабец», 1899 г., 30 мая, № 139, стр. 3. (О Пушкине в Кишиневе.)

105. *Медведев Н. Н.* Об изучении Пушкина, 1837 г. 29. I. 1917 г.— «Бессарабская жизнь», 29.I.1917 г.

106. *М. З.* Образец делового слога Пушкина.— «Бессарабские областные ведомости», 1868 г., № 32.

107. *Негруци К.* «Păcatele tineretilor» («Грехи молодости»). Яссы, 1857 г., стр. 185—187 («Черная шаль») и 268—271 («Калипсо»); перепечатано на русском языке: 1) О бессарабских мотивах в творчестве Пушкина.— «Бессарабские областные ведомости» за 1866 г., № 44; 2) «Исторический вестник», 1884 г.; № 2, февраль, стр. 337—340; 3) «Южное обозрение», 1899 г., 23 мая, № 817, второй лист, стр. 10.

108. *Немировская К. А.* Повесть о вещем Олеге и летописное сказание. Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена, т. 76, Л., 1949 г., стр. 13—56.

109. *Нечкина М.* О Пушкине, декабристах и их общих друзьях. По неисследованным архивным материалам. «Каторга и ссылка», 1930 г., кн. 4 (65), стр. 7—40.

110. Ее же. Пушкин и декабристы. Вестник Академии наук СССР, 1937 г., № 2—3, стр. 150—168 (и ее же. Стенограмма лекции на ту же тему. М., 1949 г.).

111. Ее же. Новое о Пушкине и декабристах.— «Литературное наследство», № 58, М., АН СССР, 1952, стр. 163.

112. *Оксенов Инн.* Кирджали. Сборник «Пушкин», 1834 г. Л., 1934 г., стр. 50—54.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

113. *Оат В. И.* Где жил Пушкин в Кишиневе.— «Бессарабец», 1898 г., 8 ноября, 218, стр. 3.

114. * * * Пушкин в ссылке. — «Литературное наследство», № 16—18. М., 1934 г., стр. 657—678. 1) Вечер в Кишиневе (из бумаг «Первого декабриста В. Ф. Раевского»), стр. 657—666, 2) Из дневника прапорщика В. Ф. Лугинина за время с 15 мая по 19 июня, 1822 г., стр. 667—678.

115. Остафьевский архив князей Вяземских. II Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1820—1823 гг. Под редакцией и с прим. М. И. Саитова. СПб., 1899, стр. 253—327 (о жизни и произведениях Пушкина кишиневского периода).

116. Открытие памятника Пушкину в Кишиневе (26 мая 1885 г.): 1) «Исторический вестник», 1894 г., т. 15, стр. 451—452; 2) «Исторический вестник», 1885 г., т. 21, № 7, стр. 216; 3) «Новости» и «Биржевая газета», 1885 г., № 148; 4) «Нива», 1885 г., № 33, стр. 792; 5) «Суфлер», 1885 г., № 38.

117. *Олизар, Густав граф.* Его стихотворение-отзыв о «Братьях-разбойниках» Пушкина. Литературный архив, т. I, 1938 г., стр. 143—146.

118. *Осадченко И. Е.* Константин Негруци и его исторические новеллы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Кишинев, 1956 г.

119. Пушкин, Лермонтов, Гоголь.— «Литературное наследство», № 58, АН СССР, М., 1952 г., стр. 36—38, 40, 144, 200.

120. А. С. Пушкин, том VI, «Путеводитель по Пушкину». Приложение к журналу «Красная Нива» на 1931 год. М.—Л., 1931 г., стр. 10—11, 98—152, 204—246, 482—483 и др.

121. Пушкинский календарь. К столетию со дня гибели А. С. Пушкина. ОГИЗ, 1937 г., стр. 12, 36—37, 56—59, 66—67, 79, 90—91, 109, 118—119.

122. Пушкин. Очерк жизни и творчества. М.—Л., 1924 г., стр. 26—35 и 105.

123. Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников. Редакция, вступительная статья и примечания С. Я. Гессена. Л., 1936 г., стр. 28—37, 137—292.

124. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2-х томах. М., 1974 г.

125. Пушкин. Статья и материалы в 3-х выпусках под редакцией М. П. Алексеева. Одесса, 1925 г.— 1946 г. М. Алексеев. Мелкие заметки о «Гавриилиаде» и к портрету И. П. Липранди. Вып. I, стр. 20, 31—75. Пушкин и греческое восстание (опыт исторического комментария к филэллинистическим пьесам Пушкина), (вып. 2, стр. 5—31).

126. Пушкин в Бессарабии (без автора).—«Вестник литературный, политический, научный, художественный», 21 декабря 1893 г., № 2082.

127. Пушкин в Кишиневе. (Записано со слов В. П. Горчакова, 16 июня 1861 г., в Москве, в Грузинах, в деревне Мошково, П. Бартеневым.)—«Русский Архив», 1900 г., № 3, стр. 403.

128. А. С. Пушкин в Кишиневе (без автора). «Русский Архив», 1899 г., стр. 340—348. «Извлечено из «Московских ведомостей», 1887 г., № 39, от 8 февраля.

129. А. С. Пушкин в Кишиневе (1820—1823) (без автора).— «Нива», 1880 г., № 46, стр. 932—934.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

130. Пушкин в Кишиневе.— «Новороссийский телеграф», 1880 г., № 1574.

131. А. С. Пушкин в Кишиневе и Одессе.— «Одесский вестник», 1880 г., № 118.

132. Пушкин и кишиневцы.— «Правда», Одесса, 1880, № 147.

133. А. С. Пушкин в Кишиневе (без автора).— «Бессарабец», 1899 г., 26 мая, № 131, стр. 2.

134. Пушкин в Кишиневе (без автора).— «Бессарабское слово», 11 февраля 1937 г., стр. 1.

135. *П. В.* Альбом Пушкинской выставки 1880 года.— «Бессарабские губернские ведомости», 1883 г., № 17 и 19.

136. («Пушкин в Кишиневе»).— «Бессарабская почта», 11 февраля 1937 г., стр. 3—4.

137. А. С. Пушкин в Бессарабии.— «Одесский листок», 1899 г., 26 мая, № 134, стр. 3.

138. *Поливанов Лев.* Александр Сергеевич Пушкин. Материал для его биографии, 1817—1825 гг.— «Русская старина», 1887 г., январь, стр. 235—248.

139. (Письмо И. А. Каподистрии к И. Н. Инзову о Пушкине и Инзова к Каподистрии).— «Русская старина», 1887 г., январь, стр. 238—244.

140. Пушкин и Людмила И-зи (Инглези). (Из воспоминаний кишиневского старожила А. Тре-бова).— «Одесский вестник», 1880 г., № 118. Это же перепечатано: а) «Современные известия», 1880, № 149; б) «Смоленский вестник», 1880, № 59; в) «Одесский листок», 1899, № 134; г) «Курские губернские ведомости», 1899, № 133.

141. Памятник Пушкину в Кишиневе.— «Исторический вестник», 1884 г., т. 15, стр. 451—452.

142. Пушкин на юге России.— «Одесский листок», 1887 г., 29 января, № 27, стр. 2.

143. Путник (Лендер Н. И.). Кишинев. (Корреспонденция «Нового времени»).— «Новое время», 1898 г., 14.XI., № 8160 (о Пушкине в Кишиневе).

144. *Павловский И. Ф.* (сообщил) Осип Максимович Бодянский в его дневнике 1849—1850 гг.— «Русская старина», 1889 г., № 10, стр. 129, 134 (ссылка Пушкина в Бессарабию и рассказ Н. В. Гоголя о сообщенном ему Пушкиным анекдоте о П. П. Свиньине).

145. *Панфил В.* Пушкин и молдавские писатели.— «Советская Молдавия», 1949 г., 3 июня, № 109, стр. 3.

146. Ее же. Костаке Нэгруци — основоположник молдавской художественной прозы.—Журнал «Октомбрие» («Октябрь»), 1951 г., № 6, ноябрь—декабрь, стр. 81—88.

147. *Промптов.* По Днестру.— «Вокруг света», № 3, 1949 г., стр. 5—9.

148. Пушкин и Овидий.— «Россия», 1900 г., № 402.

149. Памятник Кагульской битвы. «Новороссийский календарь» за 1850 г., стр. 379—383. (Извлечено из «Одесского вестника» за 1850 г., стр. 89 и 90.)

150. Праздник в селе Пушкино (в связи с переименованием с. Долна в село Пушкино).— «Советская Молдавия», 1949 г., 5 июня, III, стр. 1.

151. Празднование 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина

Пушкинский кабинет ИРЛИ

в Молдавии в периодической печати 1949 г.; 1) ЦО «Правда» от 8 июня; 2) «Известия» от 20 марта; 3) «Советская Молдавия» от 16 февраля, 11, 15, 18, 22, 29 мая; 3, 4, 5, 6, 7 июня; 4) «Литературная газета» от 26 марта; 5) «Комсомольская правда» от 24 мая; 6) «Огонек» № 15, стр. 11. (С. Шервинский. Молдавия готовится к юбилею А. С. Пушкина).

152 Разговоры Пушкина. Собрали Сергей Гессен и Лев Модзалевский. М. 1929, г., стр. 22—45.

153. *Ралли-Арборе З. К.* Из семейных воспоминаний об А. С. Пушкине. «Минувшие дни», июль, 1908 г., СПб., стр. 1—6.

154. Его же. Роман Пушкина с цыганкой (во время жизни в Кишиневе). (Из моих воспоминаний.) — «Руль», 1913 г., № 424.

155. *Свирин Н.* Пушкин и греческое восстание.— «Знамя», ноябрь, кн II, М., 1935 г., стр. 209—240.

156. *Семевский В. И.* Декабристы-масоны.— «Минувшие годы», 1908 г., март, стр. 162—170. (О ложе «Овидий», № 25.)

157. Его же. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909 г. (участие Пушкина в кишиневской масонской ложе).

158. *Селінов. В. І.* До питання про джерела повісті Пушкіна «Кірджалі» (За архівними матеріалами). «Записки історично-філологічного відділу Київскої Академії наук», кн. XII—XIV, 1827 г., стр. 97—110.

159. Его же. Комментарии к отрывку «Из журнала греческого восстания», написанного Пушкиным в 1821 г. «Пушкин и его современники. Материалы и исследования». Выпуск XXXVIII—XXXIX. Л., 1930 г., стр. 63—70.

160. *Садиков П. А.* И. П. Липранди в Бессарабии 1820-х годов (по новым материалам). — «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», № 6, 1941 г., стр. 266—295.

161. *Смирнов И. А.* Дело о Пушкине (1820 г.). Изд. Пушкинской комиссии Одесского литературного артистического общества. Одесса, 1899 г.

162. Стасюлевич и его современники, т. III, стр. 657—658 (Пушкин и В. Ф. Раевский).

163. *С. М В.* Одна из наших окраин. — «Исторический вестник», 1892 г., № 10, стр. 192—193.

164. *Сушков К.* Пушкин в Молдавии.— «Советская Молдавия», 1949 г., № 42, 1 марта, стр. 3.

165. *Сиркес Як.* А. С. Пушкин на юге. Литературно-иллюстрированный альбом «Южный край». Одесса, 1899 г., стр. 52—58.

166. *Соколов А. Н.* Очерки по истории русской поэзии XVIII и первой половины XIX века. Изд. Московского университета, 1955 г., стр. 497—535 (Пушкинская романтическая поэма).

167. *Томашевский Б. В.* Из пушкинских рукописей.— «Литературное наследство», № 16—18, 1934 г., а) Запись метрической схемы стиха «Уж как пал туман седой на синее море», стр. 273—290; б) Поэма о гетеристах — план и черновой набросок начала поэмы в записи Пушкина, стр. 315—316 (см. также начало поэмы об А. Ипсиланти в соч. Пушкина в приложении к журналу «Нива», 1830 г., кн. I, стр. 365); в) Десятая глава «Евгения Онегина», стр. 379—420; г) Статья П. Дмитриева. Несколько турецких слов в записи Пушкина, стр. 319—320.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

168. Его же. Кишиневские годы. Литературный Ленинград, 1935, 20 сентября.

169. Его же. «Таврида» Пушкина. Ученые записки Ленинградского государственного университета, № 122, вып. 13, Л., 1949, стр. 97—124.

170. Его же. Неизданные материалы о Пушкине. «Чиновник и поэт», стихотворный набросок Пушкина, 1821 г. — Журнал «Звезда», 1930 г., № 7 стр. 216—217; Заметки по поводу суждения о «Проекте вечного мира» Сен-Пьера, там же, стр. 229.

171. Его же. Незавершенные кишиневские замыслы Пушкина. Пушкин. Исследования и материалы. Труды третьей Всесоюзной Пушкинской конференции. АН СССР, М.—Л., 1953 г., стр. 171—212.

172. *Трубецкой Б. А.* Пушкин в Кишиневе. — «Советская Молдавия» от 7 января 1945 г., № 5 (304).

173. Его же. Пушкин в Молдавии (брошюра). Госиздат МССР, 1947 г.

174. Его же. Пушкин в Молдавии. Госиздат МССР, 1949 г.

175. Его же. Новые архивные материалы о Кирджали.— «Литературное наследство», т. 58, 1952 г., стр. 333—337.

176. Его же. Пушкин в Молдавии (издание второе, переработанное). Госиздат МССР, 1954 г.

177. Его же. Пушкин в Молдавии. Изд. 3-е, 1963 г.

178. Его же. «Овидиев венец», 1969 г.

179. Его же. «Твоей молвой наполнен сей предел...», 1973 г.

180. *Трефолев Л.* Бенкендорфские «шалуны». — «Русский Архив», 1896 г., № 8, стр. 589—594 (о «Царе Никите» Пушкина).

181. *Фадеев А. Н.* Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева.—«Русский Архив», 1891 г., № 3, стр. 393, 399—400, и то же в двух частях, Одесса, 1897 г., ч. I, стр. 65, 77—78.

182. *Фейнберг И.* Странное Бендерское дело.— «Советская Молдавия», № 112 (1439) от 7 июня 1949 г., стр. 3.

183. Его же. Незавершенные работы Пушкина. М., 1955 г., стр. 141, 197, 199, 203, 237, 239, издание второе, дополненное, М., 1958 г., издание третье, дополненное, М., 1962 г.

184. *Францева Елиз.* А. С. Пушкин в Бессарабии (из семейных преданий).— «Русское обозрение», 1897 г., № 1, стр. 20—40; № 2, стр. 535—539 и № 3, стр. 5—32. Перепечатано: 1) «Бессарабец», 1897 г. от 10 апреля, № 55, стр. 2; 2) «Одесские новости», 1897 г., 27 января, № 3872. Пушкин в Бессарабии (маленький фельетон).

185. *Халиппа И. А.* Пушкин в Бессарабии. Заметки, воспоминания, документы из эпохи пребывания А. С. Пушкина в Бессарабии.—«Бессарабец», 1899 г., № 40, стр. 20.

186. *Халанский М.* К истории поэтических сказаний об Олеге вещем.— «Журнал Министерства народного просвещения», 1902 г., кн. VIII, отдел II, стр. 287—356.

187. *Хаждеу А.* Дука. Молдавское предание.— «Вестник Европы», 1830 г., ноябрь — декабрь, стр. 181—207.

188. Его же. Бессарабские литераторы.— «Телескоп», 1835 г., ч. 25, № 4, стр. 610—614.

189. *Цявловский М.* Новое о Пушкине в Кишиневе (по дневнику И. П. Долгорукова).— «Новый мир», кн. I, январь, М., 1937 г., стр. 287—290.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

190. Его же. Стихотворения Пушкина, обращенные к В. Ф. Раевскому.—«Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», № 6, 1941 г., стр. 41—50. (С этим же связана статья Медведевой; Элегия 1820 г. «Демон». Там же, стр. 51—56).

191. Его же. Из Пушкинианы П. И. Бартенева.— «Летописи Государственного литературного музея Пушкина», кн. I, 1936 г., М., стр. 548—558.

192. Его же. Автограф стихотворения Пушкина «Кинжал».— «Голос минувшего», М., 1823 г., № 1, стр. 21—25 (список, принадлежавший Н. И. Тютчеву, ошибочно принят за автограф. См. Пушкин. Академ. полн. собр. соч., т. II, кн. 2, с. 1090, примеч. М. А. Цявловского к стих. «Кинжал»).

193. Его же. Пушкин и национально-освободительная борьба.— «Советская Молдавия», Кишинев, 1949 г., № 96 от 15 мая, стр. 2.

194. Его же. Замечания М. П. Погодина на «Материалы для биографии Пушкина» П. В. Анненкова.— «Литературное наследство», № 58, АН СССР, М., 1952 г., стр. 354—356.

195. *Цявловская Т. Г.* Как были раскрыты два автографа Пушкина. I. Послание В. Л. Давыдову.— «Огонек», 1949 г., М., № 23, стр. 24.

196. Ее же. «Влюбленный бес» (неосуществленный замысел Пушкина). Пушкин. Исследования и материалы, М.—Л., АН СССР, 1960 г., т. III, стр. 101—130.

197. Чайковский Модест. Жизнь Петра Ильича Чайковского, т. II, стр. 639 (письмо к Н. Ф. фон Мекк из Каменки от 19 апреля 1884 г. с рассказом о воспоминаниях А. И. Давыдовой — вдовы декабриста В. Л. Давыдова).

198. *М. Чайковский* (Садык-паша). «Кирджали». Исторический роман.— «Колосья», журнал научно-литературный, 1885 г. СПб., № 2, февраль, стр. 286—332, № 3, март, стр. 80—171, № 4, апрель, стр. 59—154.

199. *Черницкий Е. М.* Пушкин на пути к реализму (южные поэмы). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Л., 1954, 15 стр. (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.).

200. *Чуйко Б.* Пушкин на юге России.— «Одесский листок», 1889 г., 15 апреля, № 99.

201. *Штрайх С.* Знакомец Пушкина — И. П. Липранди.— «Красная новь», 1935 г., книга II, февраль, стр. 212—218.

202. *Щеголев П. Е.* Из жизни и творчества Пушкина. Издание 3-е, исправленное и дополненное, М.—Л., 1931 г.

1) «К истории Пушкинской масонской ложи», стр. 281—285 (ранее напечатано: «Минувшие годы», 1908 г., № 5—6, стр. 517—520). 2) Из семейных воспоминаний о кишиневской жизни Пушкина (*Замфира Ралли-Арборе*), стр. 286—291 (ранее напечатано: «Минувшие годы», 1908 г., № 7, стр. 1—6).

203. Его же. Декабристы. М.—Л., 1926 год.

1) Владимир Раевский (первый декабрист), стр. 7—70. (Впервые опубликовано в ж. «Вестник Европы», 1903, апрель и издавалось дважды отдельными выпусками в издательстве «Обществен-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ная польза», 1-е в 1905 году, 2-е — в 1907 г. и опубликовано в «Исторических этюдах», СПб., 1913 г., стр. 195—252.)

2) Возвращение декабриста В. Ф. Раевского в 1858 году, стр. 71—83 (впервые опубликовано в ж. «Современник», декабрь, 1912 г., стр. 287—300).

204. *Эфрос А.* Рисунки поэта. М., изд. «Федерация», 1930 г., стр. 37—63, 73—98, 278—283 и 292—309.

205. Его же. Рисунки поэта. М., изд. «Академия», 1933 г.

206. Его же. Автопортреты Пушкина. М., Гослитмузей, 1945 г.

207. Его же. Пушкин-портретист. Два этюда. Гослитмузей, 1940 г., стр. 127—164.

208. *Яцимирский А.* Румынские (молдавские?— *Б. Т.*) параллели и отрывки в некоторых произведениях А. С. Пушкина. Оттиск из журнала «Русский филологический вестник», Варшава, 1901 г., стр. 198—226.

209. Его же. Песня Земфиры в «Цыганах» А. Пушкина и цыганская хора. «Известия отделения русского языка и словесности Академии наук», 1899 г., т. IV, кн. 1, стр. 301—304.

210. Его же. «Черная шаль» А. С. Пушкина и румынская (молдавская?— *Б. Т.*) песня. «Известия отделения русского языка и словесности Академии наук», 1906 г., т. II, кн. IV, стр. 372—373.

211. *Язвицкий В.* Кто был Кирджали, герой повести Пушкина.—«Голос минувшего», 1919 г., № 1—4, стр. 45—60.

212. *Якубович Д. П.* К стихотворению «Таится пещера...» (Пушкин и Овидий). «Пушкинский сборник памяти проф. Семена Афанасьевича Венгерова». М.—Л., 1923 г., стр. 282—294.

213. *Яковлев В. А.* Значение нашего края в жизни и деятельности А. С. Пушкина (речь). Одесса, 1887 г.

214. (Его же). Отзывы о Пушкине с юга России. Собрал В. А. Яковлев. Одесса, 1887 г.

а) *Мацеевич Л. С.* Из Кишинева о Пушкине, стр. 14—56. (Перепечатано из «Правды» за 23, 24, 27 мая 1880 года.).

б) *Мацеевич Л. С.* Кишиневские предания о Пушкине, стр. 57—83. (Перепечатано из «Исторического вестника», 1883 г., № 5, стр. 381—397.)

в) *(Тре(гу)бов А.* Пушкин и Людмила. И-зи (из воспоминаний кишиневского старожила), стр. 84—92. (Перепечатано из «Одесского вестника», 25 мая 1880 г., № 118.)

г) *М. З.* Кишинев, 21 мая (1880 г.), стр. 93—95. (Перепечатано из «Новороссийского телеграфа» 28 мая 1900 г., № 1576.)

д) *Г(оре).* Несколько слов об А. С. Пушкине, стр. 96—99.

е) *Гербановский Н.* Несколько слов о пребывании Пушкина в Кишиневе, стр. 100—109. (Перепечатано из «Новороссийских ведомостей» за 1896 г., № 51.).

215. *(Якушкин И. Д.).* Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якущкина. Редакция и комментарии С. Я. Штрайха. М., Изд. АН СССР, 1951 г. (и «Записки», Изд. 3-е, без перемены, СПб., 1905 г., стр. 48—52 и 135; М., 1925 г.).

216. *(Якушкин В.).* Новые издания текстов Пушкина. 1) Ма-

Пушкинский кабинет ИРЛИ

териалы для Академического издания сочинений А. С. Пушкина. Собрал Л. Н. Майков. 2) Профессор И. А. Шляпкин. Из неизданных бумаг Пушкина.— «Русские ведомости», 1903 г., № 66, стр. 2 и № 77, стр. 2—3.

217. Его же. Александр Сергеевич Пушкин. Новые издания его сочинений с января по август месяцы, 1877 г. — «Русская старина», 1887 г., декбарь, стр. 697—780.

218. Его же. Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве.— «Русская старина», 1884 г., апрель, стр. 87—110; май, стр. 325—354; июнь, стр. 533—572; июль, стр. 40—41; сентябрь, стр. 648.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Из истории «молдавской пушкинианы» 5

Глава I

«Бессарабия, известная в самой глубокой древности...» 26
1. «Великая эпоха России» 26
2. Подорожная Пушкина 31
3. «Про Кишинев и про себя» 34
4. «Домик Пушкина» 40
5. «Я дружбу знал...» 47
6. И. П. Липранди — кто же он? 56

Глава II

«Отчизне посвятим души прекрасные порывы...» . . 64
1. «Младые граждане кипят и негодуют» . . . 64
2. «Я был дружен с майором Раевским» . . 68
3. «Умный человек во всем смысле этого слова» 83
4. «Его теперешний конек — вечный мир...» . 86
5. «И память Каменки люблю...» . . . 89
6. «Я был масон в кишиневской ложе...» . 96
7. «Греция восстала...» 106
8. «Свободы воин» 116

Глава III

«Ум... вникает в дух народный» . . . 120
1. «Наскуча рабскою сохой...» . . 120
2. «И славой русскою полна...» . . 130
3. «Изучая народную жизнь...» . . 140
а) «Кто был этот «чиновник»? . . 148
б) «Пушкин полюбил меня...» . . 151

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Глава IV

«Здесь, лирой северной...». 155
1. «Я предпринял литературный подвиг» 155
а) «Мысль — истинная жизнь слова» 156
б) «Истинный романтизм» 167
2. «Герой того времени» 193
3. О народности в литературе 212
4. «Молдавская песня» 217
5. «Почва поэзии» 225
а) «И дружбе легкие послания пишу...» 229
б) «Я знал и труд и вдохновенье» 246
6. Кто был адресат эпиграммы «Князь Г.— со мною не знаком...» 253
7. «Пошли на стороне чужой испытывать судьбу иную» . 258
8. «Правдив и свободен их вещий язык» 266
9. «Опасные стихи» поэмы «Гавриилиада» 275
10. «Любить Россию... любить ее язык» 280
11. «Я могу творить» 285

Глава V

«Я оставил мою Молдавию» 288
1. «О Кишиневе я вздохнул» 288
2. «Цыганы шумною толпой по Бессарабии кочуют» . . 292
3. «Следы поэтические и прозаические» 300
4. «Кто такой Кирджали?» 309

Глава VI

«Твоей молвой наполнен сей предел» . . 324

Библиография к теме «Пушкин в Молдавии» . . 328

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Борис Алексеевич Трубецкой

Пушкин в Молдавии

РЕДАКТОР А. ЕДИНЕВСКАЯ.
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР Н. ТАРАСЕНКО.
ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР Д. ШЕХТЕР.
КОРРЕКТОР О. КОСМАТЫХ.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Сдано в набор 3/XII 1975 г. Подписано к печати 3/V 1976 г. АБ 01224. Формат 84×108 1/32. Бумага № 3. Печатных листов 18,27. Уч. изд. листов 18,62. Тираж 50 000. Цена в пер. № 7 с супером 1 руб. 03 коп; в пер. № 5 — 87 коп. Зак. № 1540.

Издательство «Картя Молдовеняскэ»
Кишинев, ул. Жуковского, 44.

Центральная типография Госкомиздата МССР, Кишинев, ул. Флорилор, 1.

Пушкинский кабинет ИРЛИ